

ISSN 2618-6950

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ
XX ОТКРЫТОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Санкт-Петербург, 17–21 апреля 2017 года

Научное электронное издание

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2018

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук К. Ю. Зубков,
канд. филол. наук О. В. Митренина,
А. Г. Мосинец, канд. филол. наук М. Л. Сергеев,
канд. филол. наук А. А. Степихов,
д-р филол. наук Е. В. Трощенко, Д. Н. Чердаков

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

3,6 Мб

Подписано к использованию 11.07.2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Кашникова Анна Ильинична. Лексико-семантическая группа глаголов улыбки в диахроническом рассмотрении (семантико-стилистический аспект).....</i>	11
<i>Галеева Татьяна Рашидовна. Гидронимы Камешковского района Владимирской области.....</i>	17
<i>Велькович Мария. Русские устойчивые сравнения с компонентом-мифологемой (лингвокультурологический аспект).....</i>	21
<i>Ван Илин. Средства выражения оценки в русском и китайском языках (на материале параллельных текстов).....</i>	26
<i>Ковалева Анна Андреевна. Языковые проявления категоричности в современном публичном дипломатическом дискурсе.....</i>	31
<i>Секиро Ольга Олеговна. Концепт «истина» в современном русском языковом сознании.....</i>	37
<i>Тупикова Зинаида Владимировна. Вопрос о «склеенном» концепте «Вина — Покаяние — Раскаяние — Сожаление».....</i>	43
<i>Загороднюк Антонина Алексеевна. «Что говорит! И говорит, как пишет...» Употребление конструкций с отглагольными существительными в русской разговорно-обиходной речи.....</i>	48
<i>Капустина Татьяна Дмитриевна. От сказанного отрекаюсь: функционирование формы «по идее» в роли рефлексива в устной спонтанной речи.....</i>	54
<i>Турчаненко Владимир Владимирович. «Там»-анализ: функционирование единицы в русской устной спонтанной речи.....</i>	60
<i>Наумова (Печёнкина) Анфиса Сергеевна. Далеко ли от «ну» до «ладно»?.....</i>	66
<i>Кудлаева Алёна Игоревна. О «пятом» и «десятом» в цифрах.....</i>	72
<i>Сунь Юй. Глаголы изменения количественного признака в русском языке (лингвометодический аспект).....</i>	78
<i>Реутова Майя Анатольевна. Наиболее распространенные произносительные ошибки при освоении русского языка как иностранного китайскоговорящими студентами.....</i>	83
<i>Порядина Юлия Владимировна, Черенцова Вера Дмитриевна. Лингвометодический потенциал телерекламы на занятиях РКИ.....</i>	88

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

<i>Коновал Елизавета Игоревна.</i> «Сораспятие со Христом» в «Житии протопопа Аввакума»: соединение бытового плана и евангельских сюжетов.....	94
<i>Дульцева Юлия Вячеславовна.</i> Личные имена в структуре повествования «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина: к постановке проблемы.....	100
<i>Кириллова Анна Игоревна.</i> К типологии женских образов в русской литературе эпохи романтизма.....	106
<i>Вожик Екатерина Игоревна.</i> Из истории понятия «дагерротипизм» в русской критике 1840-х гг.	112
<i>Кучмаренко Лилия Сергеевна.</i> Федор Павлович Карамзев как апофатическое утверждение философии старца Зосимы	117
<i>Инькова Екатерина Сергеевна.</i> «Онегинский миф» в рассказе А. П. Чехова «О любви».....	123
<i>Дровалева Наталия Алексеевна.</i> Поэтика портрета в лирике В. Я. Брюсова.....	129
<i>Воронина Софья Борисовна.</i> Миф как средство раскрытия внутреннего мира героя: мифопоэтика Евгения Замятина и Дэниела Киза («Мы» и «Цветы для Эджернона»).....	134
<i>Лян Вэйци.</i> Гностические мотивы в повести Михаила Булгакова «Дьяволиада»	140
<i>Зуева Елизавета Владимировна.</i> «Воронежские тетради» О. Э. Мандельштама как художественное целое	146
<i>Тенькова Лилия Геннадьевна.</i> Как менялся «Старик Хоттабыч» (о разных редакциях повести-сказки Л. Лагина).....	151
<i>Драничникова Юнона Сергеевна.</i> Заговор графа Эссекса и тайна смуглой леди (об одной новелле Ю. Домбровского).....	157
<i>Калашников Антон Александрович.</i> Дон Кихот в Барселоне: границы карнавалльно-смехового в «Дон Кихоте» Сервантеса	162
<i>Харланова Ксения Михайловна.</i> Великий термитник — Буэнос-Айрес: пространство мести в рассказах Х. Кортасара.....	167
<i>Кузнецов Артём Сергеевич.</i> Символизм жестяного барабана в одноименном романе Г. Грасса.....	173
<i>Токарев Клим Андреевич.</i> Постмодернистская концепция истории в романе Д. Делилло «Изнанка мира».....	179
<i>Краутман Виктория Андреевна.</i> Что такое сказки с «плохим концом» и почему их нормально рассказывать детям?.....	185
<i>Коноваленко Анастасия Алексеевна.</i> «У меня свой путик по грибы, по ягоды»: лес как локус деревенских нарративов и практик.....	191
<i>Красавина Евгения Михайловна.</i> Баня как коммуникативная площадка: люди и духи	198
<i>Поспелова Александра Андреевна.</i> «Я старой деревне хочу поклониться»: семантика поклона на современном деревенском празднике.....	206
<i>Трофимов Артём Евгеньевич.</i> Невод: сеть социальных отношений	212

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Кондюрин Иван Андреевич. Разрешение неоднозначности в однородных именных группах средствами онтологической семантики .....</i>	218
<i>Крюкова Анна Владимировна. Строковые методы автоматического определения семантической близости текстов на русском языке.....</i>	225
<i>Федюкова Екатерина Алексеевна. Компьютерная грамматика непосредственных составляющих и зависимостей для анализа предложений с неоднозначными обстоятельственными детерминантами.....</i>	231
<i>Плетнева Анастасия Дмитриевна. Исследование тональности в задаче автоматического определения типа автора .....</i>	237
<i>Рец Юлия Сергеевна. Особенности использования дискурсивных маркеров в организации художественного текста (на примере цикла рассказов Шолом-Алейхема «Тевье-Молочник») .....</i>	243
<i>Антохина Анастасия Олеговна. Особенности перевода художественного текста на финский язык (на примере рассказа А.П. Чехова «Нервы») .....</i>	249
<i>Лазарева Екатерина Сергеевна. Особенности языка финского и российского политических блогов.....</i>	255
<i>Щербаков Михаил Иванович. К вопросу о сравнении кино и литературы.....</i>	261

СЛАВИСТИКА

<i>Квашина Дарья Сергеевна. Восточнославянские названия месяцев, связанные с миром природы: общее и различное .....</i>	266
<i>Шестакова-Стукун Алёна Сергеевна. Польские пословицы с компонентом этнонимом «Żyd» (еврей), «Cygán» (цыган) (на материале сборника Ю. Кшижановского «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich») .....</i>	271
<i>Перич Кристина. Жизнь сербских пословиц в век интернета .....</i>	277
<i>Токаревских Софья Анатольевна. «Женское письмо» в рассказе Петры Соукуповой «Medūza» .....</i>	282
<i>Шершнев Сергей Сергеевич. «Wielki współczesny pisarz rosyjski»: Юрий Трифонов и Польша .....</i>	288

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

<i>Кудряшова Марина Николаевна. Метафоры-существительные в немецком молодежном сленге.....</i>	293
<i>Рыбакова Наталия Владимировна. Языковая игра как способ реализации коммуникативных установок в американском речевом общении.....</i>	299
<i>Токмаков Данила Вячеславович. Особенности языковой репрезентации погодно-климатических явлений (на материале англоязычных газет) .....</i>	306

<i>Маврина Елена Сергеевна. Окказиональное словообразование и его функции в романе Джеймса Джойса «Улисс» ("Ulysses").....</i>	313
<i>Найлз Вероника Давидовна. Лингвистические средства экспликации концептов "Art" и "Beauty" в сказке О. Уайлда «День рождения Инфанты» («The Birthday of the Infanta») .....</i>	317
<i>Шаньгина Полина Вадимовна. ИмPLICITные высказывания в английском драматургическом дискурсе (на материале британских пьес начала XXI века) .....</i>	323
<i>Холманская Екатерина Александровна. Термины-фразеологизмы в области интернет-рекламы .....</i>	329
<i>Иванова Анна Дмитриевна. Средства экспрессивного синтаксиса в русских и немецких юмористических интернет-текстах.....</i>	335
<i>Ильин Михаил Игоревич. Вербальные и невербальные составляющие воздействия в блоге: феномен цвета.....</i>	341
<i>Кондратенко Полина Игоревна. Высказывания с маркерами общеизвестности в сопоставительном аспекте (на материале статей из журналов «Zeitschrift für germanistische Linguistik» и «Вопросы языкознания») .....</i>	346
<i>Рычкова Анастасия Андреевна. О некоторых закономерностях метаязыка «Российской грамматики» М. В. Ломоносова в сравнении с переводом на немецкий язык («Russische Grammatick»).....</i>	352
<i>Афанасьев Владимир Алексеевич. Авторские и трансформированные пословицы в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» как переводческая проблема (на материале русских переводов) .....</i>	357
<i>Карева Мария Сергеевна. Проблемы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык (на примере перевода романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди») .....</i>	363
<i>Лифшиц Екатерина Вадимовна. Анализ лексических переводческих трансформаций в переводах романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» с помощью метода булевой алгебры .....</i>	370
<i>Иванова Анна Дмитриевна. Способы и проблемы перевода звукоподражательных слов на материале русского и немецкого языков .....</i>	376
<i>Павлова Ангелина Викторовна. Ребенок: инструкция по применению. О стратегиях перевода различных средств стилизации.....</i>	382
<i>Тимофеева Инна Олеговна. Приемы генерализации и конкретизации при переводе Nursery Rhymes.....</i>	388
<i>Губина Мария Сергеевна. Англо-русские терминологические эквиваленты в области локализации веб-сайтов.....</i>	393
<i>Оболдина Евгения Сергеевна. Полюса стратегии доместикации .....</i>	399

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

<i>Чернышева Влада Александровна. Залог или наклонение? .....</i>	406
---	-----

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Kashnikova Anna</i> . Lexical semantic group of 'smile' verbs in a diachronical review (the semantic-stylistic aspect)	11
<i>Galeeva Tatyana</i> . Hydronyms of Kameshkovskiy district, Vladimir region.....	17
<i>Velkovic Maria</i> . Russian stable comparisons with the component-mythologeme (cultural linguistics aspect)	21
<i>Wang Yiling</i> . Means of expression of evaluation in Russian and Chinese languages based on parallel texts	26
<i>Kovaleva Anna</i> . Language manifestations of categoricalness in contemporary public diplomatic discourse.....	31
<i>Sekiro Olga</i> . Concept of «truth» in modern Russian mentality.....	37
<i>Tupikova Zinaida</i> . The question of the «glued» concept of «Guilt–Penance–Repentance–Regret»	43
<i>Zagorodniuk Antonina</i> . «He's talking like a book! What is he talking about?» Constructions with verbal nouns in modern spoken Russian	48
<i>Capustina Tatiana</i> . <i>I Go Back On My Words</i> . On Usage of the Word Form «po idee» as a Reflexive in Spontaneous Speech	54
<i>Turchanenko Vladimir</i> . «Там»-analysis: the functional opportunities of a unit in oral spontaneous speech.....	60
<i>Naumova (Pechenkina) Anfisa</i> . Is it far from «ну» to «ладно»?	66
<i>Kudlayeva Alyona</i> . About «пятый» and «десятый» in figures.....	72
<i>Sun Yu</i> . Verbs of the quantitative characteristic change in the Russian language (linguistic and methodological aspects).....	78
<i>Reutova Maya</i> . The most common pronunciation mistakes during acquiring Russian as a foreign language by Chinese-speaking students	83
<i>Poriadina Iuliia, Cherentsova Vera</i> . TV commercial as a methodological instrument in teaching foreign language	88

LITERATURE AND FOLKLORE

<i>Konoval Elizaveta</i> . «Co-crucifixion» with Christ in «The Autobiography of the Archpriest Avvakum»: connection between routine details and the gospel plots.....	94
<i>Dultseva Yulia</i> . Characters' names in the narrative structure in «Letters of a Russian Traveler» by N. M. Karamzin: defining the problem.....	100
<i>Kirilova Anna</i> . To the typology of female images in the Russian literature of the Romantic era.....	106
<i>Vozhik Ekaterina</i> . From the History of the Concept of Daguerreotypism in Russian Literary Criticism of 1840s.....	112
<i>Kuchmarenko Liliia</i> . Fyodor Pavlovich Karamazov as apophatic approval of Zosima the Elder's philosophy.....	117
<i>Ingkova Ekaterina</i> . «The Myth of Onegin» in the Story «About Love» by A. Chekov.....	123
<i>Drovaleva Natalia</i> . The poetics of portrait in V. Y. Bryusov's lyrics.....	129
<i>Voronina Sofia</i> . Myth as a way of revealing character's inner world: mythopoetics of Yevgeny Zamyatin and Daniel Keyes («We» and «Flowers for Algernon»).....	134
<i>Liang Weiqi</i> . Gnostic motives in the novel by Mikhail Bulgakov «Diaboliad».....	140
<i>Zueva Elizaveta</i> . «Voronezh notebooks» as to be the artistic integrity.....	146
<i>Tenkova Liliya</i> . Changes of «Old Khottabych» (Different editions of the story by L. Lagin).	151
<i>Dranichnikova Yunona</i> . Essex's Rebellion and mystery of the Dark Lady (about one story of Juri Dombrovskiy).....	157
<i>Kalashnikov Anton</i> . Don Quixote in Barcelona: the confines of the carnivalesque in <i>Don Quixote</i> by Miguel de Cervantes.....	162
<i>Kharlanova Kseniya</i> . Buenos Aires as a great termitary: the space of revenge in the short stories by Julio Cortázar.....	167
<i>Kuznetsov Artem</i> . The symbolism of the tin drum in the novel of G. Grass.....	173
<i>Tokarev Klim</i> . Postmodern concept of history in D. Deillo's «Underworld».....	179
<i>Krautman Viktoriya</i> . What are the fairy tales with a «bad ending»? Why is it normal to tell these stories to children?.....	185
<i>Konovalenko Anastasiya</i> . «There is my own <i>putik</i> for gathering mushrooms and berries»: forest as locus of village narrations and practices.....	191
<i>Krasavina Evgenia</i> . Bath as a space of communication: people and supernatural beings..	198
<i>Pospelova Alexandra</i> . «I want to bow to the old village»: bowing semantics at a modern village festival.....	206
<i>Trofimov Artyom</i> . Seine: the Net of Social Relations.....	212

GENERAL LINGUISTICS

<i>Kondyurin Ivan</i> . Syntactic disambiguation in homogeneous noun phrases using ontological semantics.....	218
<i>Kriukova Anna</i> . String measures for computing semantic similarity of texts in Russian	225
<i>Fedyukova Ekaterina</i> . Immediate constituent and dependency computational grammar for the analysis of sentences with ambiguous adverbial determinants.....	231
<i>Pletneva Anastasiia</i> . The study of sentiments applied to the automatic detection of an author's type	237
<i>Rets Julia</i> . The role of discourse markers in the structure of literary text (on the example of «Tevye the Dairyman» by Sholem-Aleichem).....	243
<i>Antokhina Anastasiia</i> . Peculiarities of translating a literary text into Finnish (through the example of the narrative «Nerves» by A. Chekhov).....	249
<i>Lazareva Ekaterina</i> . Characteristics of the language used in Finnish and Russian blogs.....	255
<i>Shcherbakov Mikhail</i> . To the question of comparison cinema and literature	261

SLAVIC PHILOLOGY

<i>Kvashnina Daria</i> . Similarities and differences of the East Slavic nominations of months connected with the natural world	266
<i>Shestakova-Stukun Alena</i> . Polish proverbs with the component-ethnonym «Żyd», «Cygan» (based on the material of the dictionary of J. Krzyżanowski «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich»).....	271
<i>Peric Kristina</i> . The situation with Serbian proverbs in the Internet era	277
<i>Tokarevskikh Sofia</i> . «Women's writing» in Petra Soukupová's story «Medúza».....	282
<i>Shershnev Sergey</i> . «Wielki współczesny pisarz rosyjski»: Yuri Trifonov and Poland.....	288

ROMAN AND GERMANIC PHILOLOGY

<i>Kudriashova Marina</i> . Metaphorical nouns in German youth slang.....	293
<i>Rybakova Nataliia</i> . Language play as a way of communicative reference realization in American communicative behavior	299
<i>Tokmakov Danila</i> . Features of language representation of weather conditions in English online newspapers.....	306
<i>Mavrina Elena</i> . Nonce words formation and its functions in <i>Ulysses</i> , a novel by James Joyce	313
<i>Niles Veronika</i> . Linguistic Means of Representation of the Concepts «Art» and «Beauty» in Oscar Wilde's Fairy Tale «The Birthday of the Infanta».....	317

<i>Shangina Polina</i> . Implicit utterances in English dramatic discourse (based on British plays from the beginning of the 21 st century)	323
<i>Kholmanskaya Ekaterina</i> . Phraseological terms in the field of Internet advertising	329
<i>Ivanova Anna</i> . The means of expressive syntax in Russian and German comic online text	335
<i>Ilin Mikhail</i> . Verbal and non-verbal components of influence in a blog: the phenomenon of color	341
<i>Kondratenko Polina</i> . Utterances with common knowledge markers in scientific linguistic contexts (considered on the articles published in «Zeitschrift für germanistische Linguistik» and «Issues of Linguistics»).....	346
<i>Rychkova Anastasiia</i> . On some metalanguage regularities of the «Russian grammar» of Mikhail Lomonosov in comparison with the translation into German («Russische Grammatik»).....	352
<i>Afanasev Vladimir</i> . The Invented and Transformed Proverbs in the Novel «The Lord of the Rings» by J. R. R. Tolkien as a Translation Problem (based on the novel's Russian Translations).....	357
<i>Kareva Mariia</i> . Problems of translating Russian non-equivalent words into English (based on Fyodor Dostoyevsky's novel «Poor people» and its English translation by Hugh Aplin).....	363
<i>Lifshits Ekaterina</i> . Lexical transformations in English translations of M. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» using the Boolean algebra method	370
<i>Ivanova Anna</i> . Strategies and problems of onomatopoeia translation (a case study of German and Russian).....	376
<i>Pavlova Angelina</i> . The Baby Owner's Manual. About translation strategies of different types of stylization.....	382
<i>Timofeeva Inna</i> . Generalization and specification in Nursery Rhymes translation	388
<i>Gubina Maria</i> . English and Russian Terminological Equivalents in Website Localization....	393
<i>Oboldina Evgenia</i> . Poles of the strategy of domestication	399

FROM CLASSICAL PHILOLOGY TO NEO-HELLENISM

<i>Chernysheva Vlada</i> . Voice or mood?	406
---	-----

РУССКИЙ ЯЗЫК

Кашиникова Анна Ильинична

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

Kash_anua@mail.ru

Научный руководитель – Д. Н. Чердаков, ст. преп.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГЛАГОЛОВ УЛЫБКИ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ (СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, глаголы улыбки, историческая лексикология, семантические изменения.

Предметом описания в статье является лексико-семантическая группа глаголов улыбки, осуществляется анализ особенностей функционирования глаголов, входящих в данную лексико-семантическую группу, в древнерусских (XI–XIV вв.) и старорусских (XV–XVII вв.) памятниках, а также проводится краткий обзор дальнейшего развития значения и употребления этих глаголов в истории русского языка.

Kashnikova Anna

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

LEXICAL SEMANTIC GROUP OF 'SMILE' VERBS IN A DIACHRONICAL REVIEW (THE SEMANTIC-STYLISTIC ASPECT)

Keywords: lexical semantic group, 'smile' verbs, historical lexicology, semantic change.

This paper describes the lexical semantic group of 'smile' verbs in the history of the Russian language. The typical functioning features of these verbs in the Old Russian texts and Russian texts of 15th–17th centuries are analyzed. The article also discusses the dynamics of semantic changes of these lexemes and quantitative changes in the lexical semantic group in general.

Вводные замечания

По письменным памятникам в древнерусский и старорусский периоды лексико-семантическая группа (далее — ЛСГ) глаголов улыбки состоит из двух лексем: *склабитися* и *улыскатися*. Согласно этимологическим данным, оба глагола имеют славянское происхождение. Стоит отметить, что в целом в исследованных древнерусских

и старорусских текстах обнаруживается довольно ограниченное количество фрагментов, содержащих данные лексические единицы.

Источниками материала исследования послужили авторитетные ресурсы с функцией автоматического поиска: Национальный корпус русского языка (исторический подкорпус и подкорпус XVIII–XIX вв.), Библиотека литературы Древней Руси Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, ресурс «Рукописные памятники Древней Руси», а также отдельные авторитетные издания памятников.

Признавая сложность четкого разделения материала на древнерусский и старорусский периоды, следует подчеркнуть, что граница между этими периодами не является жесткой.

Семантико-стилистическая характеристика глагола *осклабитися*

Глагол *склабитися*, по мнению М. Фасмера и П. Я. Черных, восходит к общеславянскому корню **skelb / skolb* и родствен древнеисландскому *skélpa* в значении ‘тримаса’, ‘трещина’. Глаголы с этим корнем сохраняются в других славянских языках в значении ‘ухмыляться’ (ср. чеш. *šklebit se* и словц. *skl'abit' sa*). И. И. Срезневским отмечена форма и с полногласным корнем (*осколобление / осколыбление*) в Хронике Георгия Амартола в списке XVI в. М. Фасмер также отмечает полногласный вариант данного глагола в украинском языке (*сколобити* в значении ‘мучить’).

В содержательном плане для глагола *осклабитися* наиболее характерны контексты, связанные с христианской тематикой (агиографический жанр либо фрагменты дидактической направленности), например:

«То же услышавъ богодѣхновеный отьць нашъ Феодосий, **осклабивъся лицьмь** и мало просльзивъся глаголетъ тому: “Ей, чадо! Будеть ти, яко же ти ся обща ангель, явивъся въ образѣ моемъ. Азь же, грѣшный, како могу общьникъ быти славы оная?”» (Житие Феодосия Печерского, XI в., сп. XII–XIII вв.).

В приведенном эпизоде повествуется о божественном видении молодого послушника, а далее приводится реакция на это монаха Феодосия, который является здесь субъектом улыбки. Как видим, глагол употреблен с положительными коннотациями: улыбка сопровождает некое священное и вызывающее трепет событие. Стоит также отметить, что лексема в данном случае представлена в со-

ставе фразеологически связанного сочетания (с прибавлением сущ. *лицьмъ*).

Ср. еще один пример:

«Любовь равну имѣя къ всѣмъ человеком, никогда же къ ярости себе, ни на претыкание, ни на обиду, ни на слабость, ни на смѣх; но аще и **усклабитися** хотящу ему, — нужна бо и сему быти приключается, — но и то с цѣломудрием зѣло и съ въздрѣжанием» (Житие Сергия Радонежского, XV в., сп. XVI в.).

Подобный эпизод также является типичным для агиографического жанра: при описании отрочества святого говорится о его воздержании в поведении и следовании христианским заповедям. Здесь лексема, означающая улыбку, обнаруживает минимальную степень проявления эмоции, что также подчеркивается контекстом с *цѣломудрием зѣло и съ въздрѣжанием*.

Реже глагол *осклабитися* может применяться и для отрицательной характеристики человека. Частотное в Древней Руси описание злой жены включает лексему улыбки как компонент негативной оценки, признак сладострастия, и, таким образом, здесь причастие от глагола *склабитися* наделяется отрицательной коннотацией:

«Таковая жена мужу своему во стретение изыдет, ланитами **склабящися** и нравом уничижающися, и за руце мужа принимающе...» (Беседа отца с сыном о женской злобе, XVII в., сп. XVII в.).

В целом, проанализировав употребление этого глагола, можно сделать выводы о том, что он чаще употребляется в сочетании с сущ. в тв. падеже или с зависимыми обстоятельствами со значением меры (*одѣва, мало, съ въздрѣжанием*) и преимущественно встречается в непереводных памятниках.

Семантико-стилистическая характеристика глагола улыскатися

По поводу этимологии глагола *улыскатися* существует несколько мнений. Так, Черных возводит данный глагол к корню *-лоск-* (ср. глагол *лосниться*), по его мнению, *улыскатися* первоначально значило 'сверкать, блестеть зубами'. Фасмер не считает такую связь вероятной и считает, что глагол *улыскатися* образован от глагола *лыскать* в значении 'лстить'. В. Махек считает *улыскатися* интенсивом от глагола *улыбаться*, образованным с помощью элемента *-ск*, а в ЭССЯ данный глагол возводится к индоевропейскому корню

**lei-* в значении 'драть', и для глаголов улыбки в целом предполагается устойчивая семантическая модель: переход от значения 'колоть, раскалывать, раздирать' к значению 'улыбаться'.

Что касается функционирования лексемы *улыскатися* в текстах, следует отметить, что этот глагол чаще употребляется при описании реакции значимого для повествования лица (старца, ангела, царя) на что-либо:

«Рече ему уноша, **улыскаяся лицемъ**», «цъсарь же **улыснувся**, выня ис пазухы своя нѣчто узрачье» и т. п. (Житие Андрея Юродивого, XI в., сп. XIV в.);

«си слышавъ александръ, **оулыснуса** и рече к посланным старцемъ», «**оулыснувся** александръ, рече ему», «онъ же не разгнѣвася, но **оулыснуса**» (Александрия, XV в., сп. XVII в.).

Менее частотными являются контексты, содержащие характеристику поведения какого-либо лица:

«**оулыскающе** же **ся** **лицемъ** яко веселящася к себѣ сама глаголаста», «явися ему въ снѣ рабъ божи **оулыскаяся лицемъ**» (Житие Андрея Юродивого, XI в., сп. XIV в.).

Для данного глагола характерным является более свободное синтаксическое употребление и встречается он преимущественно в переводных памятниках.

Сопоставив особенности функционирования обеих лексем, можно предположить, что эти глаголы имеют тождественное значение, что подтверждается вхождением их в состав одного фразеологически связанного сочетания (*осклабитися лицемъ / улыскатися лицемъ*), наличием обоих вариантов при включении одной и той же цитаты из Ветхого Завета в текст памятника, возможностью употребления обеих лексем при переводе одного греческого эквивалента *μειδιάω*, означающего улыбку, ср.:

«Боголишивый же смѣхъмъ възнесеть гласъ свои, мужъ же мудръ одъва **осклабитъ ся**» (Изборник 1076 года, XI в., сп. XI в.);

«Буявый въ смѣхъ възноситъ глас свой, мужъ же мудръ едва с кротостью **улыснетъся**» (Пчела, XIII в., сп. XIV в.).

Также следует отметить, что в целом в рамках изученного материала для глагола *осклабится* отмечается более высокая частотность, а в отношении глагола *улыснутися* прослеживается тенденция к снижению частоты употреблений.

Дальнейшее развитие ЛСГ глаголов улыбки

Стоит подчеркнуть, что глагол *улыснутися*, начиная с XVIII в., уже не является фактом живого языка и перестает входить в данную ЛСГ, так как он не отражен в словарях XVIII в., а фиксируется только в Словаре 1847 г. с пометой «гл. об. Церк.» и иллюстрирующими цитатами из древнерусских памятников.

Вместо этого глагола в ЛСГ глаголов улыбки входит лексема *улыбаться*, а также глаголы *усмехаться* и *ухмыляться*. Широкое употребление глаголов *улыбаться* и *усмехаться*, согласно данным НКРЯ, начинается с 60–70-х гг. XVIII в., а лексемы *ухмыляться* — с начала XIX в. В словарях глагол *ухмыляться* фиксируется начиная со Словаря 1847 г. Следует отметить, что в словарях, отражающих лексику XVIII в., значения данных глаголов никак семантически не дифференцируются.

Можно предположить, чем обусловлено такое позднее вхождение, казалось бы, привычных глаголов улыбки в письменные тексты.

Глагол *улыбаться*, по мнению В. В. Виноградова, является севернорусизмом в составе литературного языка XVIII в. [Виноградов, 1994, с. 251] (В. И. Даль фиксирует употребление этого слова в новгородских и тверских говорах.) По мнению ученых, он родственен древнерусскому слову *лѣбъ* в значении ‘череп’ с удлинением вокализма корня. Также отмечается, что развитие значения носило первоначально экспрессивный характер, т. е. раннее значение глагола, скорее всего, было ‘скалиться, подобно черепу’.

Виноградов в связи с этим отмечает, что в литературном языке XVIII в. глагол *улыбаться* — это слово простого и среднего стилей. В высоком стиле его в этот период заменяет глагол *осклабиться*, употребляющийся в том же значении.

Вероятно, и глагол *ухмыляться* в русском литературном языке XVIII в. не выходит за пределы простого слога. Об этимологии данной лексемы пишет только Фасмер, он отмечает его родство со средне-верхне-немецким *smollen* ‘недовольно молчать, улыбаться’.

Что касается лексемы *усмехаться*, то она далеко не сразу стала входить в синонимический ряд глаголов улыбки, так как долго имела оттенок ‘издеваться, насмехаться’. В таком значении этот глагол встречается в древнерусских и старорусских текстах:

«И еще же и о хоудости ризньѣ мнози от невѣгла **оусмихающесея**, томоу роугахоутся» (Житие Феодосия Печерского, XI в., сп. XII–XIII вв.)

Важно также подчеркнуть, что в ЛСГ глаголов улыбки входят и глаголы, сфера употребления которых ограничена только разго-

ворной либо диалектной речью. Это лексемы *лыбиться*, *скалиться* и *щериться*, которые, скорее всего, тоже являются древними, но просто не фиксируются в письменных текстах.

В словарях, описывающих лексику XIX в., для данных глаголов фиксируются более дифференцированные толкования (появляются уточнения «слегка», «самодовольно», «с иронией»), а для глагола *улыбаться* начинает фиксироваться переносное значение 'благоприятствовать, способствовать чьим-н. успехам'.

Зафиксированные в этот период толкования сохраняются и в словарях XX века. Следует отметить, что и в Большом, и в Малом академических словарях не отмечается коннотаций для глагола *осклабиться*, однако уже в словаре С. И. Ожегова (2012 г.) и в Большом толковом словаре С. А. Кузнецова этот глагол отмечается как разговорный либо просторечный (в противоположность ранним периодам).

Таким образом, ЛСГ глаголов улыбки практически полностью изменяет свой состав с течением времени (по крайней мере, в письменных текстах) и характеризуется незначительными изменениями в семантической структуре лексем (самые ощутимые преобразования происходят с глаголом *осклабиться*, который полностью изменяет свою стилистическую окраску по сравнению с ранними периодами, и также с глаголом *улыбнуться*, который утрачивает первоначальную экспрессию и становится ядром лексико-семантической группы с нейтральным значением).

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, 1994 — Виноградов В. В. История слов. М., 1994.
- Словарь 1847 г. — Словарь церковнославянского и русского языка / составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 3–4. СПб., 1847.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 2–3. СПб., 1902–1912.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3–4. М., 1986.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 1999.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 16. М., 1990.

Галеева Татьяна Рашидовна

Владимирский государственный университет (ВлГУ),

Владимир, Россия

tatyana.galeeva.97@mail.ru

Научный руководитель – М.В. Пименова, д-р филол. наук

ГИДРОНИМЫ КАМЕШКОВСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: топонимика, гидронимы, культура, язык.

Статья посвящена одному из малоизученных видов топонимов Владимирского края – гидронимам (81 единица). Представлена их лексико-семантическая классификация с точки зрения отражения в наименовании природно-географических особенностей ландшафта и связей с человеком и его деятельностью. В результате исследования выявлены гидронимы с диалектными корнями, а также гидронимы финно-угорского происхождения.

Galeeva Tatyana

Vladimir State University (VLSU),

Vladimir, Russia

HYDRONYMS OF KAMESHKOVSKIY DISTRICT, VLADIMIR REGION

Keywords: place names, hydronyms, culture, language.

The article is devoted to one of the least studied types of toponyms in the Vladimir region – hydronyms (81 units). A lexical-semantic classification of the hydronyms from the point of view of the reflection of the natural and geographical features of the landscape and connections with people and their activities in the hydronyms is presented. The hydronyms with dialectal roots as well as hydronyms with Finno-Ugric roots are also distinguished.

Введение

Цель работы: анализ гидронимов Камешковского района на территории Владимирской области. Основными задачами исследования являются следующие: сбор материала названий водных объектов, их лексико-семантическая классификация, выявление глубинных ассоциативно-культурных связей анализируемого вида топонимов. Источниками исследования послужили географические карты, содержащие наименования водных объектов региона, этимологический и толковый словари, а также эрзянско-русский словарь.

Актуальность исследования предопределена недостаточной изученностью гидронимии Владимирского края (имеются исследования наименований водных объектов лишь одного — Муромского — района). При анализе материала использовались описательный, семантический, сравнительно-сопоставительный методы, а также приемы статистического анализа.

Теоретическая основа изучения гидронимов

Начнем нашу статью со слов Э. М. Мурзаева: «...самым трудным для выяснения этимологии оказываются названия рек. Они менее подвержены эрозии времени, нередко имеют большой возраст, а потому и нелегко восстановить их первичную форму и содержание» [Мурзаев, 1985, с. 3].

Владимирский край имеет большой возраст, со многими населенными пунктами связаны исторические события в России. Человек сталкивается с проблемой — невозможностью определения истории того или иного населенного пункта и водного объекта, а также принципом их номинации. Все эти проблемы входят в топонимику. Гидронимы — один из классов топонимов — названия водных объектов (рек, озёр, морей, заливов, проливов, каналов и т. п.) [Подольская, 1978, с. 45].

На территории Камешковского района Владимирской области находится 81 водный объект, среди которых: реки (19), озера (49), пруды (5), ручьи (5), проливы (2) и болота (1). Определить принцип номинации нам удалось лишь у 58 наименований.

Типы номинации гидронимов Владимирской области

П. П. Альдингером [Альдингер, 2012] была разработана лексико-семантическая классификация, в основе которой лежит два признака: отражение в наименовании природно-географических особенностей ландшафта и связей с человеком и его деятельностью. Данную классификацию мы взяли за основу нашего исследования. Первый признак отражен в следующих лексико-семантических группах гидронимов:

1. Гидронимы, в основе которых лежат географические термины (термины, связанные с названием притоков, живности и растительности, находящейся в водном объекте): *оз. Малое Урсово (урсо 'приток реки')*.

2. Гидронимы, указывающие на отдельные признаки гидрообъектов. К таким признакам относятся:

- качество воды: оз. *Тиновци*, оз. *Холодное*, р. *Нерль* (название финно-угорского происхождения, есть мнение, что финно-угорское «нэр, нур, нор, нюр» означает «болото, заболоченное озеро»), р. *Тальша* (образовано от русского слова «талища» «незамерзающий родник, ручей»), р. *Пекиша* (вероятно, из эрзянского *пекшее* «липа» — вода липнет к телу), оз. *Красное* (богато рыбой, *красное* «красивое»), оз. *Карасево*, оз. *Глушица* (*глушь* в значении «вонь»), р. *Серебрянка* (сравнение с серебром);
- размер и форма гидрообъекта: оз. *Долгое*, оз. *Малое Урсово*, оз. *Витное*, оз. *Рассоха* (*соха* также «подпорка», «развилка», «подпирающий ограду», др.-русс. *соха* «кол, дубина, подпорка, соха, мера площади»);
- характер берегов и дна: р. *Клязьма* (вторая часть в слове — искаженное *сима* «граница, край, кромка»; имеет также значение «клятвенная граница»), оз. *Каменное*, р. *Ступинка* (река спускается уступами);
- указание на местоположение водного объекта: р. *Увось* («место, близкое к воде»), оз. *Запольское*, оз. *Заборное*, пруды *Больничные*, оз. *Войхра* (название образовано от финно-угорского *вой* «выть», «кричать» и *хра* или *храк* «кабан»), р. *Секша* (*сечь* «пересекать территорию»);

3. Гидронимы, содержащие эмоционально-оценочную характеристику гидрообъекта: оз. *Великое*, оз. *Свято*, оз. *Витное* («парить», «обитать»), р. *Тальша* (возможно, восходит к араб. *tolisman* «посвящение, чары, заклинание»).

Второй признак — связь с человеком и его деятельностью — отражают наименования следующих гидронимов:

1. Гидронимы, связанные с хозяйственной деятельностью людей: оз. *Монастырское* (расположено рядом с монастырем), пруд *Мельничный*, оз. *Заводное*, оз. *Бубново* (название из *бубнить* «барабанить», суффиксальное производное от *бубен*).
2. Гидронимы, образованные от топонимов: оз. *Камешковское*, пруд *п. Мирный*, пруд *п. Эдемского*, оз. *Дарьино* (по имени первопоселенца), пролив *Ефимовка*, оз. *Карякиновка*.

Выводы

Выявлено, что наименования гидронимов Камешковского района Владимирской области отражают особенности географического положения, исторического развития, а также присутствие на данной территории в прошлом разных этносов. Анализ названий водных объектов показал, что в основу гидронимики исследуемого региона входят гидронимы финно-угорского и диалектного происхождения, также замечены иноязычные заимствования, что говорит о том, что на территории Камешковского района проживали многие национальности и народы.

ЛИТЕРАТУРА

- Альдингер, 2012 — *Альдингер П. П.* Гидронимия бассейнов Днепра и западной Двины на территории Смоленской области. Смоленск, 2012.
- Мурзаев, 1979 — *Мурзаев Э. М.* География в названиях. М., 1979.
- Подольская, 1978 — *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

Велькович Мария

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

marijaveljkovic.ru@gmail.com

Научный руководитель – Ю.А. Кузнецов, канд. филол. наук

РУССКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ-МИФОЛОГЕМОЙ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: устойчивое сравнение, мифологема, лингвокультурология, языковая картина мира.

Статья посвящена описанию национально-культурных характеристик русских устойчивых сравнений с компонентом-мифологемой, входящих в инвариантную часть русской языковой картины мира. Приводится общий состав и классификация материала, а также лингвокультурологический анализ устойчивых сравнений с эталоном «ангел».

Velkovic Maria

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

RUSSIAN STABLE COMPARISONS WITH THE COMPONENT-MYTHOLOGEME (CULTURAL LINGUISTICS ASPECT)

Keywords: stable comparison, mythologeme, cultural linguistics, language picture of the world.

The article describes some national and cultural characteristics of Russian stable comparisons with a mythologeme component, which are included in the invariant part of the Russian language picture of the world. The paper provides a composition and classification of the material, as well as a linguistic and cultural analysis of the stable comparisons with the component «angels».

В статье рассмотрены национально-культурные особенности русских устойчивых сравнений с компонентом-мифологемой. Наше внимание к подобному типу устойчивых сравнений (далее — УС) определяется высокой частотностью их использования в речи, литературе и публицистике, а также тем, что вследствие своей национально-культурной обусловленности данные единицы нередко

представляют собой определённую сложность при обучении русскому языку как иностранному.

Материалом для исследования послужили данные словарей сравнений русского языка [Мокиенко, 2003; Огольцев, 2001], а также данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. В результате сплошной выборки мы выделили 58 устойчивых сравнений русского языка с разными эталонами сравнений, которые вошли в три группы:

а) Фольклорные персонажи. Это узко-национальные персонажи, закреплённые в нашем сознании ещё с детства. В данную группу входят такие мифологемы, как *ведьма, домовой, змий, кикимора, колдун, Кощей, фея, русалка*. Например: *Страшная (безобразная) как ведьма* («Об очень некрасивой, безобразной, крайне уродливой женщине») [Мокиенко, 2003, с. 55]; *Волосы у кого как у русалки* («О длинных, гладких и свободно ниспадающих на плечи женских волосах») [Мокиенко, 2003, с. 148].

б) Персонажи, берущие начало в христианской традиции. Эта группа является наиболее многочисленной. Это можно объяснить тем, что более тысячи лет Библия и христианство являются неотъемлемой частью ментальности большинства славян. Кроме того, некоторые персонажи частотны в русском фольклоре, литературе, искусстве. Это такие мифологемы, как *ад, ангел, ангелочек, бес, бесёнок, Бог, демон, дьявол, Иисус Христос, Иуда, рай, сатана, чёрт, чертёнок, чёртик*. Ср. следующие УС: *Вести себя как бесёнок* («О резво и шаловливо, чересчур подвижно ведущем себя ребёнке») [Мокиенко, 2003, с. 32]; *Смотреть (глядеть) на кого как на Бога* («О чувстве исключительного почитания, пиетета, обожания, поклонения по отношению к кому-л.») [Мокиенко, 2003, с. 37].

в) Персонажи из античной мифологии. Древняя античная культура оказала большое влияние на всю европейскую культуру, в том числе на культурное развитие славян. Таким образом, становится ясно, почему в русской языковой картине мира нередко встречаются существа из античной мифологии. Чаще всего в русском языке употребляются устойчивые сравнения со следующими компонентами-мифологемами: *богиня, Венера, Аполлон, Тантал, Феникс*. Например: *Прекрасна как Венера* («Об идеально, классически красивой и прекрасно сложенной женщине.») [Мокиенко, 2003, с. 57]; *Восстать (возродиться, возникнуть) как [птица] феникс из пепла* (о людях, народе, стране и т. п., обладающих неистребимой жизненной способностью неожиданно и бурно развиваться, исключительно быстро восполнив утраты) [Мокиенко, 2003, с. 456].

В качестве примера приведем описание семантики УС с компонентом-мифологемой «ангел». Данная мифологема выступает в качестве эталона сравнения. Из словарей устойчивых сравнений русского языка мы отобрали 12 УС с названным эталоном, из которых 8 УС из словаря В. М. Мокиенко:

- (1) *Мила (прекрасна, прелестна) как ангел (небесный)* — Об очень миловидной, идеально красивой девушке, молодой женщине.
- (2) *Невинный (чистый, чист) как ангел* — а) Об абсолютно невинном, безгрешном, неиспорченном человеке; б) (Редко. Ирон. или шутл.) О непорочной девице.
- (3) *Как ангел* — а) О нежном и миловидном (обычно молодом) человеке (мужчине или женщине); б) Об очень кротком, послушном, добросердечном человеке; в) Об абсолютно невинном, безгрешном, неиспорченном человеке.
- (4) *Вид у кого как у ангела* — а) О человеке с нежным, миловидным, ласково-покойным лицом; б) О человеке кроткого, послушного, покорного, смиренного нрава; в) О человеке с невинным, безгрешным видом.
- (5) *Как будто тихий ангел пролетел* — О внезапно наступившей тишине.
- (6) *Голос у кого как у ангела* — О чьём-л. очень приятном, чистом, нежном и ласковом голосе.
- (7) *Добр (добрый) как ангел* — Об идеально добром, сердечном, приветливом и ласковом человеке.
- (8) *Кроткий как ангел* — Об очень кротком, послушном, покорном и робком человеке [Мокиенко, 2003, с. 16-17].

В словаре В. М. Огольцева зафиксированы четыре УС:

Как (словно, точно) ангел (ангелочек) —

- (1) Красивый(-ая), миловидный(-ая), прекрасный(-ая), прелестный(-ая);
- (2) Добрый(-ая);
- (3) Чистый(-ая), невинный(-ая), безгрешный(-ая);
- (4) Кроткий(-ая) [Огольцев, 2001, 32-33].

В данных словарях УС русского языка встречаются единицы, которые достаточно редко употребляются в современной речи, а некоторые из них и вовсе не употребляются, что показали данные На-

ционального корпуса русского языка. В результате работы с НКРЯ мы смогли установить частотность использования УС с компонентом-мифологемой, а также выявить, встречаются ли в современной речи сравнения с названными компонентами, отсутствующие в словарях.

Анализ примеров из НКРЯ выявил набор качеств человека, которые олицетворяют эти сравнения. В результате рассмотрения примеров употребления УС с эталоном «ангел» мы определили, что:

- 1) Среди УС с компонентами «как», «словно», «будто» наиболее частотными являются УС, содержащие в своей структуре слово «как»;
- 2) УС с эталоном «ангел» в современном русском языке используются в основном по отношению к человеку (редко по отношению к животным и неодушевлённым предметам). Например, для описания:
  - а) внешности:

Положительное, как правило, впечатление о внешности человека передают УС с основаниями «милый (-ая)», «прекрасный (-ая)», «прелестный (-ая)», «красивый (-ая)» и т. п. Примеры: *Незнакомка была прелестна как ангел; В той башне, высокой и тесной, царица Тамара жила, прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла; Анечка была красивой и нежной как ангел;*

- б) черт характера:

Черты характера человека описывают УС с эталоном «ангел» в сочетании с такими определениями, как «хороший (-ая)», «чистый (-ая)», «добрый (-ая)», «кроткий(-ая)» и т. п. Примеры: *Не правда ли, что он хорош, как ангел? Накануне начальник бывал добр как ангел и подписывал любые бумаги; Как кроткие ангелы, сидели вокруг меня и смотрели в мои глаза и закоренелые преступники, и люди, так или сяк попавшие в Академию, так сказать, обнажённой жизни; Мы были чисты перед начальством и перед Москвой — как ангелы;*

- в) поведения:

Для описания поведения чаще всего употребляются УС с вышеупомянутым эталоном в сочетании с глаголами: «летать», «обрушаться», «парить», (неожиданно) «появляться», «петь», «играть». Примеры: *Голос Лиды летел ввысь и взвивался, как ангел; И вдруг, как ангел-хранитель, появился этот немец; Её старый слепой дядя садился поближе к очагу, слушал песни и плакал, а соседи, проходя мимо покосившегося домика Броунов, жалели девушку: видно, так*

и останется вековойшей, хоть и хороша собой, и добра, и работает за троих, да к тому же **поёт, как ангелы** в раю.

В названных УС компонент «ангел» часто употребляется в следующих сочетаниях: «ангел-хранитель» (наиболее частотно), «божий ангел», «ангел небесный», «ангел-спаситель», «падший ангел», «опальный ангел». Примеры: *Никита Сергеевич уселся под собственным портретом, рядом с ним, как два ангела-хранителя, стояли Малиновский и Громыко; Лучшие всего выглядели в них мальчики — совсем как ангелы Божии!*; *Старший оперуполномоченный ОБЭП Саша Воробьев появился в вестибюле казённого милицейского дома, как ангел-спаситель; Вот это двойственное положение и делало писарей существами странными, прекрасными и вместе с тем жалкими, как падшие ангелы, сосланные в наказание с неба на землю.*

Следует отметить, что наличие крыльев в качестве внешней характеристики ангела зафиксировано в современном русском языковом сознании и достаточно часто встречается в УС с данным компонентом. Например: *Как будто ангел протёр над нами охраняющие крылья.*

Анализ русских УС с компонентом «ангел» показал, что данные сравнения составляют значительное по количеству фразеологическое объединение, входящее в ядерную часть концептосферы русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Мокиенко, 2003 — Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Огольцев, 2001 — Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.

Ван Илин

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

uesoso@yandex.ru

Научный руководитель – М.Д.Воейкова, д-р филол. наук

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)

Ключевые слова: семантика оценки, эксплицитное и имплицитное выражение, функционально-семантическое поле.

В соответствии с принципами функциональной грамматики А.В.Бондарко мы пытаемся описать систему средств выражения оценки в русском и китайском языках и сравнить речевые реализации этих систем на материале параллельных текстов. Оценка не может считаться функционально-семантическим полем, так как она не опирается на морфологические средства.

Wang Yiling

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

MEANS OF EXPRESSION OF EVALUATION IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES BASED ON PARALLEL TEXTS

Keywords: semantics of evaluation, explicit and implicit expression, functional-semantic field.

In accordance with the principles of A.V.Bondarko's Functional Grammar, we try to describe the system of means to express evaluation used in Russian and Chinese and to compare the implementation of these systems in parallel literary texts. Evaluation cannot be considered a functional-semantic field, as it does not rely on morphological means.

Оценка как отражение ценностных ориентаций является универсальной категорией. Английские лингвисты Дж.Томпсон и С.Ханстон полагают, что оценка — это термин для выражения отношения в широком смысле или позиции, точки зрения, мнения говорящего к содержанию предложений, которые он произносит [Thompson, Hunston, 2003, с. 5].

Согласно определению М. Н. Кожинной, «категория оценки — совокупность равноуровневых языковых единиц, объединенных оце-

ночной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [СЭС, 2003, с. 139].

Из упомянутых толкований можно заключить, что оценка тесно связана с речевой реализацией языковых единиц. Очевидно, что в разных языках мира оценка выражается своеобразно.

Мы пытаемся описать систему средств выражения оценки в русском и китайском языках с позиций функциональной грамматики и сравнить речевые реализации этих систем на материале параллельных текстов. Разумеется, оценочные средства обоих языков уже были предметом описания. Так, русская исследовательница Е. М. Вольф подробно анализировала оценку как разновидность модальности в своей книге «Функциональная семантика оценки» и определяла её структуру, семантические и функциональные особенности. В Китае строение системы оценки начало изучаться совсем недавно; например, недавно вышло в свет исследование Ю Чжэня на тему «Строение системы оценки в современном китайском языке с точки зрения функции» [Ю, 2016, с. 5], в которой она рассматривает оценочную систему в аспекте сопоставления китайского языка с английским. Кроме того, немало китайских лингвистов уделяют внимание семантике оценки в лексике и её особенностям в разных частях речи, например, Чжэн Цзинюань специально описывал оценочную функцию наречия [Чжэн, Гао, 2012, с. 131-135]. Ян Цзяшэн впервые предпринял попытку сопоставительного описания некоторых грамматических средств выражения оценки в русском и китайском языках [Ян, 2012, с. 31-38].

Мы различаем оценку на уровне высказывания и на уровне номинации. На уровне высказывания, в соответствии с формально-семантическими критериями, мы определяем как оценочное любое предложение, которое допускает «безошибочное разногласие» [Umbach, 2014], по определению немецкого учёного К. Умбаха. Такие высказывания могут вводиться оператором «Х. считает», напр.: *Х. считает, что жена чиновника неумна*. Критерий «безошибочного разногласия» допускает продолжение: *А У. считает, что она очень сообразительна*, — причем оба высказывания истинны. Такое противоречие, с одной стороны, представляет собой оценочную констатацию в аспекте интерпретации высказывания в целом. С другой стороны, в нём отражаются фундаментальные особенности выражения оценки: всё определяется позицией субъекта.

Оценка на уровне номинации, напротив, является частью лексического значения слова. В соответствии с принципами функциональной грамматики А. В. Бондарко [Бондарко, 2011, с. 39], оцен-

ка не может считаться функционально-семантическим полем, так как она не опирается на морфологические средства. Как указывает Е. М. Вольф [Вольф, 2014, с. 5], оценочное значение передается при помощи лексики, словообразовательных элементов и синтаксиса.

Материалом для исследования являются параллельные тексты современной художественной прозы, выбранные из «Национального корпуса русского языка», из базы данных «Центра китайской лингвистики Пекинского университета» [CCLPKU] и из сборников рассказов русских и китайских писателей. Сопоставление оценочных высказываний с их переводами на китайский язык показывает, что в системе средств выражения оценки проявляется типологическая специфика языка.

На уровне номинации в китайском языке оценочные понятия часто композициональны: лексемы, обозначающие оценку, складываются из двух или более элементов, напр.: 英雄 ying xiong (талант + могучий) 'герой-исполин', 暴发户 bao fa hu (быстро + разбогатевший + человек) 'выскачка', 荒唐的 huang tang de (маловероятный + преувеличенный + служебная частица) 'нелепый'. А в русском языке словосложение, да и в целом словообразовательные элементы, играют в выражении оценки второстепенную роль; ср., однако, неодобрительные номинации *козлище*, *бабища*. Чаще всего оценочные понятия передаются или одной лексемой, напр.: *негодяй*, *жадина*, *зануда*, или атрибутивным словосочетанием: *нечестный человек*, *очаровательная женщина*. Второй способ обозначения соответствует китайским сложным понятиям и в русском языке обычно включает существительные-гиперонимы.

Реализация оценочной семантики в письменной речи на уровне высказывания, или пропозиции, имеет другую специфику.

Прежде всего мы различаем эксплицитное и имплицитное выражение семантики оценки. Эксплицитная оценка представлена в диалоге из рассказа «Воздушный змей и лента» («风筝飘带») китайского писателя Ван Мэн:

- (1) — 做做梦，开开心，又有什么不好？(буквально: Больше снится сон, больше подшучивать, и имеет что не хорошего?) 否则，生活不是太沉闷了吗？

(буквально: Иначе, жизнь разве слишком тяжела ли?) — «Так смотрите побольше снов, смейтесь, шутите, что в том **дурного**? Без этого жизнь **тускнеет**» (перевод С. Торопцева).

Пример (1) является оценочным как по форме — реплика в диалоге, — так и по содержанию, так как вполне отвечает критерию

«безошибочного разногласия». Такой эффект возникает, когда оценочная номинация (*дурное, тускнеет*) попадает в позицию предиката и в семантический фокус высказывания. Наряду с этим, на уровне лексическом типичным средством для выражения оценки считаются наречия (*хорошо* или *плохо*) и существительные с оценочным значением.

Имплицитные средства выражения оценки обычно связаны с традиционным представлением о привлекательном или непривлекательном. Пример (2) показывает, как китайский писатель Фэн Цзицай описывает портрет героя в рассказе «Высокая женщина и её муж-коротышка» («高女人和她的矮丈夫»):

- (2) 他的眼睛简直象一对电压充足的小灯泡。(буквально: Его глаза прямо словно пара в полный накал электрических лампочек) — «Глаза словно электрические лампочки в полный накал» (перевод Б. Рифтина).

При описании глаз мужчины автор одновременно выражает своё мнение, которое может вводиться оператором «X. считает» так: *автор считает, что глаза мужчины сияли, словно электрические лампочки в полный накал*. Представление о том, что глаза ярко выделяются на лице, связаны с их выразительностью, которая воспринимается в картине мира как положительный признак. Именно поэтому пример (2) имплицитно выражает оценку в обоих языках.

Таким образом, имплицитный оценочный способ обычно выражается полным предложением со словами, не содержащими оценочного значения, но передающими оценочный смысл, выводимый из «картины мира» говорящего.

Различия в способах выражения оценки на уровне конкретных высказываний в двух языках можно показать на примере (3) из текста «Воздушный змей и лента» («风筝飘带») Ван Мена:

- (3) 那个医院的急诊室臭气熏天。(буквально: Той больницы приемный покой вонь валит в небо) — «Там такая вонища в приемном покое» (перевод С. Торопцева).

В примере (3) русские словообразовательные средства оказывают влияние на выражение степени признака, которая по-китайски может быть передана только синтаксически. Сила неприятного запаха по-русски обозначена аугментативным суффиксом (*вон-ищ-а*), в то время как в китайском языке масштаб происходящего выражен в выборе предиката (*валит в небо*).

Эти примеры показывают, что между русским и китайским языками существуют заметные различия в выражении оценочной семантики как на уровне лексики, так и на уровне единиц синтаксического уровня. Дальнейший анализ покажет, как проявляются предпочтения говорящих в речи и как указанные различия влияют на восприятие текста в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко, 2011 — *Бондарко А. В.* Категоризация в системе грамматики. М., 2011.
- Вольф, 2014 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2014.
- СЭС, 2003 — *Стилистический энциклопедический словарь* / под ред. М. Н. Кожиной. М., 2003.
- Чжэн Ц., Гао Ц. Анализ наречия в современном китайском языке с точки зрения оценки // *Вестник Хэбэйского педагогического университета*. 2012. № 35. С. 131–135 (陈景元, 高佳. 现代汉语副词的评价视角分析 // *河北师范大学学报*. Vol. 35 (2012). P. 131–135).
- Ю Ч. Строение системы оценки в современном китайском языке с точки зрения функции: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Шанхай, 2016 (余樟亚. 功能视角下现代汉语评价体系的构建: *上海外国语大学*, 2016).
- Ян Ц. Функционально-семантическое сопоставление оценки в русском и китайском языках // *Изучение русского языка, литературы и культуры*. 2012. № 35. С. 31–38 (杨家胜. 俄汉语评价功能语义对比说略 // *俄罗斯语言文学与文化研究*. Vol. 35 (2012). P. 31–38).
- CCLPKU — Center for Chinese Linguistics PKU. URL: <http://ccl.pku.edu.cn/corpus.asp> (дата обращения: 08.01.2017).
- Thompson, Hunston, 2003 — *Thompson G., Hunston S.* Evaluation in text. New York, 2003.
- Umbach, 2014 — *Umbach C.* Evaluative propositions and subjective judgments. ZAS Berlin. 2014. URL: <http://www.zas.gwz-berlin.de/umbach.html?&L=1> (дата обращения: 08.01.2017).

Ковалева Анна Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

annakovalava2014@mail.ru

Научный руководитель – Н.В.Пушкарева, д-р филол. наук

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: дипломатический дискурс, публичный дипломатический дискурс, коммуникация, коммуникативные категории, категоричность.

В статье анализируются проявления категоричности в современном дипломатическом дискурсе. На материале выступлений официального представителя МИД России М.В.Захаровой рассматриваются лексические, стилистические и грамматические средства актуализации категоричности высказываний, исследуются особенности их функционирования.

Kovaleva Anna

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

LANGUAGE MANIFESTATIONS OF CATEGORICALNESS IN CONTEMPORARY PUBLIC DIPLOMATIC DISCOURSE

Keywords: diplomatic discourse, public diplomatic discourse, communication, communicative categories, categoricalness.

The article analyzes the manifestations of categoricalness in contemporary diplomatic discourse. Based on speeches of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of Russia M.V.Zakharova, lexical, stylistic, and grammatical means of actualization of categorical statements are reviewed, and the features of their functioning are investigated.

Проблема коммуникации и ее эффективности до сих пор привлекает внимание деятелей науки из разных сфер: психологии, социологии, международных отношений, лингвистики. В качестве методологического основания исследования коммуникации ученые нередко прибегают к теории дискурса, которая способствует выявлению основных характеристик определенного типа общения [Терентий, 2010а, с. 47].

Дискурс — это текст, опосредованный ситуацией коммуникации. Традиционно принято выделять два типа дискурса: персональный и институциональный. Количество видов во втором типе зависит от числа сфер, в которых участники вступают в общение в системе «институт — адресат» [Карасик, 2002, с. 198–199].

В эпоху глобализации большое значение приобретает развитие международных отношений и дипломатической культуры. К основным задачам дипломатического дискурса относят информирование широкой общественности о точке зрения правительства на международные проблемы, формирование определенного видения реальности у массового адресата, убеждение и побуждение к определенным действиям [Терентий, 2010, с. 49]. Возросший интерес общества к сфере отношений между государствами, а также увеличение воздействия СМИ на граждан, вынуждают правительство искать новые решения для реализации своих целей, что проявляется в стремлении представителей дипломатического корпуса к открытости: интервью и выступления дипломатов тщательно фиксируются в текстовом и видеоформате, социальные сети используются как поле для комментирования международных событий.

В зависимости от типа адресата дипломатических сообщений выделяют две формы дипломатического дискурса: публичную и закрытую. В обоих случаях ключевой фигурой является личность дипломата, которая должна в достаточной мере владеть профессиональным языком, главной чертой которого являются сдержанный и осторожный характер [Терентий, 2010а, с. 54].

Помимо следования принципам вежливости, «учет особенностей коммуникативных категорий высказывания является одним из ключевых условий организации эффективной коммуникации» [Пономарева, 2014]. Коммуникативные категории — это категории речевого общения, которые участвуют в реализации и регулировании коммуникативного процесса, имеют определенную структуру, собственное коммуникативное содержание, набор разноуровневых языковых и речевых средств [Захарова, 2001, с. 164]. Выделяют обязательные и сопутствующие категории коммуникации: к обязательным относятся структурно-образующие (речевые жанры, темпоральность) и информативные (значимость, определенность), а к сопутствующим — регулятивные (вежливость, категоричность) и квалификативные (оптимальность, нормативность) [Захарова, 2000, с. 13]. Для нас особый интерес представляют регулятивные категории как категории, направленные на организацию эффективно общения между коммуникантами.

Возвращаясь к дипломатическому дискурсу, стоит отметить, что современные социальные процессы вносят свои коррективы в язык дипломатической коммуникации. Так, вместо ожидаемых лояльности и тактичности мы встречаем в текстах дипломатических выступлений проявления эмоциональности и категоричности. В большей степени это затрагивает публичную форму дипломатического дискурса, где ярким примером использования «недипломатических» языковых средств могут служить заявления М. В. Захаровой, занимающей пост официального представителя МИД РФ. В текстах брифингов Захаровой за 2015–2016 гг. нами было рассмотрено 1400 примеров лексических, грамматических и стилистических средств актуализации категории категоричности.

Лексические средства актуализации категоричности

Нами были рассмотрены следующие лексические средства выражения категоричности: наречия-интенсификаторы, прилагательные и наречия с пейоративной коннотацией, прилагательные в превосходной степени, местоимения и наречия с коннотациями обобщения и универсализации, дисфемизмы.

- *Когда представители американского внешнеполитического ведомства затруднились дать оценку этим действиям, возник ряд вопросов. Я прекрасно понимаю, что **животные**, которые глумились над телом российского военного, **никогда не слышали** о международном гуманитарном праве. [Б261115]*
- *Мы считаем **совершенно** неприемлемыми публичные заявления представителей США о том, что Россия использует в Сирии **неуправляемые бомбы**, которые якобы убивают мирных жителей. [Б100216]*
- *Совершая **чудовищные** преступления, боевики этой группировки пытаются поставить под свой контроль все более обширные территории. [Б270815]*
- *Я считаю, что это часть информационной кампании по нагнетанию, сгущению красок и выставлению России каким-то «все-ленским злом», врагом для **всех**. На кого это рассчитано? **Любой** военный эксперт только посмеется, когда увидит эту информацию. [Б291015]*

В проанализированном материале существенную роль в реализации категории категоричности играет категория оценки. Оце-

ночные высказывания используются Захаровой для воздействия на адресата, причем как прямого адресата, который представляет собой массовую аудиторию, так и косвенного, который является объектом высказывания. В отношении прямого адресата негативные оценочные высказывания применяются для изменения его аксиологических установок, для навязывания собеседнику своего мнения. В отношении косвенного адресата оценочные высказывания используются для дискредитации объекта перед остальной аудиторией. Таким образом, для публичного типа дискурса оценочные высказывания имеют коммуникативно-прагматический смысл. Стоит отметить, что наличие подобных негативных оценок, апелляция к морали, истине и объективности являются проявлением русского национального мировосприятия [см. Вежбицкая 1996; Ларина 2009; Стернин 2002].

Грамматические средства актуализации категоричности

В качестве грамматических средств нами были рассмотрены отрицательные конструкции, повелительное наклонение и модальные слова категоричной достоверности.

- *Мы **никогда не заявляли**, что режим Б. Асада является «белым и пушистым», мы **никогда не говорили**, что он является идеальным и что сирийский президент предпринимает только верные шаги.* [Б121115]
- ***Поэтому не надо рассказывать нам сказки** о российских крылатых ракетах, **лучше займитесь** своими джипами.* [Б141015]
- ***Могу вас заверить**, что ситуация с обеспечением прав и свобод российских журналистов в различных точках мира, вне зависимости от того, о какой стране идет речь, находится под нашим постоянным контролем.* [Б081015]

Использование в речи отрицательных конструкций и повелительного наклонения связано с такими чертами русского коммуникативного поведения как конфликтность и регулятивность [Прохоров, Стернин, 2006, с. 114–119]. Категоричное выражение несогласия, подкрепленное экспрессивностью, Захарова использует в тех случаях, когда она отстаивает позицию РФ. Здесь мы также обнаруживаем проблему истинности / ложности, которая занимает особое место в системе ценностей дипломатического дискурса, поскольку современная дипломатия строится на доверии и возможности поло-

житься на информацию, предоставляемую партнерами [Терентий, 2010б, с.9]. Использование модальных слов категорической достоверности оказывает речевое давление на адресата, который в этом случае лишен возможности критически оценивать ситуацию. В речи Захаровой данные языковые средства часто используются для убеждения партнеров в приверженности России заявленным позициям или же для подтверждения активного участия страны в международных процессах, что способствует созданию позитивного образа Российской Федерации за рубежом.

Стилистические средства актуализации категоричности

В данном блоке нами были рассмотрены такие средства, как риторические вопросы, гиперболы, повторы.

- *Если сотрудничать, то только по тем вопросам, по которым позволили бы США. Разве это полноправное равноценное сотрудничество? Разве можно его выдавать в качестве партнерского отношения друг к другу?* [Б120516]
- *Что касается обвинений ряда представителей делегаций сирийской оппозиции в том, что якобы Россия виновата чуть ли не в подрыве или срыве женевских переговоров, то это — **полная чушь**.* [Б290116]
- *До этого **мы никогда не утверждали**, что такой информации у нас не было... **Мы никогда не говорили** о том, что эта информация появилась только тогда, когда у нас произошел трагический инцидент в двусторонних отношениях.* [Б070716]

Риторический вопрос имеет своей целью воздействие на адресата, прямое или косвенное выражение оценки. Для выражения негативной оценки в содержании риторического вопроса должен присутствовать контраст между поступками или словами объекта и здравым смыслом, моралью. Негативная истинностная оценка гиперболических высказываний оказывает сильное воздействие как на прямого адресата, которому она навязывается говорящим, так и на косвенного, который оказывается дискредитирован перед массовой аудиторией и не имеет возможности оправдаться. Исследуемый материал показал, что категоричность, выраженная повторами, имеет установку на конфронтацию, усиливает разногласия между коммуникантами.

Таким образом, мы видим, что средства выражения категоричности являются инструментами для решения определенных задач дипломатического дискурса (формирование определенного видения реальности, убеждение и побуждение). На основе исследованного материала можно выделить две группы средств: 1) связанные с необходимостью убедить адресата в истинности передаваемой информации; 2) связанные с проявлением в речи адресанта черт русского национального мировосприятия, что в свою очередь способствует достижению понимания точки зрения государства в русскоговорящей среде. Однако для оценки эффективности воздействия данных средств на массового адресата необходимо продолжить исследование коммуникативной категории категоричности.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежбицкая, 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Захарова, 2001 — *Захарова Е. П.* Коммуникативные категории и нормы // *Хорошая речь* / под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001. С. 163–179.
- Захарова, 2000 — *Захарова Е. П.* Типы коммуникативных категорий // *Проблемы речевой коммуникации* / отв. ред. О. Б. Сиротинина. Саратов, 2000. С. 12–19.
- Карасик, 2002 — *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Ларина, 2009 — *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. М., 2009.
- Пономарева, 2014 — *Пономарева Е. В.* Категоричность как особая коммуникативная категория (на материале английского языка). [Электронный ресурс]. Красноярск, 2014. URL: conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s06/s06_007.pdf (дата обращения 22.10.2016).
- Прохоров, Стернин, 2006 — *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. М., 2006.
- Стернин, 2002 — *Стернин И. А.* Язык и национальное сознание. Воронеж, 2002.
- Терентий, 2010а — *Терентий Л. М.* Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 1 (022). С. 47–56
- Терентий, 2010б — *Терентий Л. М.* Специфика дипломатического дискурса как формы коммуникации // *Известия ВГПУ*. 2010. С. 7–11.

Секиро Ольга Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

olgasekiro@yandex.ru

Научный руководитель – В. В. Колесов, д-р филол. наук

КОНЦЕПТ «ИСТИНА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Ключевые слова: концептуальные исследования, концепт «истина», языковая ментальность.

Статья посвящена анализу семантического наполнения концепта «истина» в языковом сознании студентов 4 курса филологического факультета СПбГУ. Теоретической базой послужила концепция В. В. Колесова, положения которой определили алгоритм исследования. Материалом исследования послужил опрос студентов, на основании анализа которого были сделаны выводы о современном наполнении данного концепта.

Sekiro Olga

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

CONCEPT OF «TRUTH» IN MODERN RUSSIAN MENTALITY

Keywords: conceptual studies, concept «truth», language mentality.

The article is dedicated to an analysis of the semantic content of the concept of «truth» in the language mentality of senior year students of the philological faculty of SPBU. The theoretical basis of the research is V. Kolesov's perspective in accordance with which the algorithm of analysis has been designed. After examining the students' interviews the modern content of the aforementioned concept has been discovered.

Когнитивные исследования сегодня являются одним из основных направлений развития лингвистической мысли, в связи с чем в современной научной парадигме существует огромное количество определений концепта — базовой единицы исследования языкового сознания. В рамках настоящего исследования в качестве базового избрано определение В. В. Колесова: концепт — это «исходный смысл, не обретший формы; это сущность, явленная... в своих содержательных формах: в... образе и символе, и в... понятии» [Колесов, 2004а, с. 23]. Содержательные формы концепта определяются

«первосмыслом», концептумом, «идеальной сущностью концепта» [Колесов, 2012, с. 45]. Понимание концепта в единстве логического и лингвистического предполагает следующее соответствие: концептум соответствует логическому основанию, образ — условию, понятие — причине и символ — цели, что необходимо учесть при исследовании. В ходе анализа, конечной целью которого является выявление понятия концепта, необходимо предварительное разложение этого понятия на содержание (десигнат, представленный эпитетами-определениями перед словом-репрезентантом концепта) и объем (денотаты, представляющие собой предикаты после слова-репрезентанта). Конечное толкование концепта возможно в результате совмещения десигнатных и денотатных признаков, полученных в результате анализа конкретных текстов.

Источником денотатов послужили высказывания, полученные в результате анкетирования студентов 4 курса филологического факультета СПбГУ в декабре 2016 г. Информантам были предложены 4 вопроса, семантически ориентированные на построение таких высказываний, на основе которых можно выявить денотаты основания, условия, причины и цели соответственно содержательным формам концепта.

Установление денотатов

В результате проведенного анализа высказываний, включающего их редукцию, были определены:

1. Пары инвариантных денотатов. Внутри пар один из денотатов отражает понимание, ориентированное на план реального (далее — Р.), другой — на план идеального (далее — И.) в соответствии с оппозицией «реальное — идеальное». В качестве инвариантных были выбраны семантически родовые денотаты.

2. Факты сближения семантики денотатов, имеющих разные логические соответствия (например, из ответа на вопрос, ориентированный на денотат основания, можно было выявить денотат, соответствующий условию и др.). Характерный случай сближения — появление причинной семантики у денотатов условия и основания.

Основания: *представление, соответствие, понятие, мысль, правда, ответ, смысл, гармония, залог существования, сверхчеловеческая реальность, сущность мира, смысл в себе, альфа и омега мироздания, эманация Бога, благо, субстанция, основа устройства жизни.*

Инварианты: *правда (Р.), благо (И.).*

Условия: диалог или спор, любовь, добро, откровение, созидание, искренность, святость, остранение от представлений, отсутствие барьеров, открытость, готовность, восприятие, понимание, понятие, постоянная возможность, осуществление, реализация, ответственность себе.

Инварианты: любовь и добро (Р.), соответствие себе (И.).

Причины: стремление, желание, попытка, усилие, умозаключение, творческая энергия, очищение и проникновение внутрь себя, открытие богочеловеческой природы, природа, необходимость свершения, неместимость сознанием, универсальность, невозможность в относительности, неподвластность разуму, независимость, существует вне мира, внеположность миру.

Инварианты: универсальность (И.), открытие необходимости в умозаключении (Р.).

Цели: смысл мира, понимание мира, смысл и значение, поиск смысла, раскрытие сути явлений, реализация осознания невозможности абсолютного познания мира, абсолют над смыслом, развитие человека, ориентир для действий, счастье, баланс бытия, противостояние хаосу, жизнь всего сущего, Царство Божие, возвращение в лоно истины.

Инварианты: Царство Божие (И.), смысл баланса всего сущего (Р.).

Определение десигнатов

В результате опроса студентов (информантам было предложено подобрать эпитеты-прилагательные к существительному «истина») были получены следующие прилагательные. Ниже приведена итоговая классификация прилагательных по четырём типам (типичные, глубинные, интенсивные, длительные). Глубинные и интенсивные признаки, как и денотаты, распределяются по двум полюсам (реальные и идеальный планы). Отметим, что у истины как у абстрактного концепта отсутствует предметное значение, а значит, типичных признаков, означающих определение из самой предметности, нет.

1. Глубинные:

Р.: великая, святая;

И.: абсолютная, объективная, универсальная, всеохватная, единственная, производная, первоначальная.

2. Интенсивные:

И.: холодная, горькая, ужасная, непреложная, неопровержимая, неоспоримая, недосыгаемая;

Р.: *божественная, высшая.*

3. Длительные: *вечная.*

Построение образных понятий

Построение образных понятий осуществляется путём совмещения признаков десигната и денотата по следующему принципу: типичный признак — цель (символ), глубинный признак — причина (понятие), интенсивный признак — условие (образ), длительный признак — основание (концептум). В результате совмещения получим две группы образных понятий:

- 1) вечная правда (осн.), высшее добро и божественная любовь (усл.), абсолютная необходимость, великое открытие, универсальное умозаключение (прич.)
- 2) вечное благо (осн.), неопровержимое соответствие самому себе (усл.), первозданная универсальность (прич.)

Денотаты цели не образуют образных понятий, так как типичные признаки отсутствуют. В состав ментальных формул инвариантные денотаты цели войдут без определений.

Этимологическая справка

Согласно Этимологическому словарю славянских языков, слово «истина» — «производное с суф. -ina от прилаг. *jьstъ» [ЭССЯ, 1981, с. 242]. На происхождение от прилагательного (шире — определения, см. ниже о местоименности) обращает внимание и В. В. Колесов: «Исходный корень *-ист-* при латинском *iste* ‘тот же (самый)’ выдаёт местоименное своё происхождение — это указание на “суть” в её чистом и полном виде, без всякого отношения к бытийности» [Колесов, 2004б, с. 523]. Колесов также отмечает, что «“истина” последовательно уводит мысль в интеллектуальную, объективно существующую или умопостигаемую, требующую разумных обоснований или доказательств сферу» [Колесов, 2004б, с. 525].

Выводы

1.1. В результате анализа семантики предикатов установлено, что все значения полученных денотатов концепта «истина» варьируются в пределах двух пар эквивалентных оппозиций: «конкретное — абстрактное» и «реальное — идеальное». В пределах варьи-

рования факты сближения денотатов, соответствующих разным логическим значениям, объясняются сильной интенцией конкретизации в понятии. Конкретизация так велика, что вызывает обратный результат: так, значения, свойственные причине, появляются у денотатов условия и основания, и цельность каждого компонента разрушается.

1.2. В результате совмещения инвариантных денотатов и десигнатов были две инвариантные ментальные формулы:

а) Истина — вечная правда в высшем добре и божественной любви, явленная вследствие абсолютно необходимого великого открытия в универсальном умозаключении как смысл баланса всего сущего (Реальн.).

б) Истина — вечное благо в первозданной универсальности, неопровержимо соответствующее самому себе как Царство Божие (Идеальн.).

1.3. Определение этимологического первосмысла «истины» и соотнесение его с содержанием полученных ментальных формул позволило выявить, что древняя семантика «соответствия» (см. выше о местоименном «тот же самый») содержится в причинном компоненте данной ментальной формулы («неопровержимое соответствие себе»).

Противопоставление «правды» и «блага» как денотатов основания в итоговых ментальных формулах противоречит сближению «правды» и «блага»; например, у В. И. Даля: «истина относится к уму и разуму, а добро или благо к любви, правде и воле» [Даль, 2001, с. 52]. Прояснить полученное противопоставление можно, если обратиться к мысли Колесова о том, что «общая ориентация на *ratio* истины делает избыточным понятие “правды”... Рассудочность философствования в таком духе приводит к полному забвению категории “благодать”» [Колесов, 2004б, с. 529]. Колесов отмечает: «за... признаками Благодати скрывается та самая “правда”» [Колесов, 2004б, с. 530]. Таким образом, «реальное» и «идеальное» понимания с точки зрения исторической перспективы развития ментальности связаны с соотношением блага и благодати. Глубинное отличие блага от благодати кроется в взаимосвязи человека и божественного. Благодать есть благо, данное в действии любви и добра (условие), то есть благо достижимое, реальное. «Благо» же (как основание «идеальной» ментальной формулы) скорее разъединяет, всегда «неопровержимо соответствуя самому себе». Человек такому «благу» не может соответствовать ни при каких условиях. Это восходящее к Илариону противопоставление Закона и Благодати. Благо в современную

эпоху понимается более жестко (см. определения: *горькая, холодная, ужасная истина*). В современном языковом сознании из-за ориентации на понятийность (чем понятие точнее определено, тем оно недоступнее) благодать, данная в символах любви и добра, сосуществует в концептуальном поле с идеально-недоступным «благом».

Закономерно, что анализ на данном этапе коснулся именно в основном предикатов основания: поиск этимологического первосмысла соотносится с «зерном первосмысла» — концептумом, который логически соответствует основанию.

Анализ содержательных форм концепта «истина», проведённый на материале высказываний студентов, позволил определить, что современное понимание указанного концепта, наблюдаемое у информантов, тяготеет к «идеальной» рациональности, характерной для средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль, 2001 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 2001.
- Колесов, 2004а — *Колесов В. В.* Язык и ментальность. СПб., 2004.
- Колесов, 2004б — *Колесов В. В.* Слово и дело: Из истории русских слов. СПб., 2004.
- Колесов, 2012 — *Колесов В. В., Пименова М. В.* Концептология: учебное пособие. Кемерово, 2012.
- ЭССЯ, 1981 — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубочёва.* Вып. 8. М., 1981.

Тупикова Зинаида Владимировна

Уральский федеральный университет (УрФУ),

Екатеринбург, Россия

miss.tupikova@yandex.ru

Научный руководитель – Л.Г.Бабенко, д-р филол. наук

ВОПРОС О «СКЛЕЕННОМ» КОНЦЕПТЕ «ВИНА – ПОКАЯНИЕ – РАСКАЯНИЕ – СОЖАЛЕНИЕ»

Ключевые слова: концепт, ментальность, концептуальный анализ.

В статье рассматривается связь концептов «Вина», «Покаяние», «Раскаяние», «Сожаление». Анализ опирается на данные Национального корпуса русского языка. В статье обозначены два подхода к проблеме связи между ментальными элементами. Концепты анализируются в соответствии с моделью, предложенной Л.Г.Бабенко, и на основании теории В.В.Колесова.

Tupikova Zinaida

Ural Federal University (URFU),

Yekaterinburg, Russia

THE QUESTION OF THE «GLUED» CONCEPT OF «GUILT-PENANCE-REPENTANCE-REGRET»

Keywords: concept, mentality, conceptual analysis.

The article deals with the connection between the concepts of «Guilt», «Penance», «Repentance», and «Regret». The analysis is based on the data of the Russian National Corpus. The article identifies 2 approaches to the problem of the connection between mental elements. The concepts are analyzed in accordance with the model proposed by L.G.Babenko and on the basis of V.V.Kolesov's theory.

Теоретическое обоснование

Предметом исследования в статье является ментальная структура «склеенного» концепта с ядерным компонентом «вина» в русском языке и его лексические, фразеологические и паремиологические репрезентации. Материал выбирался из Национального корпуса русского языка.

Рассматривая концепт в традициях Уральской семантической школы, возглавляемой профессором Л.Г.Бабенко, мы считаем, что концепт представляет собой структуру иерархически организован-

ных когнитивных признаков, в которой можно выделить ядро, приядерную зону и зоны ближайшей и дальнейшей периферии. Ассоциативно-образные репрезентации концепта представляют зону дальнейшей периферии, куда входят когнитивные признаки, связанные с субъективным восприятием действительности [Бабенко, 2010].

В данной статье под концептом мы понимаем ментальную сущность, в которой аккумулируются знания человека о мире; концепт имеет полевую структуру, которую составляют когнитивные признаки, выделяемые в каждом слое и выявляемые с помощью репрезентантов. Для проведения концептуального анализа и моделирования ментальной сущности концепта мы воспользовались методикой Бабенко [Бабенко, 2010]. Метод концептуального анализа заключается в выявлении и последовательном описании когнитивных признаков в соответствии с их положением в структуре концепта. Подходя к проблеме существования более сложных, чем концепт, ментальных организаций, мы исследовали теоретические работы в области композиционной семантики и концептуальной интеграции. На основании полученных данных, мы выделили такой элемент концептуальной системы языка, как «склеенный» концепт, который представляет собой совокупность нескольких концептов, объединенных ядерным признаком и пересекающихся в разных зонах структуры.

Ментальная структура «склеенного» концепта

В результате работы над описанием ментальной структуры концептов «Вина», «Покаяние», «Раскаяние», «Сожаление» нами было обнаружено, что данные концепты имеют пересечение когнитивных признаков во всех зонах. Мы предположили, что они представляют собой «склеенное» ментальное образование, включающее в себя зоны, в которых названные концепты будут иметь абсолютное пересечение и периферию, где будут находиться когнитивные признаки, присущие тому или иному концепту.

Ядро концепта

В зоне ядра концепта базовым когнитивным признаком является компонент вины как чувства, «внутреннего психического состояния человека», характерный для всех концептов. Периферию наблюдаем в признаках, которые свойственны только одному из концептов: например, для концепта «Вина» одним из базовых когнитивных признаков является ответственность.

Приядерная зона

В приядерной зоне для концептов «Раскаяние», «Вина», «Покаяние», «Сожаление» обязательным является когнитивный признак субъекта, в качестве которого может выступить как один человек, так и группа людей. Субъектом для этих эмоций всегда является лицо, которое обладает способностью выбирать способ поведения и испытывать внутренние состояния. Объектом-источником описываемых состояний является плохой поступок или грех, самовольное нарушение чего-либо. Для всех концептов в зоне объекта важен оценочный компонент, так как источник эмоции оценивается субъектом отрицательно. При этом для «Сожаления», например, объектом помимо перечисленных источников может быть какое-либо событие, явление, которое могло бы произойти, но не произошло, или нечто, произошедшее в прошлом (сожалеть о прошедшей молодости, сожаление о чем-то, что могло быть, но не сбылось). Для чувства вины источником эмоции может быть нечто хорошее, чем обладает субъект и чем не обладают другие, и даже отсутствие какого-либо проступка (*чувство вины за то, что ты здоров, а друг так болен* (Н. Усольцева); *без вины виноват*). В приядерной зоне концепты пересекаются в признаке адресата. В качестве адресата обычно выступает тот, перед кем виноват человек, кого он обидел своим поступком, перед кем согрешил, а также Бог и даже сам человек, его совесть, в этом случае актуализируется компонент внутренней ответственности человека.

Зона ближайшей периферии

В зоне ближайшей периферии рассматриваемые концепты сопрягаются с различными эмоциональными и интеллектуальными переживаниями. Сходными сопряженными эмоциями для рассматриваемых концептов являются отрицательные эмоции: боль, стыд, муки совести, грусть, страх. Вместе с тем чувство вины может сопрягаться, например, с ощущением изоляции от человека, перед которым индивид провинился и ожиданием его возможной реакции. «Покаяние» может переживаться вместе с эмоцией радости, а также интеллектуальным состоянием отречения от прошлой греховной жизни. «Сожаление» сопрягается с сомнениями, неуверенностью. Эпитеты, выражающие сопряжение вины с другими внутренними состояниями, чаще характеризуют связь с отрицательными эмоциями, протекание которых тяжело, мучительно для человека (*горькое, горестное, жгучее, мучительное, болезненное*).

Раскаяние, сожаление, покаяние и чувство вины имеют сходное проявление. Во-первых, они могут быть выражены невербально: слезами, криком, мимикой, позой человека. Однако мимика и поза оказываются отличными при переживании разных эмоций. Во-вторых, для рассматриваемых эмоций существуют устойчивые речевые формулы вербального выражения (*и сам не рад, виноват, бес попутал* и др.).

Зона дальнейшей периферии

В зоне ассоциативно-образных компонентов пересечением являются типичные метафорические представления эмоций в образе живых существ, которые терзают, мучают человека, в образе жидкости, заполняющей внутренний мир человека, огня, сжигающего и разрушающего душу человека. Часто имя эмоции занимает в предложении позицию субъекта действия, таким образом, подчеркивается активная роль чувства, его воздействие на человека. При этом физическая боль метафорически переносится на внутренний мир человека, обозначает его внутренние переживания, муки. Как видим из устойчивых ассоциативно-образных репрезентаций «склеенного» концепта, когнитивный признак «причиняющий муку, страдание» основан на метафорическом переосмыслении семы «жгучий» в метафорах *огонь раскаяния, огонь покаяния, пламя покаянья, жгучее сожаление, жгучее раскаяние, раскаяние жжет / вспыхнет, вина сожжет / жжет*.

Когнитивный признак «тяжесть» базируется на актуализации сем «тяжесть», «тягостность», создается образ чего-то тяжелого, оказывающего физическое давление на человека. Компонент физического воздействия на человека переносится на сферу внутренних переживаний и обозначает душевные переживания, сопряженные со стыдом, муками совести. В зоне ассоциативно-образных репрезентаций «склеенного» концепта с ядерным компонентом «вина» встречаем: *бремя раскаяния, гири раскаяния, ярмо раскаяния, груз вины, чувство вины гнетет / наваливается / сугулит спины*.

В области дальнейшей периферии наблюдается пересечение в зоне эмоционально-оценочной реакции окружающих. Проявление эмоций и состояний, названных именами концептов, приводит либо к прощению проступка, ошибки, либо к желанию наказать провинившегося, в случае если его раскаяние (покаяние / сожаление / чувство вины) кажется неискренним, фальшивым или если его вина субъективно воспринимается как тяжелая.

Таким образом, мы выявили, что связь когнитивных признаков концептов во всех зонах «склеенного» концепта является регу-

лярной. Анализ языковых репрезентаций концептов показал, что некоторые лексические, фразеологические, и паремиологические репрезентации являются общими для концептов, входящих в «склеенный» концепт с ядерным компонентом «вина».

Концепт с ядерным компонентом «вина» с точки зрения теории В. В. Колесова

Тем не менее название статьи предполагает ответ на вопрос. Подойдем к концепту с другой стороны. По мнению В. В. Колесова, концепт является основной единицей ментальности в языке, он сохраняется устойчиво, постоянно и независимо от формы его представления (объективации) в образе, символе или понятии — на основе четвертого члена — концептума [Колесов, 2012]. Под концептумом Колесов понимает сущность, явлением которой выступает понятие через посредство содержательного концепта [Колесов, 2012]. В соответствии с данным понимаем концепта рассматриваемые нами части «склеенного» концепта выступают как элементы т. н. «концептуального квадрата», т. е. по природе своей уже являются единым и неразрывным образованием, находящимся в развитии. Несомненно, концептумом выступает компонент «Вина», который является первосмыслом, базой для остальных эмоций. «Раскаяние» как наиболее нейтральное обозначение эмоции является понятием, так как именно это именование чаще всего представлено в речи, а также наиболее нейтрально и абстрактно. «Покаяние» в большей степени связано с образной составляющей концепта, так как не имеет референта, соотносится с интенсивным признаком, является условием для полного прощения, искупления вины. Элемент «Сожаление» репрезентирует светское проявление эмоции и вряд ли образует символ в концептуальном квадрате, поэтому ячейка для символа остается незаполненной.

Безусловно, элементы ментальности «Вина», «Покаяние», «Раскаяние», «Сожаление» находятся в тесной связи между собой и в соответствии с разными подходами их можно рассматривать как «склеенный» концепт или как единый концепт, для которого возможно построить «концептуальный квадрат».

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко, 2010 — *Бабенко Л. Г.* Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации. Екатеринбург, 2010. С. 3–19.
- Колесов, 2012 — *Колесов В. В.* Концептология. СПб., 2012.

Загороднюк Антонина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

AntonALZag@yandex.ru

Научный руководитель – О.В.Хорохордина, канд. филол. наук

«ЧТО ГОВОРИТ! И ГОВОРИТ, КАК ПИШЕТ...» УПОТРЕБЛЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С ОТГЛАГОЛЬНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНО-ОБИХОДНОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: разговорная речь, девербативы, номинализация, семантика, функционирование.

Статья посвящена анализу формально-семантической организации и функционального потенциала конструкций с отглагольными существительными в русской разговорной речи. Отдельно рассматривается роль данных конструкций в создании связности высказывания и устного текста в целом.

Zagordniuk Antonina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«HE'S TALKING LIKE A BOOK! WHAT IS HE TALKING ABOUT?» CONSTRUCTIONS WITH VERBAL NOUNS IN MODERN SPOKEN RUSSIAN

Keywords: colloquial speech, deverbatives, nominalisation, semantics, functioning.

The article looks into the formal and semantic organisation along with the functional potential of constructions with verbal nouns in spoken Russian. Special attention is paid to their role in providing cohesion in an utterance and spoken text on the whole.

Введение

Вопрос о соотношении устной и письменной речи долгое время находится в поле зрения отечественной лингвистики. На разных этапах существования русского литературного языка преобладающее направление влияния одного типа речи на другой было неодинаковым. В наши дни благодаря развитию СМИ, телевидения, интернета в обиходно-бытовую культуру русского человека проникают поня-

тия, выходящие за рамки обиходного общения [Костомаров, 2005, с. 166]. Свой отпечаток на повседневное общение может накладывать профессиональная деятельность говорящего. Таким образом, для сложного содержания оказывается необходима и сложная форма, которая может заимствоваться из письменной речи.

Одним из средств, относимых изначально к сфере письменной речи, являются отглагольные существительные (далее — ОГС), или девербативы — «субстантивные отглагольные образования, которым присущи лексико-грамматические функциональные особенности глагола и существительного» [Егорова, 2009, с. 4], в функции номинализации [Золотова, 2006б, с. 50], [Ли, 2015, с. 48–49]. Тем не менее некоторые модели определяются как появившиеся в сфере устно-разговорной речи, например *стрижка, скачок, вдох* [Гр.-80, с. 160, 163, 164, 219], [Пичугина, 1990, с. 1].

В данной статье будут представлены результаты исследования, целью которого была попытка проследить закономерности употребления и функционирования конструкций с ОГС, изначально свойственных письменной речи, в устной разговорной речи на русском языке.

Общая характеристика материала

Для анализа было отобрано 616 контекстов с ОГС в функции номинализации, из которых 249 — предложно-падежные, 367 — беспредложные. Материал исследования представляет собой записи разговорных диалогов и монологов, размещенных в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Критерием отбора контекстов стала их отнесенность к сферам неофициального (семейное и дружеское общение) и полуофициального общения. Анализ контекстов показал, что даже в полуофициальной обстановке говорящий охотнее использует именно те языковые средства, которые свойственны ему как языковой личности. (Ср. «В общении с официальным лицом адресат речи может быть достаточно осторожным — стараться избегать прямых коллоквиализмов, фамильярности, но особенностей устной формы ему избежать не удастся... Фактор официальности обстановки может повлиять на тех, кто хорошо владеет речевым разнообразием и способен лавировать в его хитросплетениях, а это бывает далеко не всегда... Во всех остальных случаях говорящий остается верным своей речевой манере и обстановка на него не действует» [Лаптева, 2003, с. 233]).

Формальная и семантическая организация конструкций с ОГС

В ходе исследования большее внимание было уделено предложно-падежным конструкциям с ОГС. В исследуемом материале данные конструкции представлены всеми косвенными падежами. Число представленных в материале словообразовательных моделей невелико: частотными являются суффиксы -ниј-/-ениј-/-тиј- (*написание, предложение, развитие*). При помощи нулевой суффиксации образуются существительные мужского и женского рода (*поворот, игра*), также для образования девербативов женского рода используется суффикс -к- (*примерка, задержка*) и суффиксы -емость-/-имость- (*посещаемость, зависимость*).

Между предложно-падежными и беспредложными девербативными конструкциями были выявлены отношения полисемии, синонимии и антонимии. Множественность значений можно увидеть на примере конструкции «на + винительный падеж». Данная конструкция может иметь два варианта значения с общим компонентом 'цель'. Если данная конструкция относится к неодушевленному предмету, выраженному, как правило, существительным, она принимает значение 'дестинатив': [*зерно*] на корм [*скоту*], [*договор*] на поставку [*картошки*]. Если данная конструкция относится к одушевленному субъекту, то она принимает значение 'финитив': [*присылали студентов и военнослужащих*] на уборку, [*возьмете*] на обмен, [*прийти*] на перевязку. «На + винительный падеж» также может принимать значение 'темпоратив': [*двадцать дней*] на изготовление, [*не хватило недели*] на подготовку, 'косвенный объект': [*не отвечай*] на его появление, 'дистрибутив': [*духи продают*] на разлив, 'директив': [*мы*] на соревнование, [*ходить*] на подготовку. Для общекатегориальной характеристики семантики конструкции мы пользуемся терминологией, разработанной Г. А. Золотовой при составлении «Синтаксического словаря: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» [Золотова, 2006а, с. 430–432].

В то же время среди конструкций с девербативами в русской разговорной речи мы также можем наблюдать синонимические отношения, при которых близкие значения выражаются при помощи разных конструкций. Так, значение 'признак, отсутствие которого характеризует ситуацию' может выражаться при помощи как беспредложной конструкции (*никакого запаха, не будет столкновений*), так и предложной (*без разрешения, без заправки, без запаха, без движения*).

Отношения антонимии среди предложно-падежных девербативных конструкций чаще всего обусловлены семантикой предлогов, их оформляющих: [*попасть*] *в зависимость* — [*выйти*] *из зависимости*, *до установки* — *после разрыва*, *с ее помощью* — *без разрешения* и др. Тем не менее в отношениях антонимии могут находиться и лексически оформленные конструкции (*при жизни*, *после смерти*).

Наличие системы семантических отношений между предложно-падежными и беспредложными конструкциями с отглагольными существительными в разговорной речи свидетельствует о том, что данное явление носит не единичный, а системный характер.

Функциональный потенциал конструкций с ОГС

Конструкции с отглагольными существительными, образованные при помощи предлога, функционально заряжены на вхождение в предложение, обеспечивая связность высказывания и текста в целом. В анализируемом материале встретились почти все типы синтаксических позиций [Золотова, 2006а, с. 18], но функцию связности в предложении и в тексте наиболее явно выполняют конструкции, находящиеся в позициях II.4 и III.1. Первая группа конструкций (осложнители основной модели предложения) благодаря своим разнообразным значениям способна включать основную пропозицию в комплекс временных, причинно-следственных связей, создавая и расширяя таким образом внутреннее пространство текста. Именно в данной позиции предложно-падежная девербативная конструкция наиболее явно выступает в роли вторичной номинации действия и относительно легко может быть развернута до первичной пропозиции.

[Дара, жен, 19] *только что вот... я... я перед выходом прямо зрела ты...* [Разговор студенток на прогулке // Из коллекции НКРЯ, 2008]

Свернутая вторичная пропозиция ‘перед выходом’ может быть развернута до полной ‘перед тем как вышла’ (на правильность трактовки данного девербатива именно как отвлеченного действия, а не объекта действительности, указывает совпадение темпоративного значения всей конструкции с указанием на время *только что*).

Вторая группа конструкций (приглагольные распространители) уточняет значение непосредственно предиката, но при этом может расширять и смысл высказывания в целом (например, делиберативы с событийным значением могут вводить в речь антецедентное

событие, связывая содержание данного высказывания с предыдущими — [*подумай*] о моем предложении).

Текстообразующий потенциал конструкций с ОГС

В результате анализа были выделены следующие функции девербативов в текстопрождении: во-первых, это ранжирование информации по степени ее важности для описания ситуации согласно замыслу говорящего. Пропозиция, выражаемая номинализованной конструкцией, расценивается говорящим как добавочная, уточняющая по отношению к основной пропозиции, выраженной личной глагольной формой. Так, в следующем примере конструкции с ОГС используются при описании условий, благодаря которым стало возможным основное событие (*восьмилетку окончил одним из лучших*).

[А. Д., муж] *Благодаря её поддержке моральной / она видела моё старание / <...> с её стороны было поддержано полностью / участием её оценок там / каких-то похвал её / буквально я восьмилетку окончил одним из лучших учеников.* [Рассказ-воспоминание об учебе в школе // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011].

Во-вторых, это представление ситуации отвлеченно от признаков длительности, предельности, результативности, запечатление ее в виде статичного отображения действительности, констатация. С данной функцией связана функция повторной номинации. Если пропозиция в одном контексте выражена двумя способами: при помощи личной глагольной формы и при помощи отглагольного образования (девербатива), способ осмысления говорящим ситуации может меняться. Это связано со способностью номинализованной конструкции «фактологически» [Ли, 2015, с.48] обозначать ситуацию, то есть характеризовать ее как происходящую «каждый раз, всегда» (ср. [№ 1, жен, 19] *Да / я просто уезжала...* [Таня, жен, 18] *Ну / ты вечно в разъездах / в дорогах... Москва — Псков...* [№ 1, жен, 19] *Ну / а что сделать? Жизнь такая.* [Разговор студенток на перемене // Из коллекции НКРЯ, 2008]).

Заключение

Анализ предложно-падежных конструкций в разговорной речи выявил закономерный характер их проявления в данном типе дискурса. Конструкции с ОГС в разговорной речи проявляют высо-

кую степень формального и семантического разнообразия, а также выполняют ряд функций, важных для построения высказывания и текста в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Золотова, 2006а — *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006.
- Золотова, 2006б — *Золотова Г. А.* О видо-временных значениях имен существительных // *Филологические науки.* № 5. 2006. С. 44–51.
- Гр.-80 — *Русская грамматика.* Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Егорова, 2009 — *Егорова Е. Н.* Девербативы как субстантивные формы глагола. Тамбов, 2009.
- Костомаров, 2005 — *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Ли, 2015 — *Ли В. С.* Номинализация как категория книжно-письменной речи (к вопросу о национально-культурной специфике концептуализации действительности в русском языке) // *Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover / Chief editor V. V. Pavlov.* London, 2015. P. 47–50.
- Лаптева, 2003 — *Лаптева О. А.* Теория современного русского литературного языка: Учебник. М., 2003.
- Пичугина, 1990 — *Пичугина В. П.* Отглагольные имена существительные с суффиксом -к/а/ в русском языке XI–XVII вв. М., 1990.

Капустина Татьяна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

tatianakapustina14@gmail.com

Научный руководитель – Н.В. Богданова-Бегларян, д-р филол. наук

ОТ СКАЗАННОГО ОТРЕКАЮСЬ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОРМЫ «ПО ИДЕЕ» В РОЛИ РЕФЛЕКСИВА В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: русская устная речь, рефлексив, лексикализация, прагматикализация, некатегоричность высказывания.

В современном русском языке лексикализованная единица *по идее* обладает специфическими значениями и функциями, требующими описания. Исследование показало, что в устной речи *по идее* может употребляться в роли рефлексива, при этом данная единица снижает степень категоричности высказывания. Источником материала для анализа стал устный подкорпус Национального корпуса русского языка.

Capustina Tatiana

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

I GO BACK ON MY WORDS. ON USAGE OF THE WORD FORM «PO IDEE» AS A REFLEXIVE IN SPONTANEOUS SPEECH

Keywords: russian oral speech, reflexive, lexicalization, pragmaticalization, downtoning.

The word form *po idee* has become a lexicalized unit in modern Russian language, so it has a specific meaning and functions that should be described. The research has shown that the word form *po idee* can be used as a reflexive in oral speech; in addition, it lowers the categoricalness of the utterance. The analysis is based on the material provided by the spoken subcorpus of the Russian National Corpus.

Принцип экономии языковых средств представляется движущей силой речевой стихии. И действительно, редуцированные формы, универбаты, эллиптические конструкции свидетельствуют о том, что принцип экономии активно действует в современной русской речи. «Видно, таким образом, что, по крайней мере, на лексическом и синтаксическом уровнях закон экономии в русском языке действует активно и плодотворно, порождая в результате сжатия,

редукции, компрессии звуковой формы одних единиц — другие, новые, находящиеся на разных этапах своего пути к признанию системой языка (деструкция → созидание)» [Звуковой корпус, 2013, с. 27]. Вместе с тем пристальное внимание к текстам, создаваемым в ситуациях непринужденного общения, дает порой неожиданные результаты, которые напрямую противоречат заявленному выше принципу экономии: происходит расширение реплик за счет единиц, выполняющих чисто парадигматическую функцию: «абсолютно неэкономное расширение, приращение звуковой формы, без всякого приращения смысла» [там же]. «Это происходит в результате того, что говорящий, вынужденный в условиях временного дефицита решать сразу две задачи — обдумывать речь и собственно говорить, — вербализует (попросту озвучивает) весь процесс порождения текста, включая поиск слова, разного рода хезитации (колебания), самокоррекцию и прочие проявления “борьбы” с текстом, а зачастую и с самим собой» [там же]. В ряду таких явлений, раскрывающих процесс порождения речи, выделяются рефлексивы. По определению Н. В. Богдановой-Бегларян, рефлексив — «это единица, свидетельствующая об оценке говорящим собственного высказывания, уже произнесенного или готовящегося к произнесению» [Богданова-Бегларян, 2015, с. 11]. Возможно употребление рефлексива в ситуации поиска или вне таковой. Как отмечает Н. В. Богданова-Бегларян, «говорящий непроизвольно, рефлексивно реагирует на только что сказанное или на то, что хочет произнести, и тем самым действительно осуществляет некоторое метаязыковое комментирование» [там же, с. 13]. Зачастую единицы данного класса безоговорочно относятся исследователями к словам-паразитам, словесному шуму, который существенно снижает качество речи, но вместе с тем не стоит забывать, что данные единицы обладают в речи большим прагматическим потенциалом, а их кажущаяся бессмысленность, часто оцениваемая как недостаток, является свидетельством их перехода в разряд прагматем. О прагматикализации говорят, когда в естественной речи определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний (см.: [Günther, Mutz, 2004; Богданова-Бегларян, 2014]). Настоящее исследование посвящено анализу особенностей употребления прагматикализованной формы *по идее* в функции рефлексива на материале устного подкорпуса Национального корпуса

русского языка (всего было проанализировано 155 употреблений исследуемой единицы).

В Большом академическом словаре (БАС) представлены два значения исследуемой единицы:

- 1) 'по замыслу, в теории' — *В вашем плане есть... смелая попытка на ходу кардинально перестроить турбинное производство с индивидуального на серийное. По идее не ново, но правильно, нужно и, как мне кажется, интересно.* (В. Кетлинская);
- 2) 'как будто бы, предположительно' — *В известном смысле у каждого человека есть своя звезда, или, во всяком случае, должна быть. По идее.* (Н. Дубов) [БАС, 2007, с. 46].

Таким образом, подчеркивается неизменяемость формы *по идее* (отнесение к наречиям, к эквивалентам слова) и принадлежность ее к классу слов со значением вероятности (значение 'как будто бы, предположительно'). По своей форме исследуемая единица примыкает к ряду вводных единиц, образованных из сочетания предлога *по* с формой Дат. п. существительного *идея*, «чаще всего — с определяющей его формой Род. п. от названий или указаний на лицо» [Виноградов, 1975, 69]. Можем сделать вывод, что *по идее* вписывается в ряд вводных слов, указывающих на источник информации: *по слухам, по мнению* и др. Но при этом, отделяясь от парадигмы имени существительного, форма *по идее* становится самостоятельной единицей, развивая в себе модальность вероятности, предположения. В материале исследования большое количество примеров демонстрируют этот «переходный» характер исследуемой единицы, при котором трудно однозначно увидеть в *по идее* указание на теорию, замысел или указание на модальную оценку высказывания (см. [БАС, 2007, с. 46]). В целом, *по идее* в речи снижает категоричность высказывания и выступает, таким образом, показателем не категоричности высказывания. Н. С. Милянчук определяет, что некатегоричность высказывания заключается в «эксплицитном или имплицитном информировании адресата речи о том, что представленное ... мнение (суждение) не является неоспоримым, единственно возможным, окончательным» [Милянчук, 2005, с. 12–13], ср.:

- (1) [№ 8, муж, 22] *По идее / должен стараться изо всех сил / чтобы себя в грязь не опустить.* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

В данном примере говорящий, используя *по идее*, заранее снижает категоричность своего высказывания, «смягчает» модальность долженствования, возводя всё сказанное в ранг некой «идеи», представления, нормы поведения, которая принята в данном обществе. Н. В. Богданова-Бегларян, описывая рефлексивы русского языка, говорит о том, что они могут употребляться как в постпозиции по отношению к сказанному, так и перед высказыванием (у п р е ж д а ю щ и е р е ф л е к с и в ы) (см. [Богданова-Бегларян, 2015]). В таком случае, можно говорить о том, что *по идее* может выполнять роль *рефлексива* как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к высказыванию.

В материале исследования наиболее интересны примеры употребления *по идее* в постпозиции по отношению к высказыванию, ср.:

- (2) [Татьяна, жен, 18] *А еще / в понедельник курсовую сдаем / по идее.*
[Лида, жен, 18] *Да.* [Татьяна, жен, 18] [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006].

В данном примере (на первый взгляд сходном с предыдущим) *по идее* также снижает степень категоричности высказывания, «размывает» достоверность фразы, но здесь реализуется несколько иная стратегия говорящего. Произнеся фразу, говорящий как будто заново возвращается к своему высказыванию, анализирует его и, не решаясь взять на себя ответственность за сказанное, добавляет *по идее*. В отличие от предыдущего примера степень рефлексии говорящего в данном случае намного выше. При этом говорящий будто «оглядывается» на собеседника, привлекает его внимание, чтобы тот подтвердил или опровергнул достоверность информации. Обращает на себя внимание также пауза, которая предшествует *по идее*, ср.:

- (3) [Саша, муж, 24] *Там дом надо вообще сносить / по идее* [Женя, муж, 25] *Не дом / а значит там просто разделительную чуть выдвинуть / я так понимаю / и сделать* [Разговор в офисе страховой компании // Из коллекции НКРЯ, 2006].
- (4) [Владимир, муж] *Хорошо. Ааа в Москве у нас один токо офис / да / получается?* [И1, муж] *Ну я знаю три / по идее. Там / но я не знаю какой / в какой вас пошлют / точно не знаю / куда вас отправят.* [Разговор с оператором топливной компании // Из коллекции НКРЯ, 2015].

В контексте (3) говорящий высказывает своё мнение о том, что необходимо сделать с домом. Так как решение его звучит радикально

и категорично, то он, во-первых, стремится снизить категоричность своего высказывания, во-вторых, дает право собеседнику исправить его, предложить свою точку зрения. В контексте (4) говорящий выражает сомнение даже в своих знаниях.

Рассматривая «популярность» в современной речи слова *как бы*, М. А. Кронгауз говорит о том, что «это слово стало очень своеобразным инструментом вежливости (или «как бы вежливости»). Фактически оно означает, что говорящий отказывается делать резкие и окончательные высказывания о мире, а каждый раз заявляет о своей неуверенности, об отсутствии у него права делать такие утверждения и в том числе о его невысоком статусе, в частности, по отношению к собеседнику» [Кронгауз, 2017, с. 77]. Такого рода рассуждения применимы и по отношению к форме *по идее*, несомненно, с учетом специфического значения исследуемой единицы. Следует отметить, что в устной речи *по идее* иногда участвует в создании настоящих «конгломератов» из прагматем, ср.:

- (5) [Татьяна, жен, 58] *А почему? А сто рублей на что? [Олег, муж, 16] Ну / по идее / как бы просто. Типа там на что-нибудь собираем. Сточочки принести / как бы просто / и будут пятерки. Ну просто мы там ничего не делаем / просто так сидим на ОБЖ.* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2004];

В контексте (5) можем предположить, что говорящий что-то скрывает от собеседника, поэтому, не желая давать точный ответ, пытается избежать признания.

Таким образом, выступая в речи в роли рефлексива, лексикализованная форма *по идее* свидетельствует о стратегии говорящего снизить категоричность собственного высказывания, о его стремлении возвести сказанное к некой «идее», порядку, норме, принятому в данной группе людей, в данном обществе, тем самым сняв с себя ответственность за представленную информацию. В данной функции *по идее* сближается с рядом других частотных единиц, имеющих похожую функцию в речи (ср. *как бы*, *в принципе*, *вроде* и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- БАС, 2007 — Большой академический словарь русского языка. В 30 т. Т. 7: И — Каюр / ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб., 2007.
- Богданова-Бегларян, 2014 — Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27). Пермь, 2014. С. 7–20.

- Богданова-Бегларян, 2015 — *Богданова-Бегларян Н. В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. № 3. 2015. С. 11–17.
- Виноградов, 1975 — *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.
- Звуковой корпус, 2013 — *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи* // Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013.
- Кронгауз, 2017 — *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2017.
- Милянчук, 2005 — *Милянчук Н. С.* Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005.
- Gunthner S., Mutz K., 2004 — Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian / W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.) // What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin, 2004. P. 77–107.

Турчаненко Владимир Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

valdooo@mail.ru

Научный руководитель — Н. В. Богданова-Бегларян, д-р филол. наук

«ТАМ»-АНАЛИЗ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЕДИНИЦЫ В РУССКОЙ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: дискурсивные единицы, устная спонтанная речь, лексикография, русский язык.

В статье предлагается анализ широкого спектра функциональных возможностей слова *там* (в том числе не зафиксированных словарями и грамматиками), делается попытка лексикографического описания этой единицы и демонстрируются нетривиальные контексты ее употребления.

Turchanenko Vladimir

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«ТАМ»-ANALYSIS: THE FUNCTIONAL OPPORTUNITIES OF A UNIT IN ORAL SPONTANEOUS SPEECH

Keywords: discourse markers, oral spontaneous speech, lexicography, Russian language.

The article presents an analysis of a wide range of functional opportunities of the word *там* (including those not fixed by dictionaries and grammars). An attempt to offer a lexicographical description of this unit is made and non-trivial contexts of its use are demonstrated.

Одним из перспективных направлений коллоквиалистики является лексикографическое описание единиц устной речи — как новообразований, не зафиксированных в словарях, так и единиц, вставших на путь грамматикализации и прагматикализации. Именно о такой единице и пойдет речь в данной статье.

Мы будем говорить об опыте описания функциональных возможностей единицы *там* в русской устной спонтанной речи. Данному анализу предшествовали несколько этапов работы: в первую очередь создание пользовательского подкорпуса, затем систематизация и анализ материала; на последнем этапе дана предварительная количественная характеристика материала. Основным его источ-

ником стал блок Звукового корпуса русского языка «Один речевой день» (ОРД); на данный момент рассмотрено более 1000 контекстов употребления исследуемой единицы.

Перед тем как непосредственно приступить к описанию функциональных возможностей единицы в устной речи, мы считаем необходимым кратко дать характеристику актуального лексикографического описания *там*.

В первую очередь *там* — это наречие места в значении 'в том месте, не здесь': «*Катюша поехала в город и остановилась там у тетки*» (Л. Н. Толстой). В. А. Белошапкина отмечает, что в этом значении *там* может употребляться как относительное слово в главном предложении при придаточном с союзным словом *где*: «*Где трудно дышится, / Где горе слышится, / Будь первый там!*» (Н. А. Некрасов).

Там как наречие времени реализуется в значении 'потом, затем': «*Всегда ведь женщины с насмешек начинают, / А там привяжутся, а там и обожают*» (А. С. Грибоедов).

Большая часть имеющихся научных работ, посвященных исследуемой нами единице, представляет собой попытки лексикографического описания *там* как частицы с той или иной функцией («значением» — данная терминологическая разногласия допускаются исследователями повсеместно). Например, в последней редакции четырехтомного словаря русского языка отражены следующие функции *там* [СРЯ, 1988, IV, с. 337]:

- 1) усиление отрицания чего-л., возражения на что-л., указание на невозможность чего-л. в сочетании с местоимением *какой* и наречиями *где, когда, куда*: «*Не раз я принималась уговаривать ее пожить со мной <...> — какое там, не хотела и слышать!*» (В. А. Каверин);
- 2) усиление оттенка пренебрежения или сомнения, неопределенности в сочетании с местоимениями и наречиями: «*Может быть, по научным там всяким законам мы [рабочие] людьми станем через сотню лет!*» (В. В. Вересаев);
- 3) усиление представления о любой, всякой возможности (понимания, истолкования) чего-л. в составе уступительных оборотов *кто бы там ни, что бы там ни* и подобных: «*Что бы ты там ни писала, пьеса Немировича будет иметь успех*» (А. П. Чехов);
- 4) усиление оттенка побудительности в побудительных предложениях: «*Живей что ль, поворачивайся там, Маслова, говорю! — крикнул старший надзиратель в дверь камеры*» (Л. Н. Толстой).

Также в словарях и грамматиках дан варьирующий список устойчивых словосочетаний с компонентом *там*.

Перейдем к описанию функциональных возможностей *там* в устной спонтанной речи. Среди найденных в рамках 1000 контекстов — ранее описанные наречия времени и места, частицы, а также выделенные нами т. н. наречия места и времени (в «хронотопическом» значении), вербальные хезитативы, дискурсивные единицы и маркеры-ксенопоказатели. Функциональная возможность *там* как ритмообразующего маркера находится на стадии проверки и сейчас может быть отмечена лишь в качестве гипотезы.

Переходя к демонстрации материала, сделаем важную оговорку. Неоднократно отмеченная исследователями диффузность устной спонтанной речи (впервые об этом на материале русской спонтанной речи писала В. И. Подлеская [Подлеская, 2013, с. 632–633]) порой становится причиной целого ряда возможных интерпретаций одного контекста; однако эта черта, как отмечают лингвисты, не может повлиять на достоверность аргументированных выводов, сделанных на материале устной речи, и, следовательно, не может стать препятствием на пути исследователя. Также стоит отметить, что анализ каждой единицы проводился в рамках контекста с расширением его до максимально возможного при необходимости.

Там как наречие места довольно часто встречается в русской устной спонтанной речи. Как правило, контекст оснащен пространственным указателем, т.е. пространство обозначено ранее (например, дано название местности, литературного произведения и т. п.). В рамках комплексного анализа единицы также отметим, что исследуемая единица неоднократно становится основой синтаксического параллелизма («и *там* хватает всякого # и *там* хватает швали / да?» (здесь и далее приводятся расшифрованные записи устной спонтанной речи с сохранением корпусной разметки)) или входит в состав конструкции «неопределенное наречие + *там*» («на *нарах* уже / или *где-нибудь там* (...) (а) (...) в *анналах истории* //»). Эти и другие детали имеют существенное значение при полноценном описании функционирования единицы в устной речи.

Там как дейктическое наречие места на корпусном материале было описано Е. О. Косаревой. Как оказалось, *там* — наиболее частотное дейктическое наречие в корпусе, обладающее преимущественно пространственным значением. Преобладание пространственного значения Косарева связывает с тем, что *там* является членом бинарной пары «тут, здесь — там» со значением близости / отдаленности [Косарева, 2016, с. 15].

Также отмечая преобладание пространственного значения, М. С. Зарифян, вслед за Е. В. Падучевой, выделяет подфункцию *а н а ф о р а у там*: «Там гораздо менее дейктивно, чем *тут*, и это проявляется в его свойстве терять семантику отдалённости в определенных контекстах и употребляться в чисто анафорическом значении» [Зарифян, 2015, с. 87] (*Я долго бродил по лесу и вышел на поляну. Там возвышалась большая копна сена*).

Любопытен анализ исследуемой единицы, предложенный П. Бокале: выделяя значение пространственного маркера у *там*, которое исследователь соотносит со значением наречия места, она в то же время приводит довольно спорный контекст, в котором *там*, вероятнее всего, является дискурсивной единицей [Bocale, 2016, с. 9].

Там как наречие времени («здесь первая серия а **там** / ты приезжаешь / уходишь / здесь-то должно всё бы закрутиться //» — в значении ‘потом, затем’) встречается намного реже, а контексты с подобной функциональной возможностью еще более диффузны. Только расширяя контекст и прослушивая материал можно наверняка установить «значение» исследуемой единицы.

Однако встает закономерный вопрос, насколько справедливо выделение отдельной функциональной возможности *там* как временного маркера. Н. Д. Арутюнова полагает, что время не воспринимается органами чувств и представление о нем моделируется в категориях пространства [Арутюнова, 1999]. Вполне возможно, что в случае с *там* для единицы характерен «феномен семантического синкретизма, когда в значении одной лексемы объединены смыслы, относящиеся к разным семантическим полям» [Апресян, 2014, с. 11–12] (в нашем случае — ‘время’ и ‘место’). Об этом также пишет и Бокале [Bocale, 2016, с. 9–10]. Следовательно, те случаи, где сема времени у *там* несомненно присутствовала, но была практически неотделима от места, относились нами к группе т. н. «хронотопических» наречий.

Там как вербальный хезитатив не был отмечен исследователями ранее. Подобные контексты употребления единицы относились чаще всего к частицам (например, так часто поступает И. Б. Левонтина, выделяя у частицы *там* около десятка функций). Однако наличие маркеров поиска (лексических, пауз хезитации и т. д.), а также прослушивание материала помогают выделить ряд контекстов в отдельную группу. Приведем несколько примеров:

- (1) «вы что-то / говорит / ищите(:) (...) а да мои девки ис... присели отдыхают // ну(:) () **там** () шлялись»;

- (2) «ага-га-га // *П стильную **там** всякую мебель //»;
- (3) «прихожу к нему / @ уже списал тебя! @ ага(:) с этой / @ ну / @ с *Н **там** всякой фигней / *Н //».

Как уже было отмечено ранее, для комплексного анализа важны любые детали. Так, в примере (1) стоит отметить вхождение *там* в устойчивое словосочетание *ну там*, чаще всего маркирующее поиск или неопределенность, в (2) и (3) — в состав устойчивого словосочетания *там всякий*.

Там как маркер-ксенопоказатель (вводящий в повествование чужую речь) встречается крайне редко: «и она как на нас налетела! вот **там** ты-ты-ты-ты-ты-ты / да мы алкаши **там*** / ну что-то **там*** такое / я не помню» [ОРД] (* — частица). Эта функциональная возможность также не была отмечена ранее. Связано это с тем, что в подобной функции, как правило, выступает ограниченный набор единиц: классические *мол*, *де*, *дескать* и условно современные *типа*, *такой*, *ах*, *вот* и др.

Мы упоминали о функционировании *там* как ч а с т и ц ы с различными значениями в русской устной спонтанной речи. Наряду со значением неопределенности у частицы *там* возможно выделение значения приблизительности: «Ну сколько? # **грубо говоря там** / **четыре** с половиной на два восемьдесят **где-то** //»; «значит я (э) **немного** зная / а он **чуть-чуть** русского значит **там** пару слов **может быть** /» (значение усиливается за счет *грубо говоря*, *где-то* и др.).

В заключение приведем предварительную количественную характеристику материала (1000 контекстов, 1153 единицы) с точки зрения функциональных возможностей *там* в русской устной спонтанной речи: наречие места — 39,2% (452 ед.), наречие времени — 2,4% (28 ед.), наречие места/времени («хронотоп») — 6,5% (75 ед.), вербальный хезитатив — 10,2% (117 ед.), частица (все значения) — 23% (265 ед.), дискурсивная единица — 17,5% (202 ед.), маркер-ксенопоказатель — 1,2% (14 ед.).

Как видим, примерно третью часть от общего количества проанализированных употреблений занимают не зафиксированные ранее у *там* и не описанные функции дискурсивной единицы (т. н. «мусорное» *там* — *че там по маслу?*, *ну там короче*, *никакой там гарантии* и проч.), вербального хезитатива, наречия с «хронотопическим» значением и маркера-ксенопоказателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, 2014 — *Апресян В. Ю.* Тут, здесь и сейчас: О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении. 2014. № 27. С. 9–41.
- Арутюнова, 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека (2-е изд., испр.). М., 1999.
- Зарифьян, 2015 — *Зарифьян М. С.* Семантическая симметрия и ассиметрия дейктических наречий *тут* и *там* // Типология морфосинтаксических параметров: Материалы международной конференции. М., 2015. С. 73–88.
- Косарева, 2016 — *Косарева Е. О.* О частотности дейктических пространственных наречий в повседневной речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33). С. 14–20.
- Подлеская, 2013 — *Подлеская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: Опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2013. Вып. 12 (19). С. 631–643.
- СРЯ, 1985–1988 — Словарь русского языка: в 4 т. (3-е изд.). М., 1985–1988. Т. 1–4.
- Vocale, 2016 — *Vocale P.* The use of *там* in contemporary russian: a case of semantic bleaching? // Филологическое образование в современных исследованиях: Лингвистический и методический аспекты. М.; Ярославль, 2016. С. 8–16.

Наумова (Печёнкина) Анфиса Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

anfisa.pechenkina@mail.ru

Научный руководитель – Т.Ю.Шерстинова, канд. филол. наук

ДАЛЕКО ЛИ ОТ «НУ» ДО «ЛАДНО»?

Ключевые слова: предикатная группа, спонтанная речь, устная речь, русский язык.

В статье рассматриваются количественные характеристики предикатных групп в повседневной речи в социологическом аспекте с учетом таких параметров, как пол, возраст и профессия информантов. Данные исследования взяты из корпуса устных текстов «Один речевой день».

Naumova (Pechenkina) Anfisa

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

IS IT FAR FROM «НУ» TO «ЛАДНО»?

Keywords: predicate group, spontaneous speech, oral speech, Russian language.

The paper examines the quantitative characteristics of predicate groups in everyday speech in the sociological aspect, taking into account such parameters as sex, age and occupation of the informants. The research data is taken from the ORD corpus of Russian everyday communication (Russian Speech Corpus).

Междисциплинарный подход в исследовании живой речи

На повседневную речь человека влияют очень многие факторы, причем не только лингвистические, но и относящиеся к области физиологии, когнитивистики, семиотики, социолингвистики, психолингвистики, прагматики, антропологии. В данной статье рассматривается, помимо собственно лингвистического, социолингвистический аспект, который включает в себя, в частности, следующие показатели: возраст, гендер и профессия. Кроме этих основных параметров, ученые используют и другие социолингвистические характеристики, например, место рождения, социальное происхождение, уровень образования, уровень речевой компетенции [Богда-

нова, 2010, с. 29–40] носителей языка или уровень владения языком иностранцев, а также отношения и социальные роли между говорящими в процессе конкретной коммуникации.

Поскольку анализ живой речи требует междисциплинарного подхода [Kanu, 2009; Kreiman, Sidtis, 2011; Потапова и др., 2015], в рамках данного исследования очевидной становится необходимость выявления тех социолингвистических аспектов, которые оказывают наибольшее влияние на речь говорящего.

Предикатные группы как синтаксические единицы разговорной речи

Материалом для исследования послужил корпус устных текстов «Один речевой день» (ОРД) [Asinovsky et al., 2009, с. 250–257; Богданова и др., 2015, с. 357–372]. Этот ресурс позволяет анализировать повседневную речь на разных уровнях языка, в том числе с позиций социолингвистики, так как содержит информацию о социальных данных информантов.

Из корпуса ОРД была сформирована выборка, сбалансированная по социальным параметрам (гендеру, возрасту и профессиональной принадлежности) для выявления степени влияния данных параметров на речь человека. В материале представлены 2 гендерные группы (мужчины и женщины), 3 возрастные группы (до 30 лет, от 31 года до 45 лет, старше 45 лет) и 6 профессиональных групп (IT-специалисты, работники сферы образования, офисные работники, представители творческих профессий, представители гуманитарных наук и представители силовых структур). Общий объем исследования составил 961 предикатную группу.

Как известно, устную речь очень сложно однозначно разделить на единицы, аналогичные предложениям в письменной речи. Поэтому для обозначения «устных предложений» ученые предлагают различные понятия, например: высказывания [Бахтин, 1986, с. 258], клаузы (напр., [Тестелец, 2001, с. 229–268]), элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ) [Кибрик, Подлеская, 2009, с. 55–61] и др. В данной статье с этой целью используется термин **предикатная группа**, определяемая как предикат и окружающие его синтаксические элементы. В отличие от традиционного термина **предикативная группа**, под которым понимается предикат и зависимые от него единицы, в предикатную группу в данном исследовании включаются также и формально не зависимые от предиката

единицы (например, частицы, междометия и др.), которые попадают в линейную цепочку слов предикатной группы. Например:

чтоб не париться вот (женщина, 28 лет, работник сферы образования).

Под синтаксическим элементом понимается графическое слово, а также — в некоторых случаях — сращения графических слов, которые нельзя разделить вставкой еще одного слова. Например:

я имею в виду ... (мужчина, 24 года, офисный работник).

Количественные характеристики предикатных групп

Все выделенные предикатные группы были проаннотированы, и была получена информация об их объеме, а также левой и правой дистантностях. Под объемом предикатной группы понимается количество входящих в нее синтаксических элементов. Левая дистантность группы определяется как количество элементов, линейно расположенных до (левее) предиката, правая — после (правее).

Среднее значение объема предикатной группы на исследуемой выборке оказалось равным 4,37 элемента, для левой дистантности это число равняется 2,54 элемента, для правой — 0,84 элемента (здесь и далее значения округлены до сотых). Аналогичные данные были получены для каждой из гендерных, возрастных и профессиональных групп.

Исследование показало, что средний объем предикатной группы у мужчин равен 4,45 элемента, левая дистантность составляет 2,53 элемента, правая — 0,92 элемента. Аналогичные данные для женской речи следующие: 4,31 элемента, 2,54 элемента и 0,78 элемента соответственно. Таким образом, не прослеживается значимая зависимость количественных характеристик «устных предложений» от пола говорящего.

Любопытно, что самая частотная по объему предикатная группа у информантов-мужчин состоит из пяти элементов, вторая по частоте — из четырех элементов, третья — из трех. В то же время у информантов-женщин картина обратная. Однако судить о том, тенденция это или случайность, следует, опираясь на больший объем материала.

Что касается фактора возраста, существенных отличий в размере предикатных групп для говорящих из разных возрастных групп выявлено не было. Но и здесь были сделаны некоторые интересные

наблюдения. Так, самая частотная предикатная группа младшей возрастной группы (до 30 лет) состоит из пяти элементов, в то время как самые частотные предикатные группы и у средней (от 31 год до 45 лет), и у старшей (от 46 лет) возрастных групп состоят из трех элементов. Ранговое распределение объема предикатных групп по частотности вообще сходно у информантов от 31 года, что позволяет выделить молодежь как тяготящуюся к более широким предикатным группам. Примеры показывают, что их размер достигается за счет дискурсивных слов:

то есть как бы даже если я поднимаю руку (женщина, 20 лет, гуманитарий).

Кроме того, различия в объеме предикатных групп в возрастных категориях создаются за счет левой дистантности. Меняется количество элементов, стоящих до предиката (в среднем 2,83 элемента в младшей группе, 2,09 — в средней, 2,71 — в старшей), тогда как правая дистантность во всех возрастных группах варьируется, в среднем, от 0 до 1 элемента (0,82, 0,81 и 0,88 элемента соответственно).

В средней возрастной группе средний объем предикатной группы оказался самым маленьким — 3,9 элемента, а у младшей и старшей групп он почти одинаковый (4,66 и 4,59 элемента соответственно).

Наибольшие различия в размере предикатных групп были выявлены в речи разных профессиональных групп говорящих. Максимальный средний объем предикатных групп ожидаемо оказался у работников образования (4,8 элемента) и гуманитариев (4,7 элемента), у информантов других профессий — от 3,69 элемента до 4,03. Полученные результаты, тем не менее, следует проверить на большей выборке материала. Разница же в объеме создается, как и в возрастных группах, за счет левой дистантности.

Несмотря на то что профессиональные группы показали наибольшие отличия, трудно делать вывод об их конкретных особенностях, так как материала по каждой группе недостаточно для получения достоверных заключений. Впрочем, на основе полученных данных можно предположить, что профессиональный фактор влияет на речь сильнее, чем пол или возраст.

Предварительные выводы исследования

В связи с вышеизложенным предварительные выводы исследования таковы: 1) количественные характеристики предикатных групп в русской устной речи, по всей видимости, не зависят от пола говорящего; 2) в отношении такого фактора, как возраст говорящего, можно предположить, что размер средней предикатной группы у молодежи в среднем выше, чем у представителей других возрастных групп, и можно выдвинуть гипотезу о тенденции к сокращению объема предикатных групп с возрастом; 3) наибольшие различия в размере предикатных групп и их левой дистантности наблюдаются среди представителей разных профессиональных групп говорящих; 4) объем предикатных групп меняется в первую очередь за счет левой дистантности [Мартыненко, 2015, с. 371–378], в то время как правая дистантность у всех информантов вне зависимости от пола, возраста и профессий колеблется в пределах от 0 до 1 элемента. Полученные выводы следует рассматривать как предварительные, планируется проведение исследования на больших объемах речевого материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин, 1986 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Богданова и др., 2015 — *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Выпуск 2. / ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков, 2015.
- Богданова, 2010 — *Богданова Н. В.* Уровень речевой компетенции как реальная социальная характеристика говорящего, определяющая его речь // Материалы XXXVIII международной филологической конференции. Выпуск 22. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 16–20 марта 2009 года / отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб, 2010.
- Кибрик, Подлесская, 2009 — *Кибрик А. А., Подлесская В. И.* (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009.
- Мартыненко, 2015 — *Мартыненко Г. Я.* Синтаксис живой спонтанной речи: симметрия линейных порядков // Корпусная лингвистика-2015. Труды международной конференции / ред. В. П. Захаров, О. А. Митрофанова, М. В. Хохлова, Санкт-Петербург, 2015.
- Потапова и др., 2015 — *Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебедева Н. Н., Агибалова Т. В.* Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности. М., 2015.

- Тестелец, 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Asinovsky et al., 2009 — *Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation Principles and Annotation. // Matoušek V., Mautner P. (eds). Text, Speech and Dialogue. Lecture Notes in Computer Science. Vol 5729. Berlin; Heidelberg, 2009.
- Kanu, 2009 — *Kanu A. M.* Reflections in Communications. An Interdisciplinary Approach. University Press of America, 2009.
- Kreiman, Sidtis, 2011 — *Kreiman J. and Sidtis S.* Foundations of Voice Studies. An Interdisciplinary Approach to Voice Production and Perception. Wiley-Blackwell, 2011.

Кудлаева Алёна Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

Alena.kudlaeva@mail.ru

Научный руководитель – Н.В. Богданова-Бегларян, д-р филол. наук

О «ПЯТОМ» И «ДЕСЯТОМ» В ЦИФРАХ

Ключевые слова: устная речь, прагматема, маркер-аппроксиматор, прагматикализация.

Анализ материала устного подкорпуса Национального корпуса русского языка показал, что единицы «пятый» и «десятый» не всегда являются порядковыми числительными. Статья посвящена особенностям употребления исследуемых единиц в русской устной речи в зависимости от некоторых социальных характеристик говорящего (гендер и возраст), а также типа устной речи: публичная, непубличная речь и киноречь (транскрипты фильмов).

Kudlayeva Alyona

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

ABOUT «ПЯТЫЙ» AND «ДЕСЯТЫЙ» IN FIGURES

Keywords: colloquial speech, pragmatic item, approximation marker, pragmaticalization.

The analysis of the material of The Corpus of Spoken Russian of the Russian National Corpus showed that the «пятый» and «десятый» units are not always numerals. The paper is dedicated to the peculiarities of the use of the studied units in colloquial Russian speech, depending on some social characteristics of the speaker (such as gender and age) and also the type of colloquial speech: public, non-public, and cinema speech (transcripts of films).

Устная спонтанная речь часто демонстрирует явления, свойственные только ей: изменение круга значений некоторых единиц, появление новых слов и т. д. Зачастую даже трудно определить, к какой части речи относится та или иная единица, функционирующая в нашей повседневной коммуникации. Устная речь насыщена различными прагматемами, которые характеризуются ослаблением или утратой своего основного лексического значения (*туда-сюда, как бы, там, скажем так, короче* и т. д.). Это касается и единиц *пятый* и *десятый* (во всех их формах). В основном, исследуемые

единицы являются порядковыми числительными, употребленными при перечислении объектов. Это подтверждают примеры:

- (1) *Мне кажется / если себе это представить и понять / то это перестанет казаться удивительным // Пятое изображение / если можно // Здесь мы видим корову с определённым головным убором [Беседа о Древнем Египте, НТВ, «Гордон» // Из коллекции НКРЯ, 2003–2004];*
- (2) [Н. Попов, муж, 1954] *Ещё одна наша пара / Яна Хохлова / Сергей Новицкий / перед произвольным танцем занимают десятое место [Н. Попов, А. Горелик. Спортивный репортаж: фигурное катание. Чемпионат Европы. Женщины. Произвольная программа (19.01.2006) // Т/к «Спорт», прямой эфир, 2006].*

Однако были обнаружены случаи, в которых нельзя с уверенностью сказать, что это порядковые числительные:

- (3) *Я раньше знала / первый / второй / третий / пятый / десятый полетел [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж) // Фонд «Общественное мнение», 2003];*
- (4) [Глазычев, муж] *Дальше всё известно / технология известна / в зависимости от средств вы сделаете то / другое / третье или пятое [Мастер-класс В. Глазычева «Проектное воображение и проектная готовность» // Из коллекции НКРЯ, 2001].*

В примере (3) речь идет о космонавтах. Помимо анализируемых единиц, в данном фрагменте имеются и другие, несомненно атрибутируемые как числительные: *первый, второй, третий*. Дальше идет пропуск *четвертого* и сразу, друг за другом, идут *пятый и десятый* — то есть появляется аппроксимация. Аппроксимация — частичная или полная замена ряда перечисления. Маркеры — аппроксиматоры являются маркерами нечеткой, или приблизительной, номинации, которые употребляются говорящим, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным. В частности, говорящий может испытывать трудности при поиске нужного слова или выражения, может вообще его не знать или может считать его по какой-либо причине нежелательным для употребления. В.И. Подлесская считает, что при использовании маркера нечеткой номинации говорящий может следовать одной из двух стратегий: стратегии замещения и стратегии совмещения. В первом случае маркер используется вместо какого-то слова или выражения, во втором — совместно с другим способом его наименования [Подлесская, 2013, с. 632]. В контек-

сте (3) использована стратегия совмещения, т. е. частичная аппроксимация, так как говорящий при перечислении называет не каждый объект, а пропускает некоторые из них.

В примере (4) *первое* и *второе* только подразумеваются: *то* — это *первое*, *другое* — *второе*. Поэтому опять становится понятным, откуда появляется *третье*. И дальше снова пропуск *четвёртого* и идет *пятое*. То есть здесь еще видна связь со счетом, но уже не так отчетливо, как в первых двух примерах. Наблюдается явная прагматикализация при ослаблении основного лексического значения числительного.

В ходе рассмотрения всех найденных примеров с анализируемыми единицами был обнаружен ряд случаев, где у *пятого* и *десятого* наблюдается полное или почти полное исчезновение основного лексического значения:

- (5) [Г. Симонова, жен] *Я сказала: «Ни то / ни другое / ни пятое меня не трогает [На краю... (Владивосток). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») 2009];*
- (6) [Светлана] *И зачем мне вот это все нужно / это все оформлять / себе / мужу / всё это прочее / десятое [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].*

Здесь исследуемые единицы уже нельзя назвать числительными. В примере (5) идея счета практически не обнаруживает себя (иначе вслед за *то*, *другое* следовало бы *третье*, а не *пятое*); в примере же (6) она отсутствует абсолютно (*всё это прочее / десятое*). Числительные в этих контекстах переходят из своего лексико-грамматического разряда в класс прагматем, а конкретно — в разряд маркеров-аппроксиматоров, так как обе единицы являют собой частичную замену компонентов ряда перечисления.

Таким образом, материал исследования можно разделить на две группы: 1) *пятый* и *десятый* — числительные, 2) *пятый* и *десятый* — прагматемы. Последняя группа, в свою очередь, делится на подгруппы, где анализируемые единицы сохраняют идею счета и где их можно отнести к «чистым» аппроксиматорам.

На речь огромное влияние имеет совокупность различных факторов: пол говорящего, его возраст, уровень образования, профессия, профессиональное или непрофессиональное отношение к языку, место жительства, социальная активность и т. д. [Бродт, 2017]. В качестве основных аспектов дискурсивного анализа для данного исследования были выбраны пол и возраст. Материалом послужили

50 вхождений из Устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ). Анализ, направленный на определение зависимости устной речи от пола и возраста говорящего, проводился по следующим сферам употребления:

- 1) публичная речь — предполагает наличие слушателей и запись на носителях;
- 2) непубличная речь — не предполагает наличия посторонних слушателей и фиксации на носителях;
- 3) киноречь.

Первые две сферы употребления были выделены создателями УП, так как степень публичности высказывания влияет на степень подготовленности устного текста. В рамках настоящего исследования была также выделена киноречь по причине наличия в составе УП довольно большого количества материалов транскриптов художественных фильмов.

Для количественной характеристики материала был использован показатель частоты встречаемости на миллион словоформ — *ipm* (сокр. от *instances per million words*). Выборки текстов, на которых измеряется частотность, могут значительно различаться по объему, и *ipm* упрощает сравнение частоты слова [Ляшевская, Шаров, 2009, с. 5]. Это общепринятая в мировом научном сообществе единица, рассчитываемая по формуле:

$$IPM = \frac{\text{кол. — во вхождений} \times 1\,000\,000}{\text{кол. — во контекстов}}$$

Под количеством вхождений имеется в виду, сколько всего употреблений данной единицы обнаруживается при поиске в заданном подкорпусе.

Под количеством контекстов понимается общий объем слов в заданном подкорпусе.

Как показывают результаты анализа, и в публичной речи, и в киноречи *ipm* мужчин выше, чем *ipm* женщин (мужчины, публ. = 2,183 *ipm*; женщины, публ. = 0,779 *ipm*; мужчины, киноречь = 2,826 *ipm*; женщины, киноречь = 0,848 *ipm*). Это представляется понятным, так как часто киноречь ориентируется на устную разговорную речь, а наблюдать за публичными выступлениями гораздо легче, чем следить за собой и окружающими в повседневной жизни.

Женщины в большей степени используют различные неологизмы, «модные» слова и другие периферийные единицы в непублич-

ной речи. Когда дело касается публичности, то они стремятся избежать их употребления и заменить на синонимичные более широкоупотребительные слова [Lakoff, 1979; Горошко, 1996, с. 12]. Это подтверждает и тот факт, что в непубличной речи число *ipm* у женщин почти в 4 раза выше, чем *ipm* женщин в публичной речи (женщины, публ. = 0,779 *ipm*; женщины, непубл. = 3,058 *ipm*).

Мужчины стараются доминировать в беседе, прямо выражать свои намерения, чаще дискутировать, использовать нецентральные разделы словаря. Они хорошо чувствуют себя в ситуации говорения на публику. Видимо, поэтому использование мужчинами *пятого* и *десятого* в публичной речи выше, чем употребление исследуемых прагматем в непубличной речи (мужчины, публ. = 2,183 *ipm*; женщины, непубл. = 3,058 *ipm*).

В возрастном аспекте исследования была использована следующая классификация, принятая на симпозиуме АПН СССР в 1967 году:

- 1) от 22 (21 у женщин) до 35 лет — молодость — время создания семьи, освоения выбранной профессии, определения отношения к общественной жизни и своей роли в ней;
- 2) от 35 до 60 (55 у женщин) лет — зрелость — характеризуется полным расцветом личности, когда человек может реализовать весь свой потенциал [Звуковой корпус, 2013, с. 81].

Как показали результаты анализа, данные по публичной речи соотносятся с данными по киноречи. Видимо, здесь тоже играет роль фактор ориентирования киноречи на устную речь.

До 35 лет молодежь активно употребляет прагматемы *пятый* и *десятый* в непубличной речи. В этот период навыки и умения, связанные с использованием речевых единиц, еще только формируются. Молодые люди более подвержены влиянию различных тенденций и веяний моды. Они социально активны, и их речевые навыки в большой степени проявляются именно в непубличной речи.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Киноречь ориентируется на публичную речь.
2. Женщины используют прагматемы, неологизмы и «модные» слова активнее в непубличной речи.
3. Употребление мужчинами *пятого* и *десятого* в публичной речи выше, чем использование исследуемых прагматем в непубличной речи

4. В молодости человек гораздо чаще использует исследуемые прагматемы в непубличной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бродт, 2007 — Бродт И. С. Спонтанный монолог в лингвистическом и социолингвистическом аспектах: на материале текстов разного типа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
- Горошко, 1996 — Горошко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): автореф. дис... докт. филол. наук. М., 1996.
- Звуковой корпус, 2013 — Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013.
- Ляшевская, Шаров, 2009 — Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.
- Подлесская, 2013 — Подлесская В. И. Нечёткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М., 2013.
- Lakoff, 1979 — *Lakoff R. Stylistic Strategies within a Grammar of Style // The Annals of the New York Academy of Sciences. 327. 1979. P. 53–78.*

Сунь Юй

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

592523881@qq.com

Научный руководитель – Ю.А. Кузнецов, канд. филол. наук

ГЛАГОЛЫ ИЗМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ПРИЗНАКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: глаголы изменения количественного признака, лингвометодика, синонимический ряд.

Статья посвящена описанию особенностей семантики и функционирования русских глаголов изменения количественного признака в современном русском языке. Главное внимание уделяется анализу семантики единиц, входящих в синонимический ряд с доминантой «увеличивать» с целью семантизации данных глаголов в иностранной аудитории.

Sun Yu

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

VERBS OF THE QUANTITATIVE CHARACTERISTIC CHANGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE (LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS)

Keywords: verbs of change of the quantitative characteristic, linguistic methodology, synonyms series.

The article describes the peculiarities of the semantics and functioning of verbs of the quantitative characteristic change in modern Russian. The main attention is paid to the analysis of the semantics of the units included in the synonymic row with the dominant 'increase' in order to semanticize these verbs in a foreign audience.

Русские глаголы изменения количественного состояния представляют собой значительную трудность для изучающих русский язык иностранных студентов. Одним из наиболее рациональных путей описания функционально-семантических характеристик глагола, на наш взгляд, является анализ синонимических рядов отдельных лексико-семантических групп (далее — ЛСГ) на материале художественных и публицистических текстов. Именно ЛСГ признается

наиболее ярким выражением системности лексики и является одной из основных форм группировки лексики при обучении РКИ.

Глаголы изменения количественного признака, входя в лексико-семантические объединения глаголов качественного состояния, являются ядерными для любого языка. Данные глаголы представлены большим количеством единиц. В состав исследуемой группы входят более 70 русских глаголов. По причине того, что данные глаголы входят в большое количество синонимических рядов, они имеют различия в лексическом значении, синтагматических и парадигматических связях, часто стилистически маркированы.

В данной статье мы остановимся на глаголах, которые входят в синонимические ряды с доминантой «увеличивать» и объединяются интегральной семой «увеличение количественного признака». В результате анализа семантики глаголов, отобранных из толковых словарей русского языка, было выделено несколько синонимических рядов, а именно:

1-й ряд: увеличивать, ускорять, форсировать;

2-й ряд: увеличивать, распространять, продолжать, растягивать²;

3-й ряд: увеличивать, расширять¹, растягивать¹, удлинять;

4-й ряд: увеличивать, прибавлять², множить / умножать¹, удваивать;

5-й ряд: увеличивать, множить/умножать², наращивать², прибавлять¹, приумножать/преумножать, расширять²;

6-й ряд: увеличивать, наращивать¹, надстраивать;

7-й ряд: увеличивать, придавать, усиливать;

8-й ряд: увеличивать, усугублять.

Исходя из словарных дефиниций синонимов, мы выделили ряд признаков, которые отличают эти единицы друг от друга и от доминанты по значению.

Данные синонимы отличаются друг от друга и от доминанты наличием или отсутствием следующих дифференциальных сем: «увеличение», «величина», «объём», «количество», «продолжительность», «скорость», «сила», «важность», «число», «степень проявления чего-л.», «размер», «вес», «длина», «высота», «значительность, охват чего-л. / круг действия», «темп», «граница / предел», «пространство», «дополнение», «ширина», «качество», «чувство», «эффективность / опережение», «время» и т. д.

Глагол «увеличивать» имеет значение «делать (сделать) что-л. больше, крупнее, значительнее по величине, объёму, количеству, продолжительности, скорости, силе, важности и т. п.», является общей доминантой в каждом синонимическом ряду.

Для примера возьмем первый синонимический ряд глаголов — «увеличивать, ускорять, форсировать». Данный синонимический ряд имеет доминанту «увеличивать» и включает три разнокоренных глагола. Глагол *ускорять* означает ‘увеличивать (увеличить) скорость протекания какого-л. процесса или действия, уменьшать (уменьшить) промежуток времени для выполнения чего-л.’; глагол *форсировать* входит в ряд значением ‘увеличивать (увеличить) много и резко скорость, темп какого-л. действия процесса, действовать с опережением чего-л.’ Таким образом, здесь глагол *увеличивать* выражает значение ‘делать (сделать) что-л. больше по скорости’ [Бабенко, 1999].

В Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) были найдены следующие примеры употребления данных глаголов в следующих значениях:

а) ‘увеличивать темп, рост, шаг’ — *А агрессивная музыка заставляет **увеличивать** скорость без надобности.*

б) ‘ускорять процесс, рост, развитие, действие, шаг’ — *Специалисты утверждают, что при такой нагрузке МКАД ежемесячно теряет на каждой колее около 1 см асфальта, причем применение шипованной резины значительно **ускоряет** темпы разрушения дорожного покрытия.*

в) ‘форсировать процесс, события, шаг’ — *От попыток **форсировать** рост предостерегла и первый зампреда Центробанка Ксения Юдаева.*

Из рассмотрения данных и подобных примеров мы отметили, что в сочетаемости глаголов *ускорять* и *форсировать* с существительными они взаимозаменяемы. В китайском языке тоже существуют разные глаголы, выражающие это значение. Например, *ускорять процесс, форсировать процесс* — 加速进程, 加快进程, т. е. дословно ‘сделать быстрее для действия’. Иероглифы 加速 加快 аналогичны по значению русским глаголам *ускорять* и *форсировать*, они синонимичны. Иероглиф 进程 означает «процесс».

В качестве примера возьмём ещё один из рядов, а именно синонимический ряд глаголов «увеличивать, распространять, продолжать, растягивать²». Данный синонимический ряд имеет доминанту *увеличивать* и включает четыре разнокоренных глагола. Глагол *растягивать* входит в данный ряд своим вторым значением: ‘увеличивать, делать слишком длительным, долгим’. Глагол *распространять* входит в ряд значением ‘делать более обширным’, а глагол *продолжать* — значением ‘увеличивать продолжительность чего-л. во вре-

мени'. Все глаголы стилистически нейтральны. Приведем некоторые примеры из НКРЯ:

а) *Это вещество (агар-агар) увеличивает сроки хранения хлеба, кондитерских изделий.* Китайский аналог — 'увеличивать сроки хранения' 延长保存期限.

Кроме того, встретились словосочетания, имеющие прямые аналоги в китайском языке: *увеличивать рабочий день* — 延长工作时间, *время выполнения заказа* — 延长订单时间, *продолжительность жизни* — 延长寿命.

б) *Эта тишина растягивает время, делает его «державным».*

Словосочетание *растягивать время* переводится как — 延长时间.

в) *В основном привлекали не за то, что ты болел, а за то, что тебя предупредили, а ты продолжаешь распространять инфекцию или уклоняешься от лечения.*

Словосочетание *распространять инфекцию* переводится как — 扩大感染.

Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

Словосочетание *распространять информацию* переводится как — 传播信息.

Кроме того, сочетание *распространять слухи* имеет следующий китайский аналог — 散步传闻, *распространять вирус* — 扩散病毒.

г) *С большим уважением относиться к личностям, способным, вопреки всеобщим, по большей части надуманным, материальным ценностям, продолжать жить в соответствии со своими личными убеждениями.*

Словосочетание *продолжать жить* переводится как 继续生活.

Глагол *продолжать* в своем значении 'что-либо делать в течение какого-то времени' имеет китайские аналоги в следующих сочетаниях: *продолжать варить* 继续煮, *продолжать работать* 继续工作, *продолжать идти вперед* 继续向前走 и т. п.

Рассмотрев функционирование единиц данного синонимического ряда, мы сделали вывод, что в русском языке один глагол обладает разной сочетаемостью, но при передаче значения русских глаголов на китайском языке возможно употребление как одного глагола, так и разных глаголов. Многое при этом зависит от ситуации и контекста. Например, при передаче значения 'удлинения времени' можно использовать глаголы *увеличивать* и *растягивать*², однако в китайском языке это значение передается одним словом — 延长.

Глагол *распространять* имеет следующую сочетаемость: *распространять информацию* — 传播信息, *распространять слухи* — 散布传闻, *распространять вирус* — 扩散病毒, в китайском же языке для этих словосочетаний используются разные иероглифы: 传播、散布、扩散, но все они имеют значение ‘делать более обширным’.

Функционально-семантический анализ русских глаголов со значением изменения количественного признака на фоне китайского языка позволит в дальнейшем оптимизировать семантизацию данных единиц в китайской аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко, 1999 — Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

Реутова Майя Анатольевна

Самарский национальный исследовательский университет (Самарский университет),
Самара, Россия

Maija14@mail.ru

Научный руководитель – Д.В.Тимошина, ст. преп.

НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ОСВОЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО КИТАЙСКОГОВОРЯЩИМИ СТУДЕНТАМИ

Ключевые слова: РКИ, фонетика, предупреждение ошибок, китайскоговорящая аудитория.

Статья посвящена распространенным фонетическим ошибкам при изучении русского как иностранного китайскоговорящими студентами. Анализируются наиболее распространенные ошибки, связанные с неправильной постановкой трудных звуков или с их недостаточной отработкой на начальном этапе обучения. Особое внимание уделяется наиболее сложным русским звукам и их сочетаниям. Приводятся результаты осмысления методической проблемы, связанной с неправильным освоением русского произношения.

Reutova Maya

Samara National Research University (Samara University),
Samara, Russia

THE MOST COMMON PRONUNCIATION MISTAKES DURING ACQUIRING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE BY CHINESE- SPEAKING STUDENTS

Keywords: Russian as a foreign language, phonetics, mistake prevention, a Chinese-speaking audience.

The paper deals with widespread phonetic mistakes during studying of Russian as a foreign language by Chinese-speaking students. The most common mistakes associated with incorrect placement of difficult sounds or insufficient training at the initial stage of education have been analyzed. Special attention is paid to the most complex Russian sounds and their combinations. The results of an insight into the methodical problem connected with the insufficient acquisition of Russian pronunciation are presented.

Преподавание русского языка как иностранного является развивающейся областью, а следовательно, методика преподавания, инструменты, средства обучения и упражнения должны меняться.

Более того, учет особенностей родного языка для изучения иностранного — неотъемлемый аспект преподавания. В рамках данной статьи выявляются наиболее частотные ошибки при изучении русского языка китайскоговорящими студентами, связанные с особенностями фонологических систем русского и китайского языков. Уже существуют разработки многих лингвистов в этом направлении, однако в данной работе учитывается коммуникативный подход и нормы государственного стандарта относительно используемых в упражнениях лексики и коммуникативных ситуаций.

В исследовании решались следующие задачи.

1. Сопоставить фонетические системы русского и китайского языков.
2. Выявить типичные ошибки в произношении русских звуков и их сочетаний.
3. Сформулировать методические рекомендации к вводно-фонетическому курсу.

Стремление включить коммуникативный подход во вводно-фонетический курс не исключает параллельного изучения основных грамматических и интонационных конструкций в основном курсе русского как иностранного. Это подход также предполагает использование аудио-визуальных элементов и строится на основе когнитивных потребностей учащихся. Введением коммуникативного подхода в самом начале изучения мы пытаемся предотвратить возникновение языкового барьера, ведь человек начинает говорить с первых занятий, а к седьмому занятию уже способен произносить связанные фразы и отвечать на вопросы.

Вводно-фонетический курс — неотъемлемая вступительная часть изучения русского языка. С целью создания методически грамотного обеспечения курса нами были сформулированы основные ошибки, которые встречаются в речи китайскоговорящих обучающихся, стремящихся овладеть русским языком. Учащиеся сталкиваются с проблемами в произношении русских звуков из-за глубоких различий фонетических систем русского и китайского языков. Многие артикуляционные навыки учащихся-китайцев сильно отличаются от тех, которые требуют русские звуки для чистого произношения. Неправильно поставленное произношение некоторых звуков имеет сложно устранимые последствия на всех последующих уровнях обучения.

Говоря о глубоких различиях между китайским и русским языками, прежде всего необходимо отметить, что китайский язык — то-

нальный и ведущую роль в нем играет слог. Максимальное количество звуков в слоге — четыре. Китайский слог делится на инициаль (согласный звук, с которого начинается слог) и финаль (остальная часть слога).

В китайском слоге не допускается сочетание согласных звуков, что доказывается примерами: 是/对 — [shì/duì] — да; 不是 — [bù shì] — нет; 谢谢 — [xiè xiè] — спасибо [Дикарёв, 1999, с. 34–84].

В русском языке количество слогов в слове может быть больше четырех. Более того, становятся возможными сочетания двух и более согласных звуков: *привет* (2), *спасибо* (2), *страна* (3), *государство* (4).

Вследствие этих различий можно наблюдать такие явления, как эпентеза и диереза, когда обучающиеся вставляют или выбрасывают один неудобный для произношения звук.

Но не все звуки представляются проблемными. Многие фонемы присутствуют в китайском языке и не вызывают затруднения у обучающихся. Изначально предлагается отработать звуки, которые знакомы китайскоговорящим студентам, откорректировать их в рамках фонетики русского языка, а потом изучать новые звуки, в сочетании с уже известными.

Освоение звуков русского языка начинается с гласных звуков [a], [o], [y], [э] в сочетании со звуками [в], [ф], [з], [с], [л], [х], [ц], [ч] и [ш], так как эти звуки присутствуют в китайском языке и они просты для воспроизведения. Порядок ввода звуков был определен в ходе анализа фонетической структуры китайского языка. Последовательность введения остальных звуков: [ж, б, д, г], [п, т, к], [ы], [б', в', г', д', з', к', л', м', н', п', с', п', ф', х'], [р'], [р], звуки [р — л], [ш'].

Если отработка звонких — глухих и твердых — мягких звуков, а также звука [ы] проводится с иностранцами из множества разных стран, то обучение китайскоговорящих студентов отличается акцентированием внимания на постановке звуков [р'] — [р] и отработке их в паре со звуками [л] и [ж].

В китайском языке звук [р] отсутствует, что порождает ряд ошибок: ротацизм, параротацизм, смешение звуков [р] и [ж]. Ротацизм — опущение в произношении звука [р], вследствие чего появляются такие слова, как *п_ивет*, *госуда_ство*, *завт_акать*. Параротацизм — смешение звуков [р] и [л], когда звук [р] заменяется более простым, но близким артикуляционно звуком [л] и появляются слова *п[л]ивет*, *госуда[л]ство*, *[л]усский язык*.

Такая ошибка, как смешение звуков [р] и [ж], имеет иной род происхождения — графический. В китайском языке, по данным

В. В. Кавериной [Каверина, 1998, с. 87], существует звук, сходный по звучанию со звуком [ж], но в транскрипции изображается латинским знаком [r], а потому при транскрибировании русских слов латиницей может возникнуть графическое несоответствие. Чтобы избежать смешения звуков [p] и [ж] при прочтении транскрипции, необходимо заранее установить, что китайский звук [r] не соответствует русскому звуку с таким же обозначением, иначе слово «рук» с транскрипцией [ruk] будет прочитано как «жук», а слово [p]ать превратится в «жать».

Пары звуков [p] — [л] и [p] — [ж] в русском языке, так же как звонкие и глухие согласные, несут смысловоразличительную функцию в словах [p]ом — [л]ом, [p]ис — [л]ис, [p]ечь — [л]ечь, [p]ука — [л]ука, [p]ук — [ж]ук, [p]ать — [ж]ать, а следовательно, их неразличение и смешение приводит не только к фонетическим, но и фонологическим ошибкам.

Продемонстрируем примеры упражнений на отработку звуков [p] и [p']. Постановку звуков предлагается начинать с мягкого [p'] в позициях между:

- 1) звонким согласным и гласными, которые обозначают мягкость предыдущего согласного (*и, е, я, ю*);
- 2) глухим согласным и гласным, который обозначает мягкость предыдущего согласного (*и, е, я, ю*);
- 3) двумя смягчающими гласными;
- 4) между гласными *а, о, у, э* и йотированными гласными *е, и, я, ю*.

После согласного, перед гласным: **время, адрес, Андрей, Андрюша, грязный, в среду, привёт, воскресенье.**

Между гласными: **дерево, берег, интерес, передавать, потерять, Марина, варить, турист, курить, историк, горячий, повторять, говорю.**

В начале слова (сочетания *ре, ри, ря*): **река, ребёнок, рис, рисовать, рядом.**

В конце слова (*рь*): **январь, секретарь, дверь, октябрь, ноябрь, декабрь.**

Диалог на отработку звука [p']:

— Привёт, Маша!

— Привёт, Паша! Это мой друг.

— Как его зовут?

— Его зовут Андрей.

— Приятно познакомиться! Что ты делаешь?

— Я рисую.

- Что ты рисуешь?
- Я рисую дерево, реку и берег.
- Это интересно!
- Пока, Паша!

После отработки [p'] необходимо отработать противопоставление [pa], [p'a] и [p'ja] и потом переходить к освоению сочетания твёрдого звука [p] с другими гласными и согласными.

[Pa]: *ра́з, ра́дио.*

[P'a]: *ря́дом, горя́чий, повто́ря́ть, теря́ть, поте́ря́ть, пра́мо, гря́зный.*

[P'ja]: *Да́рья, пе́рья, бурья́н, предго́рья, валерья́нка, рья́ный.*

Далее следует аналогичный комплекс упражнений для отработки звука [p], от простых сочетаний и слов к более сложным.

Как уже было сказано, возможно смешение звуков [p] и [л], следовательно, эти звуки нужно отработать в паре. Пример упражнений по данному пункту: *ар — ал, ор — ол, ур — ул, ыр — ыл, ара — ала, оро — оло, уру — улу, ыры — ылы, ла — ра, ло — ро, лу — ру, лы — ры, рал — лар, рол — лор, рул — лур, рыл — лыр.* Каждое сочетание следует отработать по несколько раз для лучшего запоминания артикуляции и звучания. Аналогичный комплекс упражнений подходит для отработки каждого сложного звука.

Итак, в ходе исследования была предпринята попытка разобрать основные ошибки, связанные с фонетическими особенностями двух языковых систем. В результате можно видеть рекомендации для предотвращения появления частотных ошибок в произношении и языкового барьера. Данные рекомендации были созданы на основе анализа родной фонетики обучающихся: отсутствие определенных звуков в китайском языке, связанные с этим частотные ошибки в артикуляции и произношении диктуют нам порядок ввода звуков, выбор типа упражнений и акцентирование внимания на тех или иных фонемах и их сочетаниях. Нами были выделены основные ошибки, такие как смешение звуков, неразличение звуков, эпентеза, диереза, ротацизм, параротацизм и т. д. Исследование легло в основу разработки методических рекомендаций к вводно-фонетическому курсу для китайскоговорящих студентов.

ЛИТЕРАТУРА

- Дикарёв, 1999 — Дикарёв А. Д. Русско-китайский разговорник. М., 1999.
 Каверина, 1998 — Каверина В. В. Язык, сознание, коммуникация: сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой. М., 1998.

Порядина Юлия Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Россия
iporiadina@gmail.com

Черенцова Вера Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
Санкт-Петербург, Россия
v.cherentsova@gmail.com
Научный руководитель – С.Т.Саевич, канд. филол. наук

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕЛЕРЕКЛАМЫ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

Ключевые слова: телереклама, рекламный текст, лингвометодический потенциал рекламы, РКИ, преподавание РКИ.

В статье изложены результаты анализа лингвометодического потенциала телерекламы на занятиях РКИ. Ролики предоставляют широкие возможности для презентации нового материала и работы над ним при обучении иностранному языку. Как показывает практика, такой материал хорошо запоминается и способствует формированию языковой, речевой, коммуникативной, страноведческой компетенций и языковой догадки.

Poriadina Iuliia

Saint Petersburg State University (SPbSU),
St. Petersburg, Russia

Cherentsova Vera

Saint Petersburg State University (SPbSU),
St. Petersburg, Russia

TV COMMERCIAL AS A METHODOLOGICAL INSTRUMENT IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE

Keywords: TV commercial, foreign language teaching, Russian as a foreign language, advertising text, culture-oriented linguistics.

The article describes the research aimed at defining how TV commercials can be used in foreign language classes to pass linguistic and cultural information to foreign students studying Russian. Selected Russian commercial videos were analyzed as a representation of linguistic material and a source of information about rules of behavior and norms of speech in different typical communicative situations.

На сегодняшний день имеется существенное количество исследований, посвящённых лингвометодическому потенциалу использования рекламы на уроках иностранного языка. Исследователи сходятся в том, что аутентичные рекламные тексты предоставляют широкие возможности для презентации нового материала (лексического, грамматического и страноведческого) и работы над ним при обучении иностранному языку [Панина, 1999; Медведева, 2002; Орехова, 2003; Квон Сун Ман, 2006 и др.]. Такой материал хорошо запоминается и способствует формированию языковой, речевой, коммуникативной и страноведческой компетенций, а также языковой догадки.

В упомянутых работах речь идёт, в первую очередь, о печатной или о наружной рекламе. Научных исследований, посвящённых лингвометодическому потенциалу телерекламы нам не встретилось, хотя данный вид рекламы обладает рядом существенных достоинств и предоставляет большие возможности для преподавателя.

Остановимся подробнее на доводах в пользу использования рекламных роликов на уроках русского как иностранного.

- Тексты рекламы, в том числе и видеорекламы, как правило, яркие и легко запоминающиеся. В них высока частотность использования приемов языковой игры, шуток, прецедентных имён и феноменов.
- Видеоряд и текст (как устный, так и письменный) продуманы таким образом, чтобы максимально заинтересовать зрителя, привлечь и удержать его внимание.
- Создатели рекламы всегда стремятся к максимальному качеству изображения и звука.
- Ролики находятся в свободном доступе, их поиск не составляет труда в отличие, например, от учебных фильмов для иностранцев.
- Дискретность сюжетов и текста позволяет разнести ролики по уровням владения языком. У преподавателя есть возможность подобрать ролик, соответствующий конкретному уровню или немного его опережающий. При этом визуальная поддержка обеспечивает интуитивное понимание студентами вербальной составляющей.
- Реклама отличается жанровым и стилистическим разнообразием и всегда имеет конкретного адресата. Ролики можно подбирать в соответствии с текущими методическими задачами и интересами учащихся.

- Продолжительность рекламных роликов в среднем составляет 20–30 секунд, в редких случаях — минуту и более. При этом, в отличие от отрывка из художественного фильма, они представляют собой законченное произведение.
- Далеко не всегда рекламируемый товар является смысловой доминантой сюжета, а потому использование рекламного материала не подразумевает обязательное воздействие на студента как на потенциального потребителя. Демонстрацию ролика студентам можно остановить ещё до презентации товара и представления информации о нём.

Проведённый нами анализ лингвометодического потенциала рекламных роликов позволил определить различные направления работы с ними. Так, на занятиях РКИ телереклама может служить:

- 1) наглядной иллюстрацией того или иного языкового явления (в частности, при введении нового материала), к примеру категории вида глагола (*Пойдём, тебе точно понравится!*);
- 2) материалом для аудирования и говорения. Например, можно предложить студентам только прослушать аудиосопровождение роликов и предположить, что происходит в это время на экране;
- 3) набором речевых образцов и клише, которые студенты могут использовать в схожих ситуациях. (*Есть вещи, которые одинаково идут всем* — иллюстрация использования глаголов движения в переносном значении);
- 4) материалом, стимулирующим дискуссию и обсуждение (социальная реклама против курения, домашнего насилия, а также ролики, популяризирующие идею усыновления ребёнка, актуализирующие проблему загрязнения окружающей среды и т. п.);
- 5) визуальной опорой для речетворчества студента (аспект говорения). Обучаемому может быть предложено описывать или комментировать происходящее на экране (эпизод с мистером Бином (персонаж Роузны Аткинсона) на крыше — для иллюстрации глаголов движения);
- 6) подтверждением и иллюстрацией той или иной страноведческой / лингвокультурной информации.

Рассмотрим заключительный пункт подробнее. Сюжеты рекламных роликов и их тексты зачастую содержат отсылки к прецедентным феноменам, в том числе историческим и литературным личностям, текстам, фактам и событиям. Представители русской

лингвокультуры мгновенно считают эти отсылки, однако для иностранцев их дешифровка весьма затруднительна. На занятиях РКИ подобные ролики могут служить вспомогательным материалом при обсуждении той или иной исторической личности или конкретного произведения. При этом у студентов в памяти остаются яркие и запоминающиеся визуальные образы. К примеру, ролики банка «Империал», посвященные выдающимся историческим личностям, буквально за одну минуту дают представление об описываемой исторической эпохе и раскрывают характер главного персонажа. Среди героев этой серии российские императоры Пётр I, Екатерина II, Николай I, Александр II, а также Иван Грозный и А. В. Суворов.

Отметим и тот факт, что отдельные рекламные тексты сами становятся прецедентными — они «уходят в народ» и становятся частью лингвокультуры («Чего стоим, кого ждём» — реклама Росгосстраха; «А ты налей и отойди» — реклама сока «Моя Семья»). Иностранному студенту, разумеется, не нужно заучивать их, однако об их существовании следует знать, так как подобные прецедентные выражения часто встречаются в речи носителей языка.

Описанию языка рекламы и использованию в рекламных текстах фразеологизмов, пословиц и устойчивых словоупотреблений посвящено много научных работ. Тот факт, что сюжеты рекламных роликов — это, как правило, типизированные ситуации, характеризующиеся набором речевых образцов и клише, делает их ценным лингвометодическим материалом. На основе представленной в ролике ситуации обучаемые могут разыграть собственные, при этом у них уже будет минимальный набор необходимых фраз. Демонстрация ролика на занятии облегчает понимание фразеологизма, пословицы или устойчивого словосочетания и служит примером ситуации, подходящей для их использования в речи.

Диалоги персонажей, их речевое поведение в той или иной ситуации отражают общепринятые этикетные нормы. В частности, учащиеся могут почерпнуть информацию об обращениях, принятых в семейном общении, — *Мама, Вы опять за старое...* (обращение к теще, реклама масла «Злато»).

Телереклама на уроках РКИ также может служить краткому знакомству с представителями современной российской культуры, известными личностями (музыкантами, актёрами, спортсменами). Знаменитости, задействованные в рекламе, либо «играют» самих себя, зачастую в комической форме демонстрируя собственные таланты (например, балерина Анастасия Волочкова в рекламе батончика «Сникерс», музыкант Тимати в рекламе средства от боли в горле

«Тантум Верде»), либо исполняют какую-либо роль. В обоих случаях у студентов появляется возможность на протяжении 15–30 секунд наблюдать известную личность в действии, слышать естественный голос, что, несомненно, повышает мнемоническую эффективность представляемого материала.

Помимо всего вышеперечисленного, телереклама может выступать как презентация экзотизмов — слов, обозначающих уникальные национальные блюда и предметы быта (квас, творожный сырок, творог). Особенно важную роль это может играть при обучении РКИ вне языковой и бытовой среды, а также на начальных этапах обучения в России, поскольку студенты, посещая супермаркет или заведения общественного питания, не всегда склонны к экспериментам. В рекламе же не только демонстрируются способы употребления, но зачастую и процесс приготовления продукта.

Реклама и рекламные ролики нацелены на немедленное восприятие, они всегда создаются параллельно с продуктом (или событием) или даже опережают их появление. Бренды конкурируют между собой и борются за внимание зрителя, а потому реклама всегда живо отзывается на все изменения в языке и немедленно их использует. Тексты телерекламы прекрасно справляются с ролью наглядного «учебного пособия», в котором фиксируются изменения в языке, особенно это касается неологизмов. Таким образом, телереклама представляет собой постоянно обновляемый источник нормативной живой устной речи в бытовых ситуациях, что особенно ценно при обучении РКИ вне языковой среды.

Выводы

Телереклама является частью современной российской лингвокультуры, широко доступным и легко запоминающимся языковым материалом.

Несмотря на традиционное отношение к телерекламе как к стилистически сниженному языковому источнику, некоторые её образцы могут использоваться на занятиях РКИ, предоставляя живой, актуальный, яркий, нормативный, обновляемый, репрезентативный лингвометодический материал.

ЛИТЕРАТУРА

Квон Сун Ман, 2006 — Квон Сун Ман Лингвометодический потенциал рекламных текстов и его использование при обучении русскому языку иностранных учащихся: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006.

- Медведева, 2002 — *Медведева Е. В.* Рекламный текст в плане межъязыковой и межкультурной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- Орехова, 2003 — *Орехова И. А.* Языковая среда. Попытка типологии. М., 2003.
- Панина, 1999 — *Панина Е. Ю.* Рекламные тексты как средство формирования иноязычной компетенции в профессионально-ориентированном чтении (на материале немецкого языка: дис. ... канд. пед. наук. Пермь, 1999.

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

Коновал Елизавета Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

eli-kat@yandex.ru

Научный руководитель – М. В. Рождественская, д-р филол. наук

«СОРАСПЯТИЕ СО ХРИСТОМ» В «ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»: СОЕДИНЕНИЕ БЫТОВОГО ПЛАНА И ЕВАНГЕЛЬСКИХ СЮЖЕТОВ

Ключевые слова: Аввакум, житие, бытовые детали, крест, Евангелие.

Статья посвящена анализу эпизодов «Жития» протопопа Аввакума (ред. А, 1673 г.), в которых наблюдается параллель между жизненным путем Аввакума и сюжетами Евангелия. Исходя из мысли А. М. Ранчина о том, что жизнь протопопа представляет собой «сораспятие» с Христом, показывается, как сюжеты евангельской истории актуализируются Аввакумом в бытовом плане текста, полном подробностей реальной жизни.

Konovall Elizaveta

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«CO-CRUCIFIXION» WITH CHRIST IN «THE AUTOBIOGRAPHY OF THE ARCHPRIEST AVVAKUM»: CONNECTION BETWEEN ROUTINE DETAILS AND THE GOSPEL PLOTS

Keywords: Avvakum, autobiography, details of everyday life, cross, the Gospel.

The article is dedicated to an analysis of some episodes from the «Life of the Archpriest Avvakum» (revision A, 1673), where we examine the parallels between the life of Avvakum and the plots from the Gospel. Following A. M. Ranchin's assertion that the archpriest's life presents itself as a «co-crucifixion» with Christ, we show how the gospel stories permeate real-life details throughout the text.

Долгое время исследователей волновал вопрос о том, на какие источники ориентировался Аввакум при написании своего агиографического текста. В исследованиях перечислялись различные авторы и их произведения. Однако до сих пор неизвестно, сопоставлял ли себя Аввакум непосредственно с Иисусом Христом в боль-

шей степени, нежели это предполагает агиография, тем самым снижая роль устойчивых моделей жанра. Если да, то в какой степени? Мы основываемся на точке зрения А. М. Ранчина [Ранчин, 1999, с. 21–42], по мысли которого Аввакум видит свою жизнь как единый текст, который проецируется не только на истории апостолов и ряд эпизодов жизни святых, но и на крестную смерть Христа. Это дало исследователю возможность называть жизнь Аввакума постоянным «сораспятием» с Христом [Ранчин, 1999, с. 31]. Не ограничиваясь только сюжетом, связанным непосредственно с казнью на кресте, постараемся проиллюстрировать более широкое развёртывание темы «сораспятия», главным образом реализующейся через символ креста, а также постараемся найти параллели с другими эпизодами из жизни Спасителя. Заметим, что такие исследователи, как, например, А. М. Ранчин или Н. М. Герасимова [Герасимова, 2012, с. 172–272], в первую очередь обращали внимание либо на фразеологию и слои цитат в «Житии» Аввакума, либо на общую идеологическую составляющую. Однако нас интересует именно пласт бытовых подробностей.

Бытовой план понимается нами широко — это не только предметы обихода, но и различные фактические подробности событий, реальная зарисовка, которые придают тексту «Жития» натуралистичность, документальность и наглядность изображаемого.

Наша задача состоит в том, чтобы показать, каким образом в конкретных фрагментах «Жития» через бытовой план раскрываются и развиваются евангельские сюжеты и мотивы.

С нашей точки зрения, одним из наиболее интересных способов включения Аввакумом в текст символа креста происходит при помощи приема визуализации, который предполагает создание яркого зрительного образа, служащего толчком к раскрытию сакрального смысла. Проанализируем два эпизода.

В первом эпизоде говорится о том, как Аввакума везли перед ссылкой в Сибирь на расстрижение в московский храм: «Посем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и, стязався много со мною, паки также отвели. Таже и в Никитин день ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов» [Аввакум, 1963, с. 147].

Положение тела Аввакума («водили пешева») с растянутыми руками («руки ростяня») напоминают фигуру Спасителя, распятого на кресте. К тому же этот эпизод вызывает у читателей Жития ассоциацию с Крестным путем Иисуса Христа, несущего крест на Голгофу. Значимой деталью является указание на направление — «против

крестов» (против движения крестного хода), что в контексте восприятия мира средневековым сознанием приобретает отрицательную коннотацию. Религиозный человек средневековья оценивал пространство (и время) как «плохое» или «хорошее», и потому для Аввакума это важно [Гуревич, 1972].

«Патриарший двор» (двор патриарха Никона), выступающий в качестве места судилища и власти, во многом соотносится с евангельской «преторией». Аввакума, осуждённого, как и Христа, ведут «на суд»: Христа к Пилату для вынесения вердикта, а Аввакума — на расстрижение (лишение сана), что для священника является символической смертью. Аввакум нередко обращается к образу Пилата, говоря о своих современниках-антагонистах. Например, его именем был назван полуголова Иван Елагин [Аввакум, 1963, с. 170]. Это может служить дополнительным подтверждением нашего предположения о том, что патриарх Никон в «Житии» соотносится с этим библейским персонажем.

Обратимся к заключительному эпизоду первой длительной ссылки Аввакума с семьёй: «А я, месяц спустя после ево [Пашкова], набрав старых, и болных, и раненых, кои там негодны, человек з десяток, да я з женою и з детми — семнадцать нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же Бог наставит, ничево не бояся» [Аввакум, 1963, с. 158].

Окружение Аввакума представляется неслучайным: с точки зрения христианина, эти люди — «сырые и убогие» — особенно угодны Господу, как и дети (Ср.: «Будьте как дети». Мф. 18:3). Укрепленный Аввакумом крест на носу лодки является не только символом мира, но и знаком прошлых и будущих страданий главного героя. Таким образом, вновь возникает отсылка к «крестному пути», и одновременно подчеркивается важная для мученика идея смирения. Более того, рассказ о сибирской «волоките» в «Житии» имеет кольцевое обрамление: начало и конец описания ссылки «осенены» крестом (образ креста вводится разными способами, но всегда через описание жизненных реалий).

Продолжая рассматривать текст в евангельском ключе, обратим внимание на эпизод, в котором рассказывается о том, как Аввакум спасает двух человек: «Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моя головы искал <...> А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу, — пускай ево беднова! — либо покаяся о гресех своих. Да и другова такова же увез замотая. Сего не

хотели мне выдать; и он ушел в лес от смерти и, дождавсь меня на пути, плачючи, кинулься мне в карбас. Ано за ним погоня!» [Аввакум, 1963, с. 158].

Жестокий Василий раскаивается и получает благодаря Аввакуму не только спасение от физической смерти, но и спасение души. Во фразе «от смерти к животу» проявляется благодаря контексту смысл перехода от смерти к «животу вечному», то есть к вечной жизни. Это соотносится с евангельским эпизодом, в котором говорится о «благоразумном разбойнике», распятом одновременно с Христом (Лк. 23:43), которому Христос обещает, что тот войдет в Рай (Лк. 23:43). В результате, Аввакум, сам претерпевший множество страданий, прощает своего учителя и спасает его.

Второй спасенный Аввакумом человек «плачючи» тоже молит о прощении и спасении и избегает смерти (слезы — важный топос в древнерусской житийной литературе). (Ср.: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» Мф. 5:4). В итоге, оба «разбойника» раскаиваются и оказываются спасенными. Аввакум, таким образом, вновь видит параллель между своей жизнью и жизнью Христа. Она проводится за счет того, что в текст особенным образом включаются автобиографические бытовые моменты из жизни протопопа.

Рассмотрим еще один эпизод, который, с нашей точки зрения, содержит в себе параллель с самым началом жизни младенца Иисуса: «Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещёнова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле» [Аввакум, 1963, с. 144].

Этот эпизод всегда рассматривался в рамках прямого сравнения Аввакумом реального автобиографического события (крещения младенца) с эпизодом из Деяний апостолов (как, например, это делает Н. С. Демкова [Демкова, 1974, с. 94] и др.). Однако нам представляется, что здесь содержится отсылка к сюжету о бегстве Святого Семейства в Египет. Обратимся к евангелию: «Отшедшымъ же имъ, се, Ангель Господень во сне явися Иосифу, глаголя: воставъ поими Отроча и Матерь его, и бежи во Египеть, и буди тамо, дондеже рекути: хоцеть бо Иродь искати Отрочате, да погубить его. Он же во восставъ, поять Отроча и матеръ Его нощию, и отиде во Египеть» (Мф. 23:13–14).

Посмотрим на состав действующих лиц: Аввакум, Настасья Марковна (его жена) и младенец. В Евангелии фигурируют также муж (Иосиф), жена (Богородица) и ребенок (младенец Иисус). Помимо сходства семьи Аввакума со Святым Семейством, некую па-

раллель можно усмотреть при обращении к контексту и композиции.

И в Житии, и в евангельском рассказе побегу предшествует чудо. В евангелии описано чудесное явление Иосифу «Ангела Господня» с предупреждением об опасности. В «Житии» совершается чудесное спасение Аввакума от смерти иным способом: его хотел застрелить «из пищалей» «началник» Иван Родионович, но ни один пистолет не выстрелил [Аввакум, 1963, С. 144]. Таким образом, в судьбы героев обоих текстов вмешивается Божия воля, спасая их от гибели («И божия воля учинила так же» [Аввакум, 1963, С. 144]).

Чудо, описанное в Житии, снова выходит за границы жанрового канона. Аввакум насыщает эпизод реалистическими подробностями: столкновение происходит по дороге Аввакума на службу в храм, подробно описано оружие, зажигание пороха и т. д.

Поведение протопопа соответствует поведению мученика, который готов принять любые страдания во имя Христа: перед лицом смерти он молится, а врага благословляет («Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он же меня лает, а я ему рекл: “Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!”» [Аввакум, 1963, с. 144]), тем самым прощая его. Протопоп ведет себя в соответствии со словами Христа из нагорной проповеди: «Азь же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящымъ васъ и молитесь за творящих вамъ напасть и изгонящыя вы» (Мф. 5:44).

В результате анализа нескольких эпизодов «Жития» протопопа Аввакума мы видим, что он, ориентируясь на жизнь и страдания Иисуса Христа, сближает их с собственной биографией, но парадоксально не снижает их сакрального смысла. В рассмотренных отрывках, как и в остальном тексте «Жития», роль подробно описанных реалий жизни Аввакума, которые не только создают яркую визуальную картину, во многом состоит в раскрытии плана уже не бытового, но высшего смысла, отсылающего читателя к Священному Писанию. Часто Аввакум отсылает к евангельским текстам подспудно, однако описанные им события своей собственной жизни выстраиваются в определенную последовательность и создают почву для разворачивания и «обытовления» целых сюжетов из Священного Писания. Таким образом, вновь возникает «двуплановость», характерная для творчества Аввакума. Автор создает отсылки к жизни Иисуса Христа за счет детального описания собственной жизни, полной страданий, сохраняя при этом высокий авторитет священного текста, который служит ему образцом.

ЛИТЕРАТУРА

- Аввакум, 1963 — Жизнеописание Аввакума (текст) // Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 139–178.
- Демкова, 1974 — Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (Творческая история произведения). Л., 1974.
- Герасимова, 2012 — Герасимова Н. М. Поэтика «Жития» Аввакума // Прагматика текста: фольклор, литература, культура. СПб, 2012. С. 177–272.
- Гуревич, 1972 — Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Ранчин, 1999 — Ранчин А. М. Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI–XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, «Записка» Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Епифания) // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 21–42.

Дульцева Юлия Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

heartlessdollart@rambler.ru

Научный руководитель – П.Е. Бухаркин, д-р филол. наук

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М.КАРАМЗИНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: Карамзин, XVIII век, Письма русского путешественника, апеллативный конвой, имя персонажа.

Цель данной статьи – обозначить различные аспекты проблемы именования в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина. В статье рассмотрено 4 классификации имён: по форме, по статусу персонажа, по наличию апеллативного конвою, по адресанту речи, а также случаи изменения антропонимов в разных редакциях текста, безымянность персонажей и употребление сносок после имени.

Dultseva Yulia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

CHARACTERS' NAMES IN THE NARRATIVE STRUCTURE IN «LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER» BY N.M.KARAMZIN: DEFINING THE PROBLEM

Keywords: Karamzin, XVIII century, Letters of a Russian Traveler, appealative, character's name.

The aim of the research described in this article is to consider various aspects of the nomination problem in «Letters of a Russian Traveler» by N.M.Karamzin. It represents 4 classifications of names based on their nomination form, the characters' status, presence of appellatives, and the addressee's identity. The research also describes cases of the names changing in different editions, nameless characters, and footnotes after names.

В центре внимания нашего исследования — особенности использования личных имён в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина. Карамзин, как один из виднейших реформаторов русского языка, относился с большим вниманием к словоупотреблению в своих произведениях, о чём свидетельствуют многочисленные правки в разных редакциях «Писем». Мы полагаем, что в данном тексте функционирует особого рода система антропонимов. Чтобы определить её характер, нам необходимо выяснить: возможно ли установить конкретные закономерности использования способов номинации в тексте? как они влияют на структуру повествования «Писем русского путешественника»? Приступая к этой работе, мы

поставили перед собой задачу классифицировать имена в тексте и наметить основные пути решения поставленных выше вопросов.

Научную базу настоящего исследования составляют работы, в которых были установлены имена большинства прототипов персонажей, упоминаемых в «Письмах русского путешественника». На данный момент существует два издания «Писем», составители которых стремились найти исторических прототипов для как можно большего количества действующих лиц: это текст в составе книги «Н. М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах», опубликованный с примечаниями Г. П. Макогоненко и П. Н. Беркова [Берков, Макогоненко, 1964, с. 787–805], и публикация в серии «Литературные памятники» с комментариями Ю. М. Лотмана и Л. Е. Генина [Генин, Лотман, 1987, с. 613–676]. Необходимо отметить также вклад их предшественников в установление скрытых имён в тексте: В. В. Сиповского [Сиповский, 1899] и Х. Ротэ [Rothe, 1968]. Нельзя обойти стороной ряд современных научных сочинений, в которых были установлены имена некоторых персонажей: а именно монографии Р. Бодэна [Baudin, 2011] и Г. Пановски [Panofsky, 2010], статьи Ж. Брейара [Брейар, 2005] и О. Б. Кафановой (напр., [Кафанова, 2010]). Едва ли не единственной работой, затрагивающей проблему антропонимики Карамзина, является монография В. Н. Топорова, одна из глав которой посвящена выявлению литературного следа имени Лиза [Топоров, 1995].

В ходе непосредственного анализа имён собственных мы оперируем такими ключевыми терминами современной ономастики, как «поэтоним» (то есть «любое собственное имя, функционирующее в художественном произведении» [Калинкин, 2002, с. 5]), «апеллятивный конвой, или идентификатор» (то есть «нарицательных существительных, сопровождающих имя собственное в тексте» [Васильева, 2009, с. 35]).

Целью статьи является разработка классификации антропонимического материала «Писем» на примере первых 20 писем с опорой на приведённые выше термины. Вслед за Лотманом и Успенским, подготовившими критическое издание «Писем», в качестве основной редакции нами была выбрана последняя прижизненная публикация, вышедшая в свет в 1820 году.

Всего нами было рассмотрено 90 имён собственных, употреблённых по отношению к 88 именованным персонажам текста (рассказчик и его ящик фигурируют под двумя именами). Этот материал был распределён по группам в рамках четырёх классов и й. Основные трудности возникли при работе со случаями, когда

фигурирующие в тексте персонажи остаются безымянными — возник вопрос о правомерности включения их в классификацию. Нам удалось выявить 41 случай употребления нарицательных существительных в роли номинации персонажа, что является значительным числом. Мы включили его в классификацию поэтонимов по форме, в которую вошли имена в полной форме, инициальные обозначения, сокращения, а также номинация при помощи нарицательных существительных. Ещё одна классификация основана на критериях статуса персонажа, его роли в тексте и отношений с повествователем. Параметром третьей классификации является наличие апеллятивного конвоя при имени собственном. Последняя, четвёртая классификация, базируется на характере адресанта речи, т.е. звучит ли имя собственное из уст самого путешественника и выражает его мысль или является вкраплением «чужой речи». Рассмотрим каждую из этих классификаций подробнее на примерах из текста «Писем».

1. В данной классификации по форме мы выделили три основные группы поэтонимов: имена в полной форме, инициальные обозначения, сокращения, а также дополнительную, в которой номинация осуществляется при помощи нарицательных существительных. Число полных имён составляет 73 единицы (*Гуттенберг*, *Рамзей*, *Анюта*, и др.), было найдено 16 инициальных обозначений (*Д**, *Г.З.*, *Л*** и др.) и одно сокращение (*Птрв.*). Важную роль играет такая интересная особенность карамзинского текста, как безымянность персонажей. Многие из персонажей, как эпизодические, так и встречающиеся на протяжении большей части произведения, остаются безымянными, и изображаются писателем при помощи этнонимов (*Англичанин*, *Чухонец*, *Италиянец* и др.), названий родов деятельности (*Французский Купец*, *Полицейской*, *Почтмейстер* и др.), воинских званий (*Капитан*, *Порутчик*, *Майор* и др.).

2. Следующая классификация основана на критерии статуса персонажа в тексте и его отношений с рассказчиком. Группа, в которую входят личные знакомые путешественника (*Д**, *Г.З***, *Птрв.*) по своему составу пересекается с группами инициальных обозначений и сокращений (17 единиц). Опираясь на комментарии исследователей, которые установили ранее принадлежность этих имён реальным людям и их личное знакомство с Карамзиным, мы можем утверждать, что данные антропонимы писатель скрывает, оставляя намёк на реальное имя упомянутого в тексте человека. По нашему мнению, перед писателем стояла этическая проблема: стоит упоминать ли имена современников в тексте? В рассматриваемом нами

фрагменте текста «Писем» также присутствуют две отсылки к имени самого автора: *Mr. Nicolas, брат Рамзей*. Упоминаются известные исторические лица, имена которых не скрыты автором (*Гуттенберг, Кант, Юм* и др.; всего 37 имён). Особое внимание следует уделить именам крепостных людей и слуг в «Письмах», которые встречаются на протяжении произведения семь раз: *Ли́за, А́нюта, Ка́спар* и др. Имя своего крепостного Карамзин не пытается скрыть, поскольку в данном случае отпадает вопрос этичности его упоминания — рассказчик называет его просто *Илья*, другого слугу — наёмного русского ямщика — *наш Гаври́ла*, в пику *Францу́женке*, зовущей его *Габри́елем*. В «Письмах» нередко встречаются антропонимы персонажей, имеющих мифологическое или фольклорное происхождение: *Ганс Вурст, Доктор Фауст, Арлекин* и др. — всего 13 имён. В речи повествователя фигурируют имена семи литературных персонажей: упоминаются *Доктор Пангрос, Барон Мейнау, Эйла́лия* и др. Безымянными остаются все случайные люди, которых встретил рассказчик, их имён он не знал исходя из логики повествования: *Англича́нин, Капита́н, Чухоне́ц* и т. д. В ряде ситуаций персонаж фигурирует на протяжении части произведения и рассказчик с ним хорошо знаком, однако его имя он сознательно не называет: *Францу́женка, Пари́жский купе́ц, мой знако́мый Англича́нин* и так далее. Автор обозначает таких персонажей с большой буквы, оставляя, однако, без имени.

3. Наличие апеллятивного конвоя при поэтониме лежит в основе третьей классификации. В рамках данного исследования возникает необходимость обозначить границы апеллятивного конвоя: апеллятивов может быть один или несколько, располагаться они могут как слева (*Госпо́дин И****), так и справа (с *известным Никола́ем, Авто́ром и книго́продавце́м*), а также окружать имя с обеих сторон (*Госпо́дином Коце́бу, Ревельски́м жителе́м*), выполняя синтаксическую функцию приложения и не выходя за рамки одного предложения. Особенный интерес вызывают случаи, когда роль апеллятива выполняет другое имя собственное: *Иудейско́й Со́крат, покойный Менде́льзон*. В этих случаях мы можем наблюдать субъективную оценку деятельности исторического лица путешественника через сравнение с другим авторитетом. Всего в тексте было выявлено 33 случая употребления апеллятивного конвоя при антропонимах.

4. Параметром последней представленной нами классификации является принадлежность речи конкретному адресанту в тексте: нам важно установить, в каких случаях звучит речь рассказчика, а в каких — «чужое слово». В большинстве случаев адресантом является

рассказчик, однако в рассмотренном нами фрагменте текста удалось выявить восемь поэтонимов, звучащих из уст других персонажей: *Mr. Nicolas* (обращение Французенки к рассказчику), *князь Потёмкин*, *Барон фон М*** (упоминаются в репликах Поручика) и др. В использовании этих имён виден характер литературной обработки материала со стороны рассказчика: так, он переводит некоторые из них на русский язык (из контекста очевидно, что Поручик изъяснялся на немецком), но обращение *Mr. Nicolas* оставляет на французском; имя *Барона фон М*** оказывается скрыто за инициальным сокращением, подобно именам личных знакомых Карамзина.

При рассмотрении специфики системы антропонимики «Писем русского путешественника» нельзя обойти вниманием случаи различных употреблений одного и того же имени в разных редакциях текста. Наблюдается тенденция Карамзина с течением времени делать намёк на конкретное лицо всё менее «прозрачным»: так, если в первых редакциях «Писем» рассказчик обращается «к своему приятелю ****», то в последнем прижизненном издании, датированном 1820 годом, мы видим обращение «к своему Д**» (то есть к Александру Ивановичу Дмитриеву — другу Карамзина, как отмечает Лотман [Лотман, 1987, с. 613–614]).

В редких случаях автор использует разные обозначения для лица в тексте одной редакции: на протяжении повествования под разными именами в тексте фигурирует И. М. Шаден, директор пансиона, где обучался Карамзин. Если в начале рассказчик именуется его «Профессор **», то в конце он фигурирует как «Профессор Ш*». При этом, учитывая контекст, в котором упоминается «профессор», не остаётся сомнений, что речь идёт об одном и том же человеке: в обоих случаях он упоминается как наставник и директор пансиона, где получал образование путешественник.

В некоторых случаях Карамзин добавляет в тексты более поздних редакций примечания с биографическими уточнениями: к примеру, он поясняет характер личности «*нещастного Л***» [Карамзин, 1987, с. 9]. Данной сноски не было в ранних редакциях писем: судя по всему, Карамзин счёл возможным добавить её только после смерти поэта в 1792 году.

В статье была представлена попытка выделить ряд аспектов проблемы способов именованности персонажей Карамзиным: в частности, были представлены классификации, на основе которых можно провести анализ поэтонимов и апеллятивного конвоя при них. В ходе дальнейшего изучения следует представить и систематизиро-

вать весь материал из «Писем русского путешественника» в разных редакциях, чтобы сделать окончательные выводы.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков, Макогоненко, 1964 — *Макогоненко Г. П., Берков П. Н.* Комментарий: Карамзин. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 787–805.
- Брейар, 2005 — *Брейар Ж.* Париж, город страха в «Письмах русского путешественника» Николая Карамзина // Семиотика страха (Механизмы культуры). М., 2005. С. 65–81.
- Васильева, 2009 — *Васильева Н. В.* Собственное имя в мире текста. М., 2009.
- Калинкин, 2002 — *Калинкин В. М.* Литературная ономастика, или Поэтика онима. Донецк, 2002.
- Карамзин, 1987 — *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1987.
- Кафанова, 2010 — *Кафанова О. Б.* «Парижский текст» Н. М. Карамзина («Письма русского путешественника») // Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарфадина К. И. Литература в синтезе искусств. СПб., 2010. С. 263–272.
- Лотман, 1987 — *Лотман Ю. М.* Комментарии // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 613–676.
- Сиповский, 1899 — *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
- Топоров, 1995 — *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М., 1995.
- Baudin, 2011 — *Baudin R.* Nikolai Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011.
- Panofsky, 2010 — *Panofsky G. S.* Nikolai Mikhailovich Karamzin In Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010.
- Rothe, 1968 — *Rothe H.* N. M. Karamzins europaische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Berlin; Zurich, 1968.

Кириллова Анна Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

annaingvar@yandex.ru

Научный руководитель – А.А.Карпов, д-р филол. наук

К ТИПОЛОГИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

Ключевые слова: русская романтическая литература, типология женских образов, портрет, психологическая характеристика, сюжетная функция.

Статья представляет собой описание типологии женских образов в русской литературе эпохи романтизма. Материалом исследования являются произведения 1820–1830х гг. А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Е. А. Баратынского, В. Ф. Одоевского, Н. А. Полевого, В. И. Карлгофа и др. Основой типологии стали портретные и психологические характеристики персонажей и их сюжетные функции.

Kirillova Anna

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

TO THE TYPOLOGY OF FEMALE IMAGES IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE ROMANTIC ERA

Keywords: Russian Romantic literature, the typology of female images, portrait, psychological characteristic, plot function of the character.

This article presents the typology of female images in the Russian literature of the Romantic era. The research material is the works of the 1820s–1830s written by A. Pushkin, M. Lermontov, N. Gogol, E. Baratynsky, V. Odoevsky, N. Polevoy, V. Karlhof and others. The typology is based on portrait and psychological characteristics of characters and their plot functions.

Первая в отечественной науке классификация романтических женских образов принадлежит В. М. Жирмунскому, который выделил два типа красавиц, часто встречающихся в произведениях Байрона и Пушкина, — это «кроткая добродетельная христианка и страстная, необузданная, преступная гаремная красавица» [Жирмунский, 1924, с. 162]. Разделение основано на существующей в «восточных» и «южных» поэмах устойчивой связи психологиче-

ских характеристик персонажей с их портретом. Героини первого типа описываются как голубоглазые и светловолосые красавицы, например, Медора («Корсар» Дж. Г. Байрона (1814) и Мария («Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина (1824)), а представительницы второго типа — как «восточные женщины с черными глазами и темными волосами» [Жирмунский, 1924, с. 161], например, Гюльнара («Корсар» Байрона) и Зарема («Бахчисарайский фонтан» Пушкина). Анализируя литературное потомство «южных поэм» Пушкина (тексты-подражания, в которых в большей или меньшей степени повторяются сюжеты и набор персонажей), Жирмунский отмечает, что постепенно два типа героинь сближаются и становятся неразличимыми: цвет глаз и волос теряет связь с душевным обликом персонажа и перестает быть однозначной характеристикой. Так, например, Баяна, персонаж «Киргизского пленника» Н. Н. Муравьева (1828), оказывается то голубоглазой, то черноглазой красавицей.

Типология Жирмунского, созданная на основе «восточных» поэм английского и «южных» поэм русского автора, применима не ко всем произведениям тех же авторов и тем более других писателей-романтиков. Тем не менее, сами выделенные ученым типы героинь встречаются в литературе романтической эпохи чрезвычайно часто.

М. Г. Давидович в статье [Давидович, 1927], написанной вскоре после выхода книги Жирмунского, подкрепила его классификацию подробным анализом портретного стиля женских образов на объемном материале русской прозы 1830-х гг. Давидович проиллюстрировала соотнесенность портрета двух типов героинь с их душевным обликом: в большинстве повестей неземная, божественная красота оказывается отличительным признаком женщины-ангела с «прекрасной, чистой, кроткой, святой душой» [Давидович, 1927, с. 92], а портрет демонической женщины, отражает «проникнутую сладострастием, чувственную» натуру [Давидович, 1927, с. 93]. Автор обращает внимание на то, что иногда портреты женских персонажей совмещают в себе признаки обоих типов героинь (например, портрет Зары в романе «Вадим» М. Ю. Лермонтова (традиционно датируется в пределах 1832–1834 или 1833–1834)).

В работе О. Буле [Буле, 1996] описываются уже известные нам типы женских персонажей, которые исследователь называет северным и южным. Основное внимание Буле уделяется «ментальности и темпераменту, а не чисто внешним чертам» [Буле, 1996, с. 28]. По мнению Буле, южные красавицы — это страстные, коварные, своенвольные и жестокие героини, а северные — добродетельные и ис-

кренные женщины либо холодные, лицемерные представительницы света.

В статье Г.Ю.Завгородней «Образ идеальной возлюбленной в прозе романтизма и символизма» [Завгородняя, 2015] объектом внимания становятся не исследованная ранее группа сверхъестественных женских персонажей. В зависимости от их сюжетной роли выделяются две типа подобных образов: персонажи, которые являются идеалом и источником вдохновения для романтического героя и служат проводниками в недоступный ему мир, например, Девушка-облако («Облако» К. С. Аксакова (1837)), и враждебные, опасные персонажи, например, Цецилия («Вальтер Эйзенберг» того же автора (1836)).

Известные нам научные работы не отражают всего многообразия женских образов русской литературы 20–30-х гг. XIX в. Кроме того, в основе существующих типологий лежат либо только портретные и психологические характеристики романтических героинь, либо только их сюжетные функции. Мы предприняли попытку создать новую типологию женских персонажей данной эпохи, учитывающую все три названные характеристики. Материалом для исследования послужили романтические поэмы 20-х и романтические повести 30-х гг. XIX в., а также несколько романов и сентиментальных повестей. Это произведения Е. А. Баратынского, Н. В. Гоголя, В. И. Карлгофа, М. Ю. Лермонтова, В. Ф. Одоевского, В. Н. Олина, Н. Ф. Павлова, Н. А. Полевого, А. С. Пушкина и др.

В литературе 20-х гг. XIX в. основными типами романтических героинь являются ангелоподобные (или серафические) и демонические красавицы. Первые отличаются кротким характером и т. н. ангельской внешностью (то есть, как уже было сказано, обладают голубыми глазами и светлыми волосами), они не играют активной роли в сюжете и часто погибают в результате любовных коллизий (Эда в одноименной поэме Баратынского (1826)). Персонажи второго типа — это страстные темноволосые и темноглазые красавицы, которые играют разрушительную роль, часто являясь причиной трагической развязки (Зарема в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина).

В произведениях второй половины 20-х и 30-х гг. происходит размывание связи внешнего облика с внутренним содержанием и поступками женского персонажа (блондинка и брюнетка в «Невском проспекте» Гоголя (1835)). В этот период внутри групп серафических и демонических персонажей появляются новые типы. Так, среди демонических красавиц выделяются страстные и ин-

ферральные героини (терминология наша). Первые отличаются сильными чувствами и способностью к решительным поступкам, даже к преступлениям, в результате которых, как правило, герой или героиня погибает. Эту группу составляют, во-первых, персонажи иной, не европейской культуры, например, Клеопатра («Египетские ночи» Пушкина (ок. 1835)) или цыганка Сара («Наложница» Баратынского (1831)), а во-вторых, европейские роковые женщины, например, Нина («Бал» Баратынского (1828)) или Элеонора («Аббадонна» Полевого (1834)).

Если страстные красавицы действуют искренне и вовсе не обязательно желают зла романтическому герою, то и ферральные существа — это всегда отрицательные персонажи, которые стремятся погубить героя, например, графиня-чертовка («Уединенный домик на Васильевском» Пушкина, В. П. Титова (1829)) или Лауретта Бальдуси («Концерт бесов» Загоскина (1834)).

Точно так же расщепляется ангелоподобный тип: из него появляются группы поэтических и прозаических героинь (терминология наша). Поэтическими мы называем персонажей, олицетворяющих связь с миром идеалов и вдохновения и способных к высокой любви, а прозаическими — тех, которые прочно связаны с бытом, с материальным миром, чувство которых имеет приземленный характер. И та, и другая группа включает в себя несколько типов героинь.

Первый тип поэтических героинь — это фантастические существа, принадлежащие иному миру и приобщающие к нему героя, например, Сильфида («Сильфида» Одоевского (1837)) или Девушка-облако Эльвира («Облако» Аксакова). Портрет персонажа такого рода может содержать информацию о цвете глаз или волос, но обязательной составляющей являются приметы сверхъестественной природы героини, например: «вдруг растворились легкие двери, и в одежде из солнечных лучей, в венце из ярких звезд, опоясанная радугой, вышла девица» [Киреевский, 1991, с. 218] (1832). Герой, полюбивший сверхъестественную героиню, либо остается несчастным в разлуке с ней, либо соединяется с ней в фантастическом мире и умирает физически («Вальтер Эйзенберг» Аксакова).

Ко второму типу относятся героини хоть и не сверхъестественные по своей природе, но так или иначе связанные с другим миром, например, Софья («Косморама» Одоевского (1840)). Их любовь положительно или даже спасительно влияет на героя, сами же они оказываются способны на сильное чувство и жертву.

Третий тип представляют героини, не имеющие отношения к фантастике, но наделенные ангельской внешностью и душой, например, Адельгейда («Блаженство безумия» Полевого (1833)) и Адель (одноименная повесть Погодина (1830)). Любовь таких персонажей, как правило, заканчивается смертью героини и героя.

Прозаическими героинями мы будем называть таких красавиц, любовь которых имеет приземленный характер. В эту группу входят положительные добродетельные героини, предназначенные для семейной жизни и близкие к сентиментальному идеалу, например, Генриэтта («Аббадонна» Полевого) и Лиза («Живописец» Карлгофа (1829)). Но в то же время к данному типу относятся и те героини, которые были равнодушны к герою или в итоге обманули его чувство, например, Веринька («Живописец» Полевого (1833)) и Паулина («Дурочка» Полевого (1839)). От общего типа серафических красавиц такие героини наследуют голубые глаза и частое сравнение с ангелом.

Необходимо обратить внимание на то, что рассмотренные выше типы героинь — литературное потомство ангелоподобного типа — часто наследуют не полный комплекс его признаков, а лишь отдельные свойства: голубые глаза и светлые волосы перестают быть обязательной деталью портрета ангелоподобных героинь, и, например, поэтическая Софья («Косморама» Одоевского) наделяется черными глазами и каштановыми волосами.

Итак, нам удалось выделить новые константные литературные типы и их вариации, описать характер трансформации женских образов в русской романтической литературе и предложить новую типологию. Мы не претендуем на полноту исследования, но надеемся, что наша типология будет полезна для составления более обширных классификаций женских образов.

В заключение заметим, что позднейшая традиция наследует романтические схемы, поэтому при изучении таких женских персонажей как, например, Аглая и Настасья Филипповна («Идиот», 1868), Джемма и Марья Николаевна Полозова («Вешние воды», 1872), Анна и Кити («Анна Каренина», 1878) было бы полезно учитывать рассмотренные нами типы красавиц или пары контрастных типов.

ЛИТЕРАТУРА

Буле, 1996 — Буле О. Заметки о споре между la brune et la blonde в эпоху романтизма // Концепция и смысл / под ред. А. Б. Муратова и П. Е. Бухаркина. 1996. С. 28–47.

- Давидович, 1927 — *Давидович М. Г.* Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX в. // Русский романтизм / под ред. А. И. Белецкого. 1927. С. 88–114.
- Жирмунский, 1924 — *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1924.
- Завгородняя, 2015 — *Завгородняя Г. Ю.* Образ идеальной возлюбленной в прозе романтизма и символизма // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25324932> (дата обращения: 19.02.2017).
- Киреевский, 1991 — *Киреевский И. В.* Опал // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.) / сост. и авторы комментариев А. А. Карпов, Р. В. Иезуитова, М. А. Турьян и др. Л., 1991. С. 218.

Вожик Екатерина Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

e.vozhik@yandex.ru

Научный руководитель – К. Ю. Зубков, канд. филол. наук

ИЗ ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ «ДАГЕРРОТИПИЗМ» В РУССКОЙ КРИТИКЕ 1840-Х ГГ.

Ключевые слова: «дагерротипизм», история понятий, понятийный аппарат, действительность.

В статье выдвигается предположение о существовании в русской критике 1840-е гг. особого эстетического понятия – «дагерротипизм», рассматриваемого нами в содержательном и языковом аспектах.

Vozhik Ekaterina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

FROM THE HISTORY OF THE CONCEPT OF DAGUERREOTYPISM IN RUSSIAN LITERARY CRITICISM OF 1840S

Keywords: «daguerreotypism», history of concepts, conceptual framework, reality.

The article makes an assumption about the existence of the aesthetic concept of daguerreotypism used in Russian literary criticism of the 1840s; it's considered in substantive and linguistic aspects.

С начала 1840-х гг. на волне общественного резонанса, вызванного изобретением дагерротипа, в русских критических статьях распространилось определение «дагерротипный», которое широко использовалось для характеристики писательской манеры тех или иных литераторов. Освещение этого факта в научной литературе имеет характер беглых упоминаний, при этом «дагерротипизм» понимается здесь как термин с устойчивой семантикой ('фотографически верное, но бездушное, механическое копирование действительности') и никогда не рассматривается как эстетическая категория [Цейтлин, 1965; Манн, 1969; Кулешов, 1982; Богданова, 1997].

В действительности же эпитет «дагерротипный» и другие производные от него слова характеризуются семантической неоднозначностью, способностью приобретать новые коннотации и выступать в различных контекстах. Так, сравнения литературных произведе-

ний с дагерротипом могут иметь в критике не только отрицательную, но и положительную коннотации, выбор которой зависит от литературной позиции того или иного критика, а также от его философских и эстетических установок.

Многоаспектность этого определения может быть рассмотрена с использованием методов, которые обычно применяются для анализа исторических и эстетических категорий и понятий Нового времени. Как отдельная область знания история понятий утвердилась во второй половине XX века благодаря трудам Р. Козеллека (1923–2006 Koselleck), писавшего о том, что использование того или иного понятия возможно только с учетом его истории, комплекса смыслов, которые оно приобрело в ходе своего функционирования, иными словами, с учетом «пространства опыта» [Зарецкий, Левинсон, Ширле, 2014, с. 11]. При этом, хотя «дагерротипизм» и не является фундаментальным историческим понятием наряду, например, с «нацией» или «народностью», это значимая категория критики, которую можно рассмотреть с помощью истории понятий, чтобы увидеть неочевидные особенности ее семантики и употребления.

Итак, попробуем показать сложность и неоднородность высказываний о «дагерротипизме» в литературе, продемонстрировав на нескольких примерах разницу эстетических установок критиков, писавших об этом.

Критики «выносят вердикт» дагерротипной манере письма, анализируя, каким образом и в какой степени дагерротип отражает действительность. Так, нами были выделены два взаимоисключающих способа аргументации критиками собственной позиции: 1) дагерротипный снимок соответствует действительности; 2) дагерротипный снимок не соответствует действительности. Оба способа аргументации могут обосновывать как отрицательную, так и положительную оценку произведения. Вопрос заключается в том, как именно критики понимают действительность и ее отражение в искусстве.

Наиболее распространено отрицательное отношение к дагерротипной литературе. Во-первых, неприятие «дагерротипизма» могло обосновываться тем, что настоящее искусство должно творчески преобразовать действительность, а не точно ее воспроизводить, как это делает дагерротип (1-ый способ аргументации): «...на портрете, сделанном великим живописцем, человек более похож на самого себя, чем даже на свое отражение в дагерротипе, ибо великий живописец резкими чертами вывел наружу все, что таится внутри того человека, и что, может быть, составляет тайну для самого этого человека» [Белинский, 1979, с. 203].

Во-вторых, неприятие литературного «дагерротипизма» могло мотивироваться в критике тем, что дагерротипу не хватает средств, чтобы передать сложно устроенную действительность во всей полноте (2 - ой способ аргументации): «Но фотография бедна в сравнении с природою, которой жизни она не передает, а картины достойны самой природы потому, что вносят в нее новую стихию жизни и, так сказать, новую жизнь» [Хомяков, 1900, с. 121].

Как видим, названные критики различают два вида действительности: «разумную», «истинную» действительность и ее эмпирическую видимость, которую и передает дагерротип. Разница лишь в том, что В.Г.Белинский пишет об эмпирической действительности, которую дагерротип точно копирует, а А.С.Хомяков — о действительности «истинной» («природе»), которую дагерротип в силу своего несовершенство воспроизвести не может.

Рассмотрим, как выражалось в критике положительное отношение к дагерротипу. В качестве примера приведем цитату из уже упоминавшегося Белинского, чье отношение к дагерротипной манере письма было неодинаковым в разные периоды творчества. В конце 1840-х гг. он разрабатывает теорию разделения литераторов на «гениев» и «талантов» [Белинский, 1981, с. 131]. Ее реализация прослеживается, в частности, в трактовке, даваемой им произведениям Я.П.Буткова; этого писателя критик причислял к «талантам», которым «разрешалось» использовать дагерротипную манеру письма: «По нашему мнению, у г. Буткова нет таланта для романа и повести, и он очень хорошо делает, оставаясь всегда в пределах им же созданного особенного рода дагерротипических рассказов и очерков. Это не творчество, не поэзия, но в этом есть свое творчество, своя поэзия» [Белинский, 1982, с. 212].

Белинский прибегает к 1-му способу аргументации, равно как и А.П.Милюков: «Поэзия, как верная картина народной жизни, дагерротипный снимок его духовной деятельности, нравов и обычаев» [Милюков, 1847, с. 5]. Положительное отношение к дагерротипной манере письма аргументируется тем, что дагерротип в точности соответствует действительности, которая есть единственная цель искусства. Однако действительность у Милюкова понимается иначе, чем у Белинского: по Белинскому, дагерротип воспроизводит факты, т.е. эмпирическую действительность, а по Милюкову — их внутренний смысл («духовную деятельность»). Дагерротипная манера письма оценивается Милюковым положительно, для Белинского же она приемлема только в некоторых случаях.

2-ой способ аргументации положительного отношения к дагерротипу чаще встречается в отзывах газетных обозревателей, писавших о том, что дагерротип имеет сверхчеловеческие свойства, поскольку отражает не доступные человеческому глазу явления; так, в анонимной заметке из «Санкт-Петербургских ведомостей» читаем: «В этом и состоит вся прелесть камеры-обскуры [имеется в виду дагерротипный аппарат — Е. В.], потому что человек не может в природе обнять взорами большие пространства, которые в камере-обскуре представляются вдруг со всеми деталями» [Санкт-Петербургские ведомости, 1844, № 3, 13 апр.].

Дав представление о содержательном наполнении рассуждений о дагерротипе и дагерротипной литературе, попробуем кратко показать сложность и неоднородность этих высказываний с языковой точки зрения, дополнив значение 'точное копирование действительности, или натурализм' другими оттенками, которые присутствуют в семантическом поле слова «дагерротипизм». Нас будут интересовать ключевые слова в риторических способах высказывания о дагерротипной манере повествования.

Критики отмечают следующие особенности дагерротипизма. Негативно оцениваемые: 1) отсутствие воображения, таланта, «дельной мысли» [Дружинин, 1983, с. 67]; 2) сухость [Белинский, 1981, с. 604], «мертвая верность» действительности [Писарев, 1955, с. 173]; 3) отсутствие отбора материала, изображение «случайных и совершенно не относящихся до характеристики» явлений [Достоевский, 1979, с. 181]; 4) разрозненность, бессвязность, неупорядоченность [Добролюбов, 1970, с. 209]; 5) внимание на одной лишь внешней стороне жизни [Писарев, 1955, с. 138]. Нейтрально или положительно оцениваемые: 1) изображение только настоящего момента [Добролюбов, 1970, с. 209]; 2) изображение «обыденных явлений общественной жизни» [Дудышкин, 1855, с. 28]; 3) «полная объективность» [Хомяков, 1900, с. 121], точность описания, сходство со статистикой [Белинский, 1982, с. 212].

С течением времени (уже спустя десятилетие после изобретения дагерротипа) эта живая традиция словоупотребления начинает окаменевать, слово «дагерротипный» может становиться языковым шаблоном. Поэтому в рассуждениях критиков в 1850–60-е гг. иногда начинают появляться абстрактные, обобщенные слова «дагерротипность» и «дагерротипизм», которых не было в 1840-е гг.; это своего рода формулы с неясным содержанием: «Вот до чего школа дагерротипности, этот душный и грязный погребок литературы, доводит тех людей, которые пишут потому только, что существуют на свете

перо, чернила и бумага!» [Галахов, 1852, с. 77] Словосочетание типа «свод дагерротипных подробностей» по инерции употребляется и в 1860-е гг., когда дагерротипный процесс уже уступал место фотографическому. Это вновь доказывает, что терминологический аппарат в критике очень традиционен и даже консервативен.

Итак, взглянув на понятие «дагерротипизм» в содержательном и языковом аспектах, мы можем предположить, что определение «дагерротипный» как характеристика писательской манеры в 1840-е гг. появляется в литературно-критических статьях не только как маркер несовершенства того или иного художественного текста — это понятие, которое включает в себе сложный комплекс смыслов, развивающийся во времени, и в этом качестве оно нуждается в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский, 1979 — *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М., 1979.
- Белинский, 1981 — *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М., 1981.
- Белинский, 1982 — *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М., 1982.
- Богданова, 1997 — *Богданова О. А.* Философские и эстетические основы «натуральной школы» // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. М., 1997. С. 9–36.
- Галахов, 1852 — *Галахов А. Д.* Комедия В. Шевича «Женихи» // Отечественные записки. 1852. № 10. Отд. VI. С. 71–85.
- Добролюбов, 1970 — *Добролюбов Н. А.* Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. М., 1970.
- Достоевский, 1979 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. Л., 1979.
- Дружинин, 1983 — *Дружинин А. В.* Литературная критика. М., 1983.
- Дудышкин, 1855 — *Дудышкин С. С.* О журнальной полемике, о критике, о нападках на нее и доброе слово в ее защиту // Отечественные записки. 1855. № 11. Отд. IV. С. 21–46.
- Зарецкий, Левинсон, Ширле, 2014 — *Зарецкий Ю., Левинсон К., Ширле И.* Предисловие // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 5–23.
- Кулешов, 1982 — *Кулешов В. И.* Натуральная школа в русской литературе XIX века. М., 1982.
- Манн, 1969 — *Манн Ю. В.* Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969. С. 241–306.
- Милюков, 1847 — *Милюков А. П.* Очерк истории русской поэзии. СПб., 1847.
- Писарев, 1955 — *Писарев Д. И.* Собрание сочинений: в 4 т. М., 1955. Т. 1.
- Санкт-Петербургские ведомости. 1844. № 3. 13 апр.
- Хомяков, 1900 — *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. 3.
- Цейтлин, 1965 — *Цейтлин А. Г.* Становление реализма в русской литературе: Физиологический очерк. Л., 1965.

Кучмаренко Лилия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

lilyaetro@gmail.com

Научный руководитель – Е. В. Душечкина, д-р филол. наук

ФЕДОР ПАВЛОВИЧ КАРАМАЗОВ КАК АПОФАТИЧЕСКОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ СТАРЦА ЗОСИМЫ

Ключевые слова: Достоевский, братья Карамазовы, диалогизм, Бахтин.

В докладе представлено сопоставление двух главных фигур первого тома романа «Братья Карамазовы» – Федора Павловича Карамазова и старца Зосимы. Рассмотрение образа Карамазова-старшего с позиций М. М. Бахтина и Л. П. Карсавина демонстрирует возможность интерпретации карамазовского сладострастия как способности к всепрощению и любви в ее христианском понимании.

Kuchmarenko Liliia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

FYODOR PAVLOVICH KARAMAZOV AS APOPHATIC APPROVAL OF ZOSIMA THE ELDER'S PHILOSOPHY

Keywords: Dostoevsky, the Brothers Karamazov, dialogism, Bakhtin.

The research described in this article represents a comparative analysis of two central characters of the first volume of the novel «The Brothers Karamazov» – Fyodor Pavlovich Karamazov and Zosima the Elder. The analysis of Fyodor Karamazov's image, according to philosophical interpretations of Mikhail Bakhtin and Leo Karsavin, provides us with an ability to read karamazovian voluptuousness as a capacity to forgive and love as interpreted by Christianity.

Рассуждая об особенностях построения художественного пространства в романах Достоевского, М. М. Бахтин утверждает: «В мире Достоевского все и всё должны знать друг о друге, должны вступить в контакт, сойтись лицом к лицу и заговорить друг с другом. Все должно взаимоотражаться <...> диалогически» [Бахтин, 1963, с. 135]. Попытки прочтения текста в рамках существовавшей до Достоевского романной традиции обречены на провал. Особенности функционирования персонажей у Достоевского обусловлены

спецификой полифонического устройства романа. Ни одна межперсонажная коммуникация не может быть описана исключительно как противостояние. Использование бинарных оппозиций в рамках прочтения романа неизбежно ведет к неверной интерпретации. Детальное рассмотрение того, как выстроена коммуникация старца Зосимы и Федора Павловича доказывает, что за маской лгуна-сладогострастника скрывается не только тот, кто солидарен с философией «идеального христианина» Достоевского, но и тот, кто способен претворить ее в жизнь.

На протяжении нескольких десятилетий словосочетание «создатель нового типа романа» остается синонимом имени Достоевского. Тем не менее, среди современных исследований не так много работ, авторы которых отказываются от традиционного представления о делении персонажей на «положительных» и «отрицательных» и пытаются сопоставить представителей «противоположных» лагерей. Если с этой точки зрения посмотреть на роман «Братья Карамазовы», то мы обнаружим, что литературоведы обошли вниманием связь между двумя главными фигурами первого тома — старцем Зосимой и Федором Павловичем Карамазовым.

Трудно допустить мысль о возможности соотнесения «русского инока» с шутом и развратником. Однако признавая роман Достоевского диалогическим, мы обязаны признавать и то, что каждая внутритекстовая межсубъектная коммуникация оказывается значимой. Старец Зосима и Федор Павлович, при всей своей противоположности, не могут быть не связаны между собой по двум причинам: во-первых, они являются героями диалогического романа, в рамках которого сознание одного персонажа становится определенным исключительно благодаря сознанию другого; во-вторых, немалая часть первого тома посвящена их непосредственному общению в книге «Неуместное собрание», т.е. они включены в эксплицированную коммуникацию.

Первым обратившим внимание на сложность образа Карамазова-старшего стал религиозно-философский мыслитель начала двадцатого века Л. П. Карсавин [Карсавин, 2002]. Ф. В. Макаричев, комментируя судьбу этой незаслуженно игнорируемой достоеведением работы, отмечает: «Вызывает удивление тот факт, что эта статья до сих пор остается как бы на периферии исследовательской мысли о творчестве Достоевского. <...> Он открыл “карамазовщину” как “вещную стихию”. Он оказался первым, кому удалось за личиной-маской шута-приживальщика различить индивидуализированный образ сложного национального явления» [Макаричев, 2016, с. 134].

Определение развратного старика как идеолога любви основывается на новом видении природы карамазовского сладострастия. Философ прочитывает центр карамазовской порочности не как душевное уродство, а как причудливую трансформацию способности к всепрощению и любви в ее христианском понимании. «Как в зеркале вогнутом, в карамазовской любви отражается Всеединая Любовь. Ее черты искажены, но это все-таки ее черты. Мы их узнаём» [Карсавин, 1991, с. 363].

Топос монастыря вводится в текстуальное пространство романа сразу после портрета Карамазова-старшего. Описание внешности Федора Павловича прерывается объявлением Алеши решения об уходе в монастырь. Первое упоминание монастыря адресовано непосредственно Федору Павловичу: «И вот довольно скоро после обретения могилы матери Алеша вдруг объявил ему, что хочет поступить в монастырь» [Достоевский, 1976, с. 22]. Еще более характерным становится комментарий, которым Федор Павлович сопровождает решение сына. «— Этот старец, конечно, у них самый честный монах, — промолвил он, молчаливо и вдумчиво выслушав Алешу, почти совсем, однако, не удивившись его просьбе» [Достоевский, 1976, с. 23]. Первая характеристика старца Зосимы принадлежит именно Карамазову-старшему. Значим и сам характер этого упоминания. Федор Павлович видит Зосиму как самого честного монаха. Отдельного рассмотрения требует вопрос о выборе качества Зосимы, на котором Федор Павлович останавливает внимание: почему шут и обманщик Карамазов особенно ценит честность старца?

Из всего распространенного описания личности старца Зосимы, занимающего большую часть главы «Старцы», повествователь особо выделяет прозорливость монаха:

«Про старца Зосиму говорили многие, что он, <...> до того много принял в душу свою откровений, <...> что под конец приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел <...> и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово» [Достоевский, 1976, с. 28].

Федор Павлович становится первым персонажем в романе, обратившим внимание на главное качество, сформировавшее личность старца. Отмечая прозорливость Зосимы, Федор Павлович демонстрирует собственную прозорливость. «Федор Павлович наделен подобным избыточным видением. Если Зосима многое о людях «угадывает по лицу», то Федор Павлович узнает «по одной только

физиономии» [Макаричев, 2016, с.140]. Оба персонажа обладают способностью видеть то, что скрыто от глаз остальных людей. Старец способен угадать не только уже выпавшее на долю человека несчастье и то, чем оно разрешится, но и его будущее страдание. Проницательность Федора Павловича заключается в его способности видеть красоту там, где иные ее не замечают. «Для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, вот мое правило! <...> По моему правилу во всякой женщине можно найти чрезвычайно, черт возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь, — только надобно уметь находить, вот где штука! Это талант!» [Достоевский, 1976, с.125]. Если прозорливость Зосимы обусловлена его колоссальным духовным опытом, то в случае с Федором Павловичем проницательность является скорее внутренним инстинктом. Федор Павлович не идет дальше идентификации эстетических элементов в окружающей его действительности, для него все ограничивается лишь моментом узнавания.

В этом же контексте обращает на себя внимание реакция Федора Павловича на алешино признание в желании уйти в монастырь. «Ступай, доберись там до правды да и приди рассказать» [Достоевский, 1976, с.24]. Особенно значимым нам представляется добавление «да и приди рассказать»: он как будто уже знает, что Алеша в монастыре не останется, он как будто заранее ждет возвращения сына. Звеном, дополняющим это диалогическое единство, становится завещание Зосимы Алеше идти в мир: «Выйдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок. <...> Жизнь благословишь, и других благословить заставишь, что важнее всего» [Достоевский, 1976, с.259]. Не случайно из всех сыновей Карамазов-старший больше всего привязан именно к Алексею, которого в приступе паники он называет «единственным сыном своим» [Достоевский, 1976, с.130]. Алеша становится медиатором между двумя взаимообусловленными мирами, один из которых до неузнаваемости искажает образ другого.

Анализ образа Федора Павловича Карамазова был бы не полным без освещения понятия шутовства. Та смелость, с которой Федор Павлович обличает монахов в келье у старца Зосимы, бросается целовать руку «священному старцу», открыто заявляет о том, что пришел с целью его провоцировать, неотделима от концептов шутовства и юродства. «Шуты и юродивые постоянно находятся у Достоевского в одном семантическом ряду... Юродство есть некая ипостась шутовства и наоборот» [Клейман, 1986, с.63]. Характерно само сосуществование этих двух явлений, которое формирует слово Федора Павловича. Для него шутовство является эквивалентом

юродства, при этом и то, и другое составляет его сущность, о чем свидетельствует упоминание этих слов для автохарактеристики в одном предложении: «Я шут коренной, с рождения, все равно, ваше преподобие, что юродивый» [Достоевский, 1976, с. 39]. О шутовском начале в образе Федора Павловича свидетельствуют в том числе и авторские ремарки, характеризующие его пластику и способ высказывания: «ломаюсь», «воскликнул», «подскочил», «чмокнул руку старца», «вскричал, схватившись обеими руками за ручки кресел и как бы готовясь из них выпрыгнуть» [Достоевский, 1976, с. 36–42]. Одновременно с этим он пародирует юродство, возводя вверх руки, пытаясь дискредитировать слово монастырской братии, перевирая евангельские цитаты, внедряя в свою речь несуществующие церковнославянизмы. Однако именно это юродиво-шутовское начало и дает ему право открыто говорить о том, о чем другие молчат. «Юродивый, в отличие от окружающих его людей, видит и слышит что-то истинное, настоящее за пределами обычной видимости и слышимости» [Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984, с. 4]. Федор Павлович будто бы подспудно ощущает свою вину за всех, полушутя откликаясь на философию старца Зосимы, постулатом которой станут слова «Все за всех виноваты»: «Именно мне все так и кажется, когда я к людям вхожу, что я подлее всех» [Достоевский, 1976, с. 39]. Читатель идентифицирует это высказывание Федора Павловича как инородный элемент его шутовского дискурса, отличающийся долей серьезности, благодаря комментарию повествователя: «Трудно было и теперь решить: шутит он, или в самом деле в таком умилении?» [Достоевский, 1976, с. 40]. Монахи отмечали, что Зосима «привязывается душой к тому, кто грешнее, и кто всех более грешен, того он всех более и возлюбит» [Достоевский, 1976, с. 35]. Комментируя цель своего визита в монастырь, Федор Павлович открыто заявляет, что его задачей является выяснить, настолько ли честен старец в своей любви. «Вы думаете, что я всегда так лгу и шутов изображаю? Знайте же, что это я все время нарочно, чтобы вас испробовать, так представлялся. Это я все время вас ощупывал, можно ли с вами жить? Моему-то смиреннию есть ли при вашей гордости место? Лист вам похвальный выдаю: можно с вами жить!» [Достоевский, 1976, с. 43]. Подобные связи между полярно противоположными персонажами формируют структуру большого диалога нарратива Достоевского. «Тут особого рода постижение, особое познание, которое покоится не на догадках, а на подлинном приятии в себя чужого я, на каком-то единении с ним, без любви невозможном» [Карсавин, 1991, с. 363]. Испытывая Зосиму, Федор Павлович испытывает его идею христи-

анского всепрощения, пытаюсь выяснить, насколько она применима к действительности, в которой есть место для таких исполненных греха людей, как он. Декодируя шутовское слово Федора Павловича, мы обнаруживаем, что за маской безнадежного грешника Достоевский скрыл личность, способную проникнуться христианским постулатом нравственности. Эта личность и становится апофатическим утверждением философии старца Зосимы виновности каждого за каждого. За кажущимся противостоянием скрывается принцип единства и нераздельности всего, сформировавший поэтику романа Достоевского. Каждый персонаж является участником большого диалога романного мира. Обращаясь к ученикам, Зосима отмечает: «Все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается» [Достоевский, 1976, с. 27]. Эти слова могут быть применены к характеристике не только мировосприятия старца, но и принципа устройства диалогического целого романа Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

- Достоевский, 1976 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1976. Т. 14, 15.
- Бахтин, 1963 — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. М., 1963. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского.
- Карсавин, 1991 — *Карсавин Л. П.* Федор Павлович Карамазов как идеолог любви // *Русский эрос или Философия любви в России.* М., 1991. С. 350–363.
- Лихачев, 1984 — *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- Макаричев, 2016 — *Макаричев Ф. В.* Художественная индивидуология Ф. М. Достоевского. СПб., 2016.

Инькова Екатерина Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Нижний Новгород, Россия
katyainkova@yandex.ru
Научный руководитель – Л. Ю. Большухин, ст. преп.

«ОНЕГИНСКИЙ МИФ» В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «О ЛЮБВИ»

Ключевые слова: онегинский миф, рецепция, Чехов, Белинский, Достоевский.

Роман в стихах «Евгений Онегин» служит для Чехова своего рода образцом постановки проблемы в художественном произведении. Традиция, восходящая к этому произведению, в творчестве Чехова подвергается переосмыслению в одном из его рассказов «О любви». Чехов подключается к «онегинскому мифу». Автор испытывает этот миф на другом жизненном материале и на другом типе героя.

Inkova Ekaterina

National Research University
“Higher School of Economics” (NRU HSE),
Nizhny Novgorod, Russia

«THE MYTH OF ONEGIN» IN THE STORY «ABOUT LOVE» BY A. CHEKOV

Keywords: the myth of Onegin, reception, Chekhov, Belinsky, Dostoevsky.

The novel in verse «Eugene Onegin» is in its own way an example of posing the problem of a work of fiction for Chekhov. The tradition that goes back to it is rethought in Chekhov's story «About Love». Chekhov connects to the «myth of Onegin». The author tests this myth on other vital material and on a different character type.

Первым об «онегинском мифе» заговорил В. А. Кошелев, под-
разумевая любое переосмысление традиций пушкинского романа
в творчестве Чехова. В работе «Онегинский “миф” в творчестве
Чехова» он пишет, что писателя интересует сам феномен «литературной
мифологизации», в границах которого поведение персонажей
оказывается этой мифологизации подчинено» [Кошелев, 1998,
с. 151].

Эпоха Чехова — это время, когда пушкинское творчество вызывает особый интерес со стороны критиков и писателей. Возникает необходимость нового прочтения его произведений, они, в свою очередь, обрастают новыми значениями. Восприятие Пушкина Чеховым складывалось на пересечении концепций, созданных В. Г. Белинским и Ф. М. Достоевским. Нельзя не учитывать их опыт прочтения романа «Евгений Онегин», потому что именно он положил начало традиции переосмысления нравственного смысла поступка Татьяны, положил начало формированию «онегинского мифа» в русской культуре.

Опираясь на работу В. Г. Белинского «Сочинения А. Пушкина. Статья девятая» и очерк «Пушкин» Ф. М. Достоевского, можно утверждать, что поступок Татьяны в разные временные промежутки воспринимали неодинаково. Так, Белинский говорит о том, что Татьяна страдает, любя одного, будучи с другим. Но она не может поступить иначе, это противоречит общественной морали, «женщина поступает безнравственно, принадлежа вдруг двум мужчинам, одного любя, а другого, обманывая: против этой истины не может быть никакого спора» [Белинский, 1955, с. 501]. По-другому интерпретирует ее поступок Достоевский. Он объясняет такой выбор Татьяны невозможностью русского человека «основать счастье на несчастье другого» [Достоевский, 1984, с. 142].

Механизм реализации «онегинского мифа» в рассказе Чехова

В рассказе «О любви» автор предлагает свою историю, в основе которой лежит мифологизация «Евгения Онегина». Чехов трансформирует образы пушкинских героев, акцентируя внимание на их взаимоотношениях. При работе был использован опыт параллельного чтения, который позволил увидеть большое количество сходных деталей, мотивов, сюжетных ситуаций.

Главных героев — Алехина и Онегина — объединяет то, что оба они вынуждены приехать в имение для решения бытовых вопросов, но потом герои решают остаться и начинают работать, каждый по-своему. Ср.: «Я решил так и начал тут работать, признаюсь, не без некоторого отвращения» [Чехов, 1977, с. 67] и «Сперва задумал наш Евгений / Порядок новый учредить. / В своей глуши мудрец пустынный, / Ярем он барщины старинной / Оброком легким заменил...» [Пушкин, 1978, с. 32]. Еще одной важной чертой является наличие долгов у их отцов. Ср.: «...на имении, когда я приехал сюда,

был **большой долг...**» и «Служив отлично благородно, / Долгами жил его отец, / давал три бала ежегодно / И промотался наконец» [Пушкин, с. 9]. Вскоре герои начали тосковать по прошлой жизни, которую оставили. Ср.: «Когда поживешь здесь безвыездно месяца два-три, особенно зимой, то в конце концов начинаешь тосковать по черном сюртуке» [Чехов, с. 68] и «Потом увидел ясно он, / Что и в деревне скука та же, / <...> Хандра ждала его на страже, / И бегала за ним она, / Как тень иль верная жена» [Пушкин, с. 27].

Сходным видится мотив гостеприимства. И Алехин, и Онегин зааживают в гости к женщинам, где их встречают с радостью. Ср.: «И оба, муж и жена, старались, чтобы я побольше ел и пил; <...> С ними же вернулся в город и в полночь пил у них чай в тихой, семейной обстановке...» [Чехов, с. 69] и «Простая, русская семья, / К гостям усердие большое, / Варенье. Вечный разговор / Про дождь, про лен, про скотный двор» [Пушкин, с. 48]. Женщины влюбляются в своих гостей и ждут новой встречи. Ср.: «Почему-то часто в течение лета вы приходили мне на память, и сегодня, когда я собиралась в театр, мне казалось, что я вас увижу. <...> и она сама признавалась мне, что еще с утра у нее было какое-то особенное чувство, она угадывала, что я приеду» [Чехов, с. 72] и «Когда б надежду я имела / Хоть редко, хоть в неделю раз / В деревне нашей видеть вас» [Пушкин, с. 61].

Чехов «мифологизирует» не только сюжетную линию Онегин — Татьяна, но и весь роман. Так возникает сходство эпизодов свиданий Анны Сергеевны с Алехиными Ольги с Ленским. Ср.: «Я и Анна Алексеевна ходили вместе в театр, всякий раз пешком; мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга...» [Чехов, с. 73] и «Он вечно с ней. В ее покое / Они сидят в потемках двое; / Они в саду, рука с рукой, / Гуляют утренней порой / И что ж? Любовью упоенный, / В смятенье нежного стыда, / Он только смеет иногда, / Улыбкой Ольги ободренный, / Развитым локоном играть / Иль край одежды целовать» [Пушкин, с. 75].

В чеховском рассказе нашла отражение проблема замужества не по любви. Мать Татьяны, помолвленная за Ларина, втайне вздыхала о другом: «Рвалась и плакала сначала, / С супругом чуть не развелась; / Потом хозяйством занялась, / Привыкла и довольна стала./ Привычка свыше нам дана: / Замена счастью она» [Пушкин, с. 43]. В рассказе «О любви» Чехов напишет следующее: «Я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходит за неинтересного человека, почти за старика (ему было больше 40 лет),

имеет от него детей <...> старался понять, почему она встретила именно ему, а не мне...» [Чехов, с. 71].

Героини отвечают им холодностью на неспособность переступить черту в отношениях. Ср.: «Мы молчали и всё молчали, а при посторонних она испытывала какое-то странное раздражение против меня; <...> Когда я ронял что-нибудь, то она говорила холодно: — Поздравляю вас. Если, идя с ней в театр, я забывал взять бинокль, то потом она говорила: — Я так и знала, что вы забудете» [Чехов, с. 73] и «Она его не замечает, / Как он ни бейся, хоть умри. / Свободно дома принимает, / В гостях с ним молвит слова три...» [Пушкин, с. 154].

В произведениях Пушкина и Чехова возникают схожие ситуации, когда главный герой слишком поздно осознает, что любит героиню. Ср.: «...я признался ей в своей любви, и со жгучей болью в сердце я понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было все то, что нам мешало любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, <...> или не нужно рассуждать вовсе» [Чехов, с. 74] и «Случайно вас когда-то встретя, / В вас искру нежности заметя, / Я ей поверить не посмел: / Привычке милой не дал ходу; / Свою постылую свободу / Я потерять не захотел» [Пушкин, с. 155].

Ситуация статичности героев — еще одна черта, которая позволяет предположить, что в рассказе Чехова присутствует «онегинский миф». Ср.: «Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались — навсегда. Поезд уже шел. Я сел в соседнем купе, — оно было пусто, — и до первой станции сидел тут и плакал» [Чехов, с. 74] и «Она ушла. Стоит Евгений, / Как будто громом поражен. / В какую бурю ощущений / Теперь он сердцем погружен!» [Пушкин, с. 162].

Оба автора акцентируют внимание на том, что их герои расстаются навсегда. Пушкин выносит это в эпиграф к 8 главе, а Чехов пишет в одном из последних абзацев: «Fare thee well, and if for ever / Still for ever fare thee well. Вурон.» (Прощай, и если мы расстаемся навсегда, то навсегда прощай. Байрон.) [Пушкин, с. 142] и «Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались — навсегда» [Чехов, с. 74].

Таким образом, мы видим, что Чехов «мифологизирует» роман «Евгений Онегин», который находит отражение в рассказе «О любви». Автор будто выворачивает основные данности этого «мифа», применяя его к современной (для него) жизненной ситуации. Чехов переносит пушкинские мотивы в другую художественную плоскость, принципиально прозаическую.

Ситуация, когда люди становятся одиноки и отчуждены друг от друга, роднит рассказ Чехова и роман Пушкина. Их герои заведомо обречены на несчастливые отношения. Их чувства выступают как возможность, предоставленная судьбой, которой не суждено осуществиться. Семантическую основу обоих произведений можно прочитать как несовершенное событие, несостоявшееся счастье. Чехов заимствует не только пушкинские мотивы, но и сюжетные ходы.

Кроме того, в обоих произведениях нет категоричности и завершенности. Еще Ю. М. Лотман отметил, что «выносить приговор противоречило поэтике Пушкина» [Лотман, 1995, с. 196]. «Приговор» не является художественной чертой Чехова. Жизненная философия писателя такова, что он предпочитает ставить вопросы, а не давать на них ответы в своих произведениях. Так, он писал 27 октября 1888 г. в письме к А. С. Суворину: «Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника <...> в «Онегине» не решен ни один вопрос, но <...> все вопросы поставлены правильно» [Чехов, 1976, с. 46; курсив Чехова].

Чехов подключается к «онегинскому мифу». Определить природу литературного контакта Чехова и Пушкина невозможно, но в рамках данной гипотезы можно сказать, что писатель сознательно возвращается к онегинской ситуации. Он испытывает его на другом жизненном материале и на другом типе героя. Его герой менее решителен, нежели Евгений. Он до последнего мучает Анну Алексеевну. И только тогда, когда понимает, что может потерять её навсегда, решает признаться ей в своих чувствах.

Выбор чеховской героини обретает символическое значение в рамках «онегинского мифа». Трактовки Белинского и Достоевского являются частью этого мифа. Текст «Евгения Онегина» прочно обосновывается в массовом сознании, и произведение начинает восприниматься не изолированно от его интерпретаций, а в его контексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский, 1955 — Белинский В. Г. Статья девятая. «Евгений Онегин» (окончание) // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 7. С. 473–504.
- Достоевский, 1984 — Достоевский Ф. М. Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 26. С. 136–149.

- Кошелев, 1998 — *Кошелев В. А.* Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 147–154.
- Лотман, 1995 — *Лотман Ю. М.* Пушкин: Очерк творчества // *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 187–211.
- Пушкин, 1978 — *Пушкин А. С.* Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л., 1977–1979. Т. 5. С. 5–184.
- Чехов, 1977 — *Чехов А. П.* О любви // Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М., 1974–1982. Т. 10. С. 66–74.
- Чехов, 1976 — Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 27 октября 1888 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1974–1983. Т. 3. С. 46.

Дровалева Наталия Алексеевна

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова (МГУ),

Москва, Россия

n.drovalева@mail.ru

Научный руководитель – О.А.Клинг, д-р филол. наук

ПОЭТИКА ПОРТРЕТА В ЛИРИКЕ В.Я.БРЮСОВА

Ключевые слова: Брюсов, портрет, лирика, портретные детали.

В статье предпринимается анализ лирических портретов в творчестве В.Я.Брюсова, среди которых «живописный» портрет, т.е. предполагающий описание черт внешности, практически не встречается. Поэт пытается создать не столько характер, сколько воплощенное живое чувство, зафиксировать впечатления или ощущения, что становится основополагающим для импрессионистичных портретов в поэзии Брюсова.

Drovalева Natalia

Lomonosov Moscow State University (MSU),

Moscow, Russia

THE POETICS OF PORTRAIT IN V.Y.BRYUSOV'S LYRICS

Keywords: Bryusov, portrait, lyrics, portrait details.

This article attempts to analyze the lyrical portraits in the works of V.Y.Bryusov, which very rarely include a «pictorial» portrait, the one that presumes depiction of appearance. The poet tries to create not only a personality but an incarnated, live emotion, to capture impressions and feelings, which becomes fundamental for the impressionistic portraits in Bryusov's poetry.

Портрет в поэтическом творчестве «явление более емкое и многофункциональное» [Колосова, 2006, с.63], чем в прозаическом. В таком портрете ярко проявляются эстетические взгляды и «философия жизни поэта в чувственном пространстве, обозначенная с одной стороны конкретными, но в то же время условными чертами и деталями» [Там же].

Формирование эстетических принципов творчества В.Я.Брюсова приходится на последнее десятилетие XIX в. В сборнике «Русские символисты. Лето 1895 года» (1895) он пишет: «Символизм можно назвать поэзией намеков <...> Символизм берет первый

проблеск, зачаток, еще не представляющий резко определенных очертаний» [Брюсов, 1990, с. 43]. Поэт-символист и его читатели должны обладать чуткой душой. По мысли Брюсова, в символистское предвидение нужно внимательно вчитаться, чтобы самостоятельно воссоздать намеченную поэтом мысль [Там же, с. 44]. Поэт считает, что «главной задачей искусства, идущего на смену реализму с его устремлением к объективному миру, является обнажение субъективного начала, души как первоэлемента художественного созидания» [Астахов, 1996, с. 46]. Брюсов отмечает, что у поэзии нет иного содержания, кроме «души человека» [Брюсов, 1990, с. 48]. Таким образом, главным «сущностным аспектом» при отображении действительности «становится фиксирование определенного впечатления или ощущения от этой действительности» [Астахов, 1996, с. 47]. Французский субъективизм и импрессионизм оказались плодородной почвой для «прорастания символизма» [Там же, с. 50].

Импрессионистические «мазки» мы находим в цикле стихотворений «Видения» (1896). Здесь и промелькнувшая на бульваре девушка с «опущенным взором» [Брюсов, 1973, с. 104] в белой пелеринке (стихотворение «На бульваре»), и взгляд, горящий ярче «тысячи звезд» и алмазных отсветов (стихотворение «Мгновение»), и черты, дышащие печалью [Там же, с. 105–106]. О. Ю. Астахов считает, что некоторые ранние стихотворения Брюсова схожи с картинами фовистов. Колористика стихотворения «Творчество» созвучна с полотнами Анри Матисса, ведущую роль в картинах которого играет цветообраз, где «цвет достаточно условный, но чистый, локальный необычайно яркий, особенно в контрасте с соседним» [Астахов, 1996, с. 46]. Фовисты отказываются от введения в живопись фактур и моделирования форм. Картина может быть представлена через единичный фрагмент, а художник не столько поясняет свои ощущения, сколько внушает зрителю настроение. То же делает Брюсов в стихотворениях «Пурпур бледнеющих губ» (1895), «Три свидания» (1895). Брюсов «заражает настроением, даже еще не определенным, зыбким, которое можно передать через переливы полутона, отблески» [Астахов, 2003, с. 148], отдельно взятые детали. Внешний рисунок оказывается второстепенным, импрессионистическая зарисовка превращается в «световую вибрацию» [Там же]. Отдельные штрихи (портретные детали) составляют динамическую картину в стихотворении «Три свидания» (1895): мелькают красные шапочки, голубые шарфы, эполеты. И среди этого хаотического движения лирическому герою видятся только «ненаглядные» глазки, «слезами полные» [Брюсов, 1973, с. 92]. Девушку ждет мать, портрет которой

Брюсов набрасывает несколькими штрихами — «заснувшим» чулком на коленях и надвинутыми на нас очками. Для отражения динамики жизни Брюсов дает ряд образов, которые не складываются в единую картину, — это «поэзия намеков».

Импрессионистический портрет возникает и в стихотворении «Продажная» (1896):

Едва ли ей было четырнадцать лет —
Так задумчиво гасли линии бюста.
О, как ей не шел пунцовый цвет,
Символ страстного чувства! [Брюсов, 1973, с. 108]

С «Продажной» перекликается стихотворение «Уличная», написанное десятилетием позже. Брюсов с помощью отдельных деталей создает динамический портрет молодой девушки. Вот она балуется по-детски с локоном, а вот улыбается знакомому «всем ожерельем зубов» [Там же, с. 516], скоро этот «земной» портрет канет в окне, мимо которого пройдет девушка: «И отражение померкло, / Канув на темное дно» [Там же].

Стихотворение «Ученый» (1895) с портретными деталями посвящено «В. М. Ф.» — В. М. Фриче, товарищу поэта по университету, будущему марксисту-искусствоведу, с которым Брюсов вместе входил в университетский литературный кружок. Поэт не дает сколько-нибудь реалистического портрета. Перед нами послание-портрет с элементами манифеста, по определению, введенному А. А. Боровской [Боровская, 2011, с. 71], которая отмечает, что на рубеже XIX и XX вв. жанр послания сближается с документальными и критическими формами, в результате чего мы можем говорить о новых разновидностях — послания-рецензии, послания-портреты, послания-манифесты [Там же]. Первая строфа — символистское отражение образа Фриче в сознании Брюсова. Это не скромный молодой человек, а ученый, принимающий зауценную величественную позу. Он стоит «в блестящем ореоле», «его рука протянута к мимозе» [Брюсов, 1973, с. 36]. Вторая строфа — манифест символизма. Не существует абсолютной истины, которая может быть выявлена с помощью логической цепи умозаключений:

Уйдем в мечту! Наш мир — фата-моргана,
Но правда есть и в призрачном оазе:
То — мир земли на высоте фантазий,
То — брат Ормузд, обнявший Аримана! [Там же]

Зрение и слух дают лишь приблизительную картину мира: «Глаз обманывает нас, приписывая свойства солнечного луча цветку, на

который мы смотрим. Ухо обманывает нас <...> Все наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности, на внешние предметы» [Брюсов, 1975, с. 92]. Настоящим художником-творцом, по мнению Брюсова, не может быть тот, «для кого все в мире просто, понятно, постижимо» [Там же].

Экфрастичекый лирический портрет возникает в стихотворении «К портрету К. Д. Бальмонта» (1899). В этом стихотворении живописна только первая строка: «Угрюмый облик, каторжника взор!» [Брюсов, 1973, с. 197]. Далее перед нами разворачивается исключительно духовный облик Бальмонта. От портрета Брюсов переходит к посланию-манифесту. Стихотворение открывает известный сюжет об отталкивании и притяжении двух поэтов. О. А. Жиронкина отмечает, что «оба поэта долгое время испытывали пристальный интерес друг к другу, В. Я. Брюсов не раз признавал влияние К. Д. Бальмонта на его жизнь и творчество. У поэтов сохранилась довольно объемная переписка, в которой они не только обменивались новостями, но и посылали друг другу свои стихи и комментировали их, цитировали интересных авторов, обсуждали актуальные вопросы литературы» [Жиронкина, 2013, с. 1]:

Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам... [Брюсов, 1973, с. 197]

Посвящение «Игорю Северянину» (1912), входящее в макроцикл «Фиолетовый», стоит рассматривать с учетом тематики цикла и цветописи. «Синий», «Голубой» и «Фиолетовый» завершают у Брюсова семь цветов радуги. «Фиолетовый», как указывает А. В. Геворкян [Геворкян, 2001], посвящен обращениям к уже умершим поэтам и поэтам будущего. Фиолетовый, синий и лиловый — знаковые цвета для символистов. Они символизируют иной мир, тайну, сон, неизведанное и бесконечное. Цвет кобальтовой группы возникает в брюсовском данном по-символистски портрете Северянина:

Плащ алмазный, плащ сапфирный
Сбрось, отбрось свой посох мирный... [Брюсов, 1973а, с. 201].

Стихотворение обращено к И. Северянину, который стоял у истоков Академии эгопоэзии и эгофутуризма. В послании Брюсов призывает молодого поэта сбросить драгоценный плащ монаршей особы, украшенный алмазами и сапфирами, и в борьбе, в доспехах идти к искусству будущего и вести «рать» в буре века. Для Брюсова идея предводительства, главенства и величия, исключительности —

одна из основных идей, которая просматривается в конструировании образа гения и исключительного человека (недаром в повести «Моя юность» (1900) Брюсов сознательно изображал детство будущего великого человека).

Проведенный анализ портретов в лирике Брюсова позволяет заключить, что поэт стремится отойти от формирования как можно более подробного образа человека в лирике и, как правило, сознательно избегает материальной избыточности (интерьера и деталей костюма). В большинстве произведений с портретными деталями телесность сведена к минимуму (Брюсов отходит от реалистической традиции, наиболее ярко проявившейся в лирике Н. А. Некрасова). Наиболее очевидная функция изображения в рассмотренных стихотворениях — акцентировать внимание читателя на значимых составляющих образа человека в восприятии художника-творца, в сознании которого преломляется жизнь, творчество и облик изображаемой «модели», портрет которой может быть дан как с опорой на реальный облик, так и на символистское отражение личности в вечности.

ЛИТЕРАТУРА

- Астахов, 1996 — *Астахов О. Ю.* Импрессионизм как основа поэтики символа в раннем творчестве В. Я. Брюсова // *Серебряный век.* Кемерово, 1996. С. 46–51.
- Астахов, 2003 — *Астахов О. Ю.* Импрессионистическое мироощущение в раннем творчестве В. Я. Брюсова // *Искусство и искусствознание: теория и опыт: Театр в зеркале конфликта.* Кемерово, 2003. Вып. 2. С. 135–150.
- Боровская, 2011 — *Боровская А. А.* Жанровая типология послания в русской лирике конца XIX — начала XX вв. // *Вестник Новгородского государственного университета.* 2011. № 63. С. 71–74.
- Брюсов, 1990 — *Брюсов В. Я.* Среди стихов 1894–1924. М., 1990.
- Брюсов, 1973 — *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1973. Т. 1.
- Брюсов, 1973а — *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1973. Т. 2.
- Брюсов, 1975 — *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1975. Т. 6.
- Геворкян, 2001 — *Геворкян А. В.* «Семь цветов радуги». Текст и контекст // *Брюсовские чтения 1996 года: сб. статей.* Ереван, 2001. С. 83–94.
- Жиронкина, 2013 — *Жиронкина О. А. К. Д.* Бальмонт и В. Я. Брюсов: состязание в поэтической практике: автореф. дис. ... кандидата филол. наук. М., 2013.
- Колосова, 2006 — *Колосова С. Н.* Портрет в лирическом произведении как отражение авторской картины (на примере стихотворений В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, Г. В. Иванова) // *Лучшая вузовская лекция III.* М., 2006. С. 61–75.

Воронина Софья Борисовна

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова (МГУ),

Москва, Россия

sgallagher575764@gmail.com

Научный руководитель – Н.З.Кольцова, канд. филол. наук

МИФ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЕРОЯ: МИФОПОЭТИКА ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА И ДЭНИЕЛА КИЗА («МЫ» И «ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА»)

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, XX век, типология.

В статье рассматриваются роман Е.И.Замятина «Мы» и рассказ Д.Киза «Цветы для Элджернона» («Flowers for Algernon») с точки зрения мифопоэтики. Делается вывод о типологических сходствах текстов, на основе чего выявляются некоторые востребованные в литературе XX в. тенденции.

Voronina Sofia

Lomonosov Moscow State University (MSU),

Moscow, Russia

MYTH AS A WAY OF REVEALING CHARACTER'S INNER WORLD: MYTHOPOETICS OF YEVGENY ZAMYATIN AND DANIEL KEYES («WE» AND «FLOWERS FOR ALGERNON»)

Keywords: myth, mythopoetics, XX century, typology.

This paper presents a novel «We» by Yevgeny Zamyatin and a short story «Flowers for Algernon» by Daniel Keyes from a point of mythopoetics. It is concluded that both texts have typological similarity. On the basis of this conclusion it is possible to mark some highly sought tendencies in the literature of XX century.

Роман Евгения Замятина «Мы» и рассказ Дэниэла Киза «Цветы для Элджернона», на первый взгляд, представляют собой абсолютно разные произведения, не имеющие какой-либо видимой связи друг с другом. Однако же при более глубоком анализе они обнаруживают типологическое родство. Это позволяет говорить о том, что выбранные тексты достаточно наглядно отражают некоторые тенденции в развитии литературы XX в.

В первую очередь, необходимо отметить жанровое своеобразие обоих произведений. Так, «Мы» представляет собой роман-антиутопию, в то время как «Цветы для Эдджернона» — научно-фантастический рассказ с элементами антиутопии. Кроме того, текст Киза уже в виде рассказа обладал одним из главных признаков романической формы — эволюцией главного героя. Именно это позволило ему впоследствии вырасти в полноценный роман.

Во-вторых, тексты имеют довольно много сходств в области тематики и структуры. В частности, они сосредоточены на истории о пробуждении у главных героев (Д-503 и Чарли Гордона) сознания и последующем его угасании. Жизненный путь каждого героя, изложенный в обоих случаях в форме дневниковых записей, представляет собой своего рода «историю болезни». В романе «Мы» Д-503 именно болезнью называет происходящие с ним после встречи с I-330 изменения (т. е. появление чувств, эмоций и т. д.). После операции он объясняет своё прежнее состояние, описанное в дневнике, так: «*Единственное объяснение: прежняя моя болезнь (душа)*». В тексте Киза в центре находится непосредственно история «лечения», медицинского и психологического эксперимента над Чарли, описанного им же самим.

В романе Замятина и рассказе Киза процесс изменений личности героев раскрывается через ход повествования. Важную роль при этом играет библейская образность, в частности, миф о грехопадении. Его персонажи, ставшие со временем архетипами, воспринимаются уже не только как средства прояснения сюжета, но и как вечные характеры, психотипы, которые являются ключом к пониманию внутреннего мира героя-повествователя. Столь тесную связь неомифологизма с новым психологизмом отмечал ещё Е. М. Мелетинский в работе «Поэтика мифа»: «Сугубо индивидуальная психология оказывается одновременно универсально-общечеловеческой, что и открывает дорогу для ее интерпретации в терминах символично-мифологических» [Мелетинский, 2002, с. 297].

Роман Замятина «Мы» вписывается в контекст неомифологической литературы XX века благодаря использованию так называемого «вторичного языка» (то есть языка культуры, науки и т. д. по З. Г. Минц [Минц, 2004]). Так, в тексте можно выделить следующие группы мифов: античные (о Прометее и Икаре), историко-культурные («поэма» Ивана Карамазова о Великом инквизиторе), библейские (об изгнании Адама и Евы из Рая, о Вавилонской башне, казни и Воскресении Иисуса Христа) и собственно авторские («математический» миф). Автор не случайно насыщает структуру романа

таким количеством мифов, значительная часть которых известна герою-повествователю и излагается им же. Для повествователя, пытающегося каким-либо образом растолковать и пояснить свою картину мира, использование мифов «является способом УПРОЩЕНИЯ» смысла, тогда как для автора, обращающегося к читателям, — «способом ПРИРАЩЕНИЯ» смысла. Таким образом, мифопоэтика в романе становится «едва ли не основным средством выражения авторской позиции» [Кольцова, 1998]. Используя «вторичный язык», Замятин сохраняет дистанцию между собой и повествователем (D-503), делает разницу между двумя позициями более очевидной.

Обращение Замятина к мифу об изгнании из Рая Адама и Евы может иметь несколько трактовок.

Наиболее очевидная интерпретация предполагает понимать Единое Государство как модель Рая. Действительно, все его обитатели якобы свободны от земных страстей, не ведают обиды и зависти, потому и считают себя счастливыми. В дневниковых записях D-503 достаточно ярко описывает свой восторженный трепет от одного лишь ощущения причастности к строительству Интеграла: «Я пишу это и чувствую: у меня горят щёки». Герой, «как и библейский Адам, живет бок о бок со своим богом, трудясь на полях “Эдема”». Вся жизнь D-503, как и жизнь граждан Единого Государства, подчинена определённым алгоритмам и логике, выход за рамки которых считается верным путём к гибели. Из вымеренного до секунды привычного распорядка главного героя выбивает I-330: «*До сих пор (т. е. до внезапного и малоприятного столкновения с ней. — С. В.) мне всё в жизни было ясно*», — пишет он.

Фигуру I, противоречивую и многоплановую, можно соотнести с образом Евы. Как и первая женщина, она искушает строителя Интеграла, показав ему пёстрый мир людей, живущих за пределами Единого Государства. Герой следует за I-330, отказывается от предложенного Благодетелем Рая и теряет Рай в своём сознании, т. е. разум, холодность, самоконтроль. Жизнь героя утрачивает стабильность, становится непредсказуемой и опасной, подчинённой законам естественных человеческих чувств, что раньше D-503 осмеивал в дневнике.

Если рассмотреть миф о грехопадении с другой стороны, то за модель Рая можно принять мир, находящийся за Зелёной Стеной. Яркий, живой, зелёный, наполненный разного рода живыми существами (насекомыми, птицами с «чёрными, круглыми» глазами), он вполне соотносится с Эдемским садом. Этот мир так же, как и рай-

ские кущи, скрыт, никем не изведен и практически недоступен. Люди в нём способны радоваться жизни, они легки и веселы, что совершенно не свойственно жителям Единого Государства. Всюду бурлит жизнь, и жизнь радостная, полная удовольствия. Даже изрядно напуганный избытком новых ощущений и яркостью красок D-503 быстро забывает обо всём и втягивается в атмосферу мира за Зелёной Стеной, о чём свидетельствует следующая его запись: *«И всё мне — легко, просто, ясно»*.

Однако же эта версия Рая предстаёт в очень искажённом виде: спящее солнце, под ногами нечто «отвратительно-мягкое», везде царит хаос и беспорядок, что передаётся автором посредством асиндетона и рядов однородных членов (*«там карканье, мох, кочки, сучья, стволы, крылья, листья, свист...»*). Этот мир очень шумный и пёстрый, перенасыщенный, что на первых порах даже заставляет D-503 «захлебнуться» собственными ощущениями. Даже его обитателей герой сразу не решается назвать людьми и берёт слово «человек» в кавычки. Эти люди, нагие (хотя так и положено в Раю), покрытые «короткой блестящей шерстью», кажутся строителю абсолютно дикой, «дышащей чащей тел». То ощущение лёгкости и весёлости, которое испытывают эти люди, а впоследствии и D-503, фактически приравнивается им самим к безумию. Он будто бы опьянён: *«земля — пьяная, весёлая, лёгкая — плывёт...»*.

В представлении героя привычные характеристики, присущие Эдему, то есть модель мира как сада, естественное существование на лоне природы, превращаются в нечто дисгармоничное. Традиционная модель оказывается перевёрнутой: вместо зелёного сада чертами Рая (в понимании D-503) наделяется Единое Государство, машинизированное, тоталитарное, неестественное, несвободное.

В рассказ Дэниела Киза «Цветы для Элджернона» миф о грехопадении и древе познания вводится опосредованно, через поэму Джона Милтона «Потерянный Рай». Трактовка, как и в случае романа «Мы», также носит амбивалентный характер.

В первом случае, «потерянный рай» — это интеллект, полученный Чарли Гордоном после операции и утраченный впоследствии. Это все те знания, что герой так долго и упорно добывал, к которым всю жизнь стремился, но лишился безвозвратно в ходе стремительного регресса. Обратный эффект от операции Чарли переживает крайне болезненно, о чём говорят его дневниковые записи: *«Oh, God, please don't take it all away»* (*«Господи, пожалуйста, не забирай всё это»*).

С другой стороны, метафорой «потерянный рай» можно описать детское и наивное восприятие мира, которого герой лишается, как лишаются и былой беззаботности первые люди.

Пребывание Адама и Евы в Рае считается детством человечества, тем светлым периодом, когда люди ещё не знали греха, не имели какого-либо представления о зле. Вкусив запретный плод, они открывают новые знания о мире и, как следствие, теряют былую невинность, беззаботность.

Так же и перед Чарли раскрывается истинное отношение людей к нему, (к примеру, разногласия и споры между учёными о их роли в эксперименте), что приносит ему много боли и заставляет сильно измениться. В рассказе даже присутствует эпизод, когда одна из работниц фабрики прямо говорит ему об этом, ссылаясь на сюжет о грехопадении («*It was evil when Eve listened to the snake and ate from the tree of knowledge*», т. е. «*Произошло зло, когда Ева послушалась змея и вкусила запретный плод с дерева познания*»).

Возвращаясь к роману Евгения Замятина, стоит отметить, что в нём весьма ощутимо влияние европейской литературы. В частности, он прибегает к традиции таких авторов, как Джонатан Свифт, при создании сатирической картины города-государства. Однако можно сделать предположение, что, несмотря на отсутствие прямых аллюзий, в тексте есть милтоновские мотивы. Так, в Библии ничего не говорится о том, чем Адам и Ева занимались в садах Эдема, в то время как в поэме Джона Милтона, ставшего автором литературного мифа о Рае, подробным образом описывается работа первых людей: у них есть особый распорядок дня, они ухаживают за садом и сами добывают себе пропитание, наблюдается даже некоторое разделение труда и обязанностей. В романе «Мы» Евгения Замятина D-503, выступающий в роли Адама (к чему в тексте делаются прямые отсылки, например, в виде реплик поэта R-13: «*Ах вы... Адам!*») в механизированном Рае Единого Государства тоже занят трудом, что подробно описывает в своих дневниковых записях.

Таким образом, Замятин и Киз используют в своих текстах библейские мифы, работают с одним сюжетом, который является центральным в обоих произведениях. Герой романа «Мы» и герой рассказа «Цветы для Эдджернона» соприкасаются с запретным знанием, которое кардинально меняет их жизнь. В случае Чарли Гордона им является полученный после операции интеллект, трансформирующий привычный и понятный герою мир в сложную систему и ломающий его представление о людях. Для D-503 запретным плодом становится открытие человеческих чувств, что не даёт герою жить

по-старому, придерживаться навязанной Единым Государством системы ценностей.

Разница в использовании сюжетов заключается в том, что в тексте Киза миф о Древе Познания вводится в основном посредством литературных отсылок (в частности, к «Потерянному Раю» Джона Милтона), в то время как роман Замятина построен на самой библейской истории, его герои неоднократно сами ссылаются на данный сюжет.

Общим принципом отображения внутренних состояний героев становится использование формы «записок сумасшедшего», востребованной в литературе XX в. из-за связи с неомифологическими тенденциями.

ЛИТЕРАТУРА

Мелетинский, 2002 — *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М, 2012.

Минц, 2004 — *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. // Объединённое гуманитарное издательство Ruthenia. URL: <http://ruthenia.ru/mints/papers/neomifologich.html> (дата обращения: 19.11.2016).

Кольцова, 1998 — *Кольцова Н. З.* «Мы» Евгения Замятина как неомифологический роман. URL: <https://www.proza.ru/2014/01/15/104> (дата обращения: 20.12.2016).

Лян Вэйци

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

henggaomu77@gmail.com

Научный руководитель — Л.П. Григорьева, канд. филол. наук

ГНОСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ МИХАИЛА БУЛГАКОВА «ДЬЯВОЛИАДА»

Ключевые слова: Булгаков, мотив, гностическая традиция.

В статье предлагается анализ ряда мотивов (онирических, телесных, двойничества) в повести М.А. Булгакова «Дьяволиада», связанных с гностической традицией. Наблюдения над мотивной структурой повести позволяют найти новый ракурс в понимании авторской философской позиции.

Liang Weiqi

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

GNOSTIC MOTIVES IN THE NOVEL BY MIKHAIL BULGAKOV «DIABOLIAD»

Keywords: Bulgakov, motive, Gnostic tradition.

The article offers an analysis of a oneiric, bodily, and duplicity motives in M.A. Bulgakov's novel «Diaboliad» which are related to the Gnostic tradition. Observations on the motive structure of the novel allow to find a new perspective in the understanding of the author's philosophical position.

На вопрос, к каким истинам склонялся Булгаков, исследователи дают разные ответы. Часть из них, на наш взгляд, небезосновательно считает, что на творчество Булгакова оказал влияние гностицизм.

Проблеме соотношения авторской философской позиции и гностических учений в творчестве Булгакова посвящено немало исследований, но материалом для анализа является позднее творчество писателя, в основном роман «Мастер и Маргарита», хотя влияние гностической философии обнаруживается, на наш взгляд, уже в первой повести Булгакова — «Дьяволиаде» (1923 г.). В этом аспекте повесть еще не рассматривалась, что определяет актуальность нашего исследования.

Напомним, что общие объединяющие признаки гностицизма, выделенные большинством философов, — это «дуализм, мироотрицание, докетизм в учении об Иисусе Христе, деление людей на избранных и обыкновенных («гностических» и — «от мира», «пневматиков» и «гиликов»), учение о спасении только лишь избранных, а также отрицание воскресения во плоти и идея метампсихоза (переселения душ)» [Колесникова, 2001, с. 63].

Среди признаков гностических учений самым специфическим является идея мироотрицания. По мнению гностиков, несовершенный творец Демиург создает материю и заключает дух в теле. В связи с действием этого «злого» начала материальный мир, согласно гностицизму, несовершенный. Под влиянием этой идеи в повести автором создается подобный же несовершенный мир — пространство сна, лабиринта, ночи, темноты, тумана, мутного света — некое промежуточное пространство, в котором сливаются канцелярско-бюрократическая жизнь и демонический кошмар, смешиваются реальность и ирреальность, реализуется коллизия яви — сна. Пограничный характер пространства проявляет себя в ряде онирических мотивов.

Впервые мотив сна обнаруживает себя во второй главе: «На рассвете Коротков уснул и увидал дурацкий, страшный сон» [Булгаков, 1990, с. 123] (далее при цитировании по этому изданию только указываем страницу). Здесь сон-кошмар выступает как видение будущего, то есть вещей сон. Сон, как «сообщение от таинственного Другого» по Лотману [Лотман, 2000, с. 123], имеет традиционную прогностическую функцию. В сне главный герой предвидел образ Кальсонера, лысого как яйцо. Образ «шара на ножках» коррелирует с определением Лотманом нечистой силы в сне Татьяны из «Евгения Онегина» — «как соединения несоединимых деталей и предметов» [Лотман, 1980, с. 272]. Алогическое сочетание придает образу также и легкий комический эффект. Следует заметить, что булгаковскому персонажу снился именно бильярдный шар. Мотив бильярдного шара будет присутствовать и в последней сцене жизни Короткова.

Как отмечает М. Н. Панкратова, использование онирического мотива наблюдается обычно при двух сюжетных ситуациях — «ситуации необходимости получения чего-то из “другой реальности” или ситуации пребывания в “этой другой реальности”» [Панкратова, 2015, с. 77]. Сюжет пребывания Короткова в другой реальности реализован через мотив лабиринта, который был «построен автором», чтобы зафиксировать процесс поиска персонажем некоего бюро претензий, мистической комнаты номер 302. В этом лабирин-

те Коротков запутался в бесконечных коридорах и комнатах, столкнулся с разнообразными ирреальными существами, и увидел метаморфозу демонического персонажа Кальсонера, который неожиданно превратился «в черного кота с фосфорными глазами» [144]. Кружась в типичном сновидческом лабиринте лестниц и коридоров девятиэтажного здания, он вступает в диалог с «громادным синим чайником», обнаруживает несовместимый с реальностью советского учреждения «необъятный двухсветный зал с колоннами», встречается с Яном Собесским, мужчиной с мраморным лицом [141]. И в этот момент он уже начинает сомневаться в логичности своего мира, чувствуя, что «начинается что-то странное, как и везде» [142]. В лабиринте, как в сне, не бывает границы, и человек не может найти выхода: «через 5 минут опять был там же. № 40» [143], потом он опять «оказался в тупом полутемном пространстве без выхода» [144]. Данный микросюжет обнаруживаем в седьмой главе, которая, по мнению Ж. Жаккара, является центром сюжетно-повествовательной линии повести, где реальный мир уступает место ирреальному [Жаккар, 2011, с. 327]. Можно сказать, что главный герой через лабиринт попал в дьявольский мир, а в свою реальность вернуться уже не смог.

Мотив тени, мотив темноты воплощаются в повести с помощью ряда указаний на слабо освещенное время дня («под утро» [123], «на рассвете» [123]), ряда определений интерьерного состояния («в тупом полутемном пространстве» [144], «на узкой и темноватой площадке» [130]), и ряда описаний атмосферы («закрыв дымом окна» [129], «в туче синего дыма» [130]), и даже ряда цветообозначений с доминированием серого цвета («серый френч» [131], «как серое с черными дырами» [154]). Отметим, что автор в повести не использовал яркого цвета для описания пейзажа, за исключением описания сцены самоубийства Короткова, в которой использование цветообозначения «кровавое солнце» коррелирует с идеями гностиков об освобождении от серого злого мира путем лишь смерти.

Потеря границы мира реального и ирреального также эксплицирована в ряде телесных мотивов. Отрицая материальный мир, гностики отвергают и телесность человека. Поскольку идея гностического дуализма заключается в разделении и противопоставлении духа и телесности, сложилась традиция полагать, что в «гностицистском учении известны три категории адептов: телесные люди, душевные и духовные (пневматики)» [Кубышкина, 2016, с. 163]. Именно телесных людей гностики воспринимали как низших в иерархии.

На наш взгляд, справедливо мнение исследователей, полагающих, что в телесном тексте «Дьяволиады» имплицитно выражается недоверие писателя к телесности, телесная структура данной повести представляет собой «каталог усечений, трансформаций, метаморфоз тела» [Григорьева, 2009, с. 26]. Как отметил Е. А. Яблоков, «преимущественное внимание писателя привлекают две сферы человеческого организма, две телесных кульминации: голова и половые органы. Так, в “Дьяволиаде” и “Роковых яйца” яйцо — одновременно символ головы и органов размножения» [Яблоков, 2001, с. 308]. В повести обнаруживается ряд мотивов, семантически связанных с мотивом головы: мотив головы как яйца/шара («живой бильярдный шар на ножках» [123]), мотив болезни головы («мучительно заболел левый висок» [136]), мотив повреждения головы («обвязал левую половину головы» [123]), также метонимический мотив головы («женская заплаканная голова злобно сказала» [121]); мотив раннего глаза («эти подбитые глаза на каждом шагу» [124]).

Как указано выше, образ головы в повести имеет дефектный характер. Телесной дефектностью, ущербностью отмечены и другие части тела — хромые ноги, отломленные руки и т. п. Можно сказать, что в повести отсутствует «совершенное тело».

Напротив, здесь представлено множество различных видов трансформации тела, реализованных в ряде мотивов подмены тела: мотива превращения — «красавица превратилась в уродливого, сопливого мальчишку» [133], мотива двойника — начальники подписываются друг за друга, все принимают Короткова за Колобкова, мотива раздвоения — двое Кальсонеров.

В рамках воплощения мотива телесных трансформаций, в первую очередь, обозначается ряд мотивов зооморфизаций тела, варьирующих ситуацию превращения человека в мифопоэтические животные фигуры. Из этих фигур можно выделить образ кота («обернувшись в черного кота с фосфорными глазами» [144]) и петуха («превратился в белого петушка» [152]). Следует признать, что в фокусе авторского внимания оказывается изображение образа петуха, который, как отметил Яблоков, является традиционной жертвой Асклепию [Яблоков, 2001, с. 308]. Он в булгаковских произведениях часто приобретает символическое значение спасителя. Петух у Булгакова, по словам Н. В. Хомука, «эмблема телесной редукции, так сказать телесного примитива» [Хомук, 2015, с. 31]. Куриное жертвоприношение разыграно в начале повести, когда кассир «вернулся через четверть часа с большой мертвой курицей со свернутой шеей» [120], что намекает на безнадежность и безвыходность судьбы героя.

Еще одним отличительным признаком гностического мироотрицания является понимание смерти как пути освобождения и спасения от злого мира. Главный персонаж Коротков представляет собой гностического человека, который обретает покой и спасение только после смерти. Обращает на себя внимание важная деталь в финале, когда Коротков прыгнул с крыши одиннадцатизэтажного гиганта и вместо того, чтобы упасть вниз, «взлетел вверх». Понимая свободу как освобождение духа от телесности, автор «спас» своего героя небытием — смертью.

Напомним, для гностиков важно рассуждение об абсолютном дуализме в восприятии этических понятий добра и зла, и в повести это находит отражение в экспликации мотива двойничества. Главный персонаж Коротков имеет два начала — добра и зла, герой «выступает в двух “ипостасях” — страдательно- “ангельский” и агрессивно- “демонической”» [Яблоков, 1997, с. 308]. По отношению к Кальсонеру бритому он является страдающим, а к Кальсонеру бородатому он преследующий.

Таким образом, анализ телесных и онирических мотивов одного из ранних текстов Булгакова побуждает согласиться с теми исследователями, которые полагают, что именно гностические учения оказали важнейшее влияние на формирование философских приоритетов писателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Булгаков, 1990 — *Булгаков М. А.* Багровый остров: Ранняя сатирическая проза. М., 1990.
- Григорьева, 2009 — *Григорьева Л. П.* Наблюдения над образом тела в повести М. А. Булгакова «Дьяволиада» // Проблемы изучения русской литературы первой половины XX века. Вып. 30. СПб., 2009. С. 25–31.
- Жаккар, 2011 — *Жаккар Ж.* О зеркальной структуре повести «Дьяволиада» Михаила Булгакова // Жаккар Ж. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М., 2011. С. 325–334.
- Колесникова, 2001 — *Колесникова Ж. Р.* Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.
- Кубышкина, 2016 — *Кубышкина В. О.* Тайное знание масонов как элемент гностической традиции в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник ТГПУ. 2016. № 7 (172) . С. 162–167.
- Лотман, 1980 — *Лотман Ю. М.* Роман Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: пособие для учителя. Л., 1980.
- Лотман, 2000 — *Лотман Ю. М.* Сон — семиотическое окно // Лотман Ю. М. Се-

- миосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. С. 123–126
- Панкратова, 2015 — *Панкратова М. Н.* Онирический мотив: структура и особенности функционирования («Огненный Ангел» В. Я. Брюсова): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Хомук, 2015 — *Хомук Н. В.* Ранняя проза М. А. Булгакова: Поэтика телесности. Томск, 2015.
- Яблоков, 1997 — *Яблоков Е. А.* Мотивы прозы Михаила Булгакова. М., 1997.
- Яблоков, 2002 — *Яблоков Е. А.* Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»). Тверь, 2002.
- Яблоков, 2001 — *Яблоков Е. А.* Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001.

Зуева Елизавета Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

zuevaspb@outlook.com

Научный руководитель – С.Д. Титаренко, д-р филол. наук

«ВОРОНЕЖСКИЕ ТЕТРАДИ» О.Э.МАНДЕЛЬШТАМА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ

Ключевые слова: Мандельштам, «Воронежские тетради», поэтика, мотивный анализ, художественное пространство, художественное единство.

Статья посвящена проблеме анализа «Воронежских тетрадей» О.Э.Мандельштама. Основное внимание уделяется мотивному анализу, который должен помочь определить особенности поэтики трех «Воронежских тетрадей» как типа художественного единства.

Zueva Elizaveta

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«VORONEZH NOTEBOOKS» AS TO BE THE ARTISTIC INTEGRITY

Keywords: Mandelstam, «Voronezh Notebooks», poetics, the motive analysis, space of art, artistic unity.

The article is devoted to considering of organization of artistic integrity of the three «Voronezh notebooks» by Osip Mandelstam. The main attention is paid to the motive analysis, which should help determine the features of the poetics of the three «Voronezh notebooks».

«Воронежские тетради» О.Э. Мандельштама — это стихотворения поэта, созданные в период с 1934 по 1937 гг., когда он находился в ссылке в городе Воронеже за свои антисталинские произведения. Все стихотворения связывает сходство общих мотивов и тем драматического переживания своей судьбы. Темы и мотивы, взаимодействуя друг с другом, заставляют думать о том, что все три «Воронежские тетради» — это тип определенного художественного единства, каким является книга стихов или цикл. Цель данного исследования — показать художественную целостность трех «Воронежских тетрадей» О.Э. Мандельштама.

Три «Воронежские тетради» можно рассматривать как одно художественное целое. Для стихотворений «Воронежских тетрадей» характерны некоторые признаки лирического цикла, выделенные Л. Е. Ляпиной [Ляпина, 1977, с. 4–5]. Во-первых, это «авторская заданность композиции», важная для цикла как художественного целого. Во-вторых, «одноцентричность» или «центростремительная композиция лирического цикла» как смыслового единства, которое объединяют общие темы и мотивы. В-третьих, для «Воронежских тетрадей» характерен «лирический характер сцепления стихотворений: лирический сюжет», передающийся через развертывание мысли, выражение чувств, которые могут передаваться с помощью развития тех или иных мотивов.

Мы считаем, что «Воронежские тетради» организуются как художественное целое в книгу стихов, отличающуюся высокой степенью слитности составляющих его текстов. И. Фоменко замечает, что «книга претендует на универсализм, на воплощение целостного мировосприятия того периода, который ею представлен. Она претендует на “всеохватность”, стремится исчерпать целостность авторского представления о мире во всех его сложностях и противоречиях» [Фоменко, 1992, с. 21].

Единство трех «Воронежских тетрадей» обуславливается образом автора, а также созданием особого типа пространства и наличием повторяющихся доминантных мотивов. Повторение и взаимодействие данных мотивов формирует особый тип лирического сюжета, который связан с изменениями в сознании лирического субъекта.

Прежде всего, уделим внимание особенностям художественного пространства в «Воронежских тетрадях» О. Э. Мандельштама, поскольку именно оно фокусирует проекции сознания лирического субъекта. Пространство меняется в зависимости от его восприятия и от состояния воспринимающего сознания.

Доминирующим типом пространства в «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» является необычное для Мандельштама пространство земли, которое противоречиво воспринимается лирическим субъектом, в соответствии с изменениями в его сознании: «Переуважена, перечерна, вся в холе, / Вся в холках маленьких, вся воздух и призор, / Вся, рассыпаячись, вся образуя хор, — / Комочки влажные моей земли и воли...//» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 90].

В «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» лирический субъект связан с пространством земли, но в «Тре-

тьей Воронежской тетради» он устремляется к небу — идеалу, позволяющему почувствовать внутреннюю свободу. Ему становится близким это пространство, в пределах которого лирический субъект находит возможность оградиться от чужого пространства земли: «И под временным небом чистилища / Забываем мы часто о том, / Что счастливое небохранилище — / Раздвижной и прижизненный дом» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 128].

Остановимся подробнее на мотивном анализе всех трех «Воронежских тетрадей». Вслед за Б. М. Гаспаровым и И. Паперно [Гаспаров, Паперно, 1979], под «мотивом» нами понимается смыслообразующий элемент текста, обладающий такими признаками, как повторяемость, способность к накоплению смысла и др. Такое определение позволит шире взглянуть на мотивную структуру и организацию смысла в «Воронежских тетрадях».

Со сменой мироощущения лирического субъекта связан также мотив неволи, несвободы, звучащий во всех «Воронежских тетрадях». В них он находится в отношениях взаимосвязи с пространством, значимым для самоопределения лирического субъекта: в «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» субъект сознания, выражающий позицию автора, ощущает свою несвободу, которую в «Третьей Воронежской тетради» сменяют чувство внутренней свободы и радость ее осознания. Кроме того, важно заметить, что во «Второй Воронежской тетради» развитие мотива свободы коррелирует с некоторыми образами птиц: сокола и щегла. Главная функция каждого из этих образов — подчеркнуть динамику варьирования мотива неволи: «Я около Кольцова / Как сокол закольцован — / И нет ко мне гонца / И дом мой без крыльца..» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 108].

С данным мотивом непосредственно взаимодействуют мотивы жизни и смерти, которые также звучат во всех «Воронежских тетрадях». В «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» звучит мотив смерти, ощущения близкой гибели, неотделимый от мотива несвободы. Но по мере того как меняется мироощущение лирического субъекта, развивается мотив неволи, происходит его видоизменение: начинает звучать мотив утверждения жизни: «Не разнять меня с жизнью — ей снится / Убивать — и сейчас же ласкать, / Чтобы в уши, в глаза и в глазницы / Флорентийская была тоска» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 129].

С мотивом жизни и смерти взаимодействует ярко выраженный мотив звучащей речи, произнесенного слова. В «Первой Воронежской тетради» и «Второй Воронежской тетради» он тесно перепле-

тается с мотивом жизни и смерти: произнесенное слово в сознании лирического субъекта помогает найти силы для того, чтобы бороться за жизнь: «Лишив меня морей, разбега и разлета / И дав стопе упор насильственной земли, / Чего добились вы? Блестящего расчета: / Губ шевелящихся отнять вы не могли». [Мандельштам, 1994, т. III, с. 94].

Мотив звучащей речи углубляется образом «губ шевелящихся». Именно это дополнение включает рождение слова не только в метафизическую, но и в чувственную сферу лирического субъекта. Преодоление дисгармонии лирическим субъектом именно благодаря еще не утраченной способности «шевелить губами», то есть произносить слово.

В «Третьей Воронежской тетради» появляется небесное пространство — как идеал, к которому стремится в своем сознании лирический субъект, и именно в ней наиболее отчетливо проявляется мотив утверждения жизни, подразумевающий радость от возможности жить вообще. Этот мотив и образ небесного пространства взаимосвязаны с мотивом речи, говорения, рождения слова.

В «Третьей Воронежской тетради» мотив речи, говорения уже звучит иначе. Лирический субъект выражает желание *произнести слово*. Важной деталью является то, что он будет говорить о духовно близком пространстве, представляющемся ему «своим», — о пространстве неба. Но говорить лирический субъект будет «шепотом», словно прячась, скрываясь от остального мира: «Я скажу это начерно, шепотом — / Потому что еще не пора: / Достигается потом и опытом / Безотчетного неба игра» [Мандельштам, 1994, т. III, с. 128].

Рассмотренное взаимодействие мотивов позволяет утверждать, что лирический субъект переживает различные состояния на протяжении всех трех «Воронежских тетрадей»: от отчаяния, которое охватывало его в «Первой Воронежской тетради» — до осознания внутренней свободы и попытки утверждения жизни в «Третьей Воронежской тетради». Такая динамика развития его мировосприятия оказывается взаимосвязанной с мотивом жизни и смерти. Данная закономерность является одним из способов создания лирического сюжета. Содержание этого лирического сюжета можно определить как духовное воскрешение лирического субъекта, преодоление им духовного кризиса. Наличие такого лирического сюжета объединяет три «Воронежские тетради», помогает сформировать единое художественное целое.

Таким образом, можно полагать, что «Воронежские тетради» О. Э. Мандельштама — тип художественного единства, близкий не только циклу, но и книге лирики.

ЛИТЕРАТУРА

- Верхолотова, 2013 — *Верхолотова Е. В.* Проблема циклизации в поэзии акмеистов: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам: монография. М., 2013.
- Гаспаров, Паперно, 1979 — *Гаспаров Б. М., Паперно И.* К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // *Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes* Stockholm. 1979. С. 9–44.
- Ляпина, 1977 — *Ляпина Л. Е.* Лирический цикл в русской поэзии 1840-х–1860-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.
- Мандельштам, 1994 — *Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Стихи и проза. 1930–1937 / сост. и коммент. П. Нерлера и А. Никитаева. М., 1994.
- Фоменко, 1992 — *Фоменко И. В.* Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь, 1992.

Тенькова Лилия Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

lilichka_3004@mail.ru

Научный руководитель – И. Н. Сухих, д-р филол. наук

КАК МЕНЯЛСЯ «СТАРИК ХОТТАБЫЧ» (О РАЗНЫХ РЕДАКЦИЯХ ПОВЕСТИ-СКАЗКИ Л. ЛАГИНА)

Ключевые слова: редакция, издание, текстовые правки, политизация текста, текстология.

Сколько было редакций «Старика Хоттабыча» и зачем Л. Лагин постоянно правил текст – вопросы, до сих пор не разрешенные в литературоведении. На материале сравнительно-сопоставительного анализа всех прижизненных изданий в статье опровергается традиционная точка зрения о существовании только двух редакций текста. Также даются примеры основных текстологических правок и их влияния на замысел произведения.

Tenkova Liliya

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

CHANGES OF «OLD KHOTTABYCH» (DIFFERENT EDITIONS OF THE STORY BY L. LAGIN)

Keywords: edition, textual changes, publication, politicization of text, textual criticism.

How many editions of the story «Old Khottabych» existed and why L. Lagin would constantly edit the text – these are the questions that still haven't been answered in literary studies. Based on a comparative analysis of all intravivam editions of «Old Khottabych», the traditional point of view that only two editions of the text exist is disputed. The examples of the general textological changes and their influence on the meaning of the book have also been provided in the article.

«Честно, я никогда не собирался писать волшебную сказку», — как-то признался автор «Старика Хоттабыча» М. Л. Лезинскому. «Я писал памфлет на книжки подобного рода, а Хоттабыча... так отредактировали, что памфлет превратился в волшебную сказку» [Лезинский, 2012].

«Старик Хоттабыч» впервые появился в печати в конце 1930-х гг., но широкую популярность приобрел только после войны: начиная с 50-х гг. книжка Л. Лагина регулярно переиздавалась и ак-

тивно переводилась на иностранные языки (английский, немецкий, чешский, китайский и др.). Популярности ей добавила одноименная экранизация Г. Казанского, так что к концу 60-х гг. уже все знали «Хоттабыча», если не «бумажного», то хотя бы «экранизованного». Однако, если сравнить все прижизненные издания повести, то вдруг окажется, что мы читаем едва ли не разные книги. Возникает вопрос: «А какого же Хоттабыча все знали?» Того, у которого заклинание звучит, как первый стих еврейского гимна, который летает на ковре-самолете и во всех достижениях цивилизации видит злодеяния «царя шайтанов и ифритов», или того, который летает на настоящем самолете, учится науке и хочет стать радистом? Ответ прост: читатели разных поколений знали разного Хоттабыча.

Традиционно исследователи и критики [Стругацкий, 1990; Влашкина, 1997; Горелик, 2004] указывают на существование только двух версий произведения: исходной, с которой началась история публикаций, и редакции 1955 г. Также существует несколько работ [Дубровская, 2002, с. 591–595; Горелик, 2004, с. 34–35], в которых исследователи попытались эти версии сравнить и выявить их основные различия. Однако вопрос датировки первого издания и количества редакций оставался открытым. Цель статьи — дать на него ответ, тем самым разрешив проблему текстологии «Старика Хоттабыча».

Впервые «Старик Хоттабыч» был опубликован в журнале «Пионер» в 1938 г. Повесть была небольшой и включала в себя всего лишь 20 глав. Отдельное издание «Старика Хоттабыча», которое ошибочно именуется исходным текстом, вышло уже в 1940 г. и на журнальную версию совершенно не походило. Изменилась фабула, появились новые герои, а оглавление книги увеличилось на 17 глав. В одном из интервью дочь писателя Н. Лагина сообщает, что Лагин написал «Старика Хоттабыча» в поездке на Север (о. Шпицберген), куда его отправил А. Фадеев сразу же после ареста М. Кольцова. В том же интервью Лагина утверждает, что до 1957 г. «Хоттабыча» не переиздавали [Лагина, 1999, с. 11].

Согласиться с тем, что повесть не переиздавали, нельзя: факты говорят об обратном. А вот командировка на Север, действительно, отразилась на повести, с тем только замечанием, что повесть была там не написана, а переписана и дополнена.

М. Кольцова арестовали в декабре 1938 г., а к этому времени «Старик Хоттабыч» был уже почти полностью напечатан в журнале. Подтверждением тому, что командировка повлияла на творческий замысел, служат новые главы: «Мечта о “Ладоге”», «Что мешает спать?», «Риф или не риф?» и др., в которых автор рассказывает

о путешествии героев на ледокольном пароходе «Ладога» в Арктику. Чтобы логически связать уже опубликованную повесть с новым материалом, Лагину пришлось переписать некоторые главы. В результате произведение не просто обросло событиями, но претерпело внутреннюю модификацию.

Следующая редакция, на которую единогласно указывают все исследователи и критики, появилась 15 лет спустя — в 1955 г. Однако А. Х. Омраан указал на существование еще одной, более ранней редакции [Омраан, 2012, с. 13], опубликованной в 1951 г. В ней бесследно исчезли главы «В парикмахерской», «Девятнадцать баранов» и др. Но появились абсолютно новые — предисловие «От автора» «Беспокойный вечер», «Третье приключение в метро», «Опять эскимо» и «Новогодний визит Хоттабыча». Большая часть сохранившихся глав была переработана для актуализации и синхронизации сюжета повести с действительностью.

Популярность книги быстро росла, и окончательным триумфом стала ее экранизация в 1956 г. Однако фильм настолько не совпадал с книгой, что могло показаться, будто они едва связаны друг с другом. Вероятно, что Лагин, работая над сценарием, в очередной раз переделал повесть. Новая и последняя в творческой истории «Старика Хоттабыча» редакция была опубликована только в 1958 г. Однако датировать ее следует не позднее релиза фильма, т. е. 1955 г. В ней снова добавились новые герои, такие как ябеда Гога Пилюкин и учительница Варвара Степановна, а также новые, связанные с ними главы. Редакция 1955 г. стала единственно доступной для чтения вплоть до 1990 г., пока А. Стругацкий не возвратил читателям довоенный вариант.

В статье рассмотрены только три редакции текста (1940, 1951 и 1955 гг.), т. к. них наиболее резко и отчетливо проявлены различия фабулы, системы персонажей и хронотопа. Однако это число не окончательное. Автор редактировал текст перед каждой новой публикацией, поэтому едва ли найдется хоть одно издание, которое бы было идентично предыдущему. Разница только в характере и объеме правок.

Лагин, несмотря на популярность повести, не считал ее удачной. Под давлением цензуры он все больше отдалялся от первоначального замысла. Известно, что Лагин начинал свою писательскую карьеру с сатирических журналов. Склонность к юмористике и сатире особенно заметна в первых версиях произведения. Вспомним главу «Девятнадцать баранов». «Проницательные» читатели не могли не подметить в характерном для сказки превращении людей в живот-

ных сатиру на советских граждан, которые под влиянием советской пропаганды и государственной политики превратились в подопытное «стадо».

В последующих изданиях Лагин убрал главы с баранами (а вместе с ними и Сережу Кружкина) и взамен написал новые. Если в первом отдельном издании автор во многом критикует именно советских граждан и порядки в стране, то во всех последующих редакциях эта линия ослабляется, а вектор критики переводится на капиталистические государства и их представителей. Показательна в этом случае замена гражданина Хапугина, «бывшего частника, а теперь помощника заведующего хозяйством кустарной артели “Красный пух”» [Лагин, 1940, с. 60] на алчного и властолюбивого американского бизнесмена Гарри Вандендаллеса.

В послевоенных редакциях Америка станет воплощением зла и превратится в мишень для всех лагинских нападок. В довоенных изданиях ее место занимала Англия, доживающая последние годы в статусе крупнейшей метрополии. Осуждающе звучит ответ Вольки на экзамене по географии: «...на этом полуострове [Индостане] расположены две большие страны — Индия и Пакистан — и много княжеств, которые называются независимыми, но... остаются по существу колониями Англии...» [Лагин, 1951, с. 19].

А о том, что случилось с Женькой в Индии, колонии Англии, куда его отправил Хоттабыч, повествователь рассказывает так: «Поверьте автору на слово, что Женя вел себя там так, как надлежит вести себя в условиях жестокой эксплуатации юному пионеру...» [Там же, с. 20]. Найденная героями в море бомба с надписью «Made in England» также указывает на вражду СССР с Англией.

Однако во всех послевоенных изданиях под влиянием холодной войны все негативные оценки с Англии были переадресованы США. Надпись на бомбе заменена на «Made in USA», Хапугин стал Вандендаллесом, которого за жадность справедливый Хоттабыч превратит в «рыжую шавку»: «Так он по сей день и проживает в своей нью-йоркской квартире в собачьем виде. Богатейшие владыки Уолл-стрита постоянно шлют ему отборные кости с собственного стола. Раз в неделю он выступает за это с двадцатиминутным лаем в радиопередаче “Голос Америки”» [Там же, с. 201–202]. В этом же духе переделаны главы, повествующие о путешествии в Италию. Вместо итальянского гидроплана появляется американский самолет, налетающий на «план Маршалла», подаривший Америке огромную власть над некоторыми странами Европы. Вместо безработных генуэзцев появляются «бастующие против де Гаспери и американских

крыс» [Там же, с. 172]. Продолжает эту тему, но немного в другом направлении, глава о выступлении Хоттабыча в цирке, которому после окончания шоу предлагают турне не по СССР, Западной Европе и Северной Америке, как это было прежде, а только «в Москве и в периферийных цирках» [Там же, с. 98].

Эта тенденция сохранилась и в последней редакции. Политизированность текста усилилась за счет расширения фабулы различными подробностями, а резкий контраст между США и СССР поддержан пропагандой последнего. Особое внимание автор уделит событиям внешней политики страны — напр., дружбе СССР и Индии, установившейся при Н. С. Хрущеве, чему в книге посвящен целый эпизод: Женя Богорад, оказавшийся на Востоке, не только не продается в рабство, но даже распевает «Катюшу» с местными жителями и постоянно повторяет лозунг советско-индийских отношений «хинди, руси — пхай-пхай».

Кроме Индии в произведении появились географические названия, которые не встречались в предыдущих изданиях: Тбилиси, Туапсе, Сочи, Адлер, Куйбышевское и Черное моря.

Конечно, перечисленные примеры того, как изменялся «Старик Хоттабыч» — это лишь небольшая часть правок, которые можно отметить и прокомментировать. Все изменения идейной стороны повести неизбежно отражались на ее структуре: помимо замен и перестановок глав, менялась фабула, система персонажей, художественное пространство и время.

За неимением официальных доказательств сложно утверждать, появлялись ли правки под давлением цензуры или же автор редактировал повесть добровольно. Если довериться мемуарной литературе, то получается, что «Хоттабыча» все-таки изувечила цензура, и, по словам Н. Лагиной, автору это стоило инфаркта. Однако, история текста «Старика Хоттабыча» больше склоняет к мысли, что Лагин не был тем писателем, который готов бороться за каждое слово в своем произведении. Он был «пластичным» автором и легко шел на компромиссы, чем и заслужил у власти хорошую репутацию.

ЛИТЕРАТУРА

- Власкина, 1997 — Власкина М. И. Лагин Л. И. // Русские детские писатели XX века: Библиографический словарь. М., 1997. С. 251–252.
- Горелик, 2004 — Горелик М. Возвращение Хоттабыча // Новое время. 2004. № 31. С. 34–35.
- Дубровская, 2002 — Дубровская И. Творческая история сказочной повести Л. Лагина «Старик Хоттабыч» // Русский язык, литература и культура в со-

- временном обществе: материалы междунар. науч. конф. Иваново, 2002. С. 591–595.
- Лагин, 1940 — *Лагин Л.* Старик Хоттабыч. М.; Л., 1940.
- Лагин, 1951 — *Лагин Л.* Старик Хоттабыч. М.; Л., 1952 [перепл. 1951].
- Лагина, 1999 — *Лагина Н. Л.* Автор «Стрика Хоттабыча» брал гонорары конфетами: беседа с дочерью писателя // Комсомольская правда. 1999. 19 янв. С. 11.
- Лезинский, 2012 — *Лезинский М.* В гостях у старика Хоттабыча // Литературный портал «Проза». URL: <http://www.proza.ru/2012/02/29/985> (дата обращения: 13.12.2017).
- Омраан, 2012 — *Омраан А. Х.* Аксиологические модели авторских сказок в русской литературе конца 1930-х–1960-х гг. (Лагин / Волков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 22 с.
- Стругацкий, 1990 — *Стругацкий А.* О Лазаре Лагине // Лагин Л. Старик Хоттабыч: избр. произв. М., 1990. С. 204–206.

Драничникова Юнона Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

dranichnikova@me.com

Научный руководитель – И. Н. Сухих, д-р филол. наук

ЗАГОВОР ГРАФА ЭССЕКСА И ТАЙНА СМУГЛОЙ ЛЕДИ (ОБ ОДНОЙ НОВЕЛЛЕ Ю. ДОМБРОВСКОГО)

Ключевые слова: Домбровский, Шекспир, психологическая проза, русско-английские культурные связи.

Статья посвящена анализу новеллы Ю. О. Домбровского «Смуглая леди сонетов». Основной задачей исследования является попытка определить границы между реальными историческими событиями и художественным вымыслом, а также проанализировать «индивидуальное прочтение и толкование» личности Шекспира в творчестве Домбровского на примере данного текста.

Dranichnikova Yunona

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

ESSEX'S REBELLION AND MYSTERY OF THE DARK LADY (ABOUT ONE STORY OF JURI DOMBROVSKIY)

Keywords: Dombrovskiy, Shakespeare, psychological prose, Russian-English cultural ties.

This article is dedicated to an analysis of a story «Dark Lady of Sonnets» written by Juri Dombrovskiy. The main aim of the research is to determine the boundaries between real historical events and fiction, and to perform an individual interpretation of the identity of Shakespeare in Dombrovskiy's stories.

В 1915 или 1916 году, в возрасте шести-семи лет, Ю. О. Домбровский увидел «Венецианского купца» в постановке бродячей труппы. Это было его первое знакомство с Шекспиром. Детское впечатление от спектакля переросло в глубокое, энциклопедичное знание об английском драматурге и его эпохе [Домбровский, 1992, т. 3, с. 145–150]. В эссе «Итальянцам о Шекспире» Домбровский признается, что «прочитал, наверное, почти все главное, что написано о Шекспире на пяти языках...», а также что «много раз перечитал в подлиннике все вещи Шекспира» [Там же].

Корпус текстов Домбровского о Шекспире состоит из 5 новелл (цикла «Смуглая леди» и двух повестей, не вошедших в цикл), двух

эссе «Итальянцам о Шекспире» и «РэтлендБэконСоутгемптонШекспир», а также рассказа «Леди Макбет». Помимо этого, упоминание великого английского драматурга можно встретить практически в каждом тексте Домбровского: герои цитируют Шекспира, ставят его пьесы, в повествование включаются мотивы из его произведений.

Цикл «Смуглая леди» вышел в 1969 году отдельным изданием в «Советском писателе» и состоит из трех новелл: «Смуглая леди сонетов», «Вторая по качеству кровать» и «Королевский рескрипт». Тексты были написаны с большой временной разницей: «Смуглая леди сонетов» — в 1946 г., «Вторая по качеству кровать» (о возвращении Шекспира домой после пожара в «Глобусе» и о его отношениях с женой) пишется в 1956 г., сразу после освобождения из Озерлага, спустя 10 лет после первой, третья — «Королевский рескрипт» (о тайном письме монарха Шекспиру) — в 1968 г., спустя 12 лет после второй. Новеллы различаются как временем написания, так и обстоятельствами создания. Этот факт, безусловно, не мог не отразиться на поэтике новелл.

Стоит отметить, что в Советском Союзе было выпущено два отдельных издания «Смуглой леди», первое — в 1969 году, и второе — в 1985, уже после смерти автора. Во втором издании к циклу было добавлено введение, которое представляет собой компиляцию двух эссе Домбровского о Шекспире. В собрании сочинений 1991 года введение опять исчезло. Второй публикацией «Смуглой леди» и изданием собрания сочинений руководила вдова автора Клара Турумова-Домбровская, но выяснить причины, по которым она добавила введение, на данный момент не представляется возможным. Существуют также две главы книги — «Королева» и «Граф Эссекс», которые не вошли в финальный вариант цикла и были опубликованы позднее в собрании сочинений.

Авторское определение жанра вошедших в сборник текстов варьируется. На титульном листе первого издания подзаголовки гласит: «Три новеллы о Шекспире», — однако в эссе и письмах Домбровский называет их «рассказами», «притчами» и даже «биографической повестью в новеллах» [Домбровский, 1992, т. 6, с. 87–183]. Стоит отметить, что заголовки, выбранные Домбровским, не отражают ни содержание всего цикла, ни содержание самой новеллы. Образ смуглой леди сонетов в новелле — глубоко периферийный, но благодаря заглавию она выносится на передний план.

Новелла «Смуглая леди» начинается с того, что актеры в театре «Глобус» выказывают свое возмущение — вместо спектакля «Ромео и Джульетта», который пользовался огромной популярностью из-за

того, что там было целых пять смертей, Шекспир решил показывать «Ричарда II» — пьесу о свержении монарха. Актеры спорят, выдвигают разные версии такой внезапной перемены постановки, но оказывается, это не была воля режиссера. Два незнакомца попросили Шекспира заменить постановку и показать «поучительную пьесу», пообещав доплатить до полных сборов. Впоследствии выясняется, что эти незнакомцы были соратниками графа Эссекса, который поднял восстание против королевы на следующий день. Таким образом, Шекспир невольно оказался вовлечен в заговор.

В основе новеллы — реальный исторический факт, на который указывает большинство биографов Шекспира. Так, например, М. М. Морозов пишет: «В первых числах февраля 1601 года — так показал впоследствии на суде товарищ Шекспира по сцене, актер Августин Филипс, — сэр Чарльз Перси, сэр Джостлин Перси и лорд Монтигль (все трое были друзьями Эссекса) явились в театр “Глобус”. Эти знатные господа просили актеров непременно 7 февраля поставить пьесу Шекспира “Ричард II”. Актеры стали отговариваться: пьеса-де старая (она была написана Шекспиром еще в 1595 году), давно не шла и сборов не сделает. Но знатные господа обещали актерам десять фунтов стерлингов, и актеры, подумав, согласились возобновить пьесу с одной-двух репетиций. Им и в голову не приходило, что перед ними заговорщики, которые хотят использовать шекспировского “Ричарда II” как агитационную пьесу, ибо в этой пьесе рассказывается о свержении короля с престола.» [Морозов, 1956, с. 107]. Домбровский изображает этот эпизод в точности так же, Шекспир в новелле объясняет: «...Это не моя воля. “Ричард Второй” был заказан. <...> пришли двое известных мне джентльменов и спрашивают: “Какой у вас бывает полный сбор?” — “Такой-то”. — “Но ведь не всегда такой?” — “Ну, конечно, не всегда! — говорю. — Если пьеса старая, на дуэли не дерутся, ник” — “А вот завтра, говорю, надеюсь на полный. Завтра идет ‘Ромео’. Это пьеса доходная. Там одних убитых пять человек”. — “Так вот, — говорит один из джентльменов, — вы поставите все-таки ‘Ричарда Второго’, а до полного сбора мы вам доплатим <...> хотим посмотреть еще раз эту поучительную пьесу”» [Домбровский, 1992, т. 3, с. 53].

Основываясь на этом факте, мы можем датировать время действия новеллы с точностью до дня: это 7–8 февраля 1601 г. В-первых, восстание графа Эссекса, согласно документам, состоялось 8 февраля 1601 г. Во-вторых, Шекспир изображен в тексте как автор своих сонетов, окружающие посмеиваются над ним, что он уже пять лет гоняется за своей возлюбленной: «Да, Билл-то и поэт, и друзья

у него вон какие, и за этой леди он гоняется уже около пяти лет, и стихов исписал целую тетрадь, а так у него ничего и не вышло». По данным шекспироведов, Шекспир начал работать над сонетами в середине 90-х гг. В-третьих, в финале новеллы Шекспир стоит на пороге «Гамлета», пьесы, которую традиционно датируют 1600–1601 годами. Домбровский выбирает время рубежа веков, кризиса в политической системе Англии, пика и кризиса Позднего Возрождения. 1601 год — это также кризис самого Шекспира, завершение первого и начало второго периода в творчестве Шекспира, который шекспироведы также называют трагическим. Место действия в новелле — привычные декорации жизни английского драматурга: театр «Глобус», трактир «Сокол», улицы Лондона.

Сюжет новеллы «Смуглая леди» построен на обыгрывании эпизодов, связанных с жизнью и творчеством Шекспира. Постановка «Ричарда II» является аллюзией на известный шекспировский прием, когда пьеса является отражением будущих или прошедших исторических событий, а текст о свержении короля намекает на будущий заговор. Это прием был использован Шекспиром в «Гамлете». Со Смуглой леди связан мотив кросс-гендерного переодевания: она надевает маски, несколько раз переодевается мужчиной, преследуя определенные цели; то же самое мы видим в «Венецианском купце», где Джессика переодевается пажом, чтобы сбежать из Вероны. Смуглую леди преследуют другие шекспировские мотивы [см. Зайцева, 2015] — мотив одышки и мотив первородного греха: «Другой раз вышло так: он надкусил яблоко, но есть не стал, положил на стол, а она взяла это яблоко и так просто, как будто это следовало само собой, откусила тут же, где и он. Так они съели это яблоко» [Домбровский, 1992, т. 3, с. 68]. Неспособность Мэри Фиттон родить здорового ребенка воспринимается героями новеллы как ее личный недостаток. Домбровский отнимает у Смуглой леди сонетов право быть матерью:

— У нее был ребенок от вас? — вдруг спросил Шекспир.

— Да! — кивнул головой Пембрук. — Мертвый мальчик. Она зарыла его, как ведьма, где-то в огороде. Прямо в тряпках, — он грубо усмехнулся. — Разве у нее могут родиться какие-нибудь дети, кроме мертвых?

— Кроме мальчиков, — сказал Шекспир.

— Кроме мертвых мальчиков, — поправился Пембрук [Домбровский, 1992, т. 3, с. 92].

У Шекспира невозможность стать матерью — страшный грех и высшее проклятие судьбы. Например, король Лир взывает к при-

роде: «Срази ее бесплодием! Иссуши в ней навсегда способность к материнству! Пускай ее испорченная плоть не принесет на радость ей ребенка» [Шекспир, 1957–1960, т. 6, с. 504]. Образ Смуглой леди в новелле значительно снижен: ее называют «черной ведьмой», «вороной», «кладбищенской жабой», «цыганкой», «трактирной потаскухой», «девкой». Концепция любви и сам образ Мэри Фиттон имеют своим истоком творчество Шекспира [см. Зайцева, 2015, с. 131]. Вслед за ним Домбровский создает противоречивый образ коварной и лживой женщины. Пытаясь понять природу связи Смуглой леди и Шекспира, Домбровский формулирует свою философию любви. Любовь — это боль, и страдания, и разочарование, но в то же время, это великий дар, источник вдохновения. Пройдя через любовное соперничество, мучительные отношения, заговор, Шекспир в финале обретает ту творческую свободу, которая приведет его к «Гамлету».

Юрий Домбровский был блестящим знатоком жизни и творчества Шекспира. Это позволяет ему намеренно так выстроить свое повествование, что пустые места в биографии заполняются не вымыслом, а эпизодами и мотивами из самих произведений Шекспира. Этот цикл новелл представляет собой желание понять, какой была жизнь великого драматурга, который не получил признание при жизни и умер, не догадываясь о своей грядущей славе. Попытка восстановить жизнь Шекспира базируется на глубоком знании его биографии и желании найти в тексте отражение самого автора. Домбровский показывает, как через невольное участие в заговоре графа Эссекса, через отношения со смуглой леди Шекспир проходит путь к «Гамлету». Перед нами складывает путеводитель по сложной и путаной жизни Шекспира. Но цикл может служить путеводителем по жизни самого автора. Виталий Семин, писатель и близкий друг Домбровского, пишет: «Книжку ты написал славную. Не знаю, как Шекспир, но сам ты в ней полностью отразился. Твоя интонация, твои словечки, даже привычные для тебя цитаты. Я так это и читал, как бы с твоего голоса...» [Семин, 1987, с. 227–228].

ЛИТЕРАТУРА

- Домбровский, 1992 — Домбровский Ю. О. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1992.
Зайцева, 2015 — Зайцева А. Р. Художественные искания неофициальной литературы середины XX века. М.; Берлин, 2015.
Морозов, 1956 — Морозов М. М. Шекспир. М., 1956.
Семин, 1987 — Семин В. Что истинно в литературе. М., 1987.
Шекспир, 1957–1960 — Шекспир. Полное собрание сочинений: в 8 т. М, 1957–1960.

Калашников Антон Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

geineke-der-fuchs@yandex.ru

Научный руководитель – О.А. Светлакова, канд. филол. наук

ДОН КИХОТ В БАРСЕЛОНЕ: ГРАНИЦЫ КАРНАВАЛЬНО-СМЕХОВОГО В «ДОН КИХОТЕ» СЕРВАНТЕСА

Ключевые слова: карнавал, народно-смеховая культура, Дон Кихот.

В статье рассматриваются LXI–LXV главы второй части «Дон Кихота» Сервантеса как особый комплекс сюжетных ситуаций, в которых, несмотря на нагнетание архетипической карнавальной семантики, происходит выход за пределы поэтики низовой карнавальной культуры – одного из важнейших начал в генезисе романа Сервантеса.

Kalashnikov Anton

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

DON QUIXOTE IN BARCELONA: THE CONFINES OF THE CARNIVALESQUE IN *DON QUIXOTE* BY MIGUEL DE CERVANTES

Keywords: carnivalesque, culture of popular laughter, Don Quixote.

The article provides a study of chapters LXI–LXV of Book Two of Cervantes' *Don Quixote* as a separate complex of plot situations in which, although archetypal carnivalesque semantics is accumulated, popular culture poetics is overcome and confined, despite its importance in Cervantes' novel.

Барселонский эпизод (LXI–LXV главы Второй книги) во многом отличается от остального корпуса обеих частей «Дон Кихота». Он переносит действие из привычного для этого романа художественного пространства (сельская местность и природный ландшафт, по которым проходит дорога, феодальные замки в воображении героя и в герцогских владениях во Второй книге) в город, на что в 1985 году обратил особое внимание П. Рассел [Russell, 1985, с. 20].

М. М. Бахтин часто указывал на важность карнавала в «Дон Кихоте», замечая, что роман Сервантеса «прямо организован как сложное карнавальное действо со всеми его внешними аксессуарами» [«Творчество Франсуа Рабле...», 2015, с. 358–359]. Но если взглянуть

на текст Сервантеса с точки зрения бахтинской теории карнаваль-ной культуры, можно увидеть, что в барселонских главах происходит окончательный выход за пределы карнавализованной поэтики: формы низовой карнаваль-ной культуры осмысляются здесь романом Сервантеса как нечто уже преодоленное, имеющее определённые границы. В этих главах моделируется ряд эксплицитно-карна-вальных праздничных ситуаций, и всякий раз герой оказывается всё более отчуждён от роли увенчиваемого и развенчиваемого «кар-навального короля».

Эту роль герой выполняет в процессии, спускающейся с гор Сьерра-Морены в Первой книге (XXX–XXXI главы): Дон Кихот здесь — главное действующее лицо, субъект во всей полноте его активности, будущий избавитель царства Микомиконы от тиранической власти великана Пандафи-ланда. Но эта субъектность Дон Кихота с её «индивидуальными и отвлечённо-духовными претензиями» [«Творчество Франсуа Рабле...», 2015, с. 36] обречена на возвращение в объектный материальный мир — поместье героя: именно такова цель плана священника, претворяемого в жизнь всей компанией. И так, здесь — в первом томе — в самой мотивации романного действия можно видеть динамику карнаваль-ного «увенчания — развенчания». Священник Перо Перес организует ситуацию карнаваль-ного шествия, давая роли его участникам, превращает реальность в карнавал в Первой книге, как это описывает Дж. Иффланд [Iffland, 1997, с. 357–358]. Во Второй книге роль священника значительно уменьшается, но ему как организатору карнаваль-ных ситуаций наследует Самсон Карраско.

Важно, что во в карнаваль-ных ситуациях Первой книги нет раппы, деления на участников действия и зрителей. В процессию, спускающуюся со Сьерра-Морены, вовлечены все присутствующие. Иначе — в барселонском эпизоде.

Дон Кихот и Санчо прибывают в Барселону накануне дня Св. Иоанна Крестителя. При въезде они видят потешный морской бой, предвещающий будущее настоящее сражение с корсарами; в тот же день происходит первая встреча Дон Кихота с волшебной головой, а чуть позже герой возглавляет праздничную процессию, идущую по улицам. Таким образом, в этот день разворачиваются целых три карнавализованных действия. Одно из них — уличная процессия — это инвариант карнаваль-ного «увенчания — развенчания» героя.

В нашей стране известен прежде всего Иван Купала — славянский аналог католического дня Св. Иоанна. Рефлексы языческих обрядов в нынешних мероприятиях, посвящённых этому праздни-

ку, в Европе (особенно в скандинавских странах и на Иберийском полуострове) и в Латинской Америке сосредоточены в семантике праздничного костра, дарующего людям, присутствующим при его горении, очищение и обновление, позволяющего им ритуально встроиться в вечную цикличность жизни.

Но в барселонских главах эта слитность с вечным жизненным циклом отсутствует, поскольку карнавальная праздничность окончательно преодолена, вытеснена в объект наблюдения. Карнавальное тождество субъекта и объекта смеха, всеобщность карнавала, отсутствие рампы — всё это отчасти можно обнаружить в процессии, которая следует за Дон Кихотом в LXII главе Второй книги. Но всё это — лишь объект рефлексии, так как Дон Кихот нужен организатору шествия — дону Антонио Морено — только чтобы «*sacar a plaza sus locuras*» ('вывести на площадь его безумие'). Он предъявляет с балкона «увенчанного» героя прохожим, т. е. людям, выполняющим только зрительскую функцию. И участники последующей процессии, кроме Дон Кихота, являются скорее зрителями, чем исполнителями действия. Единственный носитель только исполнительской функции — Дон Кихот. Карнавал расчленён двойной рампой: первая отделяет героя от других участников шествия, а вторая — всё шествие целиком от зрителей-прохожих. Есть даже третья граница, разделяющая пространства театрального представления и жизни: она обнаруживается, когда некий кастилец узнаёт Дон Кихота и, не желая быть зрителем, заявляет, что тот своим безумием сводит с ума и других. «*Tú eres loco!*» ('Ты безумец!'), — восклицает кастилец с территории жизни, из-за пределов как тотальной игры карнавала, так и условной театральной игры — и дон Антонио, адепт последней, просит его удалиться.

«Увенчанный» Дон Кихот абсолютно одинок, отчуждён от мироздания. Санчо остаётся в доме Антонио Морено, когда герою предстоит возглавить шествие. В этом плане барселонские главы прямо продолжают те, в которых повествуется о пребывании одинокого Дон Кихота в герцогском замке. Как и последние, барселонский эпизод часто интерпретируется как нисхождение героя в некий Ад, подземный мир («*inframundo*»), параллельный дантовскому [Lee, 2005, с. 207–208]. Такое нисхождение — частый сюжет карнавального средневекового фарса, преодолевающего страх смерти с помощью смеха. Последнего, конечно, не происходит в барселонском эпизоде «Дон Кихота»

В высвечивании одиночества и уязвимости героя именно в барселонских главах в речи повествователя конституируется авторский

голос, голос той инстанции, которая фигурирует за текстом и собирает в единое целое его смыслы. До этого в аналогичных ситуациях Второй книги за повествователя говорил подложный автор — Сид Амет. Например, мудрец-мавр пишет в XLVI главе второго тома в связи с распутившимися у Дон Кихота на чулке петлями: «... ты, обыкновенная бедность... почему ты вечно привязываешься к идадьго и людям благородным, щадя, однако, других?» (перевод под редакцией Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова). А в LXII главе этого посредничества уже нет. Так, после уличной процессии в доме дона Антонио происходит «saga», вечеринка с танцами. Подруги хозяйки пытаются добиться от Дон Кихота участия в танцах. Повествователь комментирует это так: они ‘измучили (дословно — ‘размолотили, истолкли’) не только тело его, но и душу’ («*le molieron no sólo su cuerpo, pero el ánima*»). Такой авторский голос, сочувствующий герою и заранее солидаризирующийся со словами последнего о конечности собственной миссии (LXVI глава Второй книги) и, в сущности, любого бытия, понятого как индивидуальное, становится возможен именно в барселонских главах.

Ощущением необратимой индивидуации всех вещей проникнуты и слова Сиды Амета, рассказывающего в LXII главе, как именно была устроена волшебная бронзовая голова дона Антонио, вокруг которой организован ещё один карнавализованный эпизод. Так происходит очередное разоблачение карнавальской игры. А само помещение «волшебной головы» на блюдо — это сарказм в отношении всей семантики, связанной с днём Иоанна Крестителя, включая в первую очередь семантику роста и становления. «Ему должно расти, а мне умяться», — говорит этот персонаж ученикам Христа об их учителе в Евангелии от Иоанна (3:30).

В LXI главе Дон Кихот и Санчо видят потешный бой в гавани; в LXIII главе в этой же гавани происходит настоящий бой с корсарским судном. Первый — игровой, карнавализованный — эпизод получает продолжение в виде эпизода о настоящем сражении. Последний тем самым отрицает игровую сущность первого, остраивает игру и вытесняет её в объект исследования. Это чувствует и сам герой, который уже побывал зрителем и не может больше превращать реальность в игру вне рефлексии о ложной природе последней. Поэтому он никак не участвует в сражении.

В LXIV главе Дон Кихот встречается в поединке со своим ниспровергателем, переодетым Самсоном Карраско, и терпит «развешивание», но уже не карнавальное, т. е. не вписанное в вечный цикл, а последнее, окончательное. Образ бакалавра Самсона, наследующе-

го стремление священника Перо Переса вернуть Дон Кихота домой, насыщен мотивами двойничества: сначала Карраско переодевается «Рыцарем Зеркал», после — «Рыцарем Белой Луны». Но что важнее всего, побеждая Дон Кихота на барселонском берегу, он не пытается излечить его от безумия или вернуть домой навсегда. Вместо этого он отправляет героя в родное селение лишь на год, то есть на срок, равный полному сельскохозяйственному и карнавалльно-праздничному циклу. Для объяснения этого представляется продуктивным положение Иффланда о том, что в «Дон Кихоте» как проникнутом карнавалльной семантикой романе разворачиваются не столько попытки друзей героя-безумца вернуть его домой, сколько соревнование между разными «карнавальными парами», столкновение разных «карнавалльных королей»: «...Те самые силы, которые пытаются вернуть сервантесовского Дон Кихота к разуму, представлены персонажами, имеющими своё основание в народной праздничной культуре» [Iffland, 1997, с. 362]. Дон Кихота не хотят спасти от безумия — он просто должен двигаться дальше в вечном цикле «увенчания — развенчания». Это подтверждается готовностью священника и цирюльника поддержать новую выдумку Дон Кихота и стать вместе с ним героями пасторального романа (LXXIII глава Второй книги). Но сам Дон Кихот не верит в эту выдумку, так как это была бы лишь стилизация — и умирает, окончательно вытесненный за пределы карнавалльной игры.

Таким образом, нагнетание карнавалльной архетипики и семантики в барселонских главах сопровождается мощным их острашением, видящим театральную иллюзию и индивидуальность там, где раньше были карнавалльные цикличность и соборность. На уровне фабулы результатом этого перехода становится смерть Дон Кихота.

ЛИТЕРАТУРА

- «Творчество Франсуа Рабле...», 2015 — *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 2015.
- Сервантес М. де.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Т. II. М., 2003.
- Cervantes M. de.* Don Quijote de la Mancha. Madrid, 2004.
- Iffland, 1997 — *Iffland J.* La raíz festiva del cura Pero Pérez // Actas del II Congreso de la Asociación de Cervantistas. Madrid. 1997. P. 351–60.
- Lee, 2005 — *Lee Ch.* El encantamiento de Don Quijote en Barcelona // Centro Virtual Cervantes. URL: http://cvc.cervantes.es/literatura/cervantistas/coloquios/cl_XI/cl_XI_20.pdf (дата обращения: 19.12.2017).
- Russell, 1985 — *Russell P. E.* Cervantes. Oxford, 1985.

Харланова Ксения Михайловна

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова (МГУ),

Москва, Россия

kharlanova4@gmail.com

Научный руководитель – Е.В.Огнева, канд. филол. наук

ВЕЛИКИЙ ТЕРМИТНИК – БУЭНОС-АЙРЕС: ПРОСТРАНСТВО МСТИ В РАССКАЗАХ Х. КОРТАСАРА

Ключевые слова: Буэнос-Айрес, пространство, мсть, образ, текст.

В статье представлены результаты исследования семантической природы образа Буэнос-Айреса в новеллистике Х. Кортасара. Одним из метафорических воплощений образа становится термитник, «семейный», «родовой» локус, в котором память об обиде и предательстве открывает магнетические порталы для бесконечных возвращений, мотивированных жаждой мести.

Kharlanova Kseniya

Lomonosov Moscow State University (MSU),

Moscow, Russia

BUENOS AIRES AS A GREAT TERMITARY: THE SPACE OF REVENGE IN THE SHORT STORIES BY JULIO CORTÁZAR

Keywords: Buenos Aires, space, revenge, image, text.

The article represents the results of analysis of a semantic nature of the image of Buenos Aires in the short stories by Julio Cortázar. One of the image's metaphorical variations is a termitary as a family locus; it holds memories of offence and betrayal, the keys to different portals of endless returns motivated by thirst for revenge.

Буэнос-Айрес в рассказах Хулио Кортасара — пространство замкнутое, «поглощающее», попытки вырваться за его пределы почти всегда кончаются неудачей. Это город, в котором жизнь организована по особым законам — всё повторяется, всё идёт по кругу, можно предсказать поступки героя и его судьбу. Если у девушки умерли оба любовника, то можно предположить, какая участь уготована третьему («Цирцея»); после одного посещения подозрительного офиса обязательно состоится второе, несмотря на все сомнения героини

(«Во второй раз»). Герои следуют установленным правилам повтора, возвращения и даже пытаются выстроить в соответствии с ними планы достижения личных целей — если всё возвращается, почему нельзя вернуть зло тому, кто его причинил? Буэнос-Айрес становится пространством свершения мести — жестокой, изощренной и почти всегда фатальной.

Тенденция возвращения к прежнему и «воздаяния» просматривается и в биографическом тексте: Кортасар, вырвавшийся физически за пределы Аргентины, продолжает духовное существование на родине, а все его книги, словно бумеранг, устремляются в Латинскую Америку, чтобы, материализовавшись, вернуться к автору и разлететься по миру.

Пробывание в пространстве Буэнос-Айреса — причина высвобождения темных, пугающих чувств, которые в другом пространстве можно было бы скрыть, подавить. В «Дневниковых записях для рассказа» изображен мир «созданий портовых районов», людей, стоящих на самой нижней ступени социальной лестницы, которым закрыт путь наверх: «Анабел тоже плавала в тяжелом и грязном воздухе Буэнос-Айреса, который держал ее и в то же время выталкивал, как какие-нибудь запредельные отбросы, как весь этот портовый люмпен, из жалких комнатушек, выходящих в коридор, куда выходит множество других точно таких же, и в каждой звучит свое танго, мешаясь с крикливыми ссорами, жалобами, а иногда и смехом» [Кортасар, 2011, с. 185]. Контора на улице Сан-Мартин, почти на углу Коррьентес, в которой работает рассказчик (и в которой работал сам Кортасар в 50-е гг.), противопоставлена «Чемпе», приюту проституток, но именно там происходит разговор о пузырьке с ядом и появляются роковые строчки, адресованные моряку Уильяму.

При этом нельзя утверждать, что идея мести присуща людям определенного круга и статуса. Об отмщении мечтает боксер Циклон («Вторая поездка»), узнав, что его кумир и партнер для спарринга Марио погиб от руки Джарделло; от мести нельзя скрыться за дверьми богатого дома, как это пыталась сделать Матильда из «Танго возвращения». Мечь захватывает всё городское пространство подобно стихии, вирусу, мгновенно передающемуся от человека к человеку. Анабел просит рассказчика помочь в осуществлении ее плана, и он невольно становится соучастником; но при этом ему самому мстит Уильям, узнавший о связи рассказчика с Анабел. Циклон умер на ринге, пытаясь отомстить за Марио, а его тренер Алесио описывает состояние, в котором находился боксер после смерти: «будто бы его пытали, будто кто-то хотел отомстить незнамо за что» [Кортасар,

2011, с. 55]. Герои «Клона» дышат воздухом мщения, пропитавшим мадригалы Джезуальдо, — и убийственные споры мести подготавливают их к неизбежному финалу («Каждый мадригал, который они включали в репертуар, был новой борьбой мнений, возвращением, может быть, в ту ночь, когда князь вынул из ножен кинжал, глядя на обнаженных спящих любовников» [Кортасар, 2010 (6), с. 142]).

Читатель наблюдает за происходящим со стороны. Это становится возможным благодаря художественной ретроспективе. С самого начала ясно, что предмет каждого рассказа — давно случившаяся история. Рассказчик знаком с героями или имеет к событиям косвенное отношение: в «Танго возвращения» он передает слова Флоры, служанки Матильды, свидетельницы произошедших событий; во «Второй поездке» вспоминает о своем друге Циклоне и встречах с ним в кафе на улице Майпу, дом пятьсот («которого теперь уже нет»), в «Дневниковых записях для рассказа» вспоминает Анабел, след которой давно затерялся. Такой взгляд, обращенный из настоящего в прошлое, обеспечивает объективное восприятие, позволяет проследить, как развивалось чувство мести. Можно отыскать даже места, где всё начиналось — эти точки маркированы урбанонимами. В «Танго возвращения» мы точно знаем, что механизм отмщения запущен, едва Мило прибывает в Эсейсу, аэропорт Буэнос-Айреса, что план мести вынашивается им во время прогулок по Вилья-дель-Парке, улицам Мелинкуэ и Генерала Артигаса. Во «Второй поездке» кафе на Майпу становится местом, где обсуждаются бои, узнаются последние новости и принимаются судьбоносные решения. В «Дневниковых записях для рассказа» Анабел приходит к рассказчику в контору на Сан-Мартин с просьбой перевести ее письма к Вильяму — и он сначала переводит, что «с Долли все по-прежнему, и ничего больше», потом — что «Долли продолжала отнимать у Маручи лучшие места, отбивать денежных клиентов», и, наконец, чтобы Уильям прислал пузырек — «эта сукина дочь не имеет права жить на свете» [Кортасар, 2010 (6), с. 187, 195, 205].

В Буэнос-Айресе жажда отмщения проявляется и становится доминирующим чувством — но она не рождается тут, она присуща человеку с самого детства, а городское и пригородное пространство становится всего лишь ее катализатором. Маленькая Исабель («Бестиарий») приезжает на каникулы к Фунесам в поместье Лос-Орнерос и становится свидетельницей того, как ее любимую Рему обижает один из обитателей дома, Малыш. Девочка солгала, сообщив домочадцам, где находится тигр, — и сознательно обрекла Малыша на гибель — он пошел именно туда, где на самом деле в тот момент на-

ходилась тигр. Но здесь месть находится еще в своем зародыше, она появляется скорее как переизбыток любви к Реме, стремления ее защитить. В рассказе «Отрава» неосознанная жажда мести тому, что оскорбило первое наивное чувство рассказчика (Лиля, в которую он влюблен, принимает павлинье перо от Уго) выражается в стремлении к уничтожению, разрушению: «...я открыл жестянку с отравой и вылил в машину две или три полные ложки, потом закрыл дверцу: густой дым заполнял муравейники и убивал всех муравьев; теперь в нашем саду не останется ни одного живого муравья» [Кортасар, 2010 (а), с. 39].

Привкус детской обиды возникает как отголосок переживаний самого автора, в шесть лет оставшегося без отца. Уход отца из семьи (при том, что его молодая жена оставалась с двумя маленькими детьми в крайне стесненном материальном положении) воспринимался писателем как грустная данность, о которой он предпочитал не распространяться. Однако, по утверждению его биографа М. Эрраеса, «и Хулио, и его сестра Офелия <...> ощущали пустоту, интуитивно чувствуя, что в их жизни недостает чего-то важного <...>. Они рано поняли, что такое чувствовать себя отвергнутыми. Теми, кого предали. И что их некому защитить в этой жизни» [Эрраес].

Так в пространстве детской идиллии прорастают первые обиды, пробуждается безотчетное желание мести как способа защитить свою любовь, вернуть гармонию рая. Особым символическим значением наделен образ муравейника, термитника («Бестиарий», «Отрава») — это и место единения — родственного общения, и место борьбы, проявления самых противоречивых чувств.

Разрастание детской обиды, укоренение её и гибель соприкасающихся с ней многогранных миров описана в «Отраве»: «я увидел, что дым теперь шел прямо из-под жасминового куста, отравляла его корни» [Кортасар, 2010 (а), с 39]. Во взрослом мире она принимает самые причудливые воплощения, и причиной мести становятся разнообразные чувства. У обиды нет срока давности. Она поджидает нужный момент, ищет нужное место. Таким местом становится и сам Буэнос-Айрес, и другие точки, до которых дотянулись ходы памяти. Попытки свести счеты с прошлым подобны метаниям рассказчика из «Отравы», который устремлялся замазывать муравьиные ходы, обнаруживавшиеся по тому, что из них начинал валить дым: «...мне нравилось кидать глину и разглаживать ее потом руками до тех пор, пока из-под нее не переставал пробиваться дым» [Кортасар, 2010 (а), с 37]. Так прячущегося в Некоча рассказчика настигает известие об отравлении Долли («Дневниковые записи для

рассказа»). Так вернувшемуся с вокзала Луису парижская квартира показалась удушающе тесной от осознания собственного предательства («Мамины письма»). Так героя рассказа «Письмо в бутылке», приехавшего в Сан-Франциско «прочитать курс для студентов Беркли» [Кортасар, 2011, с. 13] пугает афиша, на которой указано имя Гленды Джексон: он и члены буэнос-айресского клуба несколько лет назад понарошку убили актрису; ошеломляет то, что фильм назван так же, как и роман рассказчика: «Hopscotch» («Игра в классики»). Так расправившийся с неповинным Перейрой в марсельском порту герой рассказа «Что нами движет» вынужден смириться с тем, что главный ответчик за смерть Монтеса избежит мести, а сам герой еще и обязан будет ему избавлением от преследований и приговора, и на совесть ляжет ответственность за случайную смерть. Так приехавшие с концертом в Буэнос-Айрес герои «Клона» знают: «здесь нам не простят», а отмщению Марио дано свершиться именно теперь: «здесь это должно было произойти, здесь, в Буэнос-Айресе» [Кортасар, 2010 (б), с. 152, 156].

В рассказе «Клон» Кортасар дает понять, что месть и боль рождаются не на поле ненависти, а на поле любви. «Как всегда в Буэнос-Айресе, друзья, и не только в зале, но и за кулисами, и в артистической, встречи, приветствия, рукопожатия, наконец-то вернулись» [Кортасар, 2010 (б), с. 154] — в виде метафоры возвращается образ муравейника со множеством ходов, по одному из которых навсегда удаляется Франка, сопровождаемая Марио: «Они сели в такси, и вереница машин центральных улиц медленно зазмеилась дальше» [Кортасар, 2010 (б), с. 152].

Образы дыма, змеящихся улиц символизируют неуловимость, неосязаемость мести. Писатель изображает ее не дающейся ни глазу, ни разуму в готовом для изучения виде. Она существует в виде молекул, насыщающих сам воздух, питающих движение жизни, бытует не только в виде низменного инстинкта, но и в высоких сферах духовности: «месть — тоже искусство, в поисках ее формы стремятся найти что-нибудь утонченно-прекрасное» [Кортасар, 2010 (б), с. 151]. Растворение ее, заражение ею становится приметой буэнос-айресского текста, распространяющего свое присутствие на все творчество аргентинского писателя: «Нет, это не месть, это зов за пределы всего допустимого, приглашение к путешествию, которое может осуществиться лишь на территории, лежащей за границами всех территорий» [Кортасар, 2011, с. 13].

ЛИТЕРАТУРА

Кортасар, 2011 — *Кортасар Х.* Вне времени. М., 2011.

Кортасар, 2010 (а) — *Кортасар Х.* Конец игры. М., 2010а.

Кортасар, 2010 (б) — *Кортасар Х.* Мы так любим Гленду. М., 2010б.

Эрраес — *Эрраес М.* Хулио Кортасар. Другая сторона вещей // URL: http://www.libok.net/writer/13819/kniga/59763/erraes_migel/hulio_cortasar_drugaya_storona_veschey/read (дата обращения 21.11.2017).

Кузнецов Артём Сергеевич

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова (МГУ),

Москва, Россия

artkuz940501@gmail.com

Научный руководитель – Е.Н. Корнилова, д-р филол. наук

СИМВОЛИЗМ ЖЕСТЯНОГО БАРАБАНА В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ Г.ГРАССА

Ключевые слова: жестяной барабан, Оскар Мацерат, Гюнтер Грасс, барабанщик, символизм.

Статья посвящена символической роли барабана в романе Г.Грасса «Жестяной барабан». Барабан – это альтер-эго протагониста, ключевое средство его коммуникации с миром, объединяющее патриотические, психиатрические, трикстерские, шаманские, героические, милитаристские, сексуальные и похоронные коннотации.

Kuznetsov Artem

Lomonosov Moscow State University (MSU),

Moscow, Russia

THE SYMBOLISM OF THE TIN DRUM IN THE NOVEL OF G.GRASS

Keywords: tin drum, Oskar Matzerath, Günter Grass, drummer, symbolism.

The article is devoted to the symbolic role of the drum in the G.Grass's novel *Tin drum*. The drum is the alter-ego of the protagonist, a key means of his communicating with the world. It unites patriotic, psychiatric, trickster, shaman, heroic, militaristic, sexual, and funeral connotations.

Идея дебютного романа Гюнтера Грасса (Grass, 1927–2015) «Жестяной барабан» («Die Blechtrommel», 1959) зародилась летом 1952 года во время путешествия писателя по Франции, когда он встретил мальчика, сосредоточенно бьющего в игрушечный барабан. Образ протагониста и рассказчика Оскара Мацерата создан во многом под влиянием произведений, в которых важную роль играл барабан (мифов, сказок, а также творчества Ф. Рабле, Г. Гриммельсгаузена, Б. Брехта, Г. Гейне и немецких экспрессионистов).

Едва появившись на свет, Оскар видит, как мотылек бьется о стекло двух лампочек, тем самым напоминая ему барабанную

дробь. С тех пор игра на барабанах стала для героя главным способом познания мира, передачи чувств и мыслей, общения с универсумом.

Барабан — главный образ-символ романа и альтер-эго Оскара, его «плоть и кровь», «спутник жизни». Это носитель и передатчик информации, летописец, свидетель и обвинитель, психоаналитик и биограф. Он помогает Оскару вспоминать прошлое и писать мемуары, которые выступают основой повествования.

Как только герой в три года получает в подарок от матери желанный жестяной барабан, он решает больше не расти в знак протеста против мещанства взрослых, их ограниченности, самодовольства, одурманивающей лжи, ставших основой нацизма.

Герой на время пытался избавиться от барабана, связывая с ним своё чувство вины, но впоследствии всё же вернулся к игре на нём. В его подвале — сотни барабанов, пострадавших от постоянной усердной игры, а всего, по его словам, он опробовал тысячи барабанов.

Бело-красные цвета барабана, совпадающие с цветами государственного флага Польши, имеют патриотические коннотации. Действие романа происходит в Данциге — родном городе Оскара (и Грасса). Барабан может символизировать Данциг и кашубов, а удары палочек по барабану — многочисленные разрушения города на протяжении его истории и страдания кашубов. В то же время, сочетание контрастных по традиционным смыслам цветов (красный — страсть, кровь, огонь, ад, грех, белый — детская чистота и непорочность, рай) олицетворяет противоречивую натуру Оскара.

В реалистическом пласте романа постоянная игра героя на барабанах и болезненное нежелание с ним расставаться — симптом аутизма, проявление ограниченного, узкофокусированного поведения, при котором интерес человека направлен на единственный предмет. Характерно, что аутизм обычно начинает проявляться до трёх лет (переломного рубежа для Оскара). Идентификация героя с барабаном может быть одним из симптомов шизофрении, поскольку при этой болезни граница между эго и предметами может размываться [Руднев, 1999, с. 359].

Издавна барабан символизирует милитаризм и дисциплину (в античном Риме он был знаком бога войны Марса). Барабан вызывает ассоциации с Гитлером, который в годы Веймарской республики называл себя барабанщиком нации [Arnds, 2004, p. 42]. В таком случае Оскар не только пародирует фюрера, но и подрывает его человеконенавистническую идеологию и эстетизацию политики, неизбежно приводящие к культуре войны.

Так, «виртуоз на жести» превращает своей барабанной дробью строгую нацистскую манифестацию в массовый танец (сначала плавный вальс, затем зажигательный чарльстон). Герой тем самым преобразует политику — в культуру, идеологию — в карнавал. Это постмодернистская деконструкция: Оскар своим художественным актом показал, что нацизм, внешне культивировавший рациональное построение общества, симметрию и порядок, скрывает внутри иррациональные установки и хаос.

В индуизме барабан символизировал как разрушительную, так и созидательную силу Шивы и Кали, а также Дурги. Для Оскара барабан — это также воплощение его амбивалентной деструктивно-творческой энергии. Оскар дерзко заявляет: «Мое дело есть дело разрушителя. И то, что я не мог одолеть барабаном, я убивал голосом» [Грасс, 2000, с. 153]. При этом игре героя на барабане приписывали успехи во врачевании и исцелении ослабления памяти, главным образом у пожилых людей (отсылка к мнемоническому потенциалу барабанного ритма).

Барабан — типичный инструмент мифологических трикстеров, особенно африканских. Например, Ого-Йуругу из западноафриканского племени пленяет людей игрой на барабане [Guidry, 1991, р. 130]. Меланезийские первопредки, братья-близнецы То Кабанана и То Карвуву, создают два вида барабана: культурный герой — для праздничных танцев, трикстер — для похорон. Оскар, синтезирующий черты обоих братьев, не расстается с барабаном на многочисленных похоронах и с помощью барабанной дроби заставляет людей танцевать на политических манифестациях. Любопытно, что бабка Оскара считала причиной смерти его матери Агнес постоянную игру ребенка на барабане. Герой снова начал магическим образом расти после того, как бросил барабан в могилу своего отца.

Для Оскара характерны такие трикстерские черты, как амбивалентность, протеизм, лиминальность, шутовство, связь с сакральным, позиция медиатора, провокатора, искусителя, нарушителя спокойствия. В то же время, Оскар проявляет черты культурного героя, например, спасает своей барабанной игрой Виктора Велуна от преследования бывших солдат, кафкиански одержимых желанием до конца выполнить давний приказ и расстрелять его. Кроме того, Оскар, подобно крысолову, с помощью барабанной дроби гипнотизирует посетителей Лукового погребка. Наигрывая детские песенки, он вызывает у публики катарсис, возвращает ей способность плакать в «бесслезную эпоху».

В древности барабан выполнял значительную роль средства коммуникации (шаманы использовали его для связи со сверхъестественными силами), приравнивался к жертвенному алтарю, выступавшему посредником между небом и землей, между человеком и Богом. Неслучайно Оскар использует барабан для выстраивания коммуникации с Богом и после долгих попыток добивается того, чтобы статуя Христа забарабанила. После этого герой решает сам стать Христом, находит своих апостолов (чистильщиков), а затем, ориентируясь на подвиг Христа, приносит себя в жертву: он берёт на себя вину за убийство, которого не совершал, и в итоге попадает в психиатрическую лечебницу.

В Древней Греции барабан считался символом сексуальных оргий, использовался в экстатических танцах и был непременным атрибутом ритуалов в честь Диониса. В эпоху Ренессанса во Франции выражение «бить в барабан» помимо прямого значения имело дополнительное — «совершать производительный акт», а под словом «барабанщик» («*tabourineur*» и «*taboureur*») нередко имели в виду любовника [Бахтин, 2010, с. 221]. По словам Бахтина, это значение было общеизвестно в эпоху Возрождения. Рабле употребляет слово «барабан» в эротическом смысле в книге I (глава III), II (глава XXV) и III (глава XXVIII).

В жизни Оскара барабан тоже связан с оргиастичностью и сексуальностью. Оскар сопровождает барабанным боем оргию с участием своих родителей и их друзей на свой третий день рождения. Оскар неоднократно заявляет о своей предрасположенности к оргиям в контексте Распутина. Он ощущал себя свидетелем распутинских оргий. «С помощью одного-единственного барабана» он мог «нисходить к матерям и одновременно устраивать оргии с дамами» [Грасс, 2000, с. 116]. Герой также сталкивается с оргиями на карнавальной вечеринке «Срам искусств» в Академии художеств и в Луковом погребке.

Религиовед Карл Кереньи считал двойником и альтер-эго трикстера фаллос. Оба альтер-эго Оскара — фаллос и барабан — сливаются в романе в образе барабанных палочек, являющихся фаллическими символами. Впервые герой намекает на сходство палочек с мужским детородным органом в эпизоде с Гербертом Тручински. Второй раз метафора появляется при описании того, как герой лишается девственности с Марией: «Оскар обзавелся третьей барабанной палочкой — по возрасту она была ему уже в самый раз» [Грасс, 2000, с. 342].

Барабан также можно трактовать как символ материнского лона, а две барабанные палочки (фаллические символы) как отсылку к двум предполагаемым отцам Оскара. Барабан символически заменяет Оскару мать, утробу, в которую он всегда мечтал вернуться («высшая цель Оскара — возвращение к пуповине» [Грасс, 2000, с. 219], отсюда его пристрастие к сидению в шкафу, под столом, под трибунами и в других укрытиях), дает герою чувство безопасности, защищенности, гармонии.

У фригийцев барабан был атрибутом Великой Матери. Оскар любит барабанить под юбками бабки, которая выступает персонафикацией архетипа Великой Матери, тем самым он, подобно жрецу, славит её как богиню урожая и воплощение плодородия земли, восточноевропейскую Деметру, Матерь Картофеля. Недаром бабка сидит в начале романа на картофельном поле. Оскар подчеркивает, что она будто бы вросла в него, и с восхищением именуется горой. Это сравнение может отсылать к древнекитайскому мифу, согласно которому Барабан был сыном Горы-Колокол.

Оскар с помощью голоса и барабана протестует против постепенно распространяющейся в обществе танатализации (от *thanatos* — древнегреческий бог, олицетворяющий смерть). Это усиление в обществе инстинкта смерти, его преобладание над инстинктом любви (эросом), проявляющееся в милитаризации Германии, росте насилия (к инакомыслящим, людям неарийских рас и нетрадиционной сексуальной ориентации), культе силы и оружия.

Немаловажны для Оскара музыкальные и артистические потенции барабана. Он играет на барабанах в театре Бебры, в Луковом погребке в составе джазовой группы и выступает с соло на барабанах в концертных турне.

Актуальны для романа и другие традиционные функции барабана: предупреждать об опасности и сопровождать публичные казни (например, расстрел Польской почты или самоубийство торговца игрушками Маркус). Своим барабанным соло Оскар бьет тревогу и передает трагизм эпохи.

Концепт «барабан» встречается в произведении более 660 раз и аккумулирует более 30 смыслов, образуя новые значения в концептосфере Грасса и в тезаурусе немецкой картины мира. Слово «барабан» эксплицируется как: работа/профессия — 67 раз; друг/одушевленная личность — 51 раз; коммуникатор — 44 раза; ценность — 19 раз; национальность — 17 раз; защита/покров — 10 раз; средство борьбы — 10 раз; смерть — девять раз; опора — восемь раз;

знак протеста — шесть раз; половой орган — четыре раза; средство успокоения — два раза и др. [Григорьева, Ясинская, 2013, с. 73].

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин, 2010 — *Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 6 т. М., 2010. Т. 4/2.
- Грасс, 2000 — *Грасс Г.* Жестяной барабан / пер. с нем. М.: Азбука, 2000.
- Григорьева, Ясинская, 2013 — *Григорьева И. А., Ясинская М. Б.* Концепт trommel (барабан) в тезаурусе романа Г. Грасса «Жестяной барабан» // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. трудов. Вып. 27. М., 2013. С. 66–73.
- Руднев, 1999 — *Руднев В.* Словарь культуры XX века. М., 1999.
- Arnds, 2004 — *Arnds P.* Representation, Subversion, and Eugenics in Günter Grass's *The Tin Drum*. NY, 2004.
- Guidry, 1991 — *Guidry G.* Theoretical Reflections on the Ideological and Social Implications of the Mythic Form in Die Grass's *Blechtrummel* // *Monatshefte* Vol. 83.2. (1991). P. 127–146.

Токарев Клим Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

klimenko25@gmail.com

Научный руководитель – А.А.Аствацатуров, канд. филол. наук

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ Д. ДЕЛИЛЛО «ИЗНАНКА МИРА»

Ключевые слова: современная американская литература, постмодернизм, история.

Статья посвящена анализу романа американского писателя Д.Делилло (род.1936, Delillo) «Изнанка мира» («Underworld»). Исследование фокусируется на репрезентации исторического процесса в произведении и рассматривает историю в контексте постмодернистской парадигмы. Выявляются способы исторического повествования и их функции в романе.

Tokarev Klim

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

POSTMODERN CONCEPT OF HISTORY IN D.DELILLO'S «UNDERWORLD»

Keywords: contemporary American literature, postmodernism, history.

The article deals with the novel by an American author D.Delillo (1936). The study focuses on the representation of historical process in the novel and analyzes history in the context of postmodern paradigm. It also reveals the ways of developing the historic narrative and their functions in the novel.

В романе 1997 г. «Изнанка мира» Д. Делилло (1936, Delillo) пытается создать летопись «скрытой истории», фокусируясь в произведении на событиях, которые не были отмечены в «официальной истории». Композиция романа построена в обратном хронологическом порядке; исключения составляют вставной сюжет о Манксе Мартине, а также пролог и эпилог текста. Центральным персонажем романа является Ник Шей, руководитель управления ликвидации отходов, однако текст романа также фокусируется на других персонажах, являющимися вымышленными или основанными на конкретных

исторических фигурах. Пролог романа, «Триумф смерти», отсылающий к одноименной картине П. Брейгеля (1525–1569, Bruegel), определяет интонацию романа: бейсбольный матч между «Нью-Йорк Джайентс» и «Бруклин Доджерс», проходящий в 1951 г., оказывается знаковым в истории бейсбола — победный хоум-ран игрока «Нью-Йорк Джайентс» Б. Томпсона (1923–2010, Thompson) в прессе будет описан как «Удар, слышный по всему миру». Таким же «ударом» становится испытание ядерного оружия в СССР, о котором на матче узнает директор ФБР Дж. Э. Гувер (1895–1972, Hoover). Тем самым, матч становится метафорой открытия новой эры — вторая половина XX в. оказывается временем ядерного оружия и средств массовой информации. Также матч представляет из себя одним из символов «скрытой истории» — это обусловлено тем, что победа «Джайентс» блекнет на фоне информации о ядерных испытаниях в Семипалатинске, событии, которое входит в «официальную» мировую историю. Помимо самого матча в прологе описывается вымышленная история Коттера Мартина, афроамериканского подростка, в чьих руках оказывается победный бейсбольный мяч, артефакт, который будет проходить по всему сюжету романа. Делилло, таким образом, строит национальную историю не из официально зафиксированных событий, но из событий, которые проходили за пределами видимости, в периферии. Темы мирового противостояния, Холодной войны, движения за гражданские права темнокожих и т. д. показаны с точки зрения индивидуального опыта отдельного человека, живущего в США. Даже точка зрения Гувера представляет из себя не позицию «человека в истории», но отдельной личности с её собственными мыслями и переживаниями.

Бейсбольный мяч с игры «Нью-Йорк Джайентс» — «Бруклин Доджерс» для главного героя представляет собой символ поражения: Ник Шей приобретает его для того, чтобы помнить о проигрыше команды «Доджерс», за которую он болел. Картина «Триумф смерти» в этом контексте показывает одну из ключевых установок романа: мир второй половины XX в. — это мир триумфа смерти, мир ядерного оружия. Однако смерть оказывается во главе мира, так как это единственный элемент жизни, чья объективность в меньшей степени была разрушена симуляцией, определившей общественную парадигму времени. Период после 1951 г. также становится «эпохой мусора», предметов, прямое предназначение которых уходит на второй план — вещи становятся артефактами времени, содержат в себе ностальгическое начало. Профессия Шейя в этом плане символична — как специалист в области отходов, он также становится

историографом послевоенного времени. Перед героем открывается «скрытая» история индивидов, запечатленная в мусоре, отходах. Одним из примеров является восприятие такого предмета, как презерватив, которое отличается в разных эпохах. В 1992 г. Брайан Глэссик показывает Нику и магазин «Презервативология» («Condomology»), который последний описывает следующим образом: «... презервативы, весь магазин был в презервативах, полки, набитые сотней видов средств контрацепции...» [Delillo, 2015, p. 109]. В главе, посвященной времени середины 1980-х — начала 1990-х, презервативы оказываются в контексте эпидемии СПИДа: персонажи сестры Альмы Эдгар и сестры Грэйси Фэй приезжают в Южный Бронкс для помощи нуждающимся; одним из элементов ландшафта оказываются «два стола на тротуаре — бесплатные презервативы на одном, бесплатные шприцы на другом» [Delillo, 2015, p. 247]. В 1957 г. презерватив оказывается единичным предметом — персонаж Эрика Деминга использует презерватив для мастурбации, однако предмет им не утилизируется после использования [Delillo, 2015, p. 517]. В 1962 г. американский комик Ленни Брюс (1925–1966, Bruce) на сцене пытается натянуть презерватив на язык. В одной реплике Брюса презерватив, натянутый на язык, становится завязкой для шутки [Delillo, 2015, p. 582]. Далее Брюс тщательно изучает презерватив и говорит следующее: «Я только что понял. Вот так ощущается двадцатый век» [Delillo, 2015, p. 584]. Таким образом, история раскрывается в предмете одноразового использования: в 1950-х презерватив — еще редкость, предмет скрытый, во многом табуированный, поэтому герой Эрика так трепетно относится к данной вещи. В 1960-х презерватив все еще является предметом, связанным с маргинальной культурой. Поэтому тот факт, что в 60-х презерватив «представляет» комик Ленни Брюс, чье творчество характеризовалось нарочитой obscenity, оказывается символичным: в данную эпоху запретное начинает выходить на поверхность массовой культуры, и презерватив наряду с непристойными шутками оказывается символом освобождения от былых устоев прошлого и пересмотра института свободы слова в США. Через реплики Брюса автор раскрывает эпоху постмодерна — мир второй половины XX в. характеризуется искусственностью, симуляционностью, и резина, материал для опосредованного контакта, в данном контексте оказывается одним из наиболее показательных символов общества. В 1980-х–1990-х презерватив все еще имеет прочную связь с запретным, табу — на этот раз этим табу является СПИД, и в данный временной промежуток болезнь была предметом общественной паранойи. Здесь презерватив также явля-

ется символом эскапизма — резина становится не только защитой, но и колпаком от актуальных проблем современного мира. Наконец, в 1990-ых презервативы становятся полноценным предметом массовой культуры, выходя за рамки запретного и скрытого. Презерватив становится уже символом потребительства, когда индивид окружен изобилием продукции. Презерватив также приобретает псевдорелигиозное свойство, что выражается в восхищении Брайана Глэссика магазином «Презервативология». Таким образом, «отбросы» оказываются важным элементом в историческом нарративе — через них открывается отличная от «официальной» точка зрения. В ней можно наблюдать за «невидимыми» процессами, которые определяли развитие общества наряду с «записанными» явлениями истории.

Исторический нарратив в романе также дополняется соединением фактологического и фикционального материала. Уже упомянутый матч «Нью-Йорк Джайентс» — «Бруклин Доджерс» имел место в истории, однако в произведении он дополняется историей о подростке Коттере Мартине. Герой Ленни Брюса, на первый взгляд, во всем соответствует своему историческому прототипу, однако автор трансформирует его в художественном поле и дает персонажу роль вестника Апокалипсиса, о чем пишет исследователь Э.Росен в статье «Ленни Брюс и его ядерная тень Марвин Ланди: неповторимые вестники Апокалипсиса в произведении Дона Делилло» («Lenny Bruce and his Nuclear Shadow Marvin Lundy: Don DeLillo's Apocalyptists Extraordinaires») [Rosen, 2006, p. 97–112]. Если «исторический» Брюс направлял свою сатиру в сторону обывательской жизни, то Брюс в романе поднимает проблему до философского уровня. Герой оказывается вестником не Апокалипсиса, но его вечной отмены. В своем комическом выкрике «Мы не умрем!» после конца Кубинского кризиса Брюс отмечает конец Конца и провозглашает установку второй половины XX в., в которой конец замещается его копиями копий. В дальнейшем ядерный Апокалипсис оказывается предметом ностальгии по самому напряженному периоду Холодной войны, когда мир был понятен и завершен. На примере героя Ленни Брюса можно увидеть, как историческая личность трансформируется автором для связного повествования; отличие писателя от историкографа заключается в том, что первому доступно больше вольностей в интерпретации материала.

Немаловажным элементом в исторической составляющей романа является взаимоотношение искусства и истории, а также реального и фикционального. Одним из примеров сложной взаимосвязи истории и искусства является документальный фильм

американского фотографа Р. Франка (1924, Frank) «Блюз членососа» («Cocksucker Blues», 1972). Картина представляет из себя хронику американского концертного тура группы The Rolling Stones в поддержку студийного альбома «Exile on Main St.» Особенностью фильма в контексте начала 1970-х гг. была откровенность — в частности, на пленке запечатлены вечеринки за кулисами, а также несимулированное употребление наркотиков. В романе к фильму отсылает одноименная глава («Cocksucker Blues, Summer 1974»), описывающая события лета 1974 г. В центре повествования (помимо героя Мэтью Шэя) — современная художница Клара Сакс, и тематически вся глава строится вокруг искусства. Героиня Клара присутствует на показе «Блюза членососа» — её впечатления описываются следующим образом: «Она была в восторге от акварельно-синего свечения пленки, что-то вроде сумеречного света, тоннельного света, который предполагал недостоверную реальность, но на самом деле реальность была достоверной, так как не имелось препятствий для того, чтобы ты поверил в увиденное — это, возможно, подрывная реальность, порочная и разрушительная, красивый тоннель синего цвета» [Delillo, 2015, р. 382–383]. В данном наблюдении отмечается художественная составляющая фильма, однако при этом героиня смотрит и исторический документ — несомненно, что фильм создаст для его участников определенные ситуации, но, тем не менее, их реакции подлинны [Delillo, 2015, р. 384]. Немаловажен и тот факт, что фильм недоступен массам, и посмотреть его можно лишь при определенных обстоятельствах — «Блюз членососа» в данном контексте представляет из себя образец тайной истории, которая записана на пленку, но которая недоступна массам, и в связи с этим не отмечается в «официальном» повествовании истории.

Роман «Изнанка мира» предлагает официальную историю, которая дополняется всевозможным материалом разной степени достоверности и реальности. В романе 1997 г. умещаются два историографических метода — построение исторического нарратива с помощью «заполнения» имеющихся пробелов и охват максимального количества материалов, определяющих историю. Вопрос объективности ставится автором на второй план, так как он, в отличие от историографа, рассматривает истинность в контексте художественного метода — история в его произведениях служит установкам художественного замысла, однако в романах также содержится вполне конкретный комментарий по поводу современной постмодернистской парадигмы и места истории в ней.

ЛИТЕРАТУРА

DeLillo, 2015 — *DeLillo D.* Underworld. New York: Scribner, 2015. 832 p.

Rosen, 2006 — *Rosen E.* Lenny Bruce and His Nuclear Shadow Marvin Lundy: Don DeLillo's Apocalyptists Extraordinaires // *Journal of American Studies*. 2006. Vol. 40, no. 1. P.97–112.

Краутман Виктория Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

v.krautman@mail.ru

Научный руководитель – И. С. Веселова, канд. филол. наук

ЧТО ТАКОЕ СКАЗКИ С «ПЛОХИМ КОНЦОМ» И ПОЧЕМУ ИХ НОРМАЛЬНО РАССКАЗЫВАТЬ ДЕТЯМ?

Ключевые слова: сказка, стереотип, сюжет, сборник.

В сознании наших соотечественников бытует стереотип о том, что сказки должны заканчиваться хорошо. Однако сказочные сборники прошлого века, которые не подвергались литературной обработке, содержат в себе множество совсем не «счастливых» сюжетов. В статье мы пытаемся разобраться, что собой представляют эти сказки и как складывается их судьба в более поздних сборниках для чтения.

Krautman Viktoriya

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

WHAT ARE THE FAIRY TALES WITH A «BAD ENDING»? WHY IS IT NORMAL TO TELL THESE STORIES TO CHILDREN?

Keywords: fairy tale, stereotype, plot, story-book.

In Russian people's mind, there is a stereotype that fairy tales should have a happy ending. However, the story-books of the last century, which had not undergone any kind of literary revision, are full of not nearly «happy-end-stories». In this article, we are going to figure out what these tales are and what kind of changes they have gone through in later story-books.

I

Наверняка многие замечали, что в сознании некоторых людей существует стереотип о том, что словом «сказка» называется история со счастливым финалом. Мы часто слышим фразы наподобие «словно в сказке» или «сказочная история», когда говорится о благоприятном развитии событий. Также часто можно услышать о непременно воспитательной роли сказок и то, что они адресованы детям. Логичным выводом из адресации детям кажется нашим современникам и счастливое окончание сказок, ведь детскую «неокрепшую психику» нельзя травмировать драмами с ранних лет.

Распространение такого стереотипа может быть объяснено разными причинами. Мы полагаем, что он обязан своим возникновением жанру педагогической литературы, точнее «книгам для детей». Этот жанр чтения распространился в системе общего образования, преимущественно в городской среде. Изучение фольклора было включено в школьную программу во второй половине XIX века (например, учебник В. И. Водовозова [Водовозов, 1868]) — в начале XX века (учебник В. В. Сиповского [Сиповский, 1906]). Занятия словесностью и детское чтение позволяли ученикам знакомиться с произведениями устного народного творчества, но уже не в устном бытовании, а в письменном, даже печатном и в специальной литературной обработке.

Мы полагаем, что представление о сказках с непременно «хорошим концом» — есть следствие распространения книжек для чтения детям и для обучения чтению детей. Что же тогда в рамках данной статьи мы понимаем под сказками с «плохим концом»? Мы отказались от того, чтобы ориентироваться на собственные впечатления или впечатления других читателей: субъективность усложнила бы методику отбора сюжетов для моего исследования. За основание определения «сказки с плохим концом» мы решили взять формальный критерий: негативный характер события, происходящего с главным героем сказки в завершении повествования. Ориентацию на тип главного героя и характер его поступков Е. М. Мелетинский считал наиболее уместным в составлении жанровой классификации всего фольклора вообще: «В основу дифференциации можно положить сам образ фольклорного героя, особенности центрального героического персонажа» [Русский фольклор, 1960, с. 83]. Таким образом, если положение центрального персонажа, протагониста сказки ухудшается по сравнению с начальной ситуацией (вплоть до его уничтожения или смерти), то такую сказку мы и будем считать сказкой «с плохим концом». Напомним, что определение волшебной сказки В. Я. Проппа, данное в «Морфологии сказки» предполагает окончание сказки ликвидацией начального вредительства или недостачи. Определения других сказочных жанров не зависят от характера концовки, кроме одного вида сказок, сюжет которых должен завершиться «конечной катастрофой» [Пропп, 2000, с. 344]. Это кумулятивные сказки.

II

В России в начале XX в. система начального, среднего и высшего образования охватывала все большие слои населения. Боль-

шую роль здесь сыграли события после Первой русской революции 1905–1907 г., когда в 1908 году по инициативе министра народного просвещения П. фон Кауфмана был утвержден законопроект, в составе которого было положение об установлении начального бесплатного образования. Соответственно, росла грамотность, и все больше людей было охвачено знакомством с учебной литературой. Одновременно возникла и необходимость контроля за такого рода литературой, особенно за литературой для детей. К тому времени среди педагогов сложилось устойчивое мнение, что основы характера человека, влияющие на его дальнейшую жизнь, закладываются в детстве, и немалую роль в воспитании личности играет литературный багаж.

Судя по количеству записей и публикаций, одним из самых популярных фольклорных жанров среди слушателей и читателей по праву можно называть сказку. Фольклористы отмечают, что конец XVIII — начало XIX века в Российской Империи характеризуется всплеском интереса к народной культуре и активным собиранием фольклора [Азадовский, 1958, с. 112–128]. Необходимость чтения, именно чтения, а не рассказывания, сказок детям обсуждалась уже в середине XIX века. В. Г. Белинский считал, что сказки содержат в себе многовековую народную мудрость и могут помочь детям в освоении действительности, и, следовательно, в воспитании. Сказочный мир кажется ребенку живым, одушевленным; элементы фантастики делают детей более заинтересованными слушателями и развивают их воображение и мышление. Важно отметить, что Белинский выступал против всякой литературной обработки народных сказок при публикации [Белинский, 1953, с. 509]. А вот К. Д. Ушинский, также будучи убежденным в необходимости развития детской фантазии при помощи фольклорных сказок, настаивал на редактуре записанных текстов, так как диалектные особенности могут повлиять на развитие речи ребенка [Ушинский, 1948, с. 301]. А. М. Горький в советское время выступал за популяризацию народных сказок среди обыкновенных читателей. Он, как и Ушинский, полагал, что они должны подвергаться тщательному отбору, прежде чем предстать перед детьми. В 1919 году он высказал парадоксальную, но имевшую значительное влияние на советское книгоиздание, мысль о том, что правда действительности должна быть показана ребенку, однако не в полном объеме, потому что «в значительной части она убийственна для него» [Горький, 1968, с. 77].

III

О. А. Лебеденко в своей дипломной работе [Лебеденко, 1973] развернуто и детально описывает состав и структуры сборников М. А. Булатова и И. В. Карнауховой. На примере анализа сказок она показывает, что как бы ни редактировались сюжеты, отдельные детали и речевое выражение, состав сказочных сборников оставался примерно одинаковым. И таковым он остается до сих пор. В состав сказочных сборников для детей и А. Н. Афанасьева, и Булатова, и Карнауховой включены «Колобок», «Теремок», «Глиняный Иванушка», «Коза-дереза». В рамках одного сборника сказки могли идти друг за другом по принципу от простого к сложному, а также сами книги были адресованы составителями разным возрастам. Самыми простыми считались и продолжают считаться сказки о животных, в основном кумулятивные, где детей должны заинтересовать образы животных, а ответственность за удержание внимания ложилась на повторы на уровне формул, звеньев сюжетных цепочек. Более сложными считались волшебные сказки. Сборники, предназначенные для детей старшего возраста, включают в себя сказки с «романтическим» сюжетом и сказки с более «острым» сюжетом.

Изучив состав сказочных сборников, мы видим, как за сто лет (от собрания Афанасьева до советских сборников для детей) сложился канонический корпус народных сказок для детского чтения. Обработка языка и структуры сказки, очистка их от непристойных, простонародных и непонятных выражений приводили к тому, что сказка постепенно из народной становилась литературной, хотя по происхождению и не была авторской.

При составлении и публикации редактированию подвергались язык и сюжет сказки, но ее жанровые признаки и структура (морфологическое строение волшебных сказок или цепевидные конструкции кумулятивных) оставались прежними. В некоторых случаях Карнаухова изменяла сюжетную линию для более оформленной идейной направленности, но фабулу оставляла без изменений (например, в сказке «Семь Симеонов» главный герой-вор был впоследствии заменен на героя-музыканта, и таким образом его облик приобретал более «благородный» характер). На этом этапе возник вопрос: почему в книги для детей даже самого младшего возраста попал «Колобок», «Теремок», «Глиняный Иванушка», «Снегурочка» и прочие кумулятивные сказки? Если мы вслед за Мелетинским определяем жанр посредством характера поступков главного героя, то можно говорить об отдельном типе сказок, в котором с прота-

гонистом происходят негативные события. Почему в этом случае в сборниках для детей, следующих принципу ограждения читателей от «жестокостей» действительности, такое повествование не подвергалось серьезному редактированию?

Представляется, что можно обнаружить несколько факторов, влияющих на устойчивую позицию сказок с «плохим концом» в составе детских сборников для чтения. Прежде всего имеют значение читательские привычки и относительная простота сказочных сюжетов, которая важна, по мнению педагогов, для восприятия слушателями младшего возраста. Еще одной возможной причиной, по которой «Колобка» и подобные ему сказки не исключили из детского чтения, является, на мой взгляд, сосредоточенность «педагогического внимания» на композиционном строении, а не на содержании сказки. И составители (редактор, методист, издатель), выросшие дети-читатели этих сказок, и адресаты их педагогических устремлений, и нынешние дети, концентрируются на структуре сказки, не замечая содержания. Предполагаем, что содержание сказок часто блекнет в тени замысловатой формы. Так «работают» другие детские жанры: колыбельные, над содержанием которых младенец точно не задумывается, считалки-абракадабры и пр.

Итак, мы видим, что устная по своей природе фольклорная сказка, будучи включенной в состав книг для детского чтения, обрабатывалась составителями и редакторам на многих уровнях: на уровне лексики, системы персонажей и пр. Но неизменным оставалось композиционное строение. Внимание детей младшего возраста сознательно заостряется составителями сборников на структуре (а это мы понимаем благодаря принципу, по которому составлен, например, сборник Карнауховой «Жар-птица» — от простейшего «Теремка» до волшебной «Иван-царевич и серый волк»), и именно из нее они должны «вынести уроки». Дети становятся старше, и они уже обращают свое внимание не только на форму, но и на содержание. Развивается абстрактное мышление, способность осознавать и интерпретировать метафоризацию, и тогда акцент для ребенка перестраивается на этическую составляющую. На этом этапе он начинает понимать, как выстраивается иерархия мира. Чье-то «плохо» обязательно будет чьим-то «хорошо» — лиса останется довольной и сытой; когда из Глиняного паренька достанут съеденных им людей, они все будут счастливы от того, что их спасли. Возможно, что слушатель будет переносить ситуацию на себя абсолютно наоборот: получение блага зависит от житейской хитрости и физической силы. А чтобы сохранить это благо, стоит несколько раз подумать,

прежде чем, например, звать к себе жить новое лицо, которое будет доставлять бытовые неудобства.

Моей целью было ввести понятие «плохого конца» сказки, потому что выделение такой особенности трудно не заметить на фоне стереотипа о счастливом окончании сказок, причины возникновения которого я попыталась обрисовать в самом начале. Однако все равно, несмотря на существование альтернативы в виде сказок добрых, с завершением, где все счастливы, при ознакомлении с которыми не испытывается состояние стресса, сказки с «плохим концом» пользуются огромной популярностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский, 1958 — *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958.
- Белинский, 1953 — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953.
- Водовозов, 1968 — *Водовозов В. И.* Словесность в образцах и разборах с объяснением общих свойств сочинения и главных родов прозы и поэзии. СПб., 1868.
- Горький, 1968 — М. Горький о детской литературе. Статьи и высказывания. М., 1958.
- Лебеденко, 1973 — *Лебеденко О. А.* Сборник русский народных сказок для детского чтения. Дипломная работа. ЛГУ, Кафедра истории русской литературы, 1973 (на правах рукописи). Хранится в Фольклорном Архиве СПбГУ.
- Пропп, 2000 — *Пропп В. Я.* Русская сказка. М., 2000.
- Русский фольклор, 1960 — *Мелетинский Е. М.* О генезисе и путях дифференциации эпических жанров // *Русский фольклор.* 1960. С. 81–101.
- Сиповский, 1911 — *Сиповский В. В.* История русской словесности: учеб. руководство для уч-щ и гимназии. СПб., 1911.
- Ушинский, 1948 — *Ушинский К. Д.* Советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику «Родное слово». М.; Л., 1948.

Коноваленко Анастасия Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

asyatetsu@gmail.com

Научный руководитель – Ю.Ю. Мариничева, канд. филол. наук

«У МЕНЯ СВОЙ ПУТИК ПО ГРИБЫ, ПО ЯГОДЫ»: ЛЕС КАК ЛОКУС ДЕРЕВЕНСКИХ НАРРАТИВОВ И ПРАКТИК

Ключевые слова: лес, практика, взаимодействие.

Предметом исследования стали особенности деревенской практики сбора грибов и ягод как способа взаимодействия с пространством леса. Материалом послужили интервью, собранные в фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ 2016 г. Выявлено, что поведение в лесу зависит от усвоенных в раннем возрасте норм и представлений и от индивидуального восприятия леса как объекта любви, площадки для соревнования, места медитации и т.д.

Konovalenko Anastasiya

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«THERE IS MY OWN *PUTIK* FOR GATHERING MUSHROOMS AND BERRIES»: FOREST AS LOCUS OF VILLAGE NARRATIONS AND PRACTICES

Keywords: forest, practice, communication.

The specific of gathering mushrooms and berries in the village practice is presented as a way of communication with a forest. There were used interviews collected during the folklore and anthropological expedition SPbU 2016. Finally there was found that rules adopted in early childhood influence human behavior as well as perception of a forest as a lover, a place for competition, meditation etc.

Работа посвящена рассказам о деревенской практике сбора грибов и ягод как одному из способов взаимодействия с пространством леса. Материалом послужили интервью, записанные в ходе фольклорно-антропологической экспедиции 2016 г. в д. Белошцелье (Лешуконский район, Архангельская область), а также материалы из фольклорного архива СПбГУ.

Мой интерес к этой теме возник из следующего наблюдения: для деревенских жителей лес является «страшным» местом и часто связывается с физической и метафизической опасностью, между тем собирание грибов и ягод (как и охота) — неотъемлемая часть жизни в деревне. Страхи же преодолеваются с помощью ряда запретительных и предписывающих норм. Например, информанты часто рассказывают о том, как кто-то заблудился в лесу. И почти все говорят, что боятся встречи с диким зверем. Однако на вопрос собирателей, зачем же ходить в лес, если там страшно, чаще всего отвечают: «Волков бояться — в лес не ходить». Информанты мотивируют походы в лес за грибами и ягодами необходимостью, особенно говоря о прошлом:

<А что, в лес ходили по грибы, по ягоды?<...> Ну, раньше.>

Не лес — мы бы так умерли. (DTxt08-144_Arch-Mez_08-07-14_PopovaLS)

Если же речь в интервью заходила о настоящем времени, то многие отмечают отсутствие жизненной необходимости идти в лес.

Почти каждый деревенский житель начинает ходить за грибами и ягодами ещё в детстве, причём первые походы приходится на довольно ранний возраст:

Если по ягоды, дак вообще с такого возраста, я не знаю, там с лет с пяти, может, с семи. Ну с пяти-то точно ходишь в лес. По грибы сначала, потом ягоды и все так... Постарше станешь, так уже, глядишь, и на охоту пойдешь. (DTxt15-171_Arch-Lesh_15-07-05_BobrecovNN)

Из этого примера видно, что походы в лес за грибами-ягодами и на охоту являются разными этапами освоения леса. Дети ходят с кем-то из старших или с группой сверстников, от которых перенимают модели поведения в лесу. Постепенно вырабатывается ряд индивидуальных привычек и правил, направленных на то, чтобы обеспечить собирательский успех (в том числе прибегая к покровительству метафизических сил).

В деревенской культуре лес воспринимается одновременно как «свое» и как «чужое» (опасное) пространство:

Мне-то вот лес-то тут чужой, конечно. Но щас уж я давно живу тут, можно и считать его своим, конечно. <...> Надо считать своим, чтобы...

<Надо?>

Конечно, чтоб в лесу... лес тебя принимал. (DTxt15-126_Arch-Lesh_15-07-07_ChursanovaMG_2)

Почти все деревенские жители охотно делились с нами рассказами о походах в лес, и мы можем выделить основные темы в этих нарративах. Последовательно рассмотрим обнаруженные темы.

В первую очередь, большое внимание в этих нарративах уделяется месту и маршруту. Некоторые наши собеседники даже особому называют места, куда они ходят. В рассказах жителей д. Белощелье встречаются, например такие названия мест: **заулОк** (DTxt16-015_Arch-Lesh_16-07-17_SemionovaAA), **за избушечней/избушечня** (DTxt16-038_Arch-Lesh_16-07-12_SemionovaLI), **чёрный рУчей, ухожень**.

На последнем названии хотелось бы остановиться поподробнее. Обратимся к интервью:

<Куда ходили-то?>

Ну, туда, на Сези. Там у меня **ухожень-га**.<...>

<Это вы туда всё время ходите, да?>

Да. Ну я здесь, по бору пройду и всё, больше-то там брожу.

<А это Вам кто показал-то? Место это>

Я сама всё нашла. Потому что я всегда брожу одна. (DTxt16-043_Arch-Lesh_16-07-18_SemionovaLA)

На это название стоит обратить особое внимание, потому что Л. А. Семенова, 1946 г.р. из д. Белощелье, упоминает, что ходит за грибами и ягодами одна, и здесь «ухожень» представляется как своя собственная тропинка. Слово это на данный момент не зафиксировано ни в одном диалектном словаре, однако в словаре Подвысоцкого можно найти похожее слово:

Ухóжье — 1) Отдаленный от жилья лесной участок *Шенк*. 2) Лесной участок, где пролагаются путики *Мез*. [Подвысоцкий, Сл. обл. арх. наречия, 1885.]

Возникает вопрос о соотношении маршрутов сбора грибов-ягод с охотничьими путиками.

Некоторые мужчины рассказывали, что собирают грибы во время обхода путика, либо на их путике собирают их жёны, пока мужчины проверяют силки. Одна из информанток упомянула «круги»:

Два /у меня — А. К. / «круга» в лесу. Кругами сама назвала. Если грибов в этот год много — на первом кругу насобираешь. Если мало — на второй круг пойдёшь. (Полевой дневник Красавиной Е. М. 2016)

В архиве есть несколько интервью, в которых информанты подробно говорят о соотношении путика и маршрута сбора грибов-ягод.

И вот это у него называется путик, что обходит по этим силушкам, по этому путик, он все время ходит там каждый день или через день путик называется, да, а вот у **меня свой путик по грибы, по ягоды.**

<То есть, у вас тоже он есть>

Ну, у меня, в принципе, нету зачесок, что я вот тут именно вот зайду и тут выйду, но рядышком и по краю дорожки, и рядышком с дорожкой, тоже как путик. (DTxt11-199_Arch-Lesh_11-07-13_LevkinaLA)

<Мы слышали, что путики — это только у охотников.>

Да-да-да-да-да. А у нас по своему путик, это у нас женщины **говорят. Куда ходишь в одно место, и оно тебе нравится, и там есть грибы и ягоды, и тут называют свой путик.<...>**

<А как вы отличаете свой путик от остальных?>

Свой путик так место тако, как есть, так вот так. Это не дорожка ведь. Место, шо тут находятся грибы или ягоды. (DTxt11-194_Arch-Lesh_11-07-08_LevkinaLP)

Но грибно-ягодные путики не совсем то же, что охотничьи. Если охотникам строго запрещено брать добычу с чужого путика, то ягоды и грибы может ходить и собирать каждый.

<Посмотреть бы на эти путики. Интересно. А у женщин нет такого, каких-нибудь грибных мест?>

Ну, почему? Вот ходят, кто ходит за грибами, вот если они уже так ведь знаешь уже, где грибы, так уже и идут.

<Ну нет же такого, что там «Не ходи! Не ходи на мое грибное место»?>

Нет. Все, все ходят, все, у нас тут одно место, вот тут зайдут да там выйдут и всё. (DTxt11-019_Arch-Lesh_11-07-05_IvanovaGS)

Более того, на чьем-то чужом охотничьем путике можно собирать грибы и ягоды:

<...а если специально кто пойдет по чужому путик?>

ЕВ: не знаю, да и не ходят.

ВП: Да и не пойдут.< ...> **Это вот случайно в лес по ягоды, еще там уж не спрашивают, путик у тебя, не путик. А ягоды собирать — там уже не спрашивают. И грибы идут, там уже собирают.** (Dtxt13-072_Arch-Lesh_13-07-06_KarmanovVP_GrjaznovEV)

Следующим по значимости при обсуждении походов в лес за грибами становился вопрос о компании для похода. Чаще всего информанты ходят или ездят в лес с родственниками, знакомыми, соседями. Можно выделить особенные случаи, когда информанту необходимо чье-либо присутствие рядом или же, наоборот, информант предпочитает ходить в одиночку.

<А как больше нравится, с кем-то или одному?>

Одному-то вроде неудобно, надо или собаку с собой возьмёшь или...<...> **Ну, кто-то чтоб был.** (DTxt16-042_Arch-Lesh_16-07-17_ChursanovaZK)

Я ведь рано пойду всё, **мне ведь никто не надо, я сама, одна,** пошлёпаю. (DTxt16-038_Arch-Lesh_16-07-12_SemionovaLI)

В первом примере потребность чьего-либо присутствия можно воспринять как средство преодоления страха. Второй пример особенно важен потому, что именно собиратели-одиночки чаще демонстрируют представления о лесе как метафизическом пространстве.

Третьим, и самым «привычным» для фольклористов, топомом в разговорах о лесе оказывалось общение со сверхъестественными силами. Для некоторых информантов в посещении леса оказывается наиболее важным обращение к разными метафизическим силам, с ним связанным: «хозяину леса», «лесовичку», «лешаку» и т. д. Варианты общения разнообразны: некоторые информанты просят разрешения при входе и благодарят на выходе, некоторые молятся, некоторые «задабривают» лешего и т. д.

<Когда в лес заходят, говорят что-нибудь такое?>

АА: Да нет. Не знаю. Ниче. Я, например, иду, скажу, что помоги мне зайти и выйти, все помоги, чтобы ягод набрала да. (DTxt16_Arch-Lesh_16-07-17_SemionovaAA)

Из большинства интервью ясно, что действия эти направлены на заключение договора с духами-хозяевами места, что описано у С. Б. Адоньевой в 2 гл. «Прагматики фольклора». [Адоньева, Прагматика фольклора, 2004, С.66-78.] В ответ на приветствия, дары и проч. информанты ожидают от «хозяев» леса помощи или гарантии безопасности. При этом некоторые правила являются как бы «абсолютными», про них знает большинство деревенских жителей и большинство им следует (например, запрет материться в лесу). Другие же правила индивидуальны (такие как разговоры с деревьями). Кроме того, из большинства интервью видно, что главным оказывается не сам процесс сбора грибов или ягод, а то, что происходит в лесу, помимо этого.

Отношения с лесом могут регламентироваться не только нормами и традиционными представлениями. Лес также может выступать как своеобразная площадка для соревнования собирателей, место общения с умершими и место медитации.

Так, например, некоторые информанты с большим азартом рассказывают о своих «достижениях» при сборе грибов или ягод или

с возмущением говорят о встрече с кем-то на «их» месте. При этом стоит учитывать неоднозначность границ «чьих-то» мест.

Ушедшие в лес за грибами-ягодами остаются наедине со своими размышлениями и воспоминаниями. Здесь мне бы хотелось обратиться к одной интересной и неоднозначной истории Л. И. Семёновой 1937 г.р., д. Конещелье. (DTxt16-038_Arch-Lesh_16-07-12_SemionovaLI) В ней лес, определённые места в лесу, связываются с болезненными воспоминаниями о потере сыновей (Л. И. водила их по грибным местам, после чего они умирали). Возможно, то, что Л. И. ходит именно в лес, обусловлено тем, что лес оказывается местом, в котором возможно уединиться со своим переживанием и вдали от посторонних глаз оплакать своё горе. Вариантом уединенного поведения оказывается и просто размышления, пение. И тут поход за грибами или ягодами оборачивается возможностью уйти из дома, побыть одному и отдохнуть. Лес может стать даже адресатом лирического переживания и объектом любви, как в приводимом ниже стихотворении Ж. Ермаковой, жительницы д. Жердь.

Идѣшь-идѣшь, да и вроде о, как хорошо стало. Нет и нету, да и стало хорошо. Попроѣшь песенку да.< ...> Да я так хОжу в лес дак мне-ка как-то лучше. Вчера, например, весь день чѣ-то голова болит-болит, я пошла уже после обеда, в час или во втором, в час, наверно. **А потом пришла, вроде лучше, говорю, мне стало.** < ...> (DTxt16-045_Arch-Lesh_16-07-23_SemionovaLA)

Вдыхаю вкусный аромат лесной,
Пьянящий, пряный, ягодно-грибной.
Я пью его большими глотками,
Струится он по венам ручейками.
Тебя не в силах я обнять руками,
Мой лес, тебя я обниму глазами.
Как ты красив своей суровой красою,
Твой южный брат не выдержит сравнения с тобою.
А хочешь, я тебе один секрет открою?
Я мужу изменяю лишь с тобою.
Тебя, мой лес, люблю всем сердцем и душой,
Всю зиму жду свидания с тобой.
Лишь только ты согреешься весной
Смотри, мой лес, я на коленях пред тобою. (Стихотворение Ж. А. Ермаковой, DTxt08-262_Arch-Mez_08-07-07_ErmakovaJA)

Таким образом, обыденная деревенская практика сбора грибов и ягод оказывается сложным процессом взаимоотношений деревен-

ских жителей с лесом. Эти взаимоотношения выстраиваются по-разному: через страх леса, через почитание его или через любовь. Лес оказывается, с одной стороны, чуть не полноправным участником процесса сбора грибов, свидетелем «игры» и объектом любви. С другой, лес служит и местом, в котором человек может отдохнуть и побыть один (не на глазах у всей деревни), порталом, который позволяет общаться с умершими родственниками и оплакивать их.

ЛИТЕРАТУРА

- Подвысоцкий, 1885 — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Адоньева, 2004 — *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004.
- Материалы фольклорного архива СПбГУ (ссылки в виде DТxt...)
- Данные полевых дневников участников фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ 2016 г.

Красавина Евгения Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

krasavina.evgenia@gmail.com

Научный руководитель – Ю.Ю.Мариничева, канд. филол. наук

БАНЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ПЛОЩАДКА: ЛЮДИ И ДУХИ

Ключевые слова: баня, пространство, коммуникация.

В статье представлен результат анализа нарративов о банной традиции на Русском Севере, записанных в Архангельской области в ходе фольклорных экспедиций СПбГУ 2009–2016 гг. Материалом исследования стали рассказы деревенских жителей о строительстве бани, о «бан-ных правилах» и приметах, а также о бане как о специфической коммуникативной площадке: в ситуации обрядов и повседневных действий.

Krasavina Evgenia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

BATH AS A SPACE OF COMMUNICATION: PEOPLE AND SUPERNATURAL BEINGS

Keywords: bath, space, communication.

The report presents results of the research on the talks and mythological ideas about bath on the Russian North collected in the Arkhangelsk region during the folklore expeditions SPBU 2009–2016. The material is the narratives of the villagers about construction, bath's rules of conduct, superstitious beliefs, moreover, about bath as a specific communicational area amid rituals and daily actions.

Когда в 2016 году фольклорно-антропологическая экспедиция в Лешуконский район Архангельской области прибыла в деревню Белощелье, нам, ее участникам, бросилось в глаза, что большая часть жителей деревни перестраивает свои бани: кто-то строил с нуля, кто-то только ремонтировал, кто-то перебирал каменку. Но все наши информанты охотно отвечали на вопросы о банной традиции. В результате было записано большое количество разных нарративов, включающих как бытовые правила мытья, так и правила общения с духами в бане. Объединив собранные в экспедиции материалы

с предыдущими данными фольклорного архива СПбГУ, мы получили достаточно большой корпус сведений о северно-русской банной традиции.

На основании собранных нарративов мы можем утверждать, что мытье/ пребывание в пространстве бани воспринимается деревенскими жителями одновременно как полезное, необходимое, очистительное, придающее силы, и как опасное, требующее соблюдения определенных правил поведения.

Ср. «А у меня не болели они <дети>. Тьфу-тьфу-тьфу. Я с ними на больничном не бывала. В бане намою, когда сляжет — так я баню натоплю так... В бане намоем дак» (Вера Григорьевна Михеева, 1946, д. Койнас)

«...бывает, и женщину потерять или ребенка потерять. На широкую скамейку его повалят, его трут, лечат, как говорится» (Альбина Павловна Булатова, 1948, д. Белошцелье)

С другой стороны:

«Так вот кто еще, в бане, говорили, баянник какой-то есть. Банник, так у нас по-деревенски все “о, не ходите — там баянник”» (Анна Арсентьевна Прошнина, г.р. 1932, с. Ценогора)

«То ли правда, то ли нет. Не знаю это. Когда-то тараканов морозили, я осталась в бане ночевать <...> И вот я на полку лежу, и мне так тяжело дышать че-то стало. Ну вот. Это во сне. Вот. А потом проснулась-то, дак вот тоже испугалась. И вот потом мне... до утра не спала. Потом маме сказала: «Нет, я не буду ночевать в боле, это, одна в бане» (Анна Арсентьевна Семёнова, г.р. 1954, д. Белошцелье)

Мы видим, что представление о том, что баня полезна из-за ее лечебных свойств, не подлежит сомнению, а с вопросом восприятия бани как опасного места, дело обстоит не так однозначно.

Баня воспринимается как место «иное» по отношению к пространству повседневному. Многие исследователи отмечают, что в традиционных культурах пространство бани может восприниматься как «пограничное» или «переходное» [Зеленин 1991; Иванова 2016; Олсон, Адоньева 2016]. Так, например, А. Г. Бобров, рассматривая историю появления бани на Руси, описывает функцию бани в обрядах инициации и представление о бане, как о «нечистом месте» [Бобров 2004]. Н. А. Криничная пишет, что баня понимается носителями традиции как сакральное пространство, где человек вступает во взаимодействие в «духом бани» [Криничная 1995, с. 6–7]. Представление об опасности бани учитывается местными

жителями и при бытовом мытье в бане, и в ситуациях взаимодействия с метафизическими силами (духом бани, душами покойных).

Взаимодействие с духом бани — банником — состоит в обращении к этому духу, произнесении специальных слов-оберегов. Причем, если при входе в новый дом нужно проситься только первый раз, то в баню необходимо проситься каждый раз. Представление о потенциальной опасности пространства является причиной существования в деревенском сообществе правил и запретов на посещение бани при определенных условиях: нельзя мыться после 12-ти часов ночи или после захода солнца, нельзя оставлять баню пустой в процессе мытья — т. е. в бане всегда должен быть кто-то вплоть до завершения мытья.

«Ну дак тоже после это, солнышко-то зайдёт, так тоже нельзя купаться. В баню тоже нельзя ходить после того.<...> Всё, там боле начинается это, как говорят, дьяволОв.

<В бане?>

Да. После заката солнца уже время, то всяки нечисты силы, говорят дак. Мы моемся поране. <...> Я сам не помню, а мы пошли с мамой в баню. Дома, и я ещё мАла была, не помню. Она говорит, а она тоже с работы поздно пришла, с фермы, она дояркой работала, ну и вот, а мы пошли с ней в баню. Она говорит, я пошла с тобой в баню. Тебя вымыла, да и посадила. А раньше ведь свету не было, электричества, ничё, лампы были дак, не то что лампы, коптилочки одни. Фитилёк. Ну и от, говорит, сама-то моюся, да всё тутотки, а ты сидишь в углу. И говорю: “Мама, кто-то сидит. Глазки светЯт.” Ну и вот. Она говорит, я платье надёрнула, тебя в охапку, и домой. И всё. Вот так. Или мне показалось, или я увидела кого. <...> Дак мы никогда не ходим теперь.» (Нина Григорьевна Максимова, 1953 г. р., с. Ценогора)

«Ну после... в 12 же нельзя. Считается, что банник приходит. Даже некоторые оставляют воду баннику, типа “помойся”. <...> Просто в таз налить и всё. Можно мыло рядом положить и ковшичек.» (Марина Андреевна Сидорова, 2000 г.р., д. Белошцелье)

«Тоже баню топишь, так будто там баянник есть. Старые раньше бани какие были — каменница. Придешь, откровешь, будто тут сидит баянник. Клубочки. И быстро — открывай вторую. Укатится куда-то. <...> Пошли баню — что не выходите. Что домывайся, чтобы другой заходил. А то больше уйдешь. Одна ушла, другая — так не положено. <...> Вот чтобы из баньки никто не выходил. Чтобы та женщина домывается, а вы заступайте. Чтобы не закрывали баню. Чтобы опять зашли.

<А почему это так?>

Будто модовойко вот тот клубок будто баянник какой ли бы...»
(Раиса Ивановна Максимова, 1935, д. Олема)

«В баню заходишь когда тоже, как в баню зайдёшь, и сразу говоришь, вы крещёны тоже?»

<Да, да, крещёны.>

Святой мощны, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас. Аминь. Баянка, пусти. В конце. Святой мощны, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас. Аминь. <...> 3, 3 раза, да, 3 раза сказать. <...> Опять, на улицу-то тоже выходишь, так тоже. Хранители, <нрзб> как выйдешь так только, ангелы-хранители, вы все со мной, вы все за мной. Вы спереди, я в середине, а вы сзади. Ангелы-хранители. Вот тоже до 3 раз нужно сказать.» (Анна Ивановна Бурдуева, г.р. 1927, д. Мелогора)

«Пограничное» положение бани между мирами открывает возможность взаимодействия с метафизическими силами, в следствие чего «специалисты» могут совершать разные ритуальные действия: лечение, окказиональные обряды. Баня как особое пространство подходит и для обрядов инициации. В рамках свадебного обряда исполняется несколько «банных» ритуалов: в бане происходит расплетание/переплетение косы невесте, мытье тещи/свекрови и «первая баня» новобрачных.

Каждый из этих обрядов направлен на изменение статуса действующих лиц. Девушка из статуса «девки» переходит в невесту. Символ девичества — коса — расплетается ее подругами. Тёщу/свекровь тащат в баню, где ее вымазывают в саже и символически парят. В нашем архиве есть несколько описаний этого обряда из разных деревень, но общий смысл обозначения смены статуса старшей женщины один и тот же [Хотина 2014, с. 270]. Что касается бани для молодых, то это тоже ситуация изменения социального статуса.

«Тогда такой шутейный ритуал свадебный. Да. Потом ещё на второй-то день уже женихову-ту мать, ну как, свекровь, уже, получается, невесты-то свекровь, таскают в баню. <...> Что помыться, чтоб свекровь должна помыться. Уже невеста должна свекрову, как говорится, помыть, одеть, за стол привести после бани и угощать. <...> В холодной бане нахвошутся, и потом: “У-у-у напарились, тещу напарили”, — тащат её. Умывают её. Вот должна молодлица уже и полотенце ей подать, и всё, и халат, и всё, и умыть, и платок связать, и всё — свекрову намыла.» (Альбина Павловна Булатова, 1948 г. р., д. Белощелье)

«А так невесту перед свадьбой в баню водили. <...> Ну, мне пять лет было, а моей сестре Наталье — двадцать лет. И вот она выходила в за-

муж. <...> Родственница. Это крёстная считается, как вторая мать. <...> Значит, расплетает косу. Натальку готовят в баню. Ну вот. Увели Натальку в баню.» (Елена Павловна Красавина, 1927 г. р., с. Койнас)

На Русском Севере была широко распространена традиция родов в бане. Помимо того, что баня с практической точки зрения очень удобное место (там тепло и есть теплая вода), но оно еще скрыто от чужих глаз и удалено от жилища. Баня подходит для родов именно потому, что роды считаются в большинстве традиций «нечистыми» [Ван Геннеп, 1995, с. 43–45].

«Мы запомнили хорошо её <повитуху>, как она ходила там. Что-то женщина, вот у меня у брата жена замоталась тоже. “Сходите скорее за бабкой, за Антипиной!” — мы сбегали, бабушку Антипину позвали. “Баня-то топится? — Топится!” И в баню. Там уж и роды примет и женщину... — все, выходит. <...> В основном в бане. <...> Получится, застанет дома, так и дома примет. Но так обычно всегда: “Затопите баню!”» (Альбина Павловна Булатова, 1948 г. р., д. Белощелье)

Лечение в бане представляет собой символические действия, сопровождающие мытье. Например «загрызание» грыжи у ребенка происходит в бане после того, как ребенка напарят веничком. Над водой в бане произнесут заговоры, а потом ею омывают больного.

«В бане мыла и загрызала.<...> Это, в бане-то мою, можно эту <грыжу> загрызати.» (Анна Ивановна Бурдуева, 1927 г. р., д. Мелогора)

«Может про себя-то что-то подумают... и отразится на него, и он будет всю ночь плакать! Реветь! Вот и бу... вот и подумаешь, что та тётенька была, да что-то вот... Неладное.<...>В таких случаях вот... были... старушки, знахарки. Созовут<?> в баню. <...> В бане помогут, будто она чего-нибудь там наговорит, и он заспит.» (Роза Павловна Фатьянова, 1936 г. р., д. Нисогора)

«Если человек маленько тронется... тронется. То, значит, он сходит в баню. Хорошо распарится! Потом возьмёт в зУбы решето. А я — р-раз! по решету трягну! И у него как... как двинется... и станет на место. И лучше будет.» (Лилия Сергеевна Семёнова, 1932 г. р., с. Ценогора)

«Ну, вот, когда в бане моешься, короче, ну, я маленький в то время был, она меня все время водой поливает и говорит типа: “с гуся вода, че-то там, вся беда, там”. <А если рана?> че-то “ни жару, ни пару, ни синей опухоли”.» (Руслан Дерябин, 1989 г. р., д. Селище)

Взаимодействовать с метафизическими силами могут не только ритуальные специалисты, но и обычные люди, вернее, ритуальными

специалистами в бане могут стать практически все. В частности, девушки на святки или на Иванов день совершают в бане магические обряды.

«...вот нынче праздник был — Иван-день. Тоже, вишь, из бани выкидывали веники. Вот помоются и из бани-то выбросят. Потонет ли не потонет. Если потонет — умрет, ха-ха.» (Клавдия Андреевна Городова, 1933 г. р., д. Колмогора)

Баня также является тем местом, куда дух умершего возвращается после смерти. Таким образом, в бане можно пообщаться с теми, по ком тоскуешь, или позаботиться о своих ушедших родственниках, как заботился о них при жизни.

«У меня тоже, мама умерла, три года тому назад вот она.<...> (говорит о том, что мама очень любила баню) И вот кто-то как это... шаркается, шаркается. Я говорю: “Мама, видно, в баню хочется. Мама, иди, давай, мойся с нами. Баня жарко натоплено. Тебе жару дак хватит”. Да все.<...> Все не стала шаркаться. Потом на втору баню тоже также.<...> Ну вот я в субботу стала баню затапливать и сказала, буду это: “Мама, мойтесь там боле”, да все. И она у меня обиделась. Это в пятницу. Дак я баню не могла растопить. Не могла растопить и все.<...> Потом на второй день пришла, в баню зашла, говорю: “Мама, дак ты чо обижаешься-то? Ведь все так, это... чо я тебе такого сказала?”. Пришла да спичку чиркнул, да баня затопилась.<...> Но в то время-то она еще не очень дол... это, умерла. Немного времени-то прошло, дак.<нрзб> Душа где-то была еще <нрзб>» (Анна Арсентьевна Семёнова, 1954 г. р., д. Белощелье)

Большой интересе для нас представляют не только ритуальные и магические ситуации, но и просто нормы общения людей в бане. Сначала наше предположение состояло в том, что баня — место уединенное, а потому очень интимное. Но в ходе исследования мы меняли свою точку зрения. Исходя из наших интервью, можно отметить, что, в баню могут звать соседей или родственников, если «остался жар» и/или если они помогали топить баню (например, носили воду). В баню вдвоем могут пойти муж с женой, родители с детьми или подруги. Ситуация, когда в баню идет отец со взрослым сыном или братом, более редкая. Очень интересным для нас оказался один рассказ деревенского жителя о том, как его жена ходит в баню со своей подругой:

«ПС: С Галиной Николавной ходит, помогает.

РР: Да, потому что не может она сама мыться, помогаю.

<То есть с подругами ходят?>

РР: Да пожалуйста!

<А в баню когда ходят с кем-то, там разговаривают о чем-то?>

РР: Понятия не имею! Хошь — говорит, хошь — молчи!

ПС: Шипко разговорчива!

РР: Мы когда с Галькой, да и ругаемся в бане! Она чё-нибудь скажет, а я поперек, дак и..!» (Рима Ростиславовна Семенова, 1957 г. р., д. Вонга; Павел Савватьевич Семенов, 1960 г. р., д. Белощелье)

Из этого примера видно, что общение в условиях бани не является тайным. К тому же в деревне, как правило, хорошо известно, кто к кому и с кем ходит в баню, а приглашение в баню является жестом доверия и гостеприимства хозяев.

Другой пример описывает ситуацию коммуникации, не связанную с мытьем, и поэтому мы рассмотрим его отдельно.

«Дак это, вроде как тут один мужчина был, дак он знал, отца-то у меня позвал в байну, говорит: “Вот вишь, чё ли поминают тоже как раскулачиваньё”, дак. А мамка поехала через сельсовет: “Раскулачите, — а она с Палащелья, — да, я, говорит, уеду в Палащелье, чё я”. И так-то бедны, да ещё раскулачите, дак. Да, и как-то прошло, ничё. Не за чё ведь! Только передок один строили, построили, токо за то. А чё было раньше? Ничё ведь не было.» (Чалакова Анастасия Алексеевна, 1929 г. р., д. Белощелье)

Эта запись, единственная в своем роде, натолкнула нас на мысль, что баня в противовес избе, где и «стены слышат», согласно пословице, наоборот является настолько укромным местом, что только там мужчина смог предупредить соседа об опасности. Мы предполагаем, что во время, описываемое информанткой, бани в основном строились «по-черному», а соответственно — в отдалении от дома, у ручья или реки. Такое положение бани вполне оправдывает выбор именно этого места для тайного разговора.

В заключение стоит еще раз подчеркнуть, что для деревенских жителей баня, с одной стороны, является местом обыденным и функционально удобным для мытья, родов, лечения, а с другой, представляет собой пространство символическое, пограничное, где можно взаимодействовать с духами, умершими родственниками или обратиться к метафизическим силам во время магических обрядов. В то же время все это влияет на восприятие бани как места укромного, таинственного и, может быть, даже опасного, связанного с общением с духами или обрядами перехода.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров, 2004 — *Бобров А. Г.* Древнерусская «мовь» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 56. С. 94–120.
- Бобров, 2013 — *Бобров А. Г.* Баня в древнерусской литературе // Девятая международная летняя школа по русской литературе. Статьи и материалы. СПб., 2013. С. 14–28.
- Геннеп, 1999 — *Геннеп А., ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М., 1999.
- Зеленин, 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивиной. М., 1991.
- Иванова, 2016 — *Иванова Л. Н.* Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016.
- Криничная, 1995 — *Криничная Н. А.* «Сынове бани» (мифологические рассказы и поверья о духе — «хозяине» бани). Петрозаводск, 1995.
- Олсон, Адоньева, 2016 — *Олсон Л., Адоньева С. Б.* Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины / пер. с англ. А. Зиндер. М., 2016.
- Хотина, 2014 — *Хотина С. В.* Шутки, притворы и прочие глупости в свадебном ритуале Мезенского района Архангельской области // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: Филологический практикум / сост. С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова. СПб, 2014. С. 269–274.

Поспелова Александра Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

sascha.posp@yandex.ru

Научный руководитель – Ю.Ю. Мариничева, канд. филол. наук

«Я СТАРОЙ ДЕРЕВНЕ ХОЧУ ПОКЛОНИТЬСЯ»: СЕМАНТИКА ПОКЛОНА НА СОВРЕМЕННОМ ДЕРЕВЕНСКОМ ПРАЗДНИКЕ

Ключевые слова: наивная литература, праздник, поклон, память, сценарий.

Статья посвящена современной праздничной традиции Архангельской области. День деревни стал праздником, который создает и закрепляет новый дискурс об истории деревни. Выдвигается предположение, что основой для изобретенной традиции послужил праздник День победы. Дискурсивный жест (поклон) становится цитированием праздника-источника в основной торжественной части Дня деревни.

Pospelova Alexandra

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«I WANT TO BOW TO THE OLD VILLAGE»: BOWING SEMANTICS AT A MODERN VILLAGE FESTIVAL

Keywords: naive literature, holiday, bow, memory, script.

The article is devoted to the modern festive tradition of the Arkhangelsk region. Village Day became a holiday, which creates and consolidates a new discourse about the history of the village. It is suggested that the basis for the invented tradition was the Victory Day. Discursive gesture (the bow) becomes a quotation of the holiday-source in the main solemn part of the Day of the village.

Материалом исследования послужили сценарии праздника День деревни из личного архива краеведа д. Белошцелье. Они охватывают 12 праздников с 1998 по 2012 г. в деревнях Белошцелье, Конещелье и Ценогоре.

1. 1998 г. День деревни «Девята» Праскева
2. 1999 г. Праздник деревни «Девята»
3. 2001 г. Праздник «Девята»
4. 2002 г. Праздник-юбилей

5. 2003 г. Праздник «Девята»
6. 2004 г. Праздник деревни «Девята»
7. 2005 г. Праздник деревни «Девята»
8. 2006 г. Вечер встречи «Не исчезай, моё село!»
9. 2007 г. Праздник деревни
10. 2007 г. Концерт в Ценогоре «Деревня моя»
11. 2011 г. Праздник в Конещелье — 460 лет «Я старой деревне хочу поклониться»
12. 2012 г. 460 лет д. Белощелье.

Участники фольклорно-антропологических экспедиций филологического факультета СПбГУ часто становились свидетелями летних деревенских праздников. Однако лишь с недавнего времени День деревни стал предметом исследования [Гаврилова, 2016].

На мой взгляд, День деревни логично рассматривать в рамках изобретенных традиций [Хобсбаум, 2000, с. 47–62]. Согласно теории Хобсбаума, социальные изменения влекут за собой изменение или появление новых символических практик, иногда институционализованных. При этом характерной чертой таких сконструированных традиций является намеренная демонстрация своей исторической незыблемости. Так, в текстах сценария проговаривается связь с утраченной традицией съезжих праздников.

«“Девята!” стал традиционным праздником День деревни Белощелья. Стало традицией отмечать этот праздник ежегодно».

Такие высказывания становятся подтверждением логики изобретения традиций: «эти традиции представляют собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой» [Хобсбаум, 2000, с. 48].

Сценарии всех рассматриваемых мной праздников схожи по своему составу, но внутри очень неоднородны. Канон праздника закреплялся постепенно. Сценарий 1998 г. уже отражает основные тенденции формирования праздничного канона. Какова бы ни была последовательность реплик и высказываний в сценарии праздника, сценарий включает в себя чередование речи ведущих с выступлениями артистов и состоит из следующих элементов:

Речь ведущих:

1. Историческая справка (по книге А. В. Новикова «Лешуконье»).
2. Статистические и документальные справки о деревне, списки имен.
3. Поздравительные обращения.
4. Стихотворные приветствия ведущих.

5. Напутствия и пожелания ведущих.

Речь исполнителей:

1. Песни хора.
2. Сценки.
3. Стихотворения «на случай».

Изначально заметка об истории деревни присутствовала только на торжественном концерте. Когда в 2007 г. праздник стали праздновать не один, а два дня, то в первый день (День памяти) перед обелиском стали проводить митинг, а исторический элемент вошел в сценарии обоих дней празднования. Обращение к истории деревни доказывает целесообразность проведение этого праздника и поэтому становится смысловым ядром сценария.

В сценарии праздника День деревни используются «старые материалы для того, чтобы сконструировать изобретенную традицию нового типа, служащую новым целям» [Хобсбаум, 2000, с. 52]. В таком случае возникает вопрос: на каком старом, уже знакомом и принятом обществом, материале построен новый праздник?

Я полагаю, что таким старым «материалом» отчасти послужил сценарий праздника День Победы. Подтверждение этому можно найти в текстах самого сценария Дня деревни, где, например, словосочетание «День Победы» зачеркивается и заменяется на «День Памяти». Кроме того, именно в праздновании 9 Мая предусматривается обращение к истории. История деревни становится равной сумме биографий ее жителей: в рамках праздника упоминаются все, чьи имена написаны на обелиске, все вдовы и дети войны.

Историческая справка о Белощелье представляет собой безличное повествование и прямое цитирование книги историка Анатолия Новикова, эти фрагменты текста не представляют собой результат отбора материала составителями сценария. Историческая часть сценария Дня деревни провоцирует обращение к известным культурным кодам другого праздника, так как другого способа публично говорить об истории не существует. Под культурным кодом я понимаю некоторый набор знаков, относящийся ко вторичной знаковой системе и служащий для создания некоторого культурно значимого сообщения. Косвенную цитацию праздничного кода Дня Победы можно обнаружить во многих элементах сценария: поздравительных обращениях, стихотворных приветствиях или напутствиях ведущих, песнях хора, стихотворениях «на случай» и т. д. Меня интересует то, какими вербальными средствами культурный

код Дня Победы проникает в сценарий Дня деревни и как это влияет на смысл самого праздника.

Я прослежу логику «цитирования» или «экспроприации» одного праздника другим на примере особенностей употребления слов с корнями -клон-/клан- (поклон, кланяться и др.) в сценарном дискурсе Дня деревни. Обращает на себя внимания частотность их употребления в сценариях, поскольку слова «поклон» и «поклониться» обычно появляются в совершенно другом, не праздничном, дискурсе (например, в ситуациях просьбы, молитвы, покаяния, прощания с покойным и т. д.). Кроме того, иногда эти слова появляются в необычной сочетаемости. Чтобы прокомментировать эти случаи, я обратилась к нормативным словарям [БАС, 2011, с. 377–380].

Словарное значение предполагает совершение действия — поклона — в знак «приветствия, благодарности, уважения, при молитве и т. д.». В сценарии праздника можно найти контексты, где реализуется такая семантика поклона. Замечу, что если речь идет о словесном «поклоне» в знак благодарности, то в словарной статье появляется комментарий: «обычно шутливо или иронически». Если же говорить о просьбе, то это обязательно «униженная просьба». Интересно, что уважение выражается не словесным поклоном, а именно телесным жестом («наклонение головы, верхней части туловища») или посещением. При этом возможный адресат поклона («кого-л, чего-л») остается непроясненным.

«Поклоны», которые встречаются в газетном корпусе НКРЯ, обычно обращены к иконам или мощам, могилам (писателей, солдат или предков), людям, которых причисляют категории героев (спасателей, учителей и т. п.). Форма инфинитива чаще встречается в контекстах о покойных или могилах (26 из 100) и о предметах, причисляемых к святыням: иконам и мощам (38 из 100). Если же говорящий «кланяется» в знак благодарности (15 из 100), то таким образом он повышает степень благодарности, а поступок адресата иногда сравнивает с подвигом.

Примечательно, что одна треть из всех словоупотреблений личных форм глагола «поклониться» (20 из 62) приходится на контексты, которые отсылают к песне «Поклонимся великим тем годам» (Слова В. Львова, музыка А. Пахмутовой, 1985). Этот текст предлагает как слушателю, так и исполнителю большой, но ограниченный, набор адресатов поклона. Многократный повтор слова подчеркивает императивность действия. Благодарность всем «мертвым и живым» Великой Отечественной войны, выражаемая в форме вербального поклона, подчеркивает необыкновенно высокий, сакральный,

статус адресатов. И в то же время задает определенный способ выражения своего почтения, которое «составляет семантическое ядро поклонов как таковых» [Голубовский, 2008, с. 55].

Приведенные примеры иллюстрируют ограниченный ряд ситуаций, когда говорящий употребляет глагол «поклониться». В сценах Дня деревни он используется в схожих контекстах. Как правило, поклон обращен или к собеседнику (в случае приветствия), или предкам, или погибшим воинам. Поклоны на празднике День деревни адресуются также женщинам, овдовевшим во время войны.

- (1) Чтоб всегда было вам куда приехать с чужой сторонушки, поклониться родному дому и могилам родных и близких.
- (2) А сейчас мы хотим просто поклониться своим предкам
И молим их о том, чтобы погода нам благоволила
И чтоб праздник удался.
- (3) Склоните голову перед памятью верного сына Родины.
Память о подвиге отцов и дедов должна жить.
- (4) Победный май опять шумит листвою
И время берedit бывшие раны —
Поклон вам низкий, наши вдовы.
- (5) Мы, живущие здесь, приходим сюда каждую весну — 9 мая, чтобы поклониться тем, кто погиб в годы Великой Отечественной войны. Многие из вас приходят сюда 22 июня, чтобы положить к подножию памятника цветы, склонить головы перед памятью павших.

Наибольший интерес вызывают случаи, когда адресатом поклона становится сама деревня.

- (6) Я на миру живу не горбясь
Я для тебя храню поклон
Моя Архангельская область
Лешуконской район
Деревня Белошелье

Строчка из постоянной песни в репертуаре хора — «Я старой деревне хочу поклониться» — даже выносится в название праздника. Примечательно, что праздник с таким названием проходил в деревне Конещелье, которая перестала существовать в 1960-е гг. Таким образом, использование глагола «поклониться» по отношению к деревне приравнивает ее к погибшим героям и наделяет «святостью». Праздник День деревни, который отмечается в честь дня рождения деревни, оказывается сходным с поминовением усопших. Качества

героичности и святости, которыми наделяется деревня через такое выражение благодарности и уважения, наполняют поклон семантической поклонения. Поклониться деревне — значит поклоняться ей.

«Поклоняться, яюсь, яешься, несов.; поклониться, нюсь, клонишься, сов. 1. Читть кого-, что-л. как божество, высшую силу, святыню, выражая это молитвами, обрядами и т.п. 2. Преклоняться перед кем-, чем-л., особо почитать кого-, что-л.» [БАС, 2011, с. 381.]

Как пишет И.И.Сандомирская, «и великая Родина, и родина малая не существуют до тех пор, пока о них не говорят» [Сандомирская, 2001, с. 18]. Митинг, где ведущие прочитывают длинные списки погибших на войне, вспоминание тех, кто раньше жил в деревне, стихотворения, написанные в ностальгической тональности, и призыв ведущих создать летопись деревни — всё это помещает деревню в прошлое, но не открывает ей будущего. О деревне в сценариях праздника вспоминают/поминают и поклоняются ей, как погибшему герою или святыне.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС, 2011 — Большой академический словарь русского языка: в 30 т. СПб., 2011. Т. 18. С. 377–381.
- Гаврилова, 2016 — *Гаврилова К. А.* Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области. Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2016.
- Голубовский, 2008 — *Голубовский Д. А.* Семантика поклонов и поцелуев в «Повести временных лет» и Киево-Печерском патерике // *Славяноведение*, 2008. № 5. С. 55.
- Сандомирская, 2001 — *Сандомирская И. И.* Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Вена, 2001.
- Хобсбаум, 2000 — *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1 (8). С. 47–62.

Трофимов Артём Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

artem_trofimov_9@mail.ru

Научный руководитель – И. С. Веселова, канд. филол. наук

НЕВОД: СЕТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: невод, рыбалка, делёж, жеребьёвка, справедливость.

Статья посвящена особенностям отношений в среде поморов, заданным совместным использованием невода. Привлекаются данные фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ 2016 года в сопоставлении с работой Т.А. Бернштам «Поморы». Анализируется концепт «справедливости» как представления о правах участников промысла, отражённого в процессе дележа рыбы и совместном невождении.

Trofimov Artyom

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

SEINE: THE NET OF SOCIAL RELATIONS

Keywords: seine, fishing, sharing, sortition, justice.

The paper deals with the features of the relations among the Pomors determined by the common using of a seine. The data of SPbU folklore-anthropological expedition, 2016, are compared with T.A. Bernshtam's book "The Pomors". The concept of "justice" is analyzed as an idea of the fishing members' rights, reflected in the process of sharing fish and common seine fishing.

Роль невода в среде поморов

Рыбная ловля с использованием невода — один из древних традиционных промыслов поморов. Природные условия Поморья естественным образом приводили местное население к использованию сложных инструментов промысла и сплочению рыбаков в артели. Характер промысла (рыбацкой артелью в определённые сезоны) и «сложносоставный» инструмент (невод) задавали особенный тон отношениям внутри образовавшегося коллектива. «Общинный лов, — пишет Т. А. Бернштам, — естественно обуславливал и общинное владение орудиями лова» [Бернштам, 1978, с. 142], элементы чего, по наблюдениям автора статьи, сохраняются в сельском Помо-

рье и на сегодняшний день. При анализе полевых интервью с практикующими рыбаками, сделанных в деревне Мелогора Архангельской области в 2016 году, была отмечена объединяющая роль невода в отношениях между рыбаками в промысловых практиках.

В плетении невода обычно принимали участие взрослые мужчины из разных семей, объединённые в группу по принципу соседства. В полевых записях совместное создание коллективного невода обозначается глаголом «сшиваться», что первоначально подразумевало принесение каждым членом коллектива своей доли пряжи в процесс скрепления частей в единое приспособление. (Сейчас «сшивание» также возможно при внесении денежной суммы в общее дело).

Такие невода вместе шили — семьи на две, на три. Раньше сшивались то с соседями на два или три дома и неводили [DTxt16_Arch-Mez_16-07-21_BaranovLF].

Они там, к примеру, четыре хозяина, — он вложились все. Кто-то, может быть, когда купили где-то, все сшили вот по паям... [DTxt16-023_Arch-Mez_16-07-18_SidorovIN].

Индивидуальное пользование неводом, в связи с его громоздкостью и внушительными размерами, не представлялось возможным. На сегодняшний день невожение практикуется редко, поскольку старинное приспособление в большинстве своём заменили дешёвые и доступные сети. Как отмечает Бернштам, «Мы можем считать исходно общинной ту снасть, которая разверстывалась по душам (хотя в конце XIX — начале XX вв. члены общины вносили неравные доли в силу имущественной дифференциации)» [Бернштам, 1978, с. 142]. Подтверждение словам учёного мы находим и в словах информантов:

Четыре хозяина там и у них совместный невод. Ну, он стоял, соответственно, у кого-то у одного там, кто считался командиром всё равно; он скажет: «Всё, поехали!» там и всех соберёт и поехали, и поехали — хозяин-то ведь всё равно, кто-то руководитель-то должен был быть.<...>

<Вот этого руководителя — его как, выбирали, получается?>

Ну, дак уж, наверно, сами там скажут: «Давай ты тут чё-то это, будешь тут постарше, может быть, просто, другие помоложе будут» — так вот [DTxt16-023_Arch-Mez_16-07-24_SidorovIN].

Очевидно, информанты не считают существенным, кто берёт на себя функцию руководителя: главное — совместное изготовление инструмента и пользование им. Насколько тесно переплетаются от-

ношения внутри самого коллектива с изготовлением невода, демонстрирует следующий пример:

<А было такое, что вот, допустим, там, рыбачат, рыбачат несколько семей, а кого-то там, за лень, допустим, какую-то, изгоняют?>

Не-не-не. Если за лень, дак вместе это, вот у него часть отрезали <...> — иди!

<В смысле часть невода отрезали?>

Да, а как? <...> Раз поругаются, два поругаются — и давай расширяться [DTxt16-018_Arch-Mez_16-07-20_SidorovMA].

Несколько иные данные приводит Бернштам: «Интересно, что здорового, т.е. неуживчивого, сварливого товарища, не желавшего вшиваться в общую снасть, община выделяла на отдельные тони, т.е. исключала из артели и в конечном счёте — из общины» [Бернштам, 1978, с.142]. На основании приведённого примера и данных учёного можно говорить о том, что целостность невода в сознании рыбаков символизировали целостность группы людей, вложивших свои силы в дело создания этого приспособления. За нарушением одним из участников поведенческой конвенции коллектива следовало как удаление его самого из группы, так и символическое его отделение — с отщеплением от общего «тела» доли, некогда внесённой в его построение «здоровым» товарищем.

Делёж рыбы

Делёж полученного улова во всей полноте демонстрируют особенности отношений в рыбацком коллективе.

Там придут домой, на повети там примерно рыбу высыплют <...> Если такую рыбу, мелкую, так чашками прямо; чашку возьмут — и это, такие вот. Четыре пая <...>; раз чашку — тебе зачерпнёт, чашку... Это мелкую рыбу такую, это так. Крупную рыбу — там раскладывают примерно так, приблизительно: вот щука такая — тебе, примерно такая же — тоже тебе, эти две поменьше — мне две. Ну, чтобы так, равномерно маленько так это [DTxt16-023_Arch-Mez_16-07-24_SidorovIN].

Очевиден выдвигаемый на первый план принцип равноправия всех участников рыболовного процесса, представление о том, что каждый достоин одинаковой с другими доли общей добычи. Уравнивание всех делящих улов сопровождается разнообразными приёмами, цель которых — устранение всякой возможности неравного распределения доли между рыбаками. В частности, известны случаи считалок, особой методики разрезания рыбы: в зависимости от вку-

совой ценности разных её частей [DTxt16-021_Arch-Mez_16-07-22_DeriaginPI].

Отдельный интерес представляет вид жеребьёвки, называемый кУканьем (кукать — ‘звать, кликать’) [Подвысоцкий, 2012, с. 77]:

Иди — говорит — отворачивайся, тебя будут спрашивать, чтоб называл. Это называлось кУкать.

<Как? Кукать?>

Кукать, да. Человек не видит, а другие показывают: «Чей пай?» — «Так, — говорит, — такого-то пай». <нрзб. > Бывало такое, кукали. Главное — чтоб всё по-честному было [DTxt16-018_Arch-Mez_16-07-20_SidorovMA].

Здесь преломляется представление о решающей роли жребия как универсального распределителя блага. Справедливость жребия никем в коллективе не оспаривалась. В прошлом, по данным Бернштам, жеребьёвка распространялась в Поморье и на другие блага: «Передел осуществлялся по жребию <...> Участники тянули либо таблички с названиями или номерами тоней, либо домохозяева — представители родственного или соседского коллектива — бросали свои клейма (знаки) в мешок или рукавицу; под каждым клеймом значилась определенная тоня» [Бернштам, 1978, с. 140]. Однако на равноправное распределение добычи в разных случаях накладывали ограничения обстоятельства лова. Так, по сообщению одного из информантов, дополнительная доля давалась участникам, предоставившим личное судно для общего дела:

<...как после этого рыбу делят?>

По паям. Какой пай. Например, вот невод, одна четвертая твоя. Там лодка, лодка кому-то одному принадлежала, дак вот на лодку пай. И на четверть пай. Чья лодка, дак тот больше получал. Улов больше делился. Сначала, как это, на четыре части и все равно еще пятый клался.

<То есть, если четыре человека рыбачили, всё равно на пять делился?>

Да, пять паёв получалось: на лодку пай и вот на четвертинку пай [DTxt16-018_Arch-Mez_16-07-20_SidorovMA].

Эта особенность дележа, как видится, восходит к бытовавшему в Поморье на рубеже XIX–XX вв. аналогичному правилу поведения артельных покрутчиков: «При самом распространенном способе найма все члены артели находились в одинаковых имущественных отношениях с хозяином — владельцем промысловой избы, судна, орудий лова, промысловой одежды и пищи. Все покрутчики в этом случае получали по равному паю без различия их роли в промысле,

ловкости, силы и возраста. Такой же пай выделялся и лодке, т. е. её владельцу, как арендная плата» [Бернштам, 1978, с. 152]. Стоит также обратить внимание на любопытный рассказ одного из информантов о совместной рыбалке разновозрастных мужчин и женщин:

Была, значит, мать с этим, с дочерью, а у нас было, значит, мужчина (вернее, отец мой) и я — нас двое и их двое. Но им дали меньше, потому что главный-то был закопёрщик мужчина: он выудивал, он обмётывал — и поэтому здесь, короче говоря, по паям на больше досталось, вот. <...> Разделили весь улов на пять частей, три части нам, а две части им. А было тут ещё, когда мы неводили, это мелкую рыбу неводили, а нам, значит, тут ещё прыгнула сёмга — и мы сразу две поймали сёмги, больших. Тут уж он по своему усмотрению делил, резал кусками; «так, — говорит, — вот им столько-то...» [Dtxt16-021_Arch-Mez_16-07-22_DeriaginPI].

Это не единственный из зафиксированных случаев участия женщины в невожении и процессе дележа улова [DTxt08-005_Arch-Mez_08-07-15_BazarevaNM_BazarevVM; ФАПЦ, Dtxt-010_Arch-Mez_08-07-19_BobylevaMV; DTxt08-003_Arch-Mez_08-07-10_DjachkovaPJ_ShubinaK]. Очевидно, не следовало бы назвать практику деревенского невожения сугубо «мужским» занятием, а пространство тоней «мужским пространством» [Гладарев, 2007, с. 235], так как, в отличие от городской рыболовной практики, «мужской эскапизм» не является его самоцелью.

Выводы

Анализируя вышеописанное, приходим к выводу, что равноценность паёв каждого участника лова выражала не столько юридическую справедливость, как в случае описываемой Бернштам формой найма в артели, сколько стремление сохранить социальный баланс в локальной среде. Прибегая к терминологии П. Бурдье, охарактеризуем представление рыбаков о равенстве как габитус справедливости [Бурдье, 1998, с. 45]. Действительно, понятие справедливости как «принципа практик» обуславливает и организацию рыболовного процесса, и делёж добычи его участниками. Сложившаяся модель мышления детерминирована, в первую очередь, особенностями социальной среды рыбацкого коллектива в малонаселённой деревне.

Объяснить принципы, организующие рыбную ловлю, и правила поведения участников лова (отбор напарников, избрание формального руководителя и места хранения невода), сами информанты не

в состоянии. Их знание завязано исключительно на практике и не существует само по себе, вне её, и невозможно описать универсальные правила поведения рыбака в той или иной ситуации. Правила поведения здесь, как показывают интервью, сугубо контекстуальны. (Сравним подобное поведение с явлением, названным Дж. Скоттом «метисом») [Скотт, 2011, с. 496]. Можно сказать, что во взаимоотношениях внутри данного коллектива габитус влечёт за собой такие возможности реализации принципа справедливости, как жребий, считалки, разрезание рыбы и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам, 1978 — *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- Бурдые, 1998 — *Бурдые П.* Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I. 1998. № 2. С. 44–59.
- Гладарев, 2007 — *Гладарев Б. С.* В поисках «мужских» пространств: рыбалка // Мужской сборник. № 3. Мужчина в экстремальной ситуации. М., 2007. С. 233–243.
- Подвысоцкий, 1885 — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия: в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Скотт, 2011 — *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М., 2011.
- ФАПЦ — Фольклорный архив АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры».

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Кондюрин Иван Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

ivan.kondyurin@gmail.com

Научный руководитель – А. В. Добров, канд. филол. наук

РАЗРЕШЕНИЕ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ В ОДНОРОДНЫХ ИМЕННЫХ ГРУППАХ СРЕДСТВАМИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Ключевые слова: синтаксическая неоднозначность, онтологическая семантика, семантические связи, однородные именные группы, язык СМИ.

Статья посвящена снятию специфических типов синтаксической неоднозначности, порождаемых однородными именными группами, которые неверно интерпретируются существующими алгоритмами. Предложены способы создания правил на основе онтологической семантики, проанализирована проблема неразрешимой неоднозначности и проведена модификация существующей онтологии для увеличения точности разбора.

Kondyurin Ivan

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

SYNTACTIC DISAMBIGUATION IN HOMOGENEOUS NOUN PHRASES USING ONTOLOGICAL SEMANTICS

Keywords: syntactic disambiguation, ontological semantics, semantic links, homogeneous noun phrases, mass media language.

The article is concerned with the disambiguation of specific consistently ill-interpreted ambiguous constructions in homogeneous noun phrases by the means of ontological semantics. These constructions have been analyzed; certain ontology-based disambiguation rules have been proposed; the ontology has also been modified in order to improve the precision of the syntactic analysis. The paper also reviews the problem of insoluble ambiguity and suggests probabilistic criteria.

Введение

При анализе синтаксических структур одной из главных проблем является снятие неоднозначности. Поскольку число вариантов синтаксического разбора каждого неоднозначного фрагмента при анализе умножается на общее число вариантов разбора предложе-

ния, многократная омонимия в рамках одного предложения нередко приводит к комбинаторным взрывам. Такая проблема особенно актуальна для предложений с однородными рядами, где в ряде случаев, как будет показано, число способов разбора умножается по крайней мере на количество членов в ряде. Ярким примером такого неоднозначного предложения может служить пример из собранной в ходе исследования коллекции:

Традиционная лекция выдающегося лингвиста, академика, ученого с мировым именем Андрея Анатольевича Зализняка (...) прошла 1 октября 2015 года.

Здесь однородные именные группы создают более 10 возможных трактовок, по одной из которых лекцию прочли лингвист, академик, учёный и *мировое имя Зализняка*. Для правильного понимания этого предложения недостаточно обычных статистических методов или анализа контекста. Выбор версии разбора данного предложения, по-видимому, можно осуществить только на основании знаний о мире — в частности, о том, что «имя» не может читать лекцию (то есть, в данном случае, не может быть связано соответствующим семантическим отношением), а А. А. Зализняк является и лингвистом, и академиком, и учёным.

Снятие синтаксической неоднозначности: семантический подход

В целом методы снятия синтаксической неоднозначности можно разделить на несколько групп: связанные с семантическими ограничениями, синтаксические и статистико-вероятностные методы [Митренина, 2005, с. 86]. На практике наибольшую эффективность показали решения, основанные на сочетании нескольких методов и включающие семантику.

Семантический подход позволяет с высокой точностью разграничить синтаксические функции, основываясь на семантических валентностях лексических единиц. Его главным недостатком на данном этапе является низкая масштабируемость. Решением данной проблемы может стать применение единого источника, содержащего формализованное и структурированное описание значений основных лексических единиц языка. Такими источниками являются электронные тезаурусы и компьютерные онтологии.

Неоднократно предпринимались попытки использования данной семантической сети для снятия неоднозначности. В ряде случа-

ев они оказались успешными, но в целом исследования показали недостаточный прирост точности при добавлении этого метода в существующие системы анализа: отметим работу К. Фрагоса (Fragos) по дополнению алгоритма Леска отношениями из WordNet, в которой использование отношений меронимии только понизило эффективность по сравнению со стандартным алгоритмом на 6% [Fragos et al., 2003, с. 642]. Недостатком WordNet является слишком малое количество конкретных отношений, применимых для АОТ. Они не позволяют отразить все возможные интерпретации семантики: для установки семантических ограничений неприменимы такие абстрактные связи, как «относящийся к чему-л», «связанный с чем-л». Такие отношения позволяют лишь обозначить наличие связи, но не детализировать её.

Онтологии вместо электронных тезаурусов использовались для снятия неоднозначности в основном на небольших предметных областях — как, например, в [Tine et al., 2006, с. 73]. Наиболее общее определение даёт Т. Грубером: «An ontology is a specification of a conceptualization» [Gruber, 1993, с. 200]. Для задач данного исследования онтологию можно определить как формализацию упрощённого представления о некоторой предметной области, включающую концепты (формальные модели понятий) этой области и логические выражения для описания отношений между ними. Концепты обладают атрибутами (свойствами) и связаны между собой отношениями, причём участие в отношении может являться атрибутом, и наоборот, а отношение само по себе является концептом [Nirenburg, Raskin, 2004, с. 28].

Лингвистические онтологии учитывают большее, чем в компьютерных тезаурусах, число отношений для разных значений и оттенков значения слов, но содержат и некоторую лингвистическую информацию (например, сведения о части речи). Поскольку лингвистическая онтология по определению является упрощённой формализованной моделью языковой картины мира, та неоднозначность, которая не может быть устранена в этой модели, в том или ином виде будет присутствовать в действительности.

Неоднозначность однородных именных рядов

Для выполнения исследования использовались программные наработки системы АИРЕ, включающей лингвопроцессор, онтологию, корпус-менеджер для загрузки текстов и разметки корпуса. Система АИРЕ обладают некоторыми ценными особенностями: в ней

присутствует непосредственная связь с лингвопроцессором, интерфейс коллективного редактирования, средства для ускоренного редактирования глагольных концептов (Ontohelper), и большой набор отношений между объектами, а также детализированы концепты верхнего уровня. Подробный алгоритм построения синтаксических структур описан в работе А. В. Доброва [Добров, 2014, с. 156]. В процессе разбора предложения проблемой является не только неоднозначность, но и разрывы — маркеры отсутствия связывания. Их причины — необработанные в онтологии единицы, дефекты описания и дефекты формальной грамматики. Устранение разрывов представляет собой трудоёмкий процесс, требующий модификации не только онтологии, но и лингвопроцессора, поэтому представляется целесообразным сформулировать методы разрешения неоднозначности на материале отдельных примеров из корпуса, для которых был предварительно обеспечен разбор без разрывов.

Исследование синтаксической неоднозначности было проведено на материале модифицированных предложений из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В использованный подкорпус вошли 500 наиболее показательных предложений с возможной неоднозначностью однородных ИГ из текстов, относящихся к категории «публицистические тексты информационного содержания». Выбор однородных рядов связан с тем, что такие конструкции наиболее существенны при анализе насыщенных фактической информацией новостных сообщений.

Однородные члены предложения, связанные сочинительной связью, образуют группу, аналогичную по синтаксическим функциям любому её элементу. В них включаются только лексически сопоставимые члены предложения, не связанные отношением гиперонимии или меронимии (напр. рыба, овощи, морковь) и относиться к разным абстрактным классам (напр. результат, красота, здоровье).

Анализ материала

В собранной коллекции предложения были сгруппированы по типам неоднозначности именных групп (ИГ):

Пояснительные конструкции. Согласно «Русской грамматике» [Шведова, 1980, с. 173], они могут входить в однородный ряд и связываются с поясняемым элементом сочинительной связью. В любом открытом однородном ряду при координации числа присутствует неоднозначность, связанная с невозможностью определить, является ли конструкция сочинительной или поясняющей:

В экспозицию (...) включены этюды, графика и акварель.

Возможный способ снятия неоднозначности с помощью семантики — проверка отношений между ИГ. Исходя из определения, члены сочинительного ряда не могут быть связаны отношением гипонимии и синонимии. Если последующее — гипоним или мероним первого, то речь идёт о включении или уточнении. Если же в ряду присутствуют пространственные или временные понятия одного уровня («леса, поля», «Швеция, Финляндия»), они не могут являться уточнениями.

Отношения, выраженные генитивом

Если однородный ряд стоит в родительном падеже, некоторые ИГ могут как являться членами этого ряда, так и состоять с его элементами в генитивных отношениях. В силу многозначности данного падежа, количество возможных отношений высоко. При этом требуется не только определить структуру зависимостей, но и установить правильный тип отношения. Например:

По словам руководителя центра по борьбе со СПИДом академика Вадима Покровского

В данном случае для слов в родительном падеже потенциально возможны следующие отношения: *центр* (принадлежность) *академика Вадима*, *СПИД* (принадлежность собственнику или материальная принадлежность) *академика Вадима*, *академик* (принадлежность или работа под начальством) *Вадима* и т. д. Однородный ряд может быть приложением имени собственного, и тогда неясно, относится к нему весь ряд или только последний его член:

140 лет со дня рождения художника и графика Леонида Пастернака.

Разрешимыми являются только те случаи, в которых о называемом человеке известно, может ли он обладать указанными характеристиками (то есть связывается ли ИГ в функции приложения как его профессия, занятие и т. д.). К примеру, Леонид Пастернак — российский живописец и график — может обладать обеими характеристиками.

Неоднозначность зачастую остаётся неразрешимой на данном этапе, но число версий можно уменьшить несколькими ограничениями. Во-первых, ИГ, обозначающая имя, может иметь в качестве приложения только одушевлённую ИГ. Во-вторых, для частотных в официальных текстах генитивных конструкций производится

идиоматизация: «*Министерство природных ресурсов и экологии*» — отдельное понятия, и для него неоднозначность возникать не будет. Отдельный сложный вопрос — проблема кавычек. Названия в кавычках могут не быть существительными и в общем случае ничего не сообщают о называемом ими объекте. Для частотных, общеизвестных наименований самое очевидное решение — учёт всех именованных сущностей в онтологии, причём значение названия не должно оформляться как одно из значений исходного слова (значение «*Москва*»-гостиница не должно находиться в том же концепте, что и *Москва-город*).

Зависимые слова

Проблемы однородных рядов почти всегда осложняются зависимыми словами. Они могут относиться как только к первому или только к последнему, так и к каждому слову из однородного ряда. Это фактически означает эллипсис повторяющихся зависимых слов: «смена паспорта и имени» — «смена паспорта и смена имени»:

Большой опыт и прозрачность сделок обеспечивают доверие клиентов и партнеров.

В таких конструкциях чаще всего возникает неразрешимая неоднозначность. Возможность отнесения зависимого слова ко всему ряду можно формально определить: требуется, чтобы оно могло семантически связываться со всеми элементами ряда одним и тем же отношением. Если такое связывание невозможно (*жителей страны и туристов*), зависимое слово однозначно будет относиться только к одному элементу. В иных случаях, однако, нельзя однозначно выбрать одну из версий.

Заключение

Исследование возможностей использования средств онтологической семантики для снятия синтаксической неоднозначности при автоматическом анализе новостных текстов новостных текстов позволило сделать следующие выводы:

1. Существуют случаи, при которых применение онтологии действительно позволяет уменьшить количество версий синтаксического разбора составляющих с однородными ИГ — когда отбрасываемые версии противоречат существующим в онтологии ограничениям.

2. Отсутствие противоречия для какой-либо версии не означает, что именно она является правильной. Если нарушения ограничений нет, остаются возможными все существующие версии.

В дальнейшем планируется задать правила ранжирования вероятности версий на основе сведений из онтологии и исследовать их эффективность выходят за пределы данного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Добров, 2014 — *Добров А. В.* Автоматическая рубрикация новостных сообщений средствами синтаксической семантики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21. СПб., 2014.
- Митренина, 2005 — *Митренина О. В.* Проблемы неоднозначности синтаксического анализа: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21. СПб., 2005.
- Шведова, 1980 — *Русская грамматика*. Т. 2: Синтаксис / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.
- Fragos et al., 2003 — *Fragos K., Maistros Y., Skourlas C.* Word sense disambiguation using WordNet relations // First Balkan Conference in Informatics. Thessaloniki, 2003.
- Gruber, 1993 — *Gruber. T. R.* A translation approach to portable ontologies // Knowledge Acquisition, 1993, 5(2): 199–220.
- Nirenburg, Raskin, 2004 — *Nirenburg S., Raskin V.* Ontological Semantics — Cambridge, Mass: MIT Press, 2004.
- Tine et al., 2006 — *Tine L., Terney, Vestskov T.* An Ontology-Based Approach to Disambiguation of Semantic Relations // Association for Computational Linguistics, 2006.

Крюкова Анна Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

krukova.ann@gmail.com

Научный руководитель – О.А. Митрофанова, канд. филол. наук

СТРОКОВЫЕ МЕТОДЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ ТЕКСТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: семантическая близость, DKPro Similarity, компьютерная лингвистика.

В работе рассматривается задача оценки семантической близости текстов на русском языке с использованием компьютерной платформы DKPro Similarity. В ходе исследования были проведены эксперименты с лексическими языконезависимыми метриками близости текстов. Результаты исследования подтверждают, что платформа DKPro Similarity пригодна для оценки семантической близости русскоязычных текстов.

Kriukova Anna

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

STRING MEASURES FOR COMPUTING SEMANTIC SIMILARITY OF TEXTS IN RUSSIAN

Keywords: semantic similarity, DKPro Similarity, computational linguistics.

The article is focused on the task of identifying the degree of semantic similarity of texts in Russian with the aid of DKPro Similarity, an open source framework for text similarity. In the course of the research experiments with string similarity measures were carried out. Results show that DKPro Similarity is applicable to computing semantic similarity of texts in Russian.

Введение

Для компьютерной лингвистики одним из важных методов, на результаты которого опирается широкий класс прикладных задач, является определение семантической близости текстов. В частности, эти данные могут использоваться при автоматической классификации и реферировании текстов, разрешении лексической неоднозначности, перефразировании и т. д. Данное направление сейчас активно разрабатывается, однако, в основном для английского языка.

Вследствие этого в нашем исследовании мы фокусируемся на оценке смысловой близости текстов именно на русском языке и решаем эту задачу с помощью компьютерного инструмента DKPro Similarity [Bär, Zesch, Gurevych, 2013].

DKPro Similarity

Открытая и свободно распространяемая компьютерная платформа DKPro Similarity была разработана в Дармштадском Технологическом Университете (TU Darmstadt) как дополнение DKPro Core, инструмента для обработки текстов на естественном языке. В DKPro Similarity реализованы различные классы метрик близости текстов — от структурных и лексических до стилистических и даже фонетических. В данной работе используются лексические метрики (string measures), которые наименее зависят от языка входных текстов.

Используемые метрики

DKPro Similarity предоставляет реализацию более 15 строковых метрик близости, полный список которых можно найти на странице проекта на ресурсе github.com. В нашем исследовании используются семь из них, на которые авторы наиболее часто ссылаются в релевантных статьях (ср. [Mihalcea et al., 2006], [Bär et al., 2012], [Šarić et al., 2012], [Bär, Zesch, Gurevych, 2015]). Ниже приведены основные принципы их работы, более подробную информацию можно найти в литературе, приведенной выше, а также в описании метрик.

- Word N-Gram Containment Measure выражается формулой $C_n(A,B) = \frac{|Q(A,n) \cap Q(B,n)|}{|Q(A,n)|}$, где $Q(A,n)$ и $Q(B,n)$ — это количество n -грамм в текстах A и B (см. [Broder, 1997]);
- Word N-Gram Jaccard Measure вычисляет для двух текстов коэффициент Жаккара [Lyon, Barrett, Malcolm, 2004]: $J_n(A,B) = \frac{|Q(A,n) \cap Q(B,n)|}{|Q(A,n) \cup Q(B,n)|}$. Для метрик, использующих n -граммы, параметр n берется равным двум.
- Longest Common Subsequence Comparator находит наибольшую общую подпоследовательность с помощью определения максимального количества операций удаления или вставки символов, затем значение нормализуется [Clough, Stevenson, 2011].
- Greedy String Tiling разбивает два документа на одинаковые в них обоих не пересекающиеся друг с другом цепочки (tiles)

таким образом, чтобы ими покрывалось максимальное число символов в текстах [Wise, 1996].

- Longest Common Substring Comparator определяет наибольшую общую подстроку, опираясь на общее для текстов дерево суффиксов.
- Cosine Similarity вычисляет косинус между векторами, представляющими тексты [Manning et al., 2008].
- Levenshtein Comparator находит наименьшее число операций (вставка / удаление / замена символа), которые бы понадобились для превращения одного текста в другой [Manning et al., 2008].

Важно отметить, что все описанные метрики, кроме расстояния Левенштейна, принимают значения в промежутке $[0,1]$, а значения Word N-Gram Containment Measure и Greedy String Tiling обуславливаются порядком, в котором тексты им передаются (поэтому для них вычисляются оба значения).

Материалы исследования

Материалами исследования выступали следующие тексты:

- аннотации статей по корпусной лингвистике из корпуса, предоставленного кафедрой математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета;
- переводы романа В. Набокова «Пнин» с английского языка на русский тремя переводчиками (Б. М. Носик, С. Б. Ильин, Г. А. Барбало);
- заголовки новостных статей из корпуса парафразов проекта «Paraphraser.ru» (каждой паре предложений, которые входят в состав этого корпуса, поставлена оценка «1», «0» или «-1» согласно тому, насколько они близки по смыслу);
- новостные сообщения из разделов «life» и «news» новостного корпуса, предоставленного кафедрой математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета.

На этапе преобработки тексты были лемматизированы (с помощью Python библиотеки «PyMorphy2» [Korobov, 2015]), затем из них были удалены знаки препинания и стоп-слова. Из каждой группы случайным образом мы выбрали несколько текстов для последующей работы.

Машинное обучение

На данной стадии исследования мы рассчитали девять значений близости для всех пар документов: между собой сравнивались тексты как из одной группы, так и из разных. Следующим этапом являлась оценка полученных значений, для чего было решено использовать машинное обучение, а именно автоматическую классификацию текстов. Этот шаг разделился на следующие подзадачи:

- отделение каждого класса от остальных (то есть определение того, относятся ли два сравниваемых текста к одной группе используемых текстов или к разным);
- только для корпуса парафраз: отделение друг от друга классов предложений, относящихся отдельно к группам «1», «0», «-1»;
- только для новостного корпуса: отделение текстов, относящихся к подкорпусу «life» от относящихся к подкорпусу «news».

В экспериментах использовалось несколько линейных моделей, различия между которыми для задачи, которую решает данное исследование, не являются важными, а их общий принцип заключается в том, что модели присваивают каждому признаку (показателям близости двух текстов) некий коэффициент, и, в зависимости от значения суммы этих признаков, каждый объект (т. е. пару текстов) модель распределяет в один или другой класс. Соответственно, для каждого набора данных мы отбирали модель, результаты которой были наивысшими (оценка осуществлялась с помощью F-меры).

Результаты

Классификаторы, которые в наших экспериментах обучались на значениях лексических метрик близости, то есть достаточно простых признаках, показывают, тем не менее, неплохие результаты. Так, для нескольких наборов данных значение F-меры даже было равно единице, а именно, для тех, в которых модели различали, относятся ли к одной группе: а) соответствующие друг другу отрывки из трех переводов романа «Пнин», б) предложения из корпуса парафраз, которым поставлена оценка «1» и ли «0», и в) аннотации. Самое низкое значение, равное «0,63», оказалось у датасета, в котором классификатор отделяет от всех остальных документов сообщения из сегмента «life» новостного корпуса. Это связано с тем, что тексты в нем посвящены заметкам о небольших и незначительных событиях, а не серьезным новостям, как в подкорпусе «news», кроме

того, эти тексты касаются совершенно разных тем и при этом не используют схожие лексические конструкции. По этой причине лексические метрики для данного датасета не могут позволить классификаторам произвести четкое разделение. У остальных наборов данных значение F-меры примерно одинаково и равно «0,86», что также является достаточно высоким показателем. Ограниченность объема данной статьи не позволяет привести здесь более подробное рассмотрение результатов исследования, однако даже приведенные сведения позволяют говорить о том, что значения лексических метрик близости являются хорошими признаками для линейных моделей при решении задачи классификации текстов.

Выводы

В данной работе мы представили инструмент DKPro Similarity, который предоставляет возможность оценивать семантическую близость текстов на русском языке. В ходе экспериментов были рассмотрены лексические языконезависимые метрики, однако эта платформа позволяет реализовать для русского языка и некоторые более сложные метрики, опирающиеся на внешние источники знаний, и мы намерены посвятить этому дальнейшую работу.

ЛИТЕРАТУРА

- Bär et al., 2012 — *Bär D. et al. UKP: Computing Semantic Textual Similarity by Combining Multiple Content Similarity Measures // SemEval '12 Proceedings of the First Joint Conference on Lexical and Computational Semantics. Vol. 1: Proceedings of the main conference and the shared task, and Vol. 2: Proceedings of the Sixth International Workshop on Semantic Evaluation (2012). P. 435–440.*
- Bär, Zesch, Gurevych, 2013 — *Bär D., Zesch T., Gurevych I. DKPro Similarity: An Open Source Framework for Text Similarity // Proceedings of the 51st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations (2013). P. 121–126.*
- Bär, Zesch, Gurevych, 2015 — *Bär D., Zesch T., Gurevych I. Composing Measures for Computing Text Similarity [Technical Report] (2015). URL: <http://tuprints.ulb.tu-darmstadt.de/4342/1/TUD-CS-2015-0017.pdf> (дата обращения: 15.04.17).*
- Broder, 1997 — *Broder A.Z. On the resemblance and containment of documents // Proceedings of the Compression and Complexity of Sequences (1997). P. 21–29.*
- Clough, Stevenson, 2011 — *Clough P., Stevenson M. Special Issue on Plagiarism and Authorship Analysis // Language Resources and Evaluation. Vol. 45(1) (2011). P. 5–24.*
- Korobov, 2015 — *Korobov M. Morphological Analyzer and Generator for Russian*

- and Ukrainian Languages // Analysis of Images, Social Networks and Texts (2015). P.320–332.
- Lyon, Barrett, Malcolm, 2004 — *Lyon C., Barrett R., Malcolm J.* A theoretical basis to the automated detection of copying // Plagiarism: Prevention, Practice and Policies Conference (2004).
- Manning et al., 2008 — *Manning C.D.* et al. Introduction to Information Retrieval // Cambridge University Press, 2008.
- Mihalcea et al., 2006 — *Mihalcea R.* et al. Corpus-based and Knowledge-based Measures of Text Semantic Similarity // Proceedings of the 21st national conference on Artificial intelligence. Vol. 1 (2006). P.775–780.
- Šarić et al., 2012 — *Šarić F.* et al. TakeLab: Systems for Measuring Semantic Text Similarity // SemEval '12 Proceedings of the First Joint Conference on Lexical and Computational Semantics. Vol. 1: Proceedings of the main conference and the shared task, and Vol. 2: Proceedings of the Sixth International Workshop on Semantic Evaluation (2012). P.441–448.
- Wise, 1996 — *Wise M.J.* Yap3: Improved detection of similarities in computer programs and other texts // Proceedings of SIGCSE '96 (1996). P.130–134.

Федюкова Екатерина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

katefedyukova@gmail.com

Научный руководитель – А. В. Добров, канд. филол. наук

КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАММАТИКА НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ И ЗАВИСИМОСТЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С НЕОДНОЗНАЧНЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМИ ДЕТЕРМИНАНТАМИ

Ключевые слова: синтаксическая неоднозначность, грамматика непосредственных составляющих, грамматика зависимостей, обстоятельственный детерминант.

Статья посвящена исследованию автоматического синтаксического разбора предложений с неоднозначными конструкциями на русском языке, а также созданию грамматики на платформе NLTK. Описано имеющееся программное обеспечение, алгоритм работы, и проведен анализ проблем и дальнейших перспектив.

Fedyukova Ekaterina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

IMMEDIATE CONSTITUENT AND DEPENDENCY COMPUTATIONAL GRAMMAR FOR THE ANALYSIS OF SENTENCES WITH AMBIGUOUS ADVERBIAL DETERMINANTS

Keywords: syntactic ambiguity, immediate constituent grammar, dependency grammar, adverbial determinant.

The article addresses the study of an automatic syntactic analysis of sentences with ambiguous constructions in Russian, as well as the creation of a grammar on the NLTK platform. The available software and the algorithm of work are described, and an analysis of problems and further prospects is proposed as well.

Введение

В статье пойдет речь о синтаксическом разборе неоднозначных предложений с обстоятельственными детерминантами.

Метод объединения грамматик зависимостей и непосредственных составляющих решает проблему синтаксической неоднознач-

ности относительно тех предложений, неоднозначность в которых не различают упомянутые методы, примененные независимо.

Были исследованы подходы к объединению грамматик зависимостей и непосредственных составляющих, а также произведена попытка объединения, для чего был создан корпус предложений с подходящими неоднозначными конструкциями. Для объединения была выбран формат грамматики, используемый в проекте AIIRE (Artificial Intelligence Information Retrieval Engine).

Детерминанты и обстоятельственные детерминанты

Для работы были выбраны предложения с неоднозначностью типа «обстоятельный детерминант — обстоятельство. Выбор обусловлен тем, что для работы требовался такой тип неоднозначности, который не был бы отражен при разборе методами непосредственных составляющих и зависимостей по отдельности.

Согласно Н. Ю. Шведовой, «детерминант — это такой член предложения, который распространяет предложение в целом и формально не связан ни с каким определённым членом предложения» [Шведова, 1970, с. 624]. Он может присоединяться как к распространённому предложению, так и к нераспространённому.

Некоторые примеры предложений с обстоятельными детерминантами: *Со стороны сада раздаются голоса. Начиная с субботы на стройку доставляются горячие обеды. Из-за отсутствия помещения не было возможности работать.* [Шведова, 1970, с. 625].

Синтаксическая неоднозначность

Синтаксическая неоднозначность (синтаксическая омонимия) — это ситуация, в которой можно построить более одного варианта синтаксической структуры на основании одной и той же последовательности минимальных единиц.

Согласно А. В. Гладкому, можно выделить следующие виды синтаксической неоднозначности:

- 1) разметочная — омонимия субъектной и объектной связей: *он платил за конферансье,*
- 2) стрелочная — множества синтаксических групп совпадают, но отношения подчинения различны: *он боялся с самого начала рассердить учителя,*
- 3) конституентная омонимия — множества синтаксических групп не совпадают: *я вижу только два дерева* [Гладкий, 1985, с. 111]

Различные типы неоднозначности могут комбинироваться между собой. Для обстоятельственных детерминантов характерная конституентная омонимия, соответственно, именно она актуальна для данной работы.

Структура непосредственных составляющих

Модель (система, структура) непосредственных составляющих была предложена лингвистом Л. Блумфилдом. Эта идея получила развитие в работах З. Харриса, Р. Уэллса, а позднее — у Н. Хомского.

В модели составляющих предложение (S) рассматривается как линейно упорядоченная цепочка минимальных единиц, в качестве которых могут выступать морфы, словоформы или даже единицы большие, чем одна словоформа [Буторов, с. 144].

В отличие от грамматики зависимостей, НС-грамматика в том виде, в котором она существует начиная с работ Хомского, не только отражает строение предложения, но и объясняет способ его порождения (деривацию). Грамматика задает список правил (правил переписывания), позволяющих преобразовывать вышеупомянутые абстракции (Предложение, Именная группа и т.д.) в более мелкие элементы (Именную группу можно преобразовать в два существительных).

Грамматики зависимостей

Основоположником метода грамматик зависимостей (ГЗ) считается французский лингвист Л. Теньер (1893–1954). Особенностью ГЗ является тот факт, что связь между словоформами в ней подчинительная (однаправленная). Синтаксические связи устанавливаются между словами отношение зависимости — одно из двух слов является главным, а другое — зависимым. Например, в словосочетании *большое красное яблоко* есть две связи: *яблоко* (какое?) *большое* и *яблоко* (какое?) *красное*, в обоих случаях *яблоко* — главное слово.

Согласно Я. Г. Тестельцу, «С помощью зависимостей легко анализируются непроективные структуры, а для того, чтобы отразить их в структурах составляющих, требуется усложнить формальный аппарат, например, введя два разных уровня представления предложения и особый грамматический компонент, устанавливающий соответствие между уровнями» [Тестелец, 2001, с. 146].

Объединение грамматик непосредственных составляющих и зависимостей

На материале русского языка самым подробным изложением такого подхода является теория синтаксических групп (ТСГ) Гладкого (см. [Гладкий, 1985, с. 34]). В рамках ТСГ, предложение — совокупность составляющих, связанных отношениями зависимости. Данная теория допускает установление зависимости не между отдельными словоформами, а между их совокупностями.

Для того, чтобы доказать наличие связей между составляющими, совокупность которых образует предложение, можно привести пример. У предложения *Из-за отсутствия помещения не было возможности работать* можно выделить два значения:

- 1) не было помещения, соответственно, работать было нельзя,
- 2) работать было невозможно только из-за отсутствия помещения, все остальные факторы этому не мешали.

В первом случае связь устанавливается между детерминантом *из-за отсутствия помещения* и всем предложением, а во втором — между обстоятельством *из-за отсутствия помещения* и глаголом *было*. Случай, когда связь устанавливается между детерминантом и предложением, будет отражен при разборе данного предложения синтаксическим парсером, использующим грамматику непосредственных составляющих. Второй же случай — при помощи парсера, использующего грамматику зависимостей, и связь тогда будет между «было» и «из-за». Очевидно, что при этом парсеры, использующие только какой-то один вид разбора, не отражают неоднозначность примера. И тогда одним из способов отразить неоднозначность при разборе является объединение грамматик.

Важно отметить, что, несмотря на наличие работ об объединении грамматик на английском языке (см, например, [Hays, 1960]), данная стратегия более актуальна для языков с менее жестким порядком слов, таких как арабский (см. [Skatov et al., 2013]), китайский (см. [Xiaona Ren et al., 2013]), русский, о грамматиках для которого говорилось выше, и других.

Сбор материала

При помощи синтаксического подкорпуса НКРЯ был создан корпус предложений с неоднозначными обстоятельственными детерминантами объёмом 250 единиц. Все предложения можно клас-

сифицировать по критериям, которые использовались для поиска в корпусе. Некоторые примеры:

- 1) комбинации «предлог + существительное» в сочетании с «другой предлог + существительное; в данном примере — «на» + существительное + «в» + существительное. *На Съезде народных депутатов СССР в выступлении многих депутатов звучала озабоченность нерешенностью национальных проблем, накопившихся за долгие годы административно-командного правления, тревога за судьбы нашей федерации.*
- 2) Существительное + глагол, обстоятельственная связь. *Кораблями он ввозил в Россию краску индиго, промышлял также селитрой для пороха.*

При создании корпуса в предложениях были исправлены орфографические и пунктуационные ошибки.

Создание грамматики

Была создана НС-грамматика для данного корпуса предложений. Для проверки грамматики был выбран пакет NLTK для языка Python. На этом этапе было важно добиться максимальной полноты вариантов, которые предоставляет грамматика. При создании грамматики было решено допустить, что ветвление может быть только унарным и бинарным.

Синтаксические структуры в системе AIIRE — это размеченные структуры составляющих, причем разметка содержит в себе информацию о зависимостях (синтаксическом подчинении) и линейном порядке единиц.

В грамматике, реализованной в AIIRE, в отличие от NLTK, допускаются непроективные порядки слов, т. е. можно присоединить обстоятельство в начале предложения к глагольной группе, а не к вершине предложения.

Цель исследования подразумевает попытку перевода грамматики из формата NLTK в формат AIIRE, что налагает некоторые условия на НС-грамматику NLTK. Так, необходимо было решить, какая из составляющих в бинарном ветвлении всегда главная, а какая — всегда зависимая. Учитывая то, что, например, для именной группы единственного числа в родительном падеже нельзя решить, зависимая она или главная, было решено ввести условное обозначение для зависимой группы. Другим условием для трансформации грамматики была уникальность терминальных вершин — обозначе-

ния, используемые для терминальных вершин, не могут встречаться где-либо выше в дереве.

Заключение

В результате работы удалось:

- 1) создать корпус неоднозначных предложений на материалах синтаксического подкорпуса, а также основного корпуса НКРЯ,
- 2) создать НС-грамматику в формате NLTK для полученного корпуса,
- 3) предпринять успешную попытку перевести НС-грамматику в формате NLTK в формат AIRE,
- 4) изучить источники на заданную тему.

В дальнейшем планируется успешно завершить перевод грамматики в формат AIRE, рассмотреть возможности интегрирования других лингвистических модулей в программу и практического использования полученной программы.

ЛИТЕРАТУРА

- Буторов, 1996 — *Буторов В.Д.* Моделирование синтаксиса естественного языка. СПб., 1996. С. 142–160.
- Гладкий, 1985 — *Гладкий А.В.* Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М., 1985.
- Тестелец, 2001 — *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Шведова, 1970 — *Шведова Н.Ю.* Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 624–625.
- Hays, 1960 — *Hays D.* Grouping and dependency theories [*Proceedings of the National Symposium on Machine Translation, UCLA February 1960*].
- Skatov et al., 2013 — *Skatov D.* Parsing Russian: a Hybrid Approach / Dan Skatov, Sergey Liverko, Vladimir Okatiev, Dmitry Strebkov // *Proceedings of the 4th Biennial International Workshop on Balto-Slavic Natural Language Processing*, pages 34–42.
- Xiaona et al., 2013 — *Xiaona Ren.* Combine Constituent and Dependency Parsing via Reranking / Xiaona Ren, Xiao Chen, Chunyu Kit // *Proceedings of the Twenty-Third International Joint Conference on Artificial Intelligence, 2013*, pp. 2155–2161.

Плетнева Анастасия Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

adpletneva@perm.ru

Научный руководитель – М.В.Хохлова, канд. филол. наук

ИССЛЕДОВАНИЕ ТОНАЛЬНОСТИ В ЗАДАЧЕ АВТОМАТИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТИПА АВТОРА

Ключевые слова: анализ тональности, корпусы текстов, блоги, язык веба, авторское профилирование.

В статье описывается эксперимент по изучению тональности текстов интернет-блогов стажеров, находящихся на международных волонтерских стажировках. Был составлен корпус текстов блогов, создан частотный список слов и проведено исследование тональности слов и предложений текста, а также эмодиконов и других средств выражения эмоциональной оценки авторов по отношению к стажировкам.

Pletneva Anastasiia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

THE STUDY OF SENTIMENTS APPLIED TO THE AUTOMATIC DETECTION OF AN AUTHOR'S TYPE

Keywords: sentiment analysis, text corpora, blogs, web language, author profiling.

The paper describes an experiment on studying the sentiments of the weblogs written by the volunteer interns. A corpus of texts has been compiled and a frequency list of lexemes has been created. The paper also provides an analysis of the sentiment of words and sentences as well as emoticons and other means of an expressive attitude presented in the texts.

В настоящее время все больше людей используют социальные сети для выражения своего мнения и своих эмоций для написания текстов, называемых блогами. При этом возникает такое удивительное явление, как язык Интернета, который обнаруживает характеристики разговорного языка и новые явления, которые отсутствовали ранее при письменном общении: хэштеги, смайлики, ненормативная пунктуация и др.

Отмечается воздействие компьютеров и глобальной сети на русский язык с двух сторон: во-первых, происходит одновременное усложнение одних и упрощение других средств сравнительно с аналогичными в русском языке, не подвергшимися воздействию глобальной сети, а во-вторых, видна конкуренция норм письменного и устного языков. В целом же, можно констатировать тот факт, что язык Интернета пока остается недостаточно изученным в современной лингвистике из-за своего активного развития.

В качестве материала для исследования были рассмотрены тексты блогов стажеров, которые участвовали в программах международных обменов от организации AIESEC. Стажеры выбирали волонтерскую программу, которая длилась 6–8 недель, по одному из семнадцати направлений, соответствующих целям устойчивого развития ООН. Авторы, которые вели записи о волонтерских стажировках, в большинстве своем являлись студентами 2–3 курсов бакалавриата, возраст составлял от 19 до 23 лет, обычно у них отсутствовал профессиональный опыт. Цель исследования состоит в изучении и сравнении тональности текстов интернет-блогов, что может быть востребовано при автоматической обработке блогов и определении типа автора, написавшего блог.

Анализ тональности (или сентимент-анализ) связан с эмоциональной окраской текста. Он подразумевает выявление отношения автора к определенной теме или предмету. Автоматическое определение тональности текста подразумевает под собой определение определенных фрагментов текста, несущих в себе позитивную или негативную оценку по отношению к какому-либо объекту. При этом одной из главных задач при обработке и анализе естественного языка сегодня является определение и верификация авторства текстов.

Авторство основывается на классификации текстов на основе лингвистических характеристик авторов. Кроме самого определения авторства, при котором учитывается стиль авторов, изучается социальный аспект, т. е. то, как используется язык. Это помогает при идентификации аспектов профилирования, таких как возраст, пол или образование. В данный момент фокус в задаче авторского профилирования все больше смещается на анализ блогов пользователей социальных сетей, использующих язык Интернета, и на определение того, как он отражает личностные характеристики человека. Однако все чаще информация, которую определенный человек указывает о себе, оказывается неверной, например, пол или возраст. Именно поэтому очень важно описать демографический и психологический портрет пользователя на основе их текстов.

Не существует единого мнения, какой же набор характеристик с наибольшей точностью указывает на авторство. Что касается английского языка, в работах применялись различные критерии. Например, некоторые исследователи [Korpeř, Argamon, Shimonі, 2003, p. 401–412] связывали использование языка с такой демографической характеристикой как пол человека. Изучалось также влияние возраста и гендерной принадлежности на стиль текстов блогов [Schler et al., 2006, p. 199–205.]. Ученые доказали, что языковые особенности авторов блогов коррелируют с возрастом, что отражается, например, в использовании предлогов и детерминантов.

Для русского языка задача автоматического определения типа автора остается актуальной, так как было проведено немного исследований, направленных на авторское профилирование русскоязычных текстов. На материале русского языка впервые были использованы методы распознавания образов в задаче атрибуции анонимных текстов с учетом индивидуальных особенностей авторов [Марусенко, 1990, с. 164]. Данный способ авторского профилирования дал высокие результаты при обработке историко-литературных текстов [Синелева, 2001, с. 22]. В большинстве случаев метод позволяет четко классифицировать тексты в зависимости от стилистических характеристик произведений.

Наше исследование посвящено анализу корпусов текстов блогов волонтерских стажировок. Был создан корпус, который состоит из 61 текста различных авторов общим объемом около 370#000 словоупотреблений. Тексты были написаны авторами, которые в 2014–2017 годах побывали на волонтерских стажировках в 12 разных странах. Таким образом, задачами текущего исследования являются:

1. Построение частотного списка слов волонтерских стажировок.
2. Сравнение частотного списка слов по волонтерским стажировкам по эмоциональной окраске с тональным словарем краудсорсингового веб-ресурса Linis Crowd.
3. Определение тональности отдельных предложений с помощью программы SentiStrength.
4. Исследование эмотиконов и других средств выражения экспрессивности.

Результаты сравнения частотного списка слов с тональным словарем Linis Crowd показывают, что слов с позитивной окраской наибольшее количество (59%), что согласуется с первоначальной гипотезой об их превалировании в текстах. Слов с маргинальными оцен-

Количество смайликов в текстах невелико (всего 5.5%), тогда как при первичной обработке данных нами было высказано предположение, что именно они играют большую роль при передаче различных эмоций в тексте. В примере ниже смайлики заменены специальными тэгами:

[ЕМОJI] [ЕМОJI]Откуда такая возможность[ЕМОJI] [ЕМОJI]

Оставшиеся средства выражения эмоций — удлинения слов, пунктуация, использование иностранных слов и слов, написанных верхним регистром, — было решено рассматривать вместе.

Наибольший процент здесь занимает использование ненормативной пунктуации (15%). Стоит отметить, что при этом внутренняя организация предложения и, соответственно, пунктуация внутри него не нарушается, несмотря на ненормативность в конце предложений:

И тут такая новость в группе #aiesec_msc (скриншот прикрепляю), от которой все мысли сбежались в кучу.....ГОА!!!!.....МЕРОПРИЯТИЕ!!!! .....МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ!!!!.....ТАНЦЫ!!!!....это же правда #стажировкамечты !!!!

Далее идет использование иностранных слов (12%), которые могут использоваться как частично в структуре предложения (заменять определенные русские слова и выражения), так и все предложение может быть написано на иностранном языке. Данное явление объясняется либо написанием целых кусков текста на не русском (чаще всего, английском) языке, либо языковыми лакунами в русском языке, вследствие чего авторы используют иностранные слова для их покрытия:

Вчера мы были на Средиземном море! Finally!

Верхний регистр и удлинения слов также нельзя причислить к наиболее используемым средствам выражения эмоций в тексте — их всего 2 и 5% соответственно:

В начале нам предстояло подняться на гору, затем спуститься с нее к пляжу, это было оооооооочень ОЧЕНЬ тяжело!

Таким образом, были выявлено, что тональность, передающаяся различными средствами выражения экспрессивности, в частности смайликами, эмодиконами, эмоционально окрашенными словами, может использоваться при автоматических методах определения типа авторов текстов. Мы планируем продолжить исследование в данном направлении, используя дополненный ряд лингвистиче-

ских характеристик, например, типичные синтаксические структуры словосочетаний и предложений, морфологические и семантические признаки, а также в плане создания отдельных программ для определения авторства с применением описанных признаков.

ЛИТЕРАТУРА

- Марусенко, 1990 — *Марусенко М. А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами распознавания образов. Л., 1990. С. 164.
- Синелева, 2001 — *Синелева А. В.* Атрибуция «Романа с кокаином»: лингвостатистическое исследование. СПб., 2001. С. 22.
- Koppel et al. 2003 — *Koppel M., Argamon S., Shimoni A.* Automatically categorizing written texts by author gender // *Literary and Linguistic Computing*. Vol. 17 (2003). P. 401–412.
- Schler et al., 2006 — *Schler J., Koppel M., Argamon S., Pennebaker J.* Effects of age and gender on blogging // In *AAAI Spring Symposium: Computational Approaches to Analyzing Weblogs*. AAAI, 2006. P. 199–205.

Рец Юлия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

jrets@inbox.ru

Научный руководитель – В.В. Федченко, канд. филол. наук

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА «ТЕВЬЕ-МОЛОЧНИК»)

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, прагматика текста, идиш.

Дискурсивные маркеры обсуждаются с точки зрения их роли в организации художественного текста. Показаны особенности использования дискурсивных маркеров языка идиш с учетом прагматики текста, а также рассмотрены авторские стратегии употребления отдельных групп дискурсивных маркеров.

Rets Julia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

THE ROLE OF DISCOURSE MARKERS IN THE STRUCTURE OF LITERARY TEXT (ON THE EXAMPLE OF «TEVYE THE DAIRYMAN» BY SHOLEM-ALEICHEM)

Keywords: discourse markers, text pragmatics, Yiddish.

The article discusses various discourse markers in terms of their role in the structure of the literary text. It also shows some peculiarities of Yiddish discourse markers from the point of view of text pragmatics and describes a number of authors strategies of usage of the specific types of discourse markers.

Дискурсивные маркеры наряду с прочими стилистическими средствами являются эффективным инструментом воздействия на восприятие и управления фокусом внимания. Считается, что употребление дискурсивных маркеров в большей степени присуще спонтанной, устной речи. Однако в художественных текстах дискурсивные маркеры используются авторами не только при имитации

речевого потока. В статье предлагается на конкретном примере рассмотреть, каким образом дискурсивные маркеры участвуют в организации художественного текста.

Цикл рассказов Шолом-Алейхема (настоящее имя Шалом (Шолем) Рабинович, 1859–1916) «Тевье-молочник» («Tevje der milchiker») написан на идише. Рассказы, объединенные наличием общей фабулы и единым стилем изложения, построены в виде монолога главного героя, Тевье-молочника, который рассказывает историю своей жизни и своей семьи.

Идиш относится к языкам с богатым набором лексических языковых единиц дискурсивного маркирования. Можно выделить несколько групп дискурсивных маркеров (далее — ДМ), которые регулярно употребляются в устной и письменной речи. Лексемы *in* 'и', *ober* 'но, однако', *nor* 'но, только', как правило, обозначают начало новой, либо «модуляцию» уже высказанной ранее мысли; группа частиц, получивших название «модальные частицы» или оттеночные маркеры *nach* 'еще', *dax* 'ведь, же', *šoun* 'уже', *že* 'же', *afile* 'даже' и др., позволяет усиливать, либо снижать иллокутивную силу высказывания; вводные слова и выражения *efšer* 'возможно', *avade* 'конечно', *mistome* 'вероятно', *dakht zikh* 'кажется', *a kitser* 'короче', *der emes gezogt* 'по правде говоря'.

Нужно также отметить, что в идише немаркированный порядок слов в главной клаузе в индикативе — SVO, с фиксированным положением глагола на второй позиции [Jacobs 2005: 203]. ДМ чаще всего появляются либо в инициальной позиции в клаузе, либо сразу после глагола (V1), внутри глагольной рамки. В ряде случаев появление ДМ может вызывать синтаксическую инверсию (т. е. вслед за ДМ следует глагол (V1) и лишь затем актант (S)). Перемещение ДМ в конец клаузы — редкость (Корпус языка идиш (КЯИ) фиксирует подобное употребление лишь в современных текстах). В зависимости от внешней формы (односложные, двусложные слова, словосочетания) и фразового ударения ДМ можно разделить на несколько групп: 1) группа односложных модальных частиц германского происхождения (сходных с немецкими модальными частицами типа *doch*, *schon*), которые легко встраиваются в глагольную рамку и, находясь в безударной позиции, не вызывают инверсии. Такие ДМ выражают, как правило, оттенки эмоционального отношения говорящего к ситуации (по шкале много/мало, соответствие ожиданиям/неожиданность); 2) группа ДМ, которые стремятся к обособлению и могут вызывать инверсию в предложении: *avade* 'конечно', *efšer* 'возможно'; 3) союзы, не вызывающие инверсии, например

in 'и', *nor* 'но, однако', которые оказываясь в инициальной позиции в клаузе позволяют устанавливать логические связи между смысловыми блоками текста: отношения контраста, логического продолжения, усиления и т. д.

«Тевье-Молочник» — своего рода энциклопедия дискурсивных маркеров. Как правило, процент дискурсивных слов, используемых в художественных текстах авторов начала XX века составляет около 3% (от общего количества знаменательных слов). В «Тевье-Молочнике» ДМ составляют порядка 6% на монологических отрезках текста. В кратком предисловии Шолом-Алейхем сообщает: «Рассказано самим Тевье, и записано слово в слово», таким образом, автор с самого начала дает установку на то, что будет воспроизводить устную речь. Он имитирует спонтанную речь, наполненную поговорками, экивоками, отступлениями от темы, создавая художественное пространство, где многие черты гипертрофированы и утрированы. В частности, Шолом-Алейхем подмечает такую особенность устной речи, как обилие «паразитарного» материала — междометий, частиц, самоперебивов, отклонений от темы в виде поговорок, парафразов и прямых цитат из религиозных текстов.

В дискурсивном плане для рассказов характерна сложная организация. Монолог Тевье (который длился бы часами, если бы он проговаривал его вслух) содержит многочисленные вставки, в том числе диалоги, пересказ чужой речи, цитаты из Танаха и т. п. Для того, чтобы вернуть рассказ в нужное русло, автор использует наряду с лексическими средствами специфические формы глагола (причастия) а также дискурсивные маркеры: *bekitser* 'короче', фразему *Ve jihje hajom* 'и был день' (реминисценция к библейскому ивриту). Лексема *bekitser* является наиболее частотным средством маркирования возвращения повествования к оставленной ранее теме после длительного отступления, которое может занимать 1–2 страницы. Создавая столь протяженный монолог, Шолом-Алейхем успешно избегает монотонности, в том числе благодаря обилию ДМ. С точки зрения прагматики текста, ДМ регулируют скорость подачи информации и управляет. Можно сказать, что регулярное использование ДМ на границах смысловых блоков, позволяет использовать их как дополнительное референциальное средство, обеспечивающее когерентность текста.

Дискурсивные маркеры различных типов демонстрируют высокую степень сочетаемости. Так, маркеры-комментаторы, отсылающие к авторитетному мнению (в том числе, маркеры литургического текста), резюмирующие маркеры (*bekitser*), логические маркеры (*ni*,

nor) хорошо сочетаются с оттеночными маркерами и с маркерами-экспрессивами: *Ix bin demolt geven gor ništ der, vos itster, dos heist, take der ejgener Tevje, nor fort ništ der...* 'Я был тогда не тот, что сейчас, то есть, тот самый Тевье, но не совсем'.

Особое место в текстах Шолом-Алейхема (и, в частности, в анализируемом тексте) занимают дискурсивные фраземы — устойчивые словосочетания, такие как *kejnore* 'чтоб не взглянуть', *xalile* 'упаси Бог', *lehavdl* 'не рядом будь помянут', *mirtsešem (im-jirtse-haşem)* 'с божьей помощью', *sonе tšion* 'враги Сиона', *zoln gezunt zajt* 'чтобы они были здоровы', *zogt ir* 'как вы говорите'. Устойчивый оборот *vi zogt ir* 'как вы скажете, как говорится' регулярно используется для того, чтобы ввести цитату или парафраз из священного писания на древнееврейском языке. Подобные вставки являются комментирующим пластом лексики и служат для автора (писателя Шолом-Алейхема) стилистическим средством создания образа местечкового еврея, речь которого изобилует импровизациями на тему религиозных текстов [Вайс 2008, с. 71]. Приведем примеры:

A mentš horevet, vert ojsgerisn, hotš nem lejt zix, sonej tšion, un štorb! 'Человек трудится, надрывается, хоть ложись — **врагам бы Сиона (такую участь)! — да помирай!**'

Un dermit gej halt ojs, kejnore, aza štub mit pikers, zoln gezunt zajn, mit, lexavdl, a ferd af kest, vos vil ništ visn, vos Raši maxt, badarf kajen ale tog, gor an a šum tirts. 'И к тому же, изволь содержать такой дом, **чтоб не взглянуть**, с едоками, **чтоб они были здоровы**, да (еще) и, не рядом будь помянута, лошадь в стойле, которая знать не хочет, что там Раши говорил, а корми ее каждый день, и без всяких отговорок!

Вернемся к т.н. «паразитарному» материалу. Для спонтанной речи характерно многократное использование — частиц (типа «ну»), самоперебивов (вы сами знаете, сами понимаете), отклонений от темы. Это находит отражение в тексте Шолом-Алейхема. В качестве «паразитарного» материала употребляются и «литургические вставки». Причем, излишне частотное употребление вставок-эпитетов создает комический эффект. С другой стороны, многократное употребление этих лексем уподобляет их формулам-эпитетам, какие встречаются в эпических текстах (например, эпитеты из русских народных сказок: девица — «красна», молодец — «добрый», а змий — «поганый»). Литургические вставки работают как дискурсивные маркеры и в силу особенности языка идиш, который, при адаптации подобной лексики часто сводит развернутую фразу к интонационно обособленной единице, как, например, в случае с лексемой *lehavdl*.

Лехавдл буквально означает «для отделения» — это фрагмент из молитвы, которую произносят на исходе шаббата, чтобы отделить субботний день от обычного. В идише же это слово употребляется в значении «не рядом будь помянут» и употребляется это выражение, например, когда идет последовательное перечисление, того, что не является синонимами.

С точки зрения внутренней прагматики высказывания, говорящий — Тевье, используя дискурсивные маркеры 1) снимает с себя ответственность за истинность высказывания; 2) пытается убедить слушателя в обоснованности своих заявлений; 3) «навязывают» слушателю определенную схему координат восприятия мира (слова-вставки и выражения-вставки в данном случае, так же несут положительную и отрицательную коннотацию). Кроме того, использование дискурсивной лексики, относящейся к разным литературным регистрам, так же позволяют дополнить стилистически образ говорящего.

Специфические для идиша вставки — «литургические маркеры» позволяют автору имплицитно вводить в текст культурные коды, которые легко прочитываются носителями еврейской культуры и создают эффект «национального колорита» для носителя иной культурной традиции.

Итак, существуют различные виды дискурсивных маркеров, которые действуют на разных уровнях текста. В большинстве своем они неспецифичны и функционируют в художественном тексте так же, как и в любом другом. В научных и информационных текстах дискурсивные маркеры выполняют, как правило, роль «опорных» слов. Задача ДМ в таких текстах сводится к следующему: представить выдвигаемую теорию, подчеркнуть важные моменты, обратить внимание на несоответствия, заострить внимание читателей на наиболее значимых блоках информации. В художественных же текстах дискурсивные маркеры помимо функций разметки текста по смысловым блокам несут следующую нагрузку: 1) «оттеночные маркеры» позволяют передавать отношение говорящего к ситуации, маркируют высказывание стилистически; 2) задают определенную систему координат для «оценки» происходящего. Утрированно частотное повторение одних и тех же языковых единиц, создает дополнительные ассоциативно-референциальные связи и является способом управления вниманием читателя. Специфическим приемом, который широко применяется в исследованном тексте, является употребление «литургических вставок», которые употребляются как формулы-эпитеты и функционируют как ДМ, имплицитно маркируя отношение говорящего к ситуации по оценочной шкале «добро/зло».

ЛИТЕРАТУРА

Вайс, 2008 — *Вайс Р.* Современный еврейский литературный канон: Путешествие по языкам и странам / пер. с англ. Н Рохлиной под ред. З. Копельман. М.; Иерусалим, 2008.

Корпус Языка Идиш — www.web-corpora.net/YNCL/

Jacobs, 2005 — *Jacobs N.* Yiddish. A Linguistic introduction. Cambridge University Press, 2005.

Антохина Анастасия Олеговна

Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ),

Москва, Россия

a.o.antokhina@mail.ru

Научный руководитель – Н. С. Братчикова, д-р филол. наук

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ФИНСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «НЕРВЫ»)

Ключевые слова: перевод, лексико-грамматический анализ, русские реалии, художественный текст.

В статье рассматриваются особенности перевода художественного текста с русского на финский язык. Основой работы послужил перевод Лаури Саволайнен рассказа «Нервы»

А. П. Чехова. Проведен лексико-грамматический анализ оригинального текста и его перевода.

Antokhina Anastasiia

Moscow State Linguistic University (MSLU),

Moscow, Russia

PECULIARITIES OF TRANSLATING A LITERARY TEXT INTO FINNISH (THROUGH THE EXAMPLE OF THE NARRATIVE «NERVES» BY A. CHEKHOV)

Keywords: translation, lexicogrammatical analysis, Russian realia, literary text.

The article is dedicated to an analysis of features of translating a literary text from Russian into Finnish. The study is based on Lauri Savolainen's translation of the short story «Nerves» by Anton Chekhov. The main tool of analysis is the lexicogrammatical analysis of the source and target language texts.

Особенностью творчества А. П. Чехова является сжатость изложения. Лаконичные произведения полностью отражают внутренний мир и характер описываемых персонажей. Так, рассказ «Нервы» (1885, [Чехов, 1976]), который занимает несколько страниц, отражает состояние главного героя после пройденного сеанса спиритизма. Рассказ был создан в 1885 году, когда мода на проведение спиритических сеансов распространилась по всей России. Большую популярность «столоверчение» приобрело и у интеллигенции.

В 1920-е годы спиритизм проник в финляндское общество и довольно быстро стал популярным (в 1946 году создано ныне действующее официальное Финское спиритическое общество). Этим обуславливается выбор рассказа «Нервы» переводчиком Лаури Саволайнен (Lauri Savolainen; [Savolainen, 1946]). Данное произведение является сложным для перевода из-за общей атмосферы рассказа и описания специфических реалий.

Цель исследования — провести сопоставительный анализ лексико-грамматического строя произведения в русском и финском языках и определить способы перевода встречающихся в тексте реалий.

Для достижения цели поставлено несколько задач:

- проанализировать способы перевода русских реалий на финский язык;
- проанализировать лексику перевода, то есть выбор нужного слова и его формы для выражения эмоций;
- проанализировать использованные переводчиком грамматические конструкции;
- сравнить язык перевода с современным финским языком, так как перевод рассказа «Нервы» был выполнен в первой половине XX века и в лексико-грамматическом строе финского языка произошли изменения.

Русские традиционные реалии можно разделить на два отдельных блока: имена собственные и явления, незнакомые жителям европейских стран.

В именах героев рассказа при переводе происходят следующие изменения:

имя главного героя *Дмитрий Осипович Ваксин* в финском языке имеет вид *Dmitri Osipoviš Vaksin*;
имя его дяди *Клавдий Миронович* — *Klavdi Mironoviš*;
имя гувернантки *Розалии Карловны* — *Rosalia Karlovna*.

Данный перевод выполнен в соответствии с международным стандартом транслитерации кириллического алфавита ISO 9 с использованием «i» в случае употребления «й» и специфической буквы «š» при передаче «ч». В исходном тексте рассказа были использованы неполные формы отчества (такие как *Осипыч*, *Мироныч*). Однако варианты в переводном тексте не отличаются, либо принимают вид, сложный для прочтения (*Osipyišt*).

При переводе рассказа Л. Саволайнен столкнулся с необычными для финского читателя предметами и явлениями. Например:

В исходном тексте идет речь о *киоте*, переведенном на финский язык словом *jumalankuva*, что означает икону, в связи с тем что в финском доме есть «красный угол», однако убранство простое, без массивных образов.

Слово *сонетка* переведено словосочетанием *kellon hihna* ‘ремешок звонка’. (Это приспособление, ныне вытесненное электрическим звонком, предназначавшееся для вызова прислуги и приводившееся в действие прикрепленным шнурком.)

Распространенное в России обращение *мамушка* было передано переводчиком словосочетанием *hyvä ystävä*.

Ироническое выражение *цирлих-манирлих*, обозначающее излишнюю манерность человека, в финском тексте выражено сочетанием *aito impi* (буквально «порядочная девушка», «горничная»).

Слово *сажень* — мера длины равная 2,13 м — было переведено на финский язык словом *куунära* (рус. «локоть»), однако значение данной единицы измерения существенно отличается и равно 0,594 м.

Подбор правильной лексики для перевода рассказа «Нервы» — непростая задача. Большое количество деталей, эмоционально окрашенная лексика придают произведению особую авторскую атмосферу.

Майский жук — предвестник лета и наступления теплой погоды — в переводимом тексте выражен просто словом *kovakuoriainen* (рус. «жук»), в связи с чем данная деталь не была донесена до читателя.

Выражение в *его голову полезла та же чепуха* при переводе было немного упрощено и выглядит как *ajatuksissaan alkoi sama peli* (буквально «в мыслях началась та же игра»).

В финском переводе рассказа употребляется слово *sukulainen* (рус. «родственник») в значении ‘племянник’; переводчик использует именно этот вариант, так как финский эквивалент слову *племянник* имеет два конкретизированных варианта: *veljenpoika* и *sisarenpoika*, а такой информации в исходном тексте нет.

Словосочетание *попросить у нее*, адресованное гувернантке, переведено как *pyytämään tältä* (буквально «попросить у той / этой») и выражает презрение адресанта и разницу в социальном положении.

Слово *немчура*, использовавшееся в качестве фамильярного наименования немцев, было переведено как *saksalaisparka* (букваль-

но «несчастный, бедный немец»), что значительно сгладило эмоциональное напряжение.

В XIX веке в России многие представители высшего общества имели в доме прислугу. Гувернантка в рассказе «Нервы», немка по происхождению, плохо знает русский язык. Задача переводчика — найти способ передачи ее специфической, неграмотной речи.

Например:

«Я вашей жена буду говорил... Не дает покой честный девушк... Когда я жил у барон Анциг и барон захотел ко мне приходиться за спишки, я понимаю... я сразу понимаю, какие спишки, и сказала баронесс... Я честный девушк...».

«Minä sanoma teidän vaimo... Ei antaa rauhaa kunniallinen tyttö. Kun minä asu paroni Antsigin luona ja kun paroni tahto tulema minun luotittikku noutama, minä käsittää... minä heti käsittää, millainen tikku. Minä sano paronittarelle... Minä kunniallinen tyttö...»

В данном примере переводчик умышленно допускает грамматические ошибки (отсутствует спряжение глаголов, а также склонение существительных и прилагательных), нарушает порядок слов в предложении, использует неверные глагольные формы.

В финском языке существуют более четкие границы между событиями обычного и длительного действия. Использование фреквентативных глаголов помогает переводчику одним словом передать замысел автора о протяженности действия. Например, глагол *ходить* (о часах) можно перевести двумя формами одного слова: *nakuttaa* и *nakutella*. В данном контексте переводчик делает выбор в пользу фреквентативности действия:

«Чик... чик... чик», — стучали за стеной часы».

«Tik, tik, tik...» — *nakutteli* seinällä kello».

Такое решение позволяет передать монотонность процесса, обстановку, давящую герою на нервы.

Чехов во многих рассказах при описании действия и состояния героя использовал распространенные предложения с несколькими однородными определениями и обстоятельствами. Такие предложения сложны для перевода на иностранный язык, в частности на финский, из-за особенностей грамматического строя языка и синтаксических норм построения предложения.

Так, предложение «Охваченный страхом, весь холодный, он выбежал опророметью из спальни и, крестясь, браня себя за малодушие, полетел босой и в одном нижнем к комнате гувернантки» было раз-

делено на два коротких предложения, выражающих два как бы последовательных действия человека: «Kauhun valtaamana ja viluissaan hän juoksi suin päin makuuhuoneesta. Ristinmerkkejä tehden ja itseään syytellen halpamaisuudesta hän ryntäsi paljain jaloin ja alusvaatteissaan kotiopettajattaren huonetta kohti». Такой прием позволил переводчику передать динамику происходящих событий и облегчить восприятие текста.

Перевод рассказа «Нервы» был выполнен в 1946 году финским переводчиком Лаури Саволайнен. С того времени финский язык претерпел существенные изменения: некоторые слова устарели, грамматические конструкции стали более краткими и динамичными, появились новые слова — путем заимствования или объединения нескольких уже существующих в языке.

Например, в отличие от текста рассказа в современной разговорной речи редко используется личное местоимение первого лица единственного числа «я», стало достаточно личного окончания глагола, такая тенденция прослеживается и в диалогах в художественной литературе. Из трех вариантов ругательного выражения со значением ‘чёрт подери / чёрт бы ее взял’ в современном языке осталось в частом употреблении только одно: *piru vie* — наиболее короткое выражение.

Существительное *лампадка* в переводимом тексте выражено устаревшим словом *pyhäinkuivalamppu*, в современном финском языке чаще используется вариант *lampukka*, очень созвучный русскому эквиваленту и, возможно, заимствованный именно из русского языка. Слово *блюдец* приобрело с течением времени новый вариант перевода на финский язык. В тексте 1946 года *блюдечко* переведено словом *lautanen* (основное значение — ‘тарелка’), позднее из французского языка было заимствовано слово *asetti* (фр. *assiette* — тарелка, блюдец).

Однако, несмотря на изменение грамматических конструкций и иную трактовку некоторых русских реалий, перевод в целом передает идею автора, отражает его стиль (на первый план выходит речь героя, ход его мыслей; повествование наполнено деталями, которые создают нужный образ). Произведение наполнено тропами (метафора, олицетворение, сравнение) и стилистическими фигурами (инверсия, парцелляция), а использование устаревшей на сегодняшний день лексики не затрудняет понимание текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Чехов, 1976 — Чехов А.П. Нервы // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 4. Рассказы. Юморески. М., 1976. С. 12–15.
- Savolainen, 1946 — *Savolainen L. Hermot* // Anton Tšehov. Ensirakastaja: kertomuksia. Helsinki, 1946. S. 66–71.

Лазарева Екатерина Сергеевна

Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ),

Москва, Россия

Ека9807@yandex.ru

Научный руководитель – Н. С. Братчикова, д-р филол. наук

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ФИНСКОГО И РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ

Ключевые слова: блог, СМИ, коммуникация, финский язык.

В статье анализируется язык политического блога в Финляндии и России. Цель исследования – выявить отличия выразительных средств, использованных финскими и русскими авторами блогов. В рамках статьи производится анализ записей на политическую тематику и комментариев к ним, рассматриваются особенности блога как аналога традиционных СМИ.

Lazareva Ekaterina

Moscow State Linguistic University (MSLU),

Moscow, Russia

CHARACTERISTICS OF THE LANGUAGE USED IN FINNISH AND RUSSIAN BLOGS

Keywords: blog, media, communication, Finnish language.

This article is dedicated to an analysis of the language of Finnish and Russian political blogs. The aim of the research is finding the difference between the means of expression used by Finnish and Russian bloggers. In the article, various political publications and comments are analyzed and compared to the traditional media.

Все большую популярность у современного читателя приобретает новый источник информации — записи в блогах. Оставаясь информативным, блог в то же время отражает авторскую позицию, что во многом и объясняет его растущую популярность: по сравнению с традиционными СМИ автор блога находится гораздо ближе к своей аудитории. Все чаще это приводит к тому, что блог начинает выполнять некоторые функции традиционных СМИ. Чаще всего эти функции, а именно информационную, аналитическую, мобилизационную, выполняет именно политический блог. Политический блог — понятие неоднозначное. Он может представлять собой как

записи политических деятелей, так и статьи заинтересованных интернет-пользователей, но его признаком всегда является политическая тематика статьи.

Объектом нашего исследования является политический блог. Предметом исследования является специфика выразительных средств в финском и российском политическом блоге. Цель исследования — определить степень отличия языка финского блога от российского. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать средства выразительности финского политического блога, 2) провести сопоставительный анализ комментариев в блоге на финском и русском языке. Материалом для анализа является блог финского социолога Сакку Тимонена [Timonen, 2017], а также комментарии в русскоязычном блоге, принадлежащем социологу и политологу Валерию Савельеву [Савельев, 2017].

Проводя анализ финского блога, необходимо учитывать, что финский политический блог в основном не носит массового характера, а предназначен исключительно для образованной, заинтересованной в политике аудитории. Рассмотрим эту особенность на примере записи «Quo Vadis?» Блогер критикует политику партии «Истинные финны».

Одним из приемов воздействия на аудиторию в блоге является антитеза, которая позволяет автору категоричнее выразить свое мнение. Блогер Сакку Тимонен критикует три основных направления политики партии «Истинные финны»: «Eu-kriittisyys, maahanmuuttovastaisuus ja sitoutuminen hallituksen talouspolitiikkaan — niistä on tuleva perussuomalaisuus tehty» («Евроскептицизм, противодействие миграции и вмешательство государства в экономическую политику — вот основа будущих истинных финнов».) Негативная окраска этих понятий: скептицизм, противодействие, вмешательство — отражает авторскую позицию и направлена на формирование у читателя негативной оценки этих направлений политики. Этой негативной коннотации противопоставлены такие положительные определения, как «умеренный» и «разносторонний», которые были даны Халла-ахо (приверженцу этих направлений) его сторонниками. «Hän on todennäköinen puheenjohtaja siksi, että häntä pidetään yhden asian mies Jussi Hallo-aho **maltillisempänä ja monipuolisempänä yleispolitiikkona**». («Он является возможным председателем потому, что его, наряду с Халла-ахо, считают умеренным и разносторонним политиком».) Антитеза подчеркивает остроту проблемы и демонстрирует скептицизм блогера по отношению к двум представителям

«Истинных финнов» С. Терхо и Й. Халла-Ахо. Возмущение блогера программой партии передают параллельные конструкции с контрастным значением. «Otetaan köyhiltä ja annetaan rikkaille, köyhiltä leikätään etuuksia ja rikkaille annetaan veronkevennyksiä». («У бедных забирать и богатым отдавать, бедным урезают льготы, а богатым снижают налоги».) Используются сразу две пары антонимов: *богатый — бедный, забирать — отдавать*, также создается динамика действия за счет близко расположенных падежей с противоположным значением: аблатива (*lta*) и аллатива (*lle*).

Одним из приемов, сближающим автора блога и читателя, является ирония. Насмешливое, саркастичное отношение блогера к политике передает метафора: «Hänen kannattajakuntansa on suorastaan fanaattisesti hänen takanaan ja vaatii Mestaria ottamaan paikkansa johdossa. Suosio hivelee varmasti, mutta Halla-aho itse ei ole kovin kotonaan kansanjoukkoen edessä...». («Его аудитория совершенно фанатична за его спиной и требует, чтобы **Учитель** возглавил место (председателя). Слава наверное прельщает, только сам Халло-ахо перед народом чувствует себя не в своей тарелке». С одной стороны, автор сравнивает Халла-ахо с Учителем, в данном контексте с Богом, благодаря чему достигается комичный эффект. С другой стороны, торжественная лексика высокого стиля гиперболизирует фанатизм аудитории политика. Автор также ссылается на эпизод из Ветхого Завета «Борьба Иакова с Богом», намекая на то, что сторонники Халло-ахо только и ждут его благословения, и для усиления гиперболы сопровождает текст иллюстрацией, карикатурой на Халло-ахо.

С нашей точки зрения, одной из главных особенностей языка политического блога является совмещение книжного и разговорного стиля. Это позволяет поднимать серьезные политические проблемы и в то же время не превращать запись в блоге в официальное сообщение. Неофициальность языка блога побуждает читателей активнее принимать участие в обсуждении, оставлять комментарии.

Язык блога зачастую идиоматичен, отличается простотой, может содержать разговорные элементы. Фразеологизмы *ei ole kovin kotonaan, hänen kynästään lähtöisin* (не совсем у себя дома, из-под его пера) в сочетании с высокой лексикой усиливают иронию. Разговорные и модальные частицы *kin, kaan / kään, han / hän, pa / pä* (*ei mikään ihme*), а также усилительная частица *niin* (*niin kauas, että...*) делают речь более эмоциональной.

Тем не менее разговорная лексика в блоге сочетается с выражениями, характерными для письменной речи. Название статьи «Quo Vadis?» (Куда ты идешь, Господи) — цитата из Евангелия (Ин

13:36) и приводится на латыни. Она используется как шутливо-торжественная форма вопроса о конечной цели чьего-либо движения. Такое заглавие предполагает достаточный уровень образованности потенциального читателя, который сможет оценить патетику автора, обеспокоенного будущим Финляндии.

Синтаксис текста в блоге также обладает рядом особенностей. В первую очередь это широкое использование пассивных конструкций, которые выполняют различные функции. Пассив в финском языке используется в безличных предложениях, которые позволяют автору снять с себя ответственность за данную ситуацию. В предложении «Он является возможным председателем потому, что его наряду с Халла-ахо **считают** умеренным и разносторонним политиком» С. Тимонен использует пассив, чтобы дистанцироваться от положительной оценки, данной политике его сторонниками.

Пассив может использоваться и как разговорная форма повелительного наклонения. «**Jätetään** Mestari painimaan ja **katsotaan** tarkemmin Sampo Terhon linjauksia». («Оставим Учителя сражаться и внимательнее посмотрим на линию Сампо Терхо»). В этом случае автор напрямую обращается к читателю, и такой игровой диалог способствует сближению адресата и адресанта.

Для блога характерно использование модальных конструкций, которые усиливают категоричность высказывания. «Suomesta pitää tehdä mahdollisimman vähän houkutteleva maa turvapaikanhakijoille ja muille maahantulijoille». («Финляндия должна стать как можно менее желанной страной для беженцев и других мигрантов»). В данном случае модальность подчеркивает абсурдность, которой автор надеется политику «Истинных финнов».

Язык политического блога, несмотря на разговорные элементы, отличается большим количеством сложных синтаксических конструкций (в основном причастных оборотов), терминов и абстрактной лексики, что обусловлено его тематикой.

В отличие от традиционных СМИ, которые направлены на широкие массы, политический блогер ограничивается аудиторией, которая интересуется политикой и разбирается в ней. Об этом свидетельствуют комментарии к статье. При сравнении комментариев в финском и российском блоге были выявлены следующие сходства.

Широко используются средства разговорного языка. В комментариях в российском блоге встречаем, например, разговорные выражения: *взбрыкивают*, *горемыка-рубли*; намеренное искажение или модификацию слов и выражений: *пушцай трецицит* (о Евросоюзе), *ни шагу вперед*; неологизмы: *недоговороспособность*; саркастичное

обращение: *батенька*. В финском блоге: сокращенное название партии: *persut* (*perusuomalaiset*); *älämölöttää* (поднимать шум), *kolahtaa* (стукнуть).

Помимо лексических выразительных средств, неотъемлемой частью интернет-коммуникации являются различные графические средства. Это характерно как для российской, так и для финской блогосферы. Для акцентирования наиболее важного, по мнению автора, слова используются заглавные буквы, подчеркивание (что характерно не только для комментариев, но и для самой статьи). Саку Тимонен, например, подчеркивает следующие слова: *irtisanoutua*, *kipeitä leikkauksia*, *arvonlisäveron nosto*, *työttömyysturvan poistaminen* (увольняться, болезненные сокращения, рост НДС, сокращение пособий по безработице), то есть слова с негативной коннотацией, что усиливает отрицательную реакцию читателя.

Комментарии в финском блоге значительно длиннее и могут состоять из нескольких абзацев. Они представляют собой развернутые размышления, содержат ссылки на различные источники. Комментарии в русском блоге напоминают непрерывный диалог между пользователями в режиме онлайн и дают скорее эмоциональную оценку статье или описанной в ней ситуации.

В связи с этим синтаксически русские комментарии отличаются большим количеством риторических вопросов, восклицательных предложений, пауз хезитации, выраженных на письме многоточием или междометием. Вопросительные предложения могут быть риторическими (в комментариях-рассуждениях) или адресоваться непосредственно автору или другому пользователю.

Характерной особенностью русского интернет-общения является активное использование смайликов или эмотиконов — графических изображений, передающих эмоции автора. Из 183 русских комментариев 32 сообщения содержат смайлики, представленные в виде знака «)»: чем сильнее эмоция, тем больше знаков. Из 17 финских комментариев только одно сообщение со смайликом. Эти особенности в языке русского блога можно объяснить тем, что в целом он предназначен для более обширной и неоднородной аудитории.

Таким образом, рассмотрев средства выразительности, использованные в статье и комментариях политического блога, мы пришли к следующим выводам.

1. Особенностью политического блога является совмещение книжного и разговорного стиля.
2. Для усиления воздействия на аудиторию в тексте политического блога активно используется антитеза и ирония.

3. Комментарии на финском и русском языках имеют общие черты (разговорная лексика, графические средства), но отличаются размером, длиной предложений и степенью эмоциональности.

ЛИТЕРАТУРА

- Timonen, 2017 — *Timonen S.* Quo Vadis // Apublogit, Uuninpankkoika Saku Timonen, 2017. [Электронный ресурс.] URL: <http://blogit.apu.fi/uuninpankkoikasakutimonen/2017/03/07/quo-vadis/>
- Савельев, 2017 — *Савельев В.* ЕС опять трещит по швам. Польша взбунтовалась // Блог В.Савельева, 11.03.2017. [Электронный ресурс.] URL: <https://vg-saveliev.livejournal.com/1575483.html>

Щербаков Михаил Иванович

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (БелГУ),
Белгород, Россия

mikhail.shcherbakov.info@mail.ru

Научный руководитель – Д.К.Манохин, канд. филос. наук

К ВОПРОСУ О СРАВНЕНИИ КИНО И ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: кино и литература, экранизация, социальное знание, имажинация, перцепция.

В статье проведено исследование текстов с ресурса Kinopoisk.ru, в которых представлен опыт сравнения литературного текста и кинопроизведения, а также выявлены основные доминанты этой процедуры и способы формирования оценочных суждений (нарратив, субъективные образы, гениальность автора), служащие эмоциональной формой отношения к произведению. При этом, автор отмечает, что семиотическое несоответствие знаков кино и литературы провоцирует авторов проводить сравнение в плоскостях субъективного опыта восприятия. В результате такая процедура сводится к тому, что одно произведение начинает оцениваться сквозь эмоциональную реакцию на другое.

Shcherbakov Mikhail

The National Research University «Belgorod State University» (BelSU),
Belgorod, Russia

TO THE QUESTION OF COMPARISON CINEMA AND LITERATURE

Keywords: cinema and literature, screen adaptation, social knowledge, imagination, perception.

The article investigates texts from the resource Kinopoisk.ru, in which presents the experience of comparing the literary text and film production, as well as revealed the main dominants of this procedure and the formation of value judgments (narrative, subjective images, genius of the author) serving as an emotional form of attitude to the work. At the same time, the author notes that the semiotic inconsistency of the signs of cinema and literature provokes actors to make comparisons in the planes of the subjective experience of perception. As a result, this procedure is reduced to the fact that one work begins to be evaluated through an emotional response to another.

Кино и литература — это два разных способа трансляции и восприятия информации. Семиотически эти два вида искусства оперируют принципиально различными знаками, поэтому вопрос о сравнении литературы и кино считается не совсем корректным. Близость сценария фильма с текстом книги, а также наличие мар-

кера «экранизация» побуждает кинематографическую аудиторию к сравнительным операциям, что превращается, некоторым образом, в специфическую социальную игру. Стоит заметить, что научная аргументация, в силу широкого охвата аудитории, в этой игре не действует. Таким образом, ключевым и конечным компонентом этой дискурсивной игры является оценочное суждение, высказываемое в отношении кинематографического произведения, что в данной ситуации является формой эмоциональной активности. Тем не менее, если актер сталкивается с экранизацией, то он оказывается в позиции, обусловленной определенным контекстом, и, таким образом, дискурс провоцирует его к сравнению знаков разной онтологической субстанции. Но поскольку такая операция, в сущности (т. е. по существенным признакам), невозможна, то дискурсант в первую очередь ориентирован на опыт субъективного восприятия, который в этом случае связывается с восприятием эмоциональным.

Телеологическая установка

Точкой отсчета для этого исследования является выяснение телеологического параметра дискурса [Кожемякин, 2009, с. 1]. Субъекты исследуемых текстов в качестве своей конечной цели имеют не только процедуру сравнения, они скорее направлены на демонстрацию своего эмоционального опыта и участие в коммуникативной игре, удобной базой для которой является Kinopoisk.ru. Конечный аргументативный пункт всего процесса — это оценочное суждение. Кроме того, данный ресурс предоставляет возможность оценки фильма в рамках десятибалльной шкалы звёзд, лишенной точного значения. Отсутствие ясного критерия для каждой конкретной звезды, приводит к тому, что оценка строится на случайных ассоциациях. Ведь в самом деле, какая разница между 7 и 8 звёздами, или 8.75 и 9.07 (число округляется до тысячных)? Таким образом, отталкиваясь от соответствующей телеологической установки, ориентированной на вербальную и невербальную оценку, агенты нацелены, в первую очередь, на обслуживание своих психо-эмоциональных потребностей в процессе социокультурной активности. Соответственно, продуцируемые тексты находятся в области *социального знания*, которое в прямом смысле слова (т. е. по критериям знания), собственно знанием не является.

Две формы оценок

В процессе оценивания в качестве элементов для сравнения берутся: [α] повествовательные линии, [β] перцептивные и имагинативные образы героев, их действий, пространства и т. д. Других точек соприкосновения мы не обнаружили, хотя литературное произведение обладает ещё и стилем, метафорические аналогии для которого можно найти в структуре кадра. Однако насколько корректны такие аналогии и, кроме того, для каждого ли кинематографического средства могут обнаружиться художественно-литературные? Ведь вербальное сообщение может обладать неизобразительной силой («круглый квадрат»), и ровно наоборот, изображение может быть сложным для описания (например, фильмы Мана Рэя или эксперименты чистого кино). Подобное сравнение встретилось в рецензии по поводу цветовой палитры фильма «Собачье сердце». Дискурсант утверждает, что сепия для этого фильма «это не выход, у Булгакова мир удивительно зрим, и цвета играют далеко не последнюю роль» [КП1]. Стоит заметить, что «удивительно зримый мир» Булгакова агент может обнаружить только в своём воображении, а специфика цвета в кинематографе (черно-белый/цветной) никак не коррелирует с произведением Булгакова, находящегося на страницах литературного произведения. Здесь интерпретатор хочет скоррелировать (согласовать) свой опыт восприятия, что сводится к сравнению смысла на вербальном уровне.

Сравнение на основе нарративов

В случае α участники коммуникации обнаруживают те события наррации, которые не вошли в кинопроизведение, или наоборот, те которые были в него добавлены. Однако главный нюанс в том, что за парадигму (образец) берется литературный текст, который в сравнительной бинарной оппозиции (книга-фильм) играет первичную, смыслообразующую роль. Собственно, генезис сравнительной операции заключается в том, что эта пара начинает рассматриваться либо как оппозиция, либо как единое целое. Вторая установка, по преимуществу, отражает положительное отношение агента к паре фильма-книга. Вербализируя кинопроизведение в процессе оценки либо сравнения, агенты используют такие средства, при которых книга и фильм сливаются в одно целое. «Не знаю, как словами передать всю масштабность происходившего на экране. Там — целый мир, созданный Толкиеном, и оживший благодаря Джексону»

[КП2]. Что говорит нам автор этих строк? В рамках представления дискурсанта меняется онтология толкиенского произведения, оно «оживает».

Сравнение на основе субъективных образов

В случае β перцепции и имагинации фиксируются, сравниваются, а затем выносятся оценка. Причем может пройти большое количество времени между тем, как субъект сформирует свои имагинации от литературного произведения, а затем будет сравнивать их с перцепциями кинофильма. В таком случае сравнивается не кино и литературное произведение, а субъективные образы. Заранее ясно, что это сравнение не будет тождественным, поскольку невозможно читая книгу «увидеть», например, героев такими, каковыми они представлены в фильме, не виде сам фильм. В случае несоответствия субъективных образов пользователи, в основном, выносят отрицательную оценку. Удивительно то, что мы зафиксировали случаи, когда утверждается сходство этих образов. Однако нам не представляется возможным верифицировать такие суждения. Мы считаем, что в исследуемом дискурсе участники апеллируют к эмоциям, а нисколько не к *ratio*, а поэтому утверждения о том, что имагинанты ровно такие как киноперцепции, формируются сквозь психоэмоциональное отношение к фильму.

Остальные аргументы стратегии оценок

Другая тактика оценки, на которую следует обратить внимание, связана с особым пониманием семантики фильма/книги. Зачастую наблюдается мистификация, или трансцендентация смысла фильма, книги или их авторов, что в принципе может быть характерно для дискурса об искусстве. В текстах такого характера очень ярко выражен конструкт «глубокого смысла» или «гениальности автора». Причем агент направлен ни столько на решение проблемы этого «тайного смысла», сколько на констатирование его наличия, без рефлексивного осмысления. Это тематическое ядро может служить как аргумент к обоснованию своей позиции. Например, встречаются высказывания типа: «автору фильма не удалось передать глубину романа...» и т. п. Помимо этого, некоторые агенты, стоя на позиции трансцендентности смысла произведения, настаивают на бесполезности интерпретаций. Другие идут далее, и в экспрессивном тоне высказывают запрещающую директиву о сравнении литературы

и кино, например: «Для тех кто сравнивает фильм с книгами, можно сказать только одно — глупость несусветная. Никогда, слышите НИКОГДА, нельзя сравнивать эти 2 жанра» [КПЗ], однако этот императив нарушается уже в следующем предложении: «Никогда не видела фильма, который превзошел бы книгу...» [КПЗ], т. е. тем самым автор решает в пользу книги, ранее постулируемую «глупость» сравнения. Таким образом, намечается два полюса оценок, один на основе гениальности книги утверждает невозможность создать экранизацию, другой превозносит фильм, и, следовательно, умаляет значение книги. Дедуцировать аксиологию оппозиционного подхода можно следующим образом: один вид искусства оценивается через эмоциональную реакцию на второй.

Анализ продуцированного социального знания позволяет говорить о игровом характере рецензий, апеллирующих в первую очередь к эмоциям адресанта, игнорирующим какую-либо методологию, и ориентирующихся в первую очередь на оценку фильма в процессе социокультурной активности.

ЛИТЕРАТУРА

- Кожемякин, 2009 — Кожемякин Е. А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры. Белгород, 2009.
- КП1 — КиноПоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/user/567482/comment/501152/> (дата обращения: 08.11.2017).
- КП2 — КиноПоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/user/481721/comment/508494/> (дата обращения: 08.11.2017).
- КП3 — КиноПоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/user/13619230/comment/2473484/> (дата обращения: 08.11.2017).

СЛАВИСТИКА

Квашнина Дарья Сергеевна

Ивановский государственный университет (ИвГУ),

Иваново, Россия

dashka.kwashka@yandex.ru

Научный руководитель – Н. В. Суворова, канд. филол. наук

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ, СВЯЗАННЫЕ С МИРОМ ПРИРОДЫ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Ключевые слова: восточнославянские языки, семантика, этимология, специфика, сходство.

Статья посвящена рассмотрению особенностей номинации восточнославянских названий месяцев, связанных с миром природы. На основе семантического анализа лексических единиц развивается и доказывается тезис о том, что в родственных языках есть не только сходства, но и различия, свидетельствующие о специфике культурных традиций славянских народов.

Kvashnina Daria

Ivanovo State University (IvSU),

Ivanovo, Russia

SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF THE EAST SLAVIC NOMINATIONS OF MONTHS CONNECTED WITH THE NATURAL WORLD

Keywords: the East Slavic languages, semantics, etymology, specificity, similarity.

The article deals with the peculiarities of the East Slavic nominations of months connected with the natural world. On the basis of analysis of lexical units both similarities and differences of the kindred languages have been revealed. The distinctions express the specificity of cultural traditions of the Slavic peoples.

Время как особая категория человеческого мышления интересовало людей с давних пор: человек пытался осмыслить окружающие его явления и происходящие с ними изменения. В связи с этим неслучайно, что лексемы, обозначающие временные промежутки, достаточно древние, при этом в основе их номинации находятся совершенно разные признаки. Так, названия большинства месяцев древнего римского календаря связаны с именами собственными —

именованиями Богов или правителей. Например, внутренняя форма латинского названия восьмого месяца *augustus* ('август') отражает связь с именем Октавиана Августа — древнеримского императора. В то же время несколько иная картина наблюдается в славянском календаре. В основе названий многих месяцев лежат либо установки на сезонные виды деятельности, либо явления природы, которые определяют эти установки. Можно предположить, что специфика номинации данных образований в первую очередь связана с главенствующей ролью окружающего мира в жизни славян, а также зависимостью их деятельности от природных циклов.

Названия месяцев, связанные с миром природы, составляют самую многочисленную группу (20 наименований) среди других групп, образующих восточнославянские названия месяцев, связанные с миром природы: 10 лексем из украинского языка, 9 — из белорусского языка, 1 — из русского языка. Названия месяцев, входящие в данную лексико-семантическую группу, имеют разную мотивацию. Условно их можно разделить на три подгруппы: слова, отражающие погодные условия; слова, отражающие изменения в растительном мире; и слова, отражающие изменения в животном мире. В каждой подгруппе можно обнаружить различные соответствия/несоответствия, которые позволяют судить об общности или уникальности названий месяцев в том или ином языке, а вместе с этим — о сходствах и различиях в истории развития данных восточнославянских языков.

Подгруппа названий месяцев, связанных с растительным миром, включает 11 наименований (6 лексем из украинского языка, 5 — из белорусского языка). Как правило, внутренняя форма лексем данной подгруппы отражает связь наименования месяца с растением.

В подгруппе названий месяцев, связанных с растительным миром, можно заметить наибольшее количество соответствий между украинскими и белорусскими лексемами. Так, и в украинском, и в белорусском языках одиннадцатый месяц календарного года называется *листопад*. Эта лексема, обозначающая время опадания листьев, была унаследована современными восточнославянскими языками от древнерусского языка, где *листопад* обозначал десятый месяц года, т. е. не ноябрь, а октябрь. Этот сдвиг, по мнению В. Е. Гусева, обусловлен, прежде всего, разницей в климатических условиях, а также тем, что до расселения славян «одно и то же название объективно соотносилось со смежными месяцами юлианского ка-

лендаря» [Гусев, 1978, с. 135–136]. Данный семантический сдвиг характерен для тех названий месяцев, корни которых являются праславянскими. Так, название *листопад* восходит к праславянскому слову *listopadъ.

Среди названий месяцев, связанных с растительным миром, есть соответствия, которые появились уже после распада древнерусского языка. Об этом говорит отсутствие данного названия месяца в древнерусском языке. Например, пара *липень* (укр.) — *ліпень* (белорус.). Оба слова обозначают седьмой месяц календарного года и указывают на время цветения липы. Такая мотивировка представляется неслучайной: липа играла важную роль в хозяйственной деятельности славян. Так, из древесины этого дерева изготавливали посуду, а из коры добывали лыко, которое использовали для плетения лаптей.

Наряду со сходствами в восточнославянских названиях месяцев есть и различия, свидетельствующие о самостоятельном развитии современных славянских языков. Так, название пятого месяца года *травень*, отражающее время роста травы, в украинский язык пришло из древнерусского языка, а слово *май* в белорусский и русский языки — из латыни. Предположительно, латинское *maj* было связано с именем богини Майи и означало ‘месяц Майи’ [КЭСРЯ, 1971, с. 252]. Этой римской богине природы и весны приносились первого мая жертвы, кроме того, на пятый месяц года приходились посвященные ей праздники. Разный подход к обозначению одного явления отражен и во внутренней форме названия третьего месяца года: *березень* (укр.) и *сакавік* (белорус.). Если внутренняя форма украинского названия отражает процесс появления почек на березе, то белорусское наименование связано с процессом начала движения березового сока.

Подгруппа названий, связанных с погодными условиями, включает 7 лексем (3 украинских, 3 белорусских, а также одно русское наименование). Внутренняя форма названий месяцев этой подгруппы — попытка запечатлеть в слове погодные факторы, определяющие своеобразные «вехи» в сельскохозяйственной деятельности славян. Например, слово *грудень*, украинское название двенадцатого месяца, обозначает время замерзания земли, к которому уже должен был прекратиться сбор урожая.

Лексемы, входящие в эту подгруппу, нередко имеют общую внутреннюю форму в украинском и белорусском языках. Например, в названии второго месяца года — *лютьень* (укр.) — *люты* (белорус.) отражаются особенности погодных условий этого времени: морозы и метели.

Однако в данной подгруппе между украинским и белорусским языками сходств меньше, чем различий. Например, название двенадцатого месяца года в украинском языке — *грудень*, а в белорусском — *снежань*. В этих лексемах есть одна общая сема 'холодная погода'. Но в основе каждого наименования лежит более конкретный признак: украинское слово *грудень* отражает время замерзания земли, белорусское *снежань* — период частых обильных снегопадов.

В подгруппу названий месяцев, связанных с погодными условиями, входит название четвертого месяца в русском языке *апрель*. Как показывают данные этимологических словарей, слово заимствовано из старославянского языка, где *априль* передает среднегреческое *apri(lio)s*, восходящее к латинскому *aprilis*, скорее всего, родственного *apricus* 'согреваемый солнцем' [КЭСРЯ, 1971, с. 28]. Отсюда *апрель* — 'согреваемый солнцем месяц'. История русских названий месяцев свидетельствует о постепенном отходе от славянских традиций в сторону византийских. Многие современные названия месяцев пришли в русский язык через греческий язык с принятием христианства.

Названия месяцев, связанные с животным миром, составляют самую малочисленную подгруппу. В нее входит всего две номинации (одна из украинского языка и одна из белорусского языка), внутренняя форма которых связана с осмыслением роли животных в жизни славян.

Эта подгруппа названий месяцев в украинском и белорусском языках количественно отличается от данной подгруппы в древнерусском языке. Если в древнерусском языке подобных лексем было три (*изок* 'июнь', *червен* 'июль', *ревун* 'сентябрь'), то в украинском и белорусском языках сохранилась только одна лексема, обозначающая шестой месяц года, — *червень* (укр.) и *чэрвен* (белорус.). И. П. Калинин связывает название этого месяца с названием красивого червя — 'червец или червень', который появляется в это время года [Калинский, 2013, с. 200–201]. Следует отметить, что еще древние славяне занимались сбором этих червей — кошенилей, живущих на корешках дивалы. Из кошенилей добывали пурпурную краску для окрашивания тканей. Таким образом, внутренняя форма названия седьмого месяца года опосредованно отражает связь с деятельностью славян — в данном случае, с производством тканей и, возможно, с их продажей. В то же время древнерусские названия *изок* ('месяц появления кузнечика') и *ревун* ('месяц рева зверей') не связаны с хозяйственной жизнью, вероятно, поэтому они и вышли из употребления.

Таким образом, сопоставление восточнославянских названий месяцев, связанных с миром природы, позволяет обнаружить общее и различное в каждом из языков. Прежде всего, очевидно то, что русский язык пошел по совершенно иному пути развития, чем белорусский и украинский языки. Отказавшись от славянских названий месяцев, он перенял латинские названия, которые отражают неславянскую картину мира. В свою очередь белорусский и украинский языки сохраняют традиции древних славян. Общность между этими языками проявляется в группе названий месяцев, связанных с растительным миром: в них зафиксированы важнейшие этапы природного цикла. Однако наряду со сходствами, обнаруженными в украинском и белорусском языках, есть и различия, которые свидетельствуют о самостоятельном развитии каждого из языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Гусев, 1978 — *Гусев В. Е.* О реконструкции праславянского календаря // Советская этнография. 1978. № 6. С. 132–143.
- Калинский, 2013 — *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
- КЭСРЯ, 1971 — *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.

Шестакова-Стукун Алёна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

shestakovastukun@yandex.ru

Научный руководитель – О. В. Раина, к. филол. наук

**ПОЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЭТНОНИМОМ
«ŻYD» (ЕВРЕЙ), «CYGAN» (ЦЫГАН) (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА
Ю. КШИЖАНОВСКОГО «NOWA KSIĘGA PRZYSŁÓW I WYRAŻEŃ
PRZYSŁOWIOWYCH POLSKICH»)**

Ключевые слова: языковая картина мира, паремиология, пословицы, польская паремия, этноним.

Изучая паремиологический состав языка, можно сделать выводы о стереотипах поляков о народах, проживающих на территории их страны. В представлениях о «чуждых» нациях присутствуют как общие, так и различные черты. Материалом исследования стали 90 польских пословиц о евреях и 20 пословиц о цыганах.

Shestakova-Stukun Alena

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

**POLISH PROVERBS WITH THE COMPONENT-ETHNONYM «ŻYD»,
«CYGAN» (BASED ON THE MATERIAL OF THE DICTIONARY OF
J. KRZYŻANOWSKI «NOWA KSIĘGA PRZYSŁÓW I WYRAŻEŃ
PRZYSŁOWIOWYCH POLSKICH»)**

Keywords: linguistic worldview, paremiology, proverbs, polish paremiology, ethnonym.

Studying the paremiological composition of the language, one can draw conclusions about the Polish stereotypes about two ethnic groups living in Poland. In the notion of «foreign» nations are both similar and different traits. The text for analysis was 90 Polish proverbs about Jews and 20 proverbs about the gypsies.

Пословицы как фольклорный жанр содержат в себе фрагмент языковой картины мира, дают представление о нормах, существующих в других культурах, а также о представителях других этносов. Упрощённый образ, который возникает вследствие языкового

и культурного взаимодействия народов друг с другом, называется этническим стереотипом. Большую роль в его становлении играет экстралингвистический фактор.

Были проанализированы польские пословицы, иллюстрирующие представления о евреях и цыганах. Данные группы были выбраны, поскольку эти этносы, проживающие на территории Польши, являлись пришлыми, появились на территории проживания поляков в позднее время.

Евреев связывает друг с другом общность традиций и обычаев. Эти культурные доминанты позволяют считать их закрытой группой.

Согласно стереотипу, евреи не относятся с любовью к земле, на которой живут, в отличие от поляков. Возможно, это связано с положением пришлого народа; Польша не является для них родной страной, поэтому они не трудятся на её благо. Также это можно обосновать иными историческими причинами: евреям запрещалось покупать земли, поэтому они были вынуждены искать другие источники заработка. Евреи в пословицах не обрабатывают землю, не служат в армии, не защищают страну. *Nie orali Żydzi roli i orać nie będą* 'букв. Не пахали евреи поля и пахать не будут'. *Żyd nie orze i nie sieje, a młóci i wieje* 'букв. Еврей не пашет и не сеет, а молотит и веет'.

В пословицах присутствует большое количество слов лексико-семантического поля «торговля», что может свидетельствовать о занятии евреев: покупка-продажа различных вещей, работа на ярмарках и пр. *Bez jednego Żyda jarmark się nie obejdzie* 'букв. Без одного еврея ярмарка не обойдётся'. *Każdy Żyd swój towar chwali* 'букв. Каждый еврей свой товар хвалит'. *Żyd, choć biedny, to niegłupi: sprzedaj tanio, wszystko kupi* 'букв. Еврей, хоть и беден, но неглуп: продай дешево, всё купит'. Логичным выводом из занятия, связанного с денежным оборотом, будет благополучное финансовое положение того, кто этим занимается. *Dlatego Żyd bogaty, że żyje z cudzej biedy i straty* 'букв. Потому еврей и богат, что живёт на чужой бедности и убытках'. Вероятнее всего, эти средства не всегда заработаны честным путём, о чём свидетельствует большое количество пословиц, содержащих слова лексико-семантического поля «обман»: *Żyd dawno szalbierz* 'букв. Еврей давно обманщик'. *Żyd nie byłby Żydem, gdyby nie oszukał* 'букв. Еврей не был бы евреем, если бы не обманывал'. *Żydowska rzecz: obiecać, a nie dać* 'букв. Еврейская вещь — обещать и не дать'. Лексема «хитрость» также присутствует. *Jednymi drzwiami Żyda wypchnąć, to drugimi wlezie* 'букв. Если в одни двери еврея вытолкать, то он через другие влезет'. *Jak sprzedać psa za lisa, żydowska jest sztuka*

‘букв. Как продать пса в качестве лиса — это еврейское искусство’. *Jak Żyd ciebie w oczu wychwala, uciekaj, bo to lala* ‘букв. Как еврей тебя в глаза хвалит, убегай, потому что это кукла’. Хитрый, опасный — одни из главных характеристик еврея.

Согласно пословицам, евреи обирают людей. *Gdzie chłop traci, tam się Żyd bogaci* ‘букв. Где крестьянин тратит, там еврей богатеет’. *Kto ze Żydem końca dojdzie, ten jak pies, co siedzi w budzie, głupi przyszedł, głupi pójdzie* ‘букв. Кто за евреем до конца дойдёт, тот как собака, что сидит в будке, глупым пришёл, глупым уйдёт’. *Gdzie są Żydzi, tam człek grosza nie widzi* ‘букв. Где евреи, там человек гроша не видит’. Помимо непосредственно торговли евреи известны как хозяева питейных заведений. В польской языковой картине мира существует мнение о приверженности поляков к алкоголю. Евреи, которые более сдержанны в употреблении спиртного, используют эту дурную привычку для своего обогащения, предоставляя напитки в долг и побуждая крестьян к большим денежным тратам. *Żyd gorzółkę sprzedowo, ale ji nie pije* ‘букв. Еврей горилку продаёт, но её не пьёт’. *Kto na zastaw pije, tego Żyd obije* ‘букв. Кто на спор пьёт, того еврей бьёт’. *Nie znaj karczmy ni Żyda, nie dokuczy ci bieda* ‘букв. Не знай ни корчмы, ни еврея, не будет беспокоить тебя бедность’.

Bieda ‘бедность, нищета’ — часто повторяющееся в паремиях о евреях слово. *Chociaż bieda, to zatańcz u Żyda* ‘букв. Хотя ты беден, тогда затанцуй у еврея’. *Kiedy bieda, nie idź do Żyda, idź do sąsiada* ‘букв. Когда ты беден, не иди к еврею, иди к соседу’. *Kto wozi Żydy, nie wyłazi z biedy* ‘букв. Кто верит евреям, не избежит бедности’. Невозможность противостоять еврейской хитрости, многочисленные долги приводят крестьян к сложной жизненной ситуации.

Ещё одна важная черта стереотипа еврея — жадность. *Mają pieniądze Żydzi, ale ich nikt nie widzi* ‘букв. Есть у евреев деньги, но их никто не видит’. *Wilk i Żyd nigdy nie syt* ‘букв. Волк и еврей никогда не бывают сыты’. Человек, который зарабатывает ростовщичеством, вряд ли может не быть жадным.

В отношении евреев формируются определённые способы поведения. Им нельзя доверять, их помощи следует избегать. *Żydowi nigdy nie wierz* ‘букв. Еврею никогда не верь’. *Nie pokazuj Żydowi, co masz w komorze, stajni, gumnie i oborze, bo pożałujesz* ‘букв. Не показывай еврею, что у тебя есть в кладовке, конюшне, гумне, потому что пожалеешь’.

В исследованных пословицах присутствует сопоставление евреев с волком. *Wilka, Żyda i tłuka nikt poczciwy nie szuka* ‘букв. Волка, еврея и глупца никто из приличных людей не ищет’. *Żyd i wilk na*

próżno się nie krzątają ‘букв. Еврей и волк просто так не суетятся’. Бартминьский пишет на тему стереотипа волка в польской языковой картине мира следующее: «Волк является воплощением хищности и дикости, он опасен для человека» [Бартминьский, 2005, с. 175]. Волк — это существо, чуждое человеку, он уничтожает скот, может причинить вред людям, следовательно, еврей, как и волк, опасен для человека.

В толковом словаре кроме прямого значения лексемы «еврей» имеется переносное, свойственное просторечному употреблению и имеющее уничижительный оттенок: «o człowieku skarym, chciwym» ‘о человеке скупом, жаждущем денег’. В словарных толкованиях сохраняются определённые качества, присущие языковому стереотипу еврея. В качестве ключевых слов можно выделить *торговля, обман, деньги*.

Цыган, согласно толковому словарю *Uniwersalny słownik języka polskiego*, — человек, принадлежащий к индоевропейскому народу, частично кочевому, частично осёдлому, проживающему в Европе, Азии, Северной и Южной Америке и Австралии [USJP, 2003, с. 490]. В настоящее время по причине политкорректности используется самоназвание цыган — «ромы» (Romowie), но в пословицах функционирует более архаичная лексема *Cygan*.

Большой пласт паремий содержит слова «вор, мошенник, кража» и под. В польской языковой картине мира это одна из главных характеристик цыгана. *Chwoliła Cygónka robotę, a Cygón krod* ‘букв. Хвалила цыганка работу, а цыган крал’. *Cygan w domu nie kradnie* ‘букв. Цыган дома не крадёт’. *Co Żyd naorze, to Cyganem lekko zawłóczy* ‘букв. Что еврей вырастит на земле, что цыганам легко уволочь, утащить’.

Профессии цыган — ворожба, обработка металла, дрессировка животных, изготовление медной посуды. Также в этой среде были распространены торговля лошадьми, занятие музыкой [Bartosz, 2008, с. 16]. В фонде можно найти паремии, дающие представление об их «честных» занятиях: *Co Cygan, to kowal* ‘букв. Что ни цыган, то кузнец’. *Cygańska kobyła trzy dni a dzień bieży* ‘букв. Цыганская кобыла три дня в один день пробегает’. Корреляция «цыган — кони» — одна из распространённых в стереотипе цыгана — в пословицах находит выражение. Слово «кузнец» (kowal) отсылает к одному из основных занятий представителя этой профессии — подковыванию лошадей.

Цыган — человек свободный, он не ведёт оседлый образ жизни. *Niewolnik Cygan rzadko się nada* ‘букв. Невольник цыган редко пригодится’.

Ещё одна из отличительных черт цыгана — весёлость, тяга к музыке, развлечениям. *Bez Cygana wesele się nie obejdzie* ‘букв. Без цыгана свадьба не обойдётся’. *Cygan się pyszni, kiedy czerwone spodnie nadzieje* ‘букв. Цыган гордится, когда красные штаны наденет’. *Cygan bez drumli jako dziad bez jeża* ‘букв. Цыган без варгана, как репейник без колючек’. Медведь как животное-атрибут цыгана также присутствует в пословицах. *Niedźwiedź tańczy, a Cygan pieniądze bierze* ‘букв. Медведь танцует, а цыган деньги берёт’. Здесь опять можно отметить представление цыгана как обманщика, который для наживы использует даже зверей.

Присутствует в пословицах также упоминание смуглого цвета кожи этого народа. *Szkoda myć Cygana i tak czorny zostanie* ‘букв. Жаль мыть цыгана, и так чёрный останется’.

В словарях помимо прямого значения слова «цыган» отмечаются также переносные:

- «о человеке со смуглым цветом кожи и чёрными волосами»;
- «о человеке, живущим в беспорядке, не беспокоящимся ни о чём, или о человеке, который ведёт бродячую жизнь».

Неоднократно зафиксировано разговорное значение со сниженной коннотацией: «человек, ведущий кочевой образ жизни, бродяга, плут, обманщик, аферист» [Karłowicz, 1952, с. 358].

Так же, как и в стереотипе еврея, возникло лексикализованное значение этнонима, что могло стать причиной, по которой в официальном языке не используется лексема «Cygany», заменённая словом «Rom».

Можно выделить следующие характеристики этих стереотипов в польских пословицах.

Еврей:

- не занимается честным трудом;
- основное его занятие — торговля, содержание питейных заведений;
- жаден;
- человека, который имеет дело с евреем, ожидает бедность.

Цыган:

- вор, обманщик;
- любит музыку, праздники, веселье;
- ведёт кочевой образ жизни;
- имеет смуглый цвет кожи.

В исследуемых пословицах имеется единица, соединяющая этноним «еврей» и «цыган»: *Co Żyd naorze, to Cyganem lekko zawłóczy* 'букв. Что еврей вырастит на земле, что цыганам легко утащить'. Представители этих двух наций являются чуждыми полякам: у них нет своей земли, они не ассимилируются с местным населением, эта отстранённость явилась их общим признаком в польской языковой картине мира.

Таким образом, обращение к польским пословицам даёт возможность приобрести языковое выражение этнических стереотипов с компонентом «Żyd» и «Cygan», выявить разноплановое концептуальное оформление данных гетеростереотипов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартминьский, 2005 — *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 527 с.
- Bartosz, 2008 — *Bartosz A.* Poznajemy historię Romów. Szczecinek: Związek Romów Polskich: Instytut Pamięci i Dziedzictwa Romów oraz Ofiar Holokaustu, 2008. 21 s. URL: http://www.romowie.com/old/instytut/io2008_bartosz.pdf (дата обращения: 19.04.2016).
- Karłowicz, 1952 — *Karłowicz J.* Słownik języka polskiego. T. 1. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1952–1953.
- Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Pod kierunkiem J. Krzyżanowskiego. T. 1–4. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978.
- USJP, 2003 — Uniwersalny słownik języka polskiego, red. S. Dubisz, t. 1, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2003.

Перич Кристина

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

st059949@student.spbu.ru

Научный руководитель – М. Ю. Котова, д-р филол. наук

ЖИЗНЬ СЕРБСКИХ ПОСЛОВИЦ В ВЕК ИНТЕРНЕТА

Ключевые слова: сербские пословицы, Интернет.

Статья посвящена исследованию употребления сербских пословиц с абстрактными существительными в Интернете. На основе анализа трех пословиц с тремя абстрактными существительными – *слобода* «свобода», *истина* «правда», *душа* «душа» – в статье показано, когда и в каких обстоятельствах данные пословицы используются в интернет-пространстве.

Peric Kristina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

THE SITUATION WITH SERBIAN PROVERBS IN THE INTERNET ERA

Keywords: Serbian proverb, Internet.

The article focuses on the study of the use of Serbian proverbs with abstract nouns in the Internet. Based on the analysis of three types of proverbs with three abstract nouns – *слобода* 'freedom', *истина* 'truth', *душа* 'soul', the article shows when and in what circumstances these proverbs are used in the Internet.

Пословицы, как выражение мировоззрения и народной мудрости, живут веками в народе. Они представляют собой богатство каждого народа, зафиксированное в книгах и сборниках. Если говорить о сербской паремиологии, то нельзя не упомянуть работы Йована Мушкатировича (1743–1809) и Вука Караджича (1787–1864), которые первыми собрали и опубликовали сербские пословицы. В словаре Караджича иногда даются толкования, комментарии и примеры употребления пословиц.

В последнее время большое внимание уделяется исследованию пословиц и созданию паремиологического минимума и паремиологических словарей разных языков. В 2004 году М. Ю. Котова провела социолингвистический паремиологический эксперимент на серб-

ском материале. В эксперименте участвовали носители сербского языка. Результаты эксперимента показывают, что большинство этих пословиц живёт и сегодня в языке.

Благодаря социолингвистическому паремиологическому эксперименту Котовой мы увидели, что пословицы живут в языке и в наше время. В XXI веке Интернет и сетевые коммуникации играют большую роль в жизни каждого человека. Целью нашего исследования является ответ на вопрос о судьбе сербских пословиц в век технологий и Интернета.

На основе паремиологического эксперимента Котовой мы поделили пословицы с абстрактными существительными.

В книге «Српска граматика» 1894 года С. Новакович говорит, что все имена существительные можно разделить на конкретные и абстрактные. Конкретные обозначают лица, животных или предметы, которые можно воспринять через органы зрения и осязания, например *человек, город, птица*. Абстрактные, или отвлечённые существительные обозначают действие, состояние, характеристику и воспринимаются только разумом, например *богатство, молодость, красота*.

Чтобы было легче их рассматривать, мы разделили пословицы с отвлечёнными существительными на несколько тематических групп. Они указывают на эмоции и душевное состояние человека (*Од љубави до мржње линија је танка*), на физические качества человека (*Младост предлаже, старост одлаже, средина извршава*), на характер и моральные качества человека (*У лажи су кратке ноге*), на отношения между людьми (*Договор кућу гради*) и др.

На основе анализа трёх пословиц, можно показать актуальность пословиц в интернет-пространстве.

Моја кућа (кућица) моја слобода (слободица) — «Мой дом — моя свобода»

Мы замечаем, что существуют две формы существительных — *кућа* и *кућица* и *слобода* и *слободица*. Носители сербского языка чаще используют уменьшительные формы *кућица* и *слободица*, чем *кућа* и *слобода*. В сербском языке уменьшительные формы чаще всего образуются с помощью суффиксов -ак, -ица, -це, -ац, -анце, -ић и др. Они указывают не только на размер, но имеют и функцию ласкательных слов. Поэтому, когда говорим *моја кућица моја слободица*, мы не хотим указать, что наш дом маленький и что в нашем доме недостаточно большая свобода, но эти слова употребляются, чтобы

подчеркнуть чувство счастья и спокойствия, которые человек испытывает в своём доме.

В Интернете данная пословица не раз обсуждалась на форумах. Там люди писали о том, какие ассоциации возникают у них, когда они слышат данную пословицу. В таких ситуациях *кућица* рассматривалась и как родная страна. Чаще всего дом рассматривается как источник счастья и безопасности, как место, в котором ничего плохого не может случиться.

Данная пословица употребляется в сфере маркетинга и рекламы. Примером является агентство, которое использует пословицу, чтобы привлечь покупателей недвижимости. Соединение бизнеса и народной мудрости представляет очень хитроумный способ рекламы любого продукта. Данная пословица в качестве рекламы употребляется при описании компьютерной игры *Sims*, участник которой может построить дом своей мечты.

Данная пословица служит как вдохновение и является креативным заглавием книжек детской литературы и строительных проектов. Одна из целей строительства любого дома — это чувствовать себя хорошо в своём доме. Это место уюта и комфорта, место, где все проблемы кажутся не такими большими и страшными. Название проекта *моја кућица моја слободица* оригинально и, несомненно, привлечет внимание.

В социальных сетях есть масса фотографий с подписью *моја кућица моја слободица*. На этих фотографиях не только дома и комнаты, но то, что отличает простой жилой объект от дома. Это семья, двор, чашка кофе и время для отдыха перед телевизором.

В Интернете данная пословица представлена и с отрицательным оттенком. Один человек с иронией употребляет данную пословицу, когда указывает на стоимость дома и задаёт вопрос — может ли человек вообще наслаждаться домом, когда постоянно думает об ипотеке? Негативным контекстом использования данной пословицы является и пример человека под домашним арестом, для которого дом представляет тюрьму.

У свакој шали пола истине — «В каждой шутке есть доля правды»

Говоря правду, какая она есть, мы можем оскорбить или сделать больно людям. Люди шутят, но на самом деле, они высказывают своё мнение. Поэтому можно сказать, что в каждой шутке есть доля правды.

Данную пословицу встречаем в качестве заглавия самых разных историй. Примером может быть статья о мнении в сербской традиции, согласно которому первый ребёнок должен быть мальчиком и что мальчик приносит счастье в дом. Самое главное для каждого родителя, чтобы его ребёнок был здоровым и счастливым независимо от пола, но часть этой традиции сохранилась. И сегодня, когда ожидается новый член семьи, можно услышать, как люди говорят: «Пусть будет живым и здоровым и мальчиком». Если первым ребёнком родится дочь, в Сербии шутя говорят: «Дочь, ты мой сын». Это шутка, но на самом деле, в ней есть и доля правды. Может быть, оттуда у сербов появилась привычка, непонятная иностранцам, когда при обращении даже к дочери, вся семья говорит ей «сын».

Данная пословица характерна не только для Сербии. В Китае она тоже употребляется, чтобы увидеть реакцию другого человека, особенно если речь идёт об иностранце.

В интернет-пространстве люди используют пословицы, чтобы высказать свои впечатления и опыт. Многие признают, что много раз сказали своё мнение шутя, но также понимают, что и сами не раз узнали правду в шутке.

В социальных сетях люди рассказывают своё мнение о пословицах. Примером может быть человек, который пишет следующее: *«В каждой шутке есть доля правды — придумал какой-то человек, не понимающий шутки (половина этого предложения правда)».*

Очи су огледало душе — «Глаза — зеркало души»

Слова — не единственный способ коммуникации. Своё мнение, настроение, свои мысли человек выражает и мимикой, жестом, взглядом. Они представляют способы невербальной коммуникации и выражают мнения, страхи, желания, чувства человека. Человек может говорить неправду, и это видно в глазах. Глаза отражают наше внутреннее состояние, они зеркало нашей души.

О справедливости данной пословицы говорят учёные, прежде всего психологи. При встрече первое, что мы замечаем в человеке, — это его глаза, и хотя мы ни слова не сказали, у нас уже есть мнение об этом человеке, и мы чувствуем, какие отношения у нас с ним будут.

Данная пословица очень распространена в Интернете. Она используется в качестве заглавия разных статей. Эти тексты посвящены цвету и форме глаз и тому, насколько они выражают характер человека, или в статьях речь идёт о глазах как о зеркале здоровья.

Пословица является и творческим источником. На тему глаз как зеркала души в школах ученики пишут сочинения, поются песни. У певца Зорана Стоича есть песня «Зеркало души», в которой он поёт о том, что глаза любимой уже всё сказали и что слова лишние. Данная пословица сильно повлияла на одного французского фотографа, который свою карьеру посвятил фотографированию людей по всему миру, чтобы представить самые разные истории.

Когда мы говорим, что глаза — это зеркало души, мы имеем в виду не только людей, но и животных. Особые глаза у собак, в которых можно увидеть любовь и верность к человеку. Поэтому, когда мы говорим о человеке, у которого очень добрые глаза, мы употребляем выражение *собачьи глаза*.

Поскольку глаза — путь к душе человека, есть люди, которые стараются скрыть свою натуру. Словарь сленга «Vukajlija» объясняет данную пословицу и пишет, что актуальность пословицы является причиной роста покупок очков с тёмными стёклами.

В Интернете есть и мнение человека, который не согласен со справедливостью данной пословицы. По его мнению, каким будет взгляд человека, зависит от того, на кого он смотрит.

Из анализа данных пословиц, мы можем сделать вывод, что пословицы являются не только национальным достоянием, живущем в книгах, но и мудростью, которая живёт и сегодня, в век Интернета и развитых технологий. Они очень распространены в Интернете и используются в самых разных ситуациях и сферах. Они употребляются в качестве заглавия учебников и статей, в качестве рекламы и названий проектов, в качестве описания фотографий и названий песен. Также, в интернет-пространстве пословицы используются с целью выражения впечатлений и опыта.

ЛИТЕРАТУРА

- Караџић, 1900 — *Караџић В.* Српске народне приповѣтке, загонетке и пословице. Књига 2: Пословице и уобичај узете ријечи. Биоград: Српска краљевска државна штампарија, 1900.
- Новаковић, 1894 — *Новаковић С.* Српска граматика. Београд: Државна штампарија, 1894.
- Станојчић, Поповић, 1992 — *Станојчић Ж., Поповић Љ.* Граматика српског језика, уџбеник за I, II, III и IV разред средње школе. 2. изд. Београд, Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства, Завод за издавање уџбеника, 1992.

Токаревских Софья Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

salander.sev@gmail.com

Научный руководитель – Н.В. Штакельберг, ст. преп.

«ЖЕНСКОЕ ПИСЬМО» В РАССКАЗЕ ПЕТРЫ СОУКУПОВОЙ «MEDŮZA»

Ключевые слова: гендер, гендерные исследования, женское письмо, феминизм, чешская литература.

Статья является частью исследования, в котором рассматривается сборник рассказов «Dámská jízda» (2016) с позиций гендерного литературоведения и феномена «женского письма». В сборнике представлены рассказы современных чешских писательниц, т.е. он отображает литературную ситуацию последних лет. В статье подвергается анализу первый рассказ сборника – «Medůza» Петры Соукуповой (род. 1982, Soukupová), лауреатки чешской литературной премии Magnesia Litera 2010.

Tokarevskikh Sofia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

«WOMEN'S WRITING» IN PETRA SOUKUPOVÁ'S STORY «MEDŮZA»

Keywords: gender, Gender Studies, women's writing, feminism, Czech literature.

This article is a part of the research, which reviews the collection of short stories «Dámská jízda» (2016) from the standpoint of gender literary studies and the phenomenon of «women's writing». The collection contains stories of contemporary Czech female writers, so it reflects the literary situation of recent years. The article presents the analysis of the first story «Medůza» by Petra Soukupová (born in 1982), laureate of the Czech literary award Magnesia Litera 2010.

Гендерные исследования — это сравнительно новая междисциплинарная область знаний, которая рассматривает пол как «социокультурное образование» (гендер) и с этой точки зрения анализирует общественные явления и изменения.

Существует так называемая феминистская литературная критика, которая возникла вместе с женскими исследованиями и также получила распространение в США и Западной Европе. Феминистская литературная критика устанавливает новую перспективу

рассмотрения мировой литературы и науки — женский взгляд, изучение с учётом женского опыта. Несмотря на возможные философско-теоретические ориентации, все её разновидности объединяет признание особого способа женского бытия в мире и соответствующих ему женских репрезентативных стратегий. Критика направлена как на традиционный андроцентристский взгляд на литературу, так и на всю культуру в целом.

Опираясь на труды [Grosz, 1995, с. 9–24] Элизабет Гросс (р. 1952, Grosz) и следуя логике эссенциализма, феминистскую литературную критику принято разделять на следующие основные составляющие:

- 1) женская литература — акцент ставится на пол автора;
- 2) женское чтение — акцент ставится на восприятие читателя;
- 3) женское письмо — акцент ставится на стиль текста;
- 4) женская автобиография — акцент ставится на содержание текста.

В соответствии с этим Гросс различает также три основных вида текстов:

- 1) «женские тексты» — написанные женщинами-авторами;
- 2) «фемининные тексты» — написанные в стиле, культурно означенном как «женский»;
- 3) «феминистские тексты» — сознательно бросающие вызов методам, целям и задачам доминантного фаллоцентристского/патриархатного литературного канона.

Я выбрала в качестве объекта рассмотрения феномен «женского письма». Понятие «женское письмо» изобрела французская учёная Элен Сиксу (р. 1937, Cixous) в своём эссе «Хохот медузы» («Le Rire de la Méduse», 1975), где она призывала всех женщин писать и таким образом выражать и репрезентировать себя как женщин. Сиксу, а также её соотечественница Люс Иригарей (р. 1930, Irigaray) пытаются объяснить принципы, в соответствии с которыми они выделяют особый «женский» язык, и сконструировать новые средства выражения. Как пример, обращение к «вагинальному символизму» вместо традиционного «фаллического». Однако и Сиксу пишет о том, что «невозможно определить женскую практику письма, <...> поскольку эта практика не может подвергнуться теоретизированию, классификации, кодированию — что вовсе не означает, что она не существует» [Сиксу, 2001, с. 799–821]. А в качестве примера «жен-

ского письма» среди немногочисленных женщин она также приводит писателя Жана Жене (1910–1986, Genet).

Современная критика концепций «женского письма» сонаправлена с мыслями Кристевой (р. 1941, Kristeva), Вайгель (р. 1950, Weigel) и других учёных, отказываясь трактовать женскую субъективность как некую определённую неизменную «женскую сущность».

В своём исследовании я скорее буду придерживаться понимания «женского письма» Сиксу и Иригарей, анализируя ход сюжета, переживания героев, образы, способы описания и выражения, которые выбирает пишущая женщина.

Так как эта тема весьма спорна и малоизучена, особенно в славянском литературоведении, она показалась мне актуальной. Особенно интересно наблюдать гендерную проблематику в контексте чешской литературы, так как авторы–женщины и женская литература всегда играли важную, а иногда и доминирующую роль в чешском литературном процессе. Чтобы исследование в полной мере отражало актуальную литературную ситуацию, был взят сборник рассказов как известных, так и начинающих современных чешских писательниц «Девичник» («Dámská jízda»), вышедший в 2016 году. Данная статья посвящена первому рассказу сборника — «Медуза» («Medúza») Петры Соукуповой.

Петра Соукупова (р. 1982, Soukupová) дебютировала в 2007 году с романом «К морю» («K moři»), за который сразу же получила премию Иржи Ортена. Затем последовали три книги: сборник из трёх повестей «Исчезнуть» («Zmizet», 2009), вымышленный дневник взрослеющей девушки «Марта в год захватчика» («Marta v roce vetřelce», 2011) и самый масштабный роман «Под снегом» («Pod sněhem», 2015). Сборник «Исчезнуть» принёс Соукуповой очередную престижную премию — Magnesia Litera в номинации «Книга года». Творчеству Соукуповой свойственна тема дисфункции традиционной семьи и пессимистичный взгляд на межличностные отношения. Если можно бы было обозначить основной посыл её творчества, им был бы тот факт, что «всё основывается на способности к коммуникации и зависит от неё», как утверждает Ян Вноучек в своей рецензии на книгу «К морю» [Vnouček, 2008].

По классификации Гросс, приведённой ранее, рассказ «Медуза» стоит отнести скорее к женскому тексту, так как о его фемининности утверждать с уверенностью сложно, и феминистским он также не является, потому что писательница не имела интенции бросать вызов патриархальным канонам.

Содержание рассказа «Медуза»

Действие происходит на пляже. Главная героиня, Алице, сидит на берегу с детьми, сыном Карликом и дочерью Лолой, и ждёт, когда её муж Рихард закончит плавать. Вся забота о детях исключительно в руках Алице. Она вынуждена успокаивать и занимать детей как в отпуске, так и в повседневности. Алице мечтает поплавать, она вспоминает, как в прошлом они проводили с Рихардом многие часы в бассейне, наслаждаясь плаванием и перекидываясь лишь дежурными фразами. Когда Рихард наконец выходит из воды, Алице спешно сообщает ему свой план: Рихард с детьми идёт за мороженым, а Алице тем временем поплавает. Не давая времени на возражения, она уходит в воду. В воде она чувствует полное расслабление, единение с собой, она отдаляется мысленно от проблем и представляет себе светлое будущее, как она изменит заведённый семейный порядок. Она уплывает всё дальше и дальше, ей не хочется оборачиваться к берегу и видеть там свою семью. Но в один миг всё прерывается — её жалит медуза. Она обнаруживает себя окружённой сотнями, тысячами медуз, которых она ненавидит. Алице спешно плывёт к берегу, по пути проклиная Рихарда, который не сказал ей о медузах. Когда она выходит из воды, то находит лишь пустое покрывало. Ей не оставили даже полотенца, а сам муж с детьми исчез из поля зрения. Последние слова рассказа: «Ненависть к Рихарду».

Как и многие современные чешские авторы, Соукупова использует в своём тексте лексику «обиходно-разговорного» чешского языка (obecná čeština). Таким образом ярко описывается эмоциональное состояние героини, её внутренние монологи. Между прочим, если обращаться к другим произведениям Соукуповой, то оказывается, что ей это совершенно не свойственно. Как отмечают критики и рецензенты её романов, Соукупова, как сценаристка, обычно безэмоциональна в повествовании и скорее просто излагает факты. Рассматриваемый же мной рассказ — это живо описанный внутренний мир героини, все события внешнего мира мы наблюдаем сквозь призму её мироощущения.

- Алице с трудом мирится с неравным распределением семейных обязанностей. Когда муж жалуется, что в этом отпуске он устаёт больше, чем на работе, Алице со злобой и завистью размышляет о том, что ей тоже хотелось бы работать, но её «мука от собирания лего через разогревание морковного пюре до стирки белья» закончится только тогда, когда дочь Лола пойдёт в детский сад. Забота о детях исключительно в её руках. В воде она думает

о том, как могла бы переложить хотя бы часть ответственности на мужа, освободив время для самой себя. Такое, казалось бы, очевидное положение вещей кажется ей неожиданной и дерзкой идеей.

- Между Алице и Рихардом нет чувства, нет любви, лишь формальные брачные и родительские отношения. В воде Алице решает, что может ещё найти человека, который не откажет ей в прогулке по пляжу, что жизнь не всегда будет порочным кругом семейного быта, в котором не найдётся даже минуты задуматься о себе. Когда дети вырастут, она не обязана будет оставаться с человеком, который её не ценит.
- Алице чувствует постоянное бремя ответственности и зависимости от членов семьи: она не может позволить себе вожделенное в жару мороженое, потому что, во-первых, ей стыдно было бы съесть мороженое, не поделившись с детьми, во-вторых, она переживает, как её фигура выглядит в глазах мужа Рихарда. Алице подавляет свои желания. Не случайно центральный эпизод рассказа — печальные последствия реализации главного желания.
- Мне кажется символичной тяга Алице к плаванию, её вхождение в воду. В воде она чувствует счастье, свободу и силы для перемен. Образ воды — это простор, открытый горизонт, воля к жизни. Вода — это мир, в котором Алице может побыть собой. Медузы же — это те обстоятельства, которые возвращают Алице к реальности; неизбежное наказание женщины, пренебрегшей социальными функциями в угоду собственным желаниям. Оказывается, что так просто из порочного круга не вырваться. И она, познав свободу, возвращается к привычной жизни с осознанием ненависти.
- Можно провести аналогию между образом медуз в рассказе Соукуповой и Медузой в эссе Элен Сиксу. Конечно, Соукупова не ссылалась на Сиксу, но это совпадение интересно. Сиксу пишет о том, что женщины «застыли, заморожены меж двух ужасающих мифов: Медузы и бездны» [Сиксу, 2001]. Но нужно перестать «слушать Сирен», которыми являются мужчины, то есть, освободиться от оков традиционных социальных ролей и «взглянуть в лицо Медузе, чтобы увидеть её. И она не смертельна. Она прекрасна и она смеётся». Алице не должна бояться навязываемого ей страха и терять волю к переменам и свободе из-за малейших препятствий.

В итоге можно утверждать, что данный текст отвечает требованиям Элен Сиксу о том, чтобы женщина писала самой себя. Петра Сокупова поднимает острые проблемы, с которыми женщины сталкиваются в традиционно устроенной семье. Героиня повествования сильно зависима от мужчины, но на несколько мгновений она окунается (можно сказать, буквально) в мир, где она имеет ценность сама по себе, вне привязки к мужчине и вне предписанных социальных ролей.

ЛИТЕРАТУРА

- Сиксу, 2001 — Сиксу Э. Хохот медузы // С. Жеребкин (ред.) Введение в гендерные исследования ч. 2. Хрестоматия. СПб: Алетейя, 2001. С. 799–821.
- Grosz, 1995 — Grosz E. Space, Time, and Perversion: Essays on the Politics of Bodies. New York and London: Routledge, 1995. P.9–24.
- Vnouček, 2008 — Vnouček J. Hořké je putování za mořem beznaděje // Petrá Soukupová [личный сайт] URL: <http://www.petra-soukupova.cz/recenze-K-mori-Aktualne.html> (дата обращения: 19.12.2017)

Шершнев Сергей Сергеевич

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Россия
sergiej.shershnev@gmail.com

«WIELKI WSPÓŁCZESNY PISARZ ROSYJSKI»: ЮРИЙ ТРИФОНОВ И ПОЛЬША

Ключевые слова: Трифонов, Польша, критика, рецепция.

В статье дается описание, а также проводится анализ рецепции прозы Юрия Трифонова в Польше. В подтверждение тезиса об особой роли писателя в польском литературном процессе приводятся такие аргументы, как положительные рецензии критиков на его тексты, высокое качество их переводов и большие тиражи изданий. Выделяются основные черты польского взгляда на поэтику Трифонова. Восприятие прозаика в Польше сравнивается с его восприятием в СССР.

Shershnev Sergey

Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia

«WIELKI WSPÓŁCZESNY PISARZ ROSYJSKI»: YURY TRIFONOV AND POLAND

Keywords: Trifonov, Poland, critics, reception.

The aim of this paper is to give a description of the reception of Yuri Trifonov's works in Poland. The hypothesis of writer's important role in the Polish literary process support such arguments as positive reviews from literary critics on Trifonov's works, the high quality of its translations and large circulations. Main features of Polish views on Trifonov's texts are given. The reception of writer's works in Poland is compared to the Soviet Union's one.

Рецепция прозы Трифонова в Польше уже привлекала внимание исследователей. Предметом анализа данная тема становится в статье филолога В. Д. Оскоцкого, вышедшей в сборнике I Международной конференции «Мир прозы Юрия Трифонова». Однако спустя почти двадцать лет после ее выхода возникает необходимость в новом исследовании, учитывающем как современные трифоноведческие работы, появившиеся в Польше за это время, так и те, которые не были рассмотрены ранее.

Трифонов как важная фигура польского литературного процесса

Текстам советского прозаика посвятили свои рецензии такие выдающиеся польские литераторы, как Анджей Дравич, Флориан Неуважный, Рене Щлимовский и другие. Критик Томаш Лубеньски называл Трифонова «великим русским писателем современности» ('wielki współczesny pisarz rosyjski') [Łubieński, 1986, с. 55–69]. В 1980 году славист Земовит Федецки перевел наиболее известную повесть Трифонова «Дом на набережной». Этот перевод стал лучшим за год по версии польского журнала «Зарубежная литература» ('Literatura na świecie') [Siarkiewicz, 2015, с. 8]. В позднесоциалистической Польше тиражи книг Трифонова были достаточно высоки. Рекордным стало второе издание повести «Обмен» 1979 года, вышедшее в 130 тысячах экземпляров [Siarkiewicz, 2015, s. 8]. Примечательно, что к польскому изданию «Дома на набережной» прозаиком было написано специальное предисловие. Перечисленные факты могут рассматриваться как свидетельство того, что Юрий Трифонов был одной из самых значимых фигур литературного процесса не только СССР «постоттепельного» периода, но и Польской Народной Республики.

Рецепция в академической среде

В 1974 в Польше свет увидела магистерская работа, в которой впервые анализировались повести Трифонова — «Обмен», «Предварительные итоги» и «Долгое прощание». В 1995 году Эвой Никадем-Малиновской была написана первая в Польской Народной Республике докторская диссертация, посвященная наследию писателя, под названием «Концепция времени в творчестве Юрия Трифонова». «Время, — пишет исследовательница, — было для него (Трифопова. — С. Ш.) и целью и средством: целью познания сущности бытия и средством познания действительности» [Nikadem-Malinowska, 1995, s. 9]. В 2015 году в Институте русистики Варшавского университета появилась еще одна трифоноведческая диссертация авторства Павла Щаркевича. Она носит название «Образ русской интеллигенции в “московских повестях” Юрия Трифонова». Автор работы не только исследует общий для русской и польской культур феномен интеллигенции в прозе писателя, но и предпринимает попытку типологизировать героев его «московского цикла». Важной задачей для филолога становится определение особенностей нарративных

стратегий, которые в нем используются. Отдельными вопросами поэтики Трифонова занимались Уршула Трояновска и Януш Щвежи. Последний в своей статье «Разрывание могил» сопоставляет жизнь и идеи героя повести Трифонова «Другая жизнь» с мировоззрением русского мыслителя XIX века Николаем Фёдоровым [Świeży, 2013, s. 42–65]. Это находит параллель с многими исследованиями, посвященными историософским концептам в текстах прозаика — автора нескольких исторических романов. В работе «Архетип дома в русской литературе 20-го века: Лидия Чуковская, Трифонов Приставкин» Трояновска констатирует «экзистенциальную бездомность» трифоновских героев [Trojanowska, 2008, s. 151].

Трифоноведение в сравнительной перспективе

По мнению Шлизовского, «московские повести» можно сопоставить с польским «кино морального беспокойства», в частности, с фильмами Кшиштофа Занусси [Śliwowski, 1979, s. 16]. Два этих культурных феномена, появившиеся почти одновременно (примерно в 1970-е гг.), действительно имеют много общего. В фокусе внимания Трифонова и польского режиссера — внутренние коллизии городской интеллигенции. Как и для Трифонова, для представителя «кино морального беспокойства» характерны бесстрастное повествование, внимание к деталям и нравственной проблематике. По замечанию отечественного «кинополониста» Т.Н.Елисейевой, для Занусси «современный мир — территория моральных конфликтов и этических дилемм» [Елисейева, 2002, с. 66]. То же можно сказать и о Трифонове. Коллизия, которая возникает в результате столкновения идеалистического и прагматического взглядов на мир, лежит в основе произведений обоих художников: у Занусси, к примеру, в фильме «Защитные цвета», у Трифонова — в повести «Обмен». У этих «текстов» единый итог: наивно-романтическое мировоззрение терпит поражение.

Представляется, польская критика, как и польское трифоноведение, нередко использует клише, созданные в Советском Союзе. Однако, если, к примеру, на родине Трифонова упрекали в тенденции к «бытописательству», то в Польше это считали достоинством его прозы. По мнению Эдварда Павяка, «бытописательство» происходит из традиции русской литературы с ее тяготением к достоверному описанию, глубокому проникновению в характеры. Быт становится квинтэссенцией человеческой жизни [Pawiak, 1980, s. 258–259]. Польские исследователи, вслед за советскими, а за-

тем и российскими, находят множество параллелей между поэтикой Трифонова и Чехова. Те же внимание к детали, конкретика повседневной жизни, ненавязывание своей позиции, отсутствие осуждения героев.

Можно сделать следующие выводы. Польская критика и польское трифоноведение во многом зависимы от советско-российских концепций и подходов, что не должно вызывать удивления, поскольку Трифонов является русским писателем и поэтому наиболее полно изучен русскоязычными специалистами. Однако, в то же время, польский взгляд достаточно полемичен по отношению к советско-российскому. Польские русисты, в отличие от своих восточных коллег, не склонны считать, что качественная литература может возникнуть только при благоприятных политических условиях, в условиях свободы и отсутствия цензуры. Кроме того, они не соглашались с представлением о литературе «семидесятников» как о «промежуточной» и реже дают пренебрежительные оценки творчеству Трифонова (подобная тенденция имела место в России в 1990-е годы). Достаточно часто польские исследователи предлагают собственные, оригинальные идеи и видение текстов прозаика. К ним относится, среди прочего, сравнение трифоновских повестей с отдельными течениям кинематографа. По мнению Оскоцкого, польское литературоведение и критика «со знанием дела, концептуально и аналитически воссоздают доподлинную историю русской литературы второй половины XX века и место в ней Юрия Трифонова» [Оскоцкий, 2000, с. 67].

Несмотря на довольно обширный корпус как критических, так и научных работ, посвященных прозе Трифонова, исследователи констатируют, что сегодня интерес к писателю существует только в специальных кругах. Так же ситуация обстоит в современной России. По мнению Щаркевича, непопулярность Трифонова в постсоциалистической Польше объясняется, во-первых, неприятием в этой стране «всего советского» и, во-вторых, кардинальным изменениям социально-экономического характера, в результате которых многие трифоновские темы, конфликты и ситуации утратили свою актуальность [Siarkiewicz, 2015, s. 11].

ЛИТЕРАТУРА

- Елисеева, 2002 — *Елисеева Т. Н.* Кшиштоф Занусси // Режиссерская энциклопедия. Кино Европы. М., 2002. С. 66–67.
- Оскоцкий, 2000 — *Оскоцкий В. О.* Юрий Трифонов в Польше (К проблеме ин-

- терпретаций) // Мир прозы Юрия Трифонова. Екатеринбург, 2000. С. 67–81.
- Łubieński, 1968 — *Łubieński T.* Człowiek to brzmi skromnie. O twórczości Jurija Trifonowa // *Bohaterowie naszych czasów*. Londyn, 1986. S. 55–69.
- Malinowska, 1995 — *Malinowska E.* Koncepcja czasu w twórczości Jurija Trifonowa. Olsztyn, 1995. 126 s.
- Pawiak, 1980 — *Pawiak E.* Pamięć i trwanie. Szkice o współczesnej literaturze radzieckiej. Warszawa, 1980. 319 s.
- Siarkiewicz, 2015 — *Siarkiewicz P.* Obraz inteligencji rosyjskiej w «opowieściach moskiewskich» Jurija Trifonowa. Warszawa, 2015. 176 s.
- Śliwowski, 1979 — *Śliwowski R.* Zapis świata // *Życie literackie*. №44 (1979). S. 15–19.
- Świeży, 2013 — *Świeży J.* «Разрывание могил». Преломление идей Николая Федорова в повести Юрия Трифонова «Другая жизнь» // *Przegląd Ruscystyczny*. №1 (2013). S. 42–65.
- Trojanowska, 2008 — *Trojanowska U.* Archetyp domu w XX wiecznej literaturze rosyjskiej: Lidia Czukowska, Jurij Trifonow, Anatolij Pristawkin. Kraków, 2008. S. 151–194.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Кудряшова Марина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

landers007@yandex.ru

Научный руководитель – Т.В. Пономарева, канд. филол. наук

МЕТАФОРЫ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В НЕМЕЦКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Ключевые слова: немецкий язык, словообразовательная метафора, существительное, молодежный сленг.

В статье рассматриваются словообразовательные метафоры-существительные, в силу своей яркой образности часто встречающиеся в разговорной речи, в том числе в молодежном сленге. Представлены результаты анализа 122 лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки из электронных и печатных словарей разговорной лексики современного немецкого языка.

Kudriashova Marina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

METAPHORICAL NOUNS IN GERMAN YOUTH SLANG

Keywords: German language, derivative metaphor, noun, youth slang.

This article is devoted to derivative noun metaphors which – thanks to their rich imagery – are common in spoken language including youth slang. The article deals with the results of the analysis of 122 lexical items which were chosen from electronic and paper dictionaries of the modern spoken German language by the continuous sampling method.

1. Понятие и функции словообразовательной метафоры

Метафора — это троп или когнитивный механизм, который заключается в употреблении слова или выражения, обозначающего одно явление действительности, для характеристики или наименования другого явления на основании коллективных, групповых или индивидуальных ассоциаций. Метафорическая интеракция осуществляется на основе общего признака, выявляемого путем ассо-

циаций между двумя концептами, относящимися к разным дискурсивным зонам — т. н. *tertium comparationis*.

Широкая распространенность метафоры обусловлена многообразием выполняемых ею функций, которые можно выделить, опираясь на классификацию направлений изучения метафоры Г. Н. Складневской [Складневская, 1993, с. 6]:

- 1) эвристическая (познавательная): метафора помогает осмыслить ту или иную область действительности с помощью понятийных структур, сложившихся на базе опыта в других областях;
- 2) когнитивная: метафора позволяет структурировать понятийную систему человека;
- 3) номинативная: метафора является средством номинации индивидов и классов объектов;
- 4) оценочная (характеризующая): метафора «высвечивает» лишь некоторые, наиболее яркие признаки характеризуемого ей денотата;
- 5) экспрессивная (воздействующая): метафора может выступать в качестве эффективного средства убеждения;
- 6) эстетическая: метафора вызывает у реципиента определенные эмоции, эстетическое переживание;
- 7) функция языковой экономии: метафора позволяет кратко охарактеризовать объект.

В этой статье внимание сосредоточено на с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы х метафорах, т. е. таких производных словах, которые обладают только образным значением. Среди словообразовательных метафор немецкого языка наиболее распространены существительные (121 из 169, т. е. 72% проанализированных примеров, отобранных методом сплошной выборки из словарей разговорной лексики современного немецкого языка: «Немецко-русский словарь разговорной лексики» В. Д. Девкина (2000 г.), «Немецко-русский и русско-немецкий словарь сленга» К. В. Шевяковой и М. А. Чигашевой (2015 г.), «Wörterbuch der Jugendsprache» издательства PONS (2013 г.)) Преобладание существительных над другими частями речи объясняется тем, что данный частеречный класс выполняет функцию характеристики, которая позволяет давать емкое определение непосредственно описываемому денотату (что невозможно для призначных частей речи — глаголов и прилагательных).

2. Немецкий молодежный сленг

Молодежный сленг представляет собой функциональную разновидность общенационального языка: с точки зрения фонетики и грамматики он в основном повторяет литературную норму, а его интересные особенности проявляются прежде всего на уровне лексики. К основным признакам сленга относятся [Орлова, 2004; Elsen, 2002]:

- 1) «периферийное» положение по отношению к литературной норме;
- 2) употребление преимущественно в устной речи;
- 3) эмоциональная окрашенность;
- 4) маркирование определенной социальной группы;
- 5) непонятность или малопонятность для других социальных групп;
- 6) подвижность в зависимости от актуальных событий и изменений в жизни общества.

В Германии молодежному сленгу (Jugendsprache) уделяется особое внимание: с 2008 года здесь проводится конкурс «Молодежное слово года» («Jugendwort des Jahres»), результаты которого освещаются в ведущих изданиях страны (Der Spiegel, Die Zeit, Frankfurter allgemeine Zeitung и др.) Издательство PONS ежегодно выпускает «Словарь молодежного сленга» («Wörterbuch der Jugendsprache»). Такой словарь требует регулярного обновления, поскольку молодежный язык постоянно развивается, реагируя на перемены в жизни общества, и «уследить» за ним в рамках обычной лексикографической работы невозможно. Более рациональным с этой точки зрения представляется развитие онлайн-словарей. На сегодняшний день существует множество способов расширения и обновления немецкого молодежного сленга: благодаря развитию компьютерных технологий и росту значения Интернета в жизни общества внедрение новых слов становится возможным для каждого пользователя Twitter, Facebook, Instagram и других социальных сетей. Кроме того, существуют специальные порталы для обсуждения новых слов, например, издательство Langenscheidt собирает материал для своих словарей «100% молодежный язык» («100 Prozent Jugendsprache») через интернет: каждый посетитель страницы <http://www.jugendwort.de> может предложить свое собственное слово или проголосовать за уже предложенные варианты.

3. Лексико-семантические группы метафор-существительных

Метафора разговорной речи имеет антропоцентрический характер, ведь словообразование является не только способом создания новых лексем, но и средством познания окружающего мира и отражения в языке представлений о наиболее важных явлениях действительности, окружающей человека. «Процесс их “означивания” с помощью словообразовательных средств предполагает измерение их значимости для носителя языка, поэтому в словообразовании ярче всего реализуется идея связи сознания со структурой языка» [Вендина, 1998, с. 9].

Как отмечают исследователи, «систематизировать богатейший фонд разговорной метафорики непросто» [Киселева, 2015, с. 8], поэтому ниже представлена лишь одна из возможностей систематизации метафор-существительных — по их семантике (в скобках указано количество примеров в корпусе проанализированных лексем):

I. “Человек” (71)

а) “Внешность человека” (19)

Практически все выявленные лексемы негативно характеризуют внешность человека. Так, можно выделить подгруппу ‘толстый человек’ и такие обозначения большого живота: *das Feinkostgewölbe* — букв. ‘подвал, набитый деликатесами’, *das Hefegeschwür* — букв. ‘дрожжевой нарыв’, *der Schnitzelfriedhof* — букв. ‘кладбище шницелей’.

б) “Поведение и характер человека” (30)

Здесь стоит привести несколько примеров деонимической конверсии (перехода имен собственных в апеллятивные существительные): *der Adolf* ‘главный’, *der Cristiano* ‘воображающий себя футболистом’. Благодаря ассоциативным отсылкам ко всемирно известным личностям (Адольф Гитлер, фюрер Германии в 1934—1945 гг., и Криштиану Роналду, португальский футболист) на определяемое лицо проецируются характерные для этих личностей признаки и таким образом создается особое, образное значение.

в) “Профессиональная деятельность” (10)

Выполняемые человеком профессиональные обязанности характеризуют его не менее ярко, чем особенности его поведения: *der Drehstuhlpilot* — букв. ‘тот, кто управляет вращающимся креслом’, т. е. клерк.

II. “Предметы и явления, окружающие человека” (50)

Окружающий человека мир настолько многообразен, что его полная классификация не представляется возможной. Тем не менее, можно выявить несколько тенденций метафорического наименования предметов и явлений, особенно актуальных для человека.

а) “Транспортные средства” (7)

Знаменательно то, как носители немецкого языка называют свои велосипеды: *der Tretferrari* — букв. ‘«Феррари» с педалями’ (отсылка к автомобилям итальянской компании “Феррари” наводит на мысли о скорости и ярком дизайне, поэтому такое обозначение велосипеда звучит гордо), *die Studentengurke* — букв. ‘студенческий огурец’ (в Европе студенты часто добираются до своих учебных заведений именно на велосипедах), *der Drahtesel* — букв. ‘проволочный осел’ (подчеркивается роль велосипеда как транспортного средства, в качестве которого в прошлом использовались ослы).

б) “Технические средства” (3)

Стоит обратить внимание на две противоположные точки зрения относительно технического прогресса, емко выраженные в следующих лексемах: *das Jesus-Handy* (букв. ‘мобильный телефон, достойный Иисуса Христа’, т.е. айфон; обозначение связано с многофункциональностью айфона и его высоким статусом в глазах молодежи) и *die Gehirnrücke* (букв. ‘костыль для мозга’, т.е. гаджет; эта лексема акцентирует внимание на том, что в современном мире люди зачастую слишком полагаются на свои гаджеты. Понятие *die Krücke* ‘костыль’ вызывает ассоциацию с больной частью тела и, сочетаясь со словом *das Gehirn* ‘мозг’, производит яркое впечатление на реципиента).

в) “Здания и помещения” (5), например, *die Münzmallorca* — букв. ‘Майорка, которую можно дешево купить’, т.е. солярий. Майорка — настолько популярное среди немцев место отдыха, что ее в шутку называют семнадцатой федеральной землей Германии. *Die Münzmallorca* — место, где за небольшие деньги можно загореть, как на Майорке.

г) “Еда и напитки” (8): *die Mafiatorte* — букв. ‘мафиозный торт’, т.е. пицца (шуточное обозначение связано с тем, что пицца является настолько же яркой ассоциацией с Италией, как мафия), *der Hopfenblütentee* — букв. ‘хмельной чай’, т.е. пиво (лексема создана по аналогии со словами *der Lindenblütentee* ‘чай из липового цвета’ и *der Hagebuttentee* ‘чай с шиповником’ и отражает отношение немцев к пиву как к повседневному напитку).

Таким образом, метафорическое значение часто получают композиты (80% проанализированных существительных) за счет переосмысления значения их компонентов, в результате чего возникает яркий, неожиданный образ, который производит сильное впечатление на реципиента за счет «эффекта неожиданности», «эффекта обманутых ожиданий»).

Как показывают приведенные примеры, молодежный сленг может быть не только груб, но и остроумен: некоторые неологизмы свидетельствуют о неординарном чувстве юмора молодых людей и их умении дать краткую, но точную характеристику. Этот лексический пласт языка является важной сферой проявления языкового юмора.

В условиях развивающихся международных контактов представляется необходимым изучение молодежного варианта языка для развития собственной коммуникативной компетенции и во избежание возможных речевых ошибок и непонимания, связанных с его использованием.

ЛИТЕРАТУРА

- Вендина, 1998 — *Вендина Т. С.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
- Киселева, 2015 — *Киселева Н. М.* Словарь метафор немецкой разговорной речи. М., 2015.
- Орлова, 2004 — *Орлова Н. О.* Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник, № 3 (40)/2004. URL: http://vestnik.yvspu.org/releases/novye_issledovaniy/24_6/ (дата обращения: 19.12.2017).
- Скляревская, 1993 — *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Elsen, 2002 — *Elsen H.* Neologismen in der Jugendsprache // Muttersprache, № 2/2002. S. 136–154. URL: <https://core.ac.uk/download/files/454/12174795.pdf> (дата обращения: 19.12.2017).

Рыбакова Наталия Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

natryb77@gmail.com

Научный руководитель – В. Н. Кондрашова, канд. филол. наук

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ УСТАНОВОК В АМЕРИКАНСКОМ РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Ключевые слова: языковая игра, коммуникативная установка, аллюзия, функция языковой игры.

В данном исследовании рассматривается реализация коммуникативных установок говорящего в ситуации языковой игры. Материалом для исследования послужили диалоги из современных американских сериалов. Были выявлены различные приемы языковой игры, используемые для воплощения определенных установок. Были выявлены различные функции языковой игры.

Rybakova Nataliia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

LANGUAGE PLAY AS A WAY OF COMMUNICATIVE REFERENCE REALIZATION IN AMERICAN COMMUNICATIVE BEHAVIOR

Keywords: language play, communicative reference, allusion, function of a language play.

This paper looks upon different kinds of communicative references of a speaker in language play context. Modern American TV series dialogues have been used as the research material. Different language play devices used in certain communicative reference were defined. Different functions typical for language play were identified.

Введение

Языковая игра сопровождает речь человечества с древних времен и является частью карнавальной культуры, однако детальное изучение данного феномена в науке началось относительно недавно. Все определения языковой игры имеют схожий элемент, а именно создание комического эффекта. В данной статье рассматриваются ситуации использования языковой игры в американской лингво-

культуре, в которых данный прием используется не только ради забавы и шутки, но и с целью реализации иных намерений говорящего.

Понятие языковой игры и коммуникативных установок

Под языковой игрой в данном исследовании понимается нетрадиционное использование языковых средств чаще всего с целью создания комического эффекта. [Усолкина, 2002, с. 9]. Важно не смешивать понятия языковая игра и игра слов, так как игра слов является подвидом языковой игры.

Согласно классификации Н. Зауэр языковые игры делятся на имманентные и контекстуальные. [Sauer, 1985, с. 58] Для имманентных языковых игр характерно использование языковых средств, действующих в конкретном тексте. Для данного исследования наиболее интересными представляются случаи контекстуальных языковых игр, то есть игр основанных на многозначности и аллюзии. Наиболее оригинальным и требующим детального изучения является прием аллюзии, так как для его понимания и выявления нужны определенные фоновые знания.

Классификация материала производится по системе коммуникативных установок В. В. Богданова, модифицированной Т. Е. Добровой. Под установкой мы вслед за Богдановым понимаем то, что находится в центре внимания говорящего [Богданов, 1990, с. 34]. Установки делятся на межличностные и внеличностные. К межличностным установкам относятся установки на себя, на адресата, на третьих лиц, к внеличностным — на действительность и на языковые средства [Доброва, 2004, с. 10]. Наиболее частотным в ситуации языковой игры является использование установок на себя и на адресата. Установки на себя характеризуют такие намерения говорящего, как похвала себя, возвышение себя над другими и пр. Установки на адресата используются для реализации различных намерений говорящего: упрек, унижение, заигрывание, просьба, дружеская шутка и др.

В данной статье мы проанализируем такую отличительную особенность коммуникативного поведения американской молодежи в возрасте от 25 до 35 лет как языковая игра, выявим зависимость приемов и функция языковой игры от установки говорящего. Примерами послужили диалоги из американских сериалов «Друзья» («Friends» и «Как я встретил вашу маму» («How I Met Your Mother»).

Установка на себя

Одним из главных намерений в рамках данной установки при использовании языковой игры является стремление похвастаться и возвысить себя над другими, показать свою неотразимость и лучшие качества. Таким образом, языковая игра может выполнять функцию с а м о п р е з е н т а ц и и. В следующем примере диалог происходит между друзьями Джои и Моникой. У Моника скоро планируется свадьба и Джои должен обвенчать ее и ее жениха, выступив в качестве священника. Джои пытается обратить на себя внимание и показать свое превосходство.

Monica: The wedding starts at six.

Joey: Okay. Okay, I totally hear ya. Oo how about this? I vamp a little 'til they get there?

Monica: You'll vamp?!

*Joey: Yeah! Yeah y'know, like warm up the crowd. Ask 'em where they're from. 'Cause in Joey Tribbiani you get a **minister** and you get an **entertainer**. I'm a **minis-tainer!** (Rapping) There is no one better! There is no one greater!*

Friends S07E20

В этом примере говорящий демонстрирует, как его подруге повезло, он одновременно и священник (*minister*) и тамада (*entertainer*) на свадьбе. Для выражения данного намерения говорящий использует прием языковой игры, создавая новое слово-слиток или окказионализм *minis-tainer*.

В рамках установки на себя также встречается намерение выразить свои чувства и эмоции (*экспрессивная функция*), что мы и наблюдаем в следующем примере. Друзья сидят в кафе и едят лучшие в городе бургеры, обмениваясь своими мнениями и выражая свои эмоции.

— Oh, my god. I'm never brushing my teeth again unless it's with a toothbrush made from this burger.

*— I think I just had my first **burg-asm**.*

How I Met Your Mother S04E02

Одна из говорящих настолько восхищена бургером, что использует игру слов, основанную на словообразовании. Она создает окказионализм, соединяя слова *burger* и *orgasm*, получая в итоге *burg-asm*. Таким образом говорящая выражает наивысшую степень своего восхищения от принятия пищи.

Установка на адресата

Несмотря на доброжелательность американцев, молодые люди при симметричных ролевых отношениях могут быть вербально агрессивными и иметь намерение унизить или подшутить над адресатом. Этим можно объяснить столь частотную и н в е к т и в н у ю функцию языковой игры. В следующем диалоге Барни решает подшутить над своим другом Тедом. Сначала он говорит, что Тед выиграл, однако истинное его намерение заключалось в том, чтобы унижить Теда и назвать его неудачником.

- *You okay, Barney?*
- *What can I say, Ted? **You won.***
- *Hi.*
- ***You one... sad, pathetic loser.***

How I Met Your Mother S02E19

В следующем примере эти намерения достигаются с помощью игры слов, основанной на грамматической омонимии. Обыгрывается звучание слов *won* и *one*. *Won* является второй формой глагола *to win*, а *one* — это числительное. Совпадают по звучанию не все, а только некоторые формы данных слов, поэтому мы говорим о грамматической омонимии. Здесь возникает эффект обманутого ожидания так как сначала говорящий говорит своему собеседнику, что тот выиграл (*won*), но на самом деле он подразумевает саркастичное унижение собеседника, позже называя его *one pathetic loser*.

Побудительная паронимия+аллюзия

Еще одним намерением является просьба — п о б у д и т е л ь н а я функция языковой игры. В следующем примере говорящая просит своего друга Росса достать ей билеты на концерт певца Стинга, так как дети Росса и Стинга ходят в один детский сад.

- *Please get the tickets.*
- *I just can't do it.*
- *Yes, you can. Sting says so himself.*
- *What?*
- ***Roooooooss can!***
- *Look, I'm sorry.*
- ***Rooooooss can!***

Friends S08E10

Она выражает свою просьбу с помощью языковой игры, которая одновременно основана на паронимии и аллюзии на песню Стинга Roxanne. Она кричит: “*Rooooooss can*”, подразумевая, что Росс может

взять билеты на концерт, и одновременно напевая строчку из песни “Roxanne”, которая схожа по звучанию с ее просьбой.

Установка на третье лицо

Доминирующей функцией языковой игры в данной группе будет оценочная. Как показывает исследование, коммуниканты любят обсуждать личную жизнь друг друга, особенно, что касается характеристики партнеров. В следующем случае два друга обсуждают парня их общей подружки по имени Макс. Отзывы об этом человеке положительные.

— *Hey, so I talked to Robin. I guess she and Max hooked up last night. Kids, as you may remember, **Max** was a friend of Marshall's from law school... with whom Robin was really starting to hit it off.*

— *Nice! I love that guy. **Max** is both his name and his level of awesomeness.*

How I Met Your Mother S06E05

В данном примере восхищение третьим лицом выражается игрой слов, основанной на омонимии. Говорящий восхищается человеком по имени Мах. Собственно игра слов в данном случае основана на обыгрывании его имени Мах, а также значении слова *max* (сокр. от *maximum*) — наивысшей степени чего-то, в этом контексте речь идет о максимальном уровне великолепия.

Установка на действительность

Использование языковой игры в фатической функции может объясняться желанием американцев поддержать беседу и пошутить, создавая непринужденную атмосферу. Создание комического эффекта можно проиллюстрировать следующим примером. В данном случае два парня договариваются встретиться с двумя девушками, с которыми они только что познакомились. В день их предстоящей встречи обещают снежную погоду и даже метель. Однако это не смущает одного из молодых людей. Он говорит, что они точно будут на месте, подкрепляя это выражением “It’s no problem”.

— *So, why don't we just meet here tomorrow night around 10:00.*

— *I think it's supposed to snow. What do we do if there's a blizzard?*

— *Either way, we'll be here. “**Snow**” problem.*

How I Met Your Mother S04E13

Говорящий демонстрирует свое чувство юмора, используя языковую игру, основанную на фонетической омонимии слова *snow* и части фразы *it's no*, которые в устной речи звучат очень похоже. Вместо *It's no problem* он говорит "*Snow*" *problem*. Своей шуткой говорящий располагает к себе своих собеседников.

Установка на языковые средства

Для установки на языковые средства характерна людическая и парольная функции языковой игры, так как данный вид установок как раз открывает возможности для игры с буквами и словами ради развлечения.

Следующий пример является результатом языковой игры или шутки, выполняющей парольную функцию для двух друзей из пяти. Робин и Тед имеют такую традицию: каждый раз, когда в чьей-то речи они слышат омоним воинского звания: *general*, *colonel*, *major* они начинают отдавать честь и повторять данное слово после говорящего. Причем то, что следует после вышеупомянутых слов, будет считаться якобы фамилией лица, обладающего воинским званием.

Marshall: Everyone knows March has 31 days. It's general knowledge.

Ted, Robin: [saluting] General Knowledge.

Marshall: I have this kernel stuck in my teeth.

Ted, Robin: [saluting] Colonel Stuckinmyteeth.

How I Met Your Mother S03E09

Языковая игра в данном случае будет основана на омонимии *general* (общий) и *general* (генерал), *kernel* (зернышко) и *colonel* (полковник).

Заключение

Для всех установок характерно следующее процентное соотношение функций языковой игры: 1) фатическая функция — 23,1%; 2) оценочная функция — 23,1%; 3) экспрессивная функция — 12,8%; 4) инвективная функция — 10,2%; 5) функция самопрезентации — 7,7%; 6) побудительная функция — 7,7%; 7) парольная функция — 7,7%; 8) людическая функция — 7,7%. Как видно из исследования, наиболее частотными функциями являются фатическая и оценочная.

Наиболее часто встречается использование языковой игры в установке на адресата и на себя. Это можно объяснить тем, что

в рамках данных установок адресант может добиться реализации наибольшего количества своих намерений.

Использование языковой игры характеризует лингвокреативную языковую личность. Более того, результаты исследования показали, что использование языковой игры помогает достичь не только комического эффекта, но осуществление различных коммуникативных интенций говорящего, среди которых просьба, комплимент, хвастовство, издевка, угроза и т. д. Перспективным видится дальнейшее исследование проблемы перевода высказываний с языковой игрой с английского на русский язык с целью сохранения прагматических намерений языка оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов, 1990 — *Богданов В. В.* Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
- Доброва, 2004 — *Доброва Т. Е.* Слитные речевые акты при реализации различных установок говорящего в английской диалогической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 18 с.
- Усолкина, 2002 — *Усолкина А. В.* Языковая игра как текстообразующий фактор: автореф. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Sauer, 1985 — *Sauer N.* Übersetzungsprobleme der spielerischen Texte / N. Sauer. Tübingen: Niemeyer, 1985. 248 p.

Токмаков Данила Вячеславович

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

physics.mail.ru@mail.ru

Научный руководитель – Э.И. Мячинская, канд. филол. наук

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОГОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ)

Ключевые слова: языковая картина мира, языковая репрезентация, англоязычные газеты.

Статья посвящена анализу фрагмента языковой картины мира, связанной с погодно-климатическими явлениями (на материале американских, британских и индийских электронных англоязычных газет). Цель работы – анализ способов создания фрагмента картины мира в сфере газетных публикаций. Фрагмент носит промежуточный характер, так как ему свойственны особенности как научной картины мира, так и языковой.

Tokmakov Danila

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

FEATURES OF LANGUAGE REPRESENTATION OF WEATHER CONDITIONS IN ENGLISH ONLINE NEWSPAPERS

Keywords: collocations, weather terms, linguistic worldview, language representation.

This paper examines a fragment of the linguistic worldview of the English-speaking world related to weather conditions (based on American, British and Indian online newspapers). The research is aimed at the analysis of said fragment. The fragment has a mixed structure since all its features are related to both science and fiction.

Концептуальная и языковая картины мира

Концептуальная картина мира состоит из образов, представлений, понятий, установок и оценок и складывается как в предметной и познавательной деятельности человека, так и в ходе ознакомления человека со всеми многочисленными описаниями мира, предлагаемыми ему другими людьми в виде разнообразных речевых произведений, т. е. письменных и устных текстов [Кубрякова 1988, с. 143].

Языковая картина мира (ЯКМ) представляет собой совокупность всех знаний о мире, запечатленных в языковой форме, и фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным лингвокультурным сообществом [Хомякова, Петухова, 2014, с.82]. «Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями», — считает В. А. Маслова [Маслова, 2001]. ЯКМ — это в первую очередь образование, информация об окружающей действительности, запечатленная в индивидуальном и коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка. Наиболее наглядно характер ЯКМ представлен в лексике, поскольку именно благодаря ей возможно «членение» действительности. Учитывая основную роль лексики в формировании ЯКМ, необходимо отметить наличие текста как субстанции, которая и воплощает в себе ЯКМ и в которой реализуются различные языковые формы. Нет сомнения в том, что ЯКМ отражается в сознании носителя, находит свое воплощение в разного рода текстах, и ее основная характеристика — специфическая языковая реализация.

Анализ языкового материала

Мы рассматриваем такие американские, британские и индийские газеты, как *The New York Times*, *Los Angeles Times*, *The Boston Globe*, *The Guardian*, *The Daily Telegraph*, *The Times of India*, *Hindustan Times*, *The Hindu*. Анализу подвергается материал, связанный с погодно-климатическими явлениями (статьи, прогнозы погоды). Проведение контент-анализа статей из выделенных нами газет позволяет увидеть не только языковые различия, а именно то, как описываются те или иные погодно-климатические явления, какие лексические единицы используются при их описании, но и способы презентации информации (статья, прогноз погоды).

Все картины мира взаимосвязаны, а значит, можно предположить, что эта связь реализуется и в текстах. Рассматриваемая нами тема сильно отличается от художественной литературы или, скажем, философии. На физико—математическую литературу она также не похожа, поскольку не содержит большого количества научной информации и «сухого» математического языка. Однако, необходимо отметить, что информация о погодных явлениях и катастрофах, чего не скажешь, например, о статьях, посвященных вопросам моды и дизайна, сопровождается разнообразными существенными дополнениями: статистические данные, ссылки на различные ис-

точники, комментарии очевидцев событий. Это дает нам право рассматривать данный материал, учитывая особенности, свойственные как научной и научно—популярной литературе, так и публицистической.

В рассмотренных электронных версиях англоязычных газет были установлены следующие интересующие нас закономерности: во всех газетах без исключения присутствуют статьи о погодно—климатических явлениях и катастрофах, прогнозы погоды часто сопровождаются дополнительной информацией о влажности воздуха, скорости ветра и т. д. Электронный ресурс газеты «Лос-Анджелес Таймс», например, вместе с семидневным прогнозом погоды предлагает читателю также и карту фактической температуры районов западного побережья США. Большое количество статей сопровождается разнообразными статистическими данными: количество погибших, причиненный ущерб. Наблюдается присутствие специальной лексики, терминов, которые читатель с наибольшей вероятностью может встретить в научной или научно-популярной литературе, посвященной определенному природному явлению (цунами, торнадо, землетрясение). В статье «A Tornado Struck Revere Two Years Ago Today. Just How Rare Are Tornadoes Here?», опубликованной на сайте boston.com, есть таблица, состоящая из индексов, которые присваиваются торнадо, значений силы ветра, характерных для того или иного индекса, и приближенной оценки ожидаемого ущерба. Данная таблица предоставлена американской службой NOAA — National Oceanic and Atmospheric Administration (Национальное управление океанических и атмосферных исследований). Присутствует картинка, на которой схематично изображен механизм формирования и циркуляции воздушных масс во время торнадо, и которая также представлена упомянутым ранее управлением США. Учитывая, что данные представлены соответствующими авторитетными службами и носят специфический характер, такого рода статьи уже можно отнести не только к публицистическому жанру, но и к научному. Об этом свидетельствует также монологический характер повествования, время от времени встречающийся в некоторых статьях, объективность и последовательность изложения, строгий отбор языковых средств, логичность.

С другой стороны, обращая внимание на лингвистические особенности представления информации о погоде, необходимо отметить наличие специальных лексических изобразительно-выразительных средств языка, свойственных художественной и публицистической литературе. В примере №1 «Italians Comb Through Rubble

After Quake» из «Нью-Йорк Таймс» можно выделить следующий отрывок: «*It was **the worst** in Italy since a 6.9-magnitude earthquake struck Eboli, south of Naples, in 1980, killing more than 2,700 people*». В качестве специальных лексических изобразительно-выразительных средств языка выступает сравнение, выраженное превосходной степенью прилагательного *bad*. Превосходная степень «*the worst*» показывает, что данный признак природной катастрофы проявляется в наибольшей степени, и позволяет читателю сделать выводы относительно случившейся катастрофы и осознать масштабы разрушений. Наличие комментариев очевидцев событий также вносит свой вклад в формирование статьи и определяет ее эмотивную составляющую. В примере № 2 «Rescuers Search Rubble in East China After Tornado Kills at Least 98», опубликованном на сайте *latimes.com*, присутствует такой комментарий: «*The people inside tried to run outside, but the wind was **too strong** so they couldn't*». Человеческий фактор, являющийся наиболее существенным для такого рода комментариев, как бы предопределяет эмотивную семантику используемого слова, поскольку именно отношение субъекта к объекту продуцирует коннотацию в слове и ее актуальный эмоциональный знак — положительно или отрицательно окрашенный (например, прилагательное *strong*, употребляющееся в контексте трагедии и разрушений). Таким образом, наличие стилистической экспрессивности играет очень важную роль в представлении информации о природных явлениях и катастрофах и является неотъемлемым компонентом ЯКМ. «Примечательно, что экспрессивность как аспект семантики языковой единицы имеет ряд составляющих, которые, как нам представляется, можно квалифицировать как облигаторные коннотативные семы, реализующиеся полностью или частично в речи: интенсивность, оценочность, образность, эмотивность», — считает С. В. Коростова [Коростова, 2009, с. 88]. Пример № 3 демонстрирует нам высказывание водителя бетономешалки, который давал интервью агентству Франс-Пресс: «*The sky was **completely dark**. I **was scared**, but I had nowhere to run. I had to wait it out*». В данном примере мы имеем употребление такого эмотивного глагола, как «*to scare*», что также демонстрирует наличие эмотивной составляющей высказывания. Другим очень важным лексическим «инструментом» является эксплицитное лексическое средство градации, выраженное интенсификатором «*completely*» в словосочетании «*completely dark*». Этот интенсификатор усиливает семантику прилагательного *dark*, тем самым выражая определенную характеристику эмоционального спектра, проявление которой говорящий — в данном случае это водитель бетономе-

шалки — считает релевантной для сообщения и поэтому стремится донести ее до своего собеседника. Таким образом, структурная организация текстов, посвященных погодно-климатическим явлениям, изобилует разноплановыми составляющими, а спектр лингвистических приемов весьма разнообразен. Помимо присутствующих в текстах статистических данных, схем и ссылок наблюдается наличие стилистической экспрессивности, использование метафорического употребления лексических единиц, качественных прилагательных, эмотивных глаголов.

Рассматриваемая нами группа прогнозов погоды делится на две подгруппы: прогноз-схема и текстовый прогноз. Для прогноза-схемы характерно наличие таких компонентов, как термины, специальные символы, обозначающие состояния погоды, значения физических величин, интерактивные анимированные карты и специфическая, несколько ограниченная словесная информация. В них широко распространено использование устойчивых выражений идиоматического характера (*напр. light winds*), отдельных существительных и прилагательных, встречаются также предикативные структуры. В качестве примера №4 рассмотрим отрывок текстового прогноза из «Дейли Телеграф»: «*Parts of Britain are expected to experience the coldest temperatures in four years this weekend, as the mercury falls as low as minus 15C during the first widespread cold snap of the winter. The Met Office issued severe weather warnings for snow across the Scottish Borders and northern England for Wednesday night, where up to 10cm was expected to have fallen on higher ground.*». Данный пример демонстрирует нам употребление такого стилистического приема, как метонимия. Действительно, в предложении «... as the mercury falls» существительное *mercury* является замещающим словом и употребляется в переносном значении. Наличие субъектного инфинитивного оборота (*subject infinitive construction; напр. are expected to*), редко встречающегося в репортажах, посвященных погодно-климатическим явлениям, вводит дополнительный компонент аналитичности в изложение. В тексте присутствуют термины (*напр. cold snap*). Отметим, что лексическая единица *cold snap* употребляется в значении «заморозки». Словосочетание *severe weather*, которое не раз встречалось нам в репортажах при описании природных явлений, в данном примере выступает в качестве атрибутивной конструкции и является определением к существительному *warning*. Это существительное часто встречается в прогнозах погоды и употребляется в значении «предупреждение». Для рассмотренных нами текстовых прогнозов характерно наличие стилистических приемов, интенсив-

ных прилагательных, специальных метеорологических терминов, значений физических величин и наречий образа действия. По своим характеристикам текстовые прогнозы значительно отличаются от репортажей, поскольку обладают собственными лингвистическими особенностями и осуществляют иные функции по сравнению с рассматриваемыми статьями. Все перечисленные характеристики свойственны всем рассматриваемым газетам. Однако, важной особенностью является то, что индийские газеты не стремятся создавать полноценные текстовые прогнозы.

Рассматривая репортажи, посвященные погодно-климатическим явлениям, необходимо обратить внимание и на наличие контекстных расширений. Они обычно содержат в себе информацию о мерах, принятых для борьбы с последствиями природных катастроф. Отмечается, что такая информация способна и призвана побуждать читателя и к эмоциональным переживаниям, и к реальным действиям. Нет никаких сомнений в том, что данный компонент газетной статьи вносит дополнительную эмотивную составляющую и особенным образом воздействует на реципиента.

Выводы

- Специфика данной темы демонстрирует смешение компонентов научного и публицистического жанров повествования.
- Можно выделить три формирующих газетную статью составляющих: погодно—климатическое явление, комментарии очевидцев, последствия, выраженные действиями, направленными на ликвидацию последствий природной катастрофы.
- Информация, связанная с мерами, направленными на ликвидацию последствий природной катастрофы, всегда продуцирует определенный отклик и направлена на стимуляцию прагматической реакции реципиента. Таким образом, это позволяет создаваемому контексту приобретать свои собственные индивидуальные черты, выделяться из общего ряда, и такой контекст может квалифицироваться уже не как ситуативный, а как «поведенческий».
- При сравнении трех национально-лингвистических вариантов языковой картины мира некоторые особенности, свойственные индийской картине мира, отличаются от того, что демонстрируют нам американская и британская картины мира. Для индийских электронных англоязычных газет характерно отсут-

ствии текстовых прогнозов погоды, а предмет описания, статьи, представлен реже чем в британских и американских газетах. В остальном же все рассматриваемые нами электронные англоязычные газеты демонстрируют схожие методы репрезентации погодно-климатических явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Коростова, 2009 — *Коростова С. В.* Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 103. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-kak-funktsionalno-semanticheskaya-kategoriya-k-voprosu-o-terminologii> (дата обращения: 30.01.2017).
- Кубрякова, 1988 — *Кубрякова Е. С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / ИЯ АН СССР / отв. ред. Б. А. Серебrenников. М., 1988.
- Маслова, 2001 — *Маслова В. А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для вузов. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Хомякова, Петухова, 2014 — *Хомякова Е. Г., Петухова Т. И.* Лингвокультурология: Истоки и проблемы: учеб. пособие / отв. ред. А. В. Зеленщиков, О. В. Емельянова. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014. 132 с.

Маврина Елена Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

len.mavrina2012@yandex.ru

Научный руководитель – К.Р.Новожилова, канд. филол. наук

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЕГО ФУНКЦИИ В РОМАНЕ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА «УЛИСС» («ULYSSES»)

Ключевые слова: окказионализм, неологизм, окказиональное словообразование, индивидуальный стиль, поток сознания.

Изучение окказионализмов и окказионального словообразования напрямую связано с изучением индивидуального стиля Джеймса Джойса. В настоящей статье мы обращаем особое внимание на основные способы, модели образования окказионализмов и их роль в романе Джеймса Джойса «Улисс» («Ulysses»).

Mavrina Elena

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

NONCE WORDS FORMATION AND ITS FUNCTIONS IN *ULYSSES*, A NOVEL BY JAMES JOYCE

Keywords: nonce word, neologism, nonce words formation, individual style, stream of consciousness.

The studies of nonce words, nonce words formation, and James Joyce's individual style are directly connected. In the article, we pay special attention to the main methods, models of nonce words formation and to the role they play in «Ulysses», a novel by James Joyce.

1. Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных анализу неологизмов, окказионализмов и окказионального словообразования, проблема окказиональности остается спорным и неоднозначным вопросом языкознания.

2. В лексикологии не существует единства мнений относительно лингвистического статуса окказионализмов, их места в терминологической системе неологии, что приводит к терминологическому разнобою. Термин «окказионализм» (от лат. *occasio* — ‘случайность’) был впервые употреблен в статье Н. И. Фельдман «Окказиональные

слова и лексикография» [Фельдман, 1957, с. 64–73]. В лингвистической литературе по данной проблеме окказионализмы называются также вербойдами, индивидуально-авторскими новообразованиями, художественными / творческими / стилистическими / индивидуальными неологизмами, словами-самоделками, словами-метеоролами, словами-однодневками, эгологизмами, произведениями индивидуального речетворчества, а также эфемерными инновациями. Вышеуказанным терминам эквивалентны английские обозначения *occasional words*, *nonce words*, *nonce formations*, *ad hoc formations*. Термин *nonce words* часто ошибочно связывают с английским словом *nonsense* — ‘абсурд’, ‘нонсенс’, ‘бред’, ‘ерунда’, ‘чепуха’. В действительности же происхождение данного термина связано с устаревшим выражением *for the nonce*, переводящимся как ‘для данного, конкретного случая’.

3. Окказиональность как нарушение семантической валентности (*almosting* — ‘постепененькаю’, *underdarkneath* — ‘подчернотую’, *yogibogeybox* — ‘йогобогомуть’, *loudlatinlaughing* — ‘громопокатываюсь с латиносмеху’ и др.) противопоставлена узуальности (т. е. каноничности).

4. Понимание смысла окказионализмов всегда контекстуально обусловлено. Принадлежность окказионализма конкретному автору, экспрессивность и безэквивалентность часто осложняют процесс декодирования, интерпретации его значения. Окказионализм всегда представляет собой нарушение литературной нормы. Принадлежность конкретному лицу, таким образом, — один из фундаментальных признаков окказионализмов, именно поэтому В. В. Лопатин считает, что термин «эгологизм» является достаточно корректным для характеристики окказионализмов [Лопатин, 1973, с. 22–23].

5. Окказионализмы не следует отождествлять с неологизмами. Неологизмы возникают вместе с определенными реалиями общества, сосуществуют с ними, а затем могут потерять новизну, выйти из языкового оборота, т. е. стать архаизмами. Неологизмы, таким образом, всегда проходят стадию своеобразной апробации членами общества. Характерной особенностью окказионализмов является их постоянная новизна, необычность и «диковинность» [Лыков, 1976, с. 74].

6. Окказионализм является производным словом, представляя собой достаточно свободную комбинацию морфем. Уникальные окказионализмы Джеймса Джойса в его романе «Улисс» («Ulysses») чаще всего создаются автором с помощью таких способов словообразования как словосложение, словослияние, суффиксация

(*anythingarian* — ‘всяковер’, *nutarians* — ‘бобрианицы’, *fruitarians* — ‘фрукторианицы’, *horseness* — ‘лошадность’, *whatness* — ‘чтойность’), оноματοпея (звукоподражание) в сочетании с приемами аллитерации / ассонанса и лексического повтора.

7. В результате словосложения и словослияния возникают так называемые «слова-саквояжи», «смысловые блоки» (*hoofirons* — ‘цоконьт’, *shellcocoacoloured* — ‘цвета шелухи от бобов какао’, *yellowslobbered* — ‘желтослюнявый’, *snotgreen* — ‘сопливозеленый’, *dunducketymudcoloured* — ‘чернорыжегрязноболотный’, *glareblareflare* — ‘ревотресковой’, *groangrousegurgling* — ‘визготреско-скрипячий’, *stickumbrelladustcoat* — ‘плащезонтрость’, *helterskelterpelterwelter* — ‘скулежгалдежвсемневтерпеж’, *mooncarole* — ‘лунаролы’, *womoonless* — ‘бездамный’, *Brutish Empire* — ‘Бритадская империя’, *Irelandear* — ‘Ирландия родная’, *whowhat brawlaltogether* — ‘побоище’).

8. Обыгрывая имя путешественника Синбада-морехода, Джойс создает комическую серию окказионализмов при помощи суффиксации: *He rests. He has travelled. With? Sinbad the Sailor and Tinbad the Tailor and Jinbad the Jailer and Whinbad the Whaler and Ninbad the Nailer and Finbad the Failer and Binbad the Bailer and Pinbad the Pailer and Minbad the Mailer and Hinbad the Hailer and Rinbad the Railer and Dinbad the Kailer and Vinbad the Quailer and Linbad the Yailer and Xinbad the Phthailer. When? Going to dark bed there was a square round Sinbad the Sailor roc’s auk’s egg in the night of the bed of all the auks of the rocs of Darkinbad the Brightdayler. Where?* — ‘Он отдыхает. Он странствовал. И с ним? Синбад-Мореход и Минбад-Скореход и Тинбад-Тихоход и Пинбад-Пешиход и Винбад-Вездеход и Линбад-Луноход и Финбад-Виноход и Ринбад-Ракоход и Кинбад-Коновод и Бинбад-Шутоход и Шинбад-Чудоход и Зинбад-Обормот и Чинбад-Сумасброд и Динбад-Дремоход и Хинбад-Храпоход. Когда? На пути к темной постели было квадратное круглое Синбад-Мореход птицы рух гагары яйцо в ночи постели всех гагар птиц рух Темнобада-Солнцевосхода. Куда?’ Этот пример наглядно демонстрирует «шуткосерьезность» идиостиля Джойса (*jocoserious*: этим окказиональным прилагательным Джойс описывал свой стиль).

9. Значительная часть окказионализмов в романе создана с помощью оноματοпеи. Текст романа характеризуется особой музыкальной аранжировкой, пронизанной звуковыми комплексами (*lugigugubrious* — ‘угугугрюмый’, *doggybowwowsyowwowsy* — ‘собачка-гавгавгавчик’, *greaseaseabloom* — ‘сальнозасаленный’, *jiggedy jiggedy* — ‘ногами на месте возит-возит’, *pigeons roocoocoed* — ‘гургурулили голуби’). Важную роль играет повторение звуковых элементов в це-

почке авторских окказионализмов: *The car jingles tooraloom round the corner of the tooraloom lane. Corny Kelleher again reassuralooms with his hand. Bloom with his hand assuralooms Corny Kelleher that he is reassuraloomtay. The tinkling hoofs and jingling harness grow fainter with their tooralooloolooloo lay.* — 'Позвякивая, пролетка поворачивает труляля за угол труляля переулка. Корни Келлехер еще раз заверяет труляля Блума. Блум ответно уверяет труляля Корни Келлехера в том, что он совершеннейше затру-зая-за-труляля заверен. Цоканье копыт, звяканье сбруи становятся глуше по мере их труляля ляля удале ляля труляленья'.

10. Итак, окказионализмы в романе Джойса «Улисс» («Ulysses») демонстрируют потенциал словообразовательной системы английского языка, а также являются средством создания авторских экстраординарных образов. В художественном произведении изобилие окказионализмов может быть результатом намеренного отклонения автора от фонетической, лексической и грамматической норм литературного (кодифицированного) языка. Окказионализмы в романе Джойса производят эпатазирующий, фасцинирующий эффект на читателя и составляют неотъемлемую часть техники «потока сознания», идиостиля и языкового новаторства писателя. Таким образом, восприятие окказионализма читателем, с одной стороны, субъективно, а, с другой стороны, подчинено мировоззрению, стилю и коммуникативной установке автора, создателя, творца окказионализмов. Словотворчество является уникальной чертой стиля романа «Улисс» («Ulysses»), который принес ирландскому писателю Джеймсу Джойсу мировую славу. Джойс писал следующее о своем романе «Улисс» («Ulysses»): «Я загадал столько загадок и головоломок, что ученым потребуются века, чтобы разгадать, что же я имел в виду, и это единственный путь обеспечить бессмертие».

ЛИТЕРАТУРА

- Лопатин, 1973 — Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.
- Лыков, 1976 — Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.
- Фельдман, 1957 — Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 64–73.

Найлз Вероника Давидовна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

veronikaniles@gmail.com

Научный руководитель – А.А.Аствацатуров, канд. филол. наук

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТОВ “ART” И “BEAUTY” В СКАЗКЕ О.УАЙЛДА «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИНФАНТЫ» («THE BIRTHDAY OF THE INFANTA»)

Ключевые слова: концепт, тематическая сетка, искусство, красота.

В статье описываются лингвистические средства, эксплицирующие базовые художественные концепты авторского мировоззрения в тексте сказки О.Уайлда «День рождения Инфанта». Методом тематической сетки, разработанным И.В.Арнольд, выявлены основные тематические группы лексем, способствующие раскрытию эстетической концепции Уайлда.

Niles Veronika

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPTS ART AND BEAUTY IN OSCAR WILDE’S FAIRY TALE *THE BIRTHDAY OF THE INFANTA*

Keywords: concept, thematic net, art, beauty.

The article describes the linguistic means representing the basic concepts of the author’s philosophy of life in Oscar Wilde’s fairy tale *The Birthday of the Infanta*. Applying the «thematic net» method developed by I.V.Arnold, the main thematic lexical groups helping to discover Oscar Wilde’s aesthetic standpoint are identified.

Оскар Уайльд — один из самых значительных писателей конца XIX века оставил богатое и разнообразное литературное наследие. В атмосфере противоречивых идей викторианской эпохи Уайльд занял позицию проповедника эстетизма, для которого красота превыше морали, а искусство выше реальности. Он пропагандировал свои взгляды на искусство, одновременно выступая против всего традиционного, предсказуемого, утилитарного.

Яркое выражение эстетической позиции писателя нашла в сказках, анализ которых позволяет увидеть, как его философские и эстетические взгляды преломляются в сказочном жанре.

Каждое литературное произведение представляет собой способ отражения эстетической реальности, выраженной лингвистическими средствами. Пытаясь наиболее полно раскрыть сущность интересующих автора явлений, он расставляет акценты таким образом, чтобы привлечь внимание читателя к доминантным смыслам текста.

Многое из того, что выражено в тексте сказки «День рождения Инфанты», отражает эстетические представления Оскара Уайлда. Исходя из его философско-эстетических взглядов на природу художественного творчества, можно видеть, что концепты “Art” и “Beauty” являются центральными в мировоззрении писателя.

Концепты в художественном тексте могут быть выявлены из совокупности языковых единиц, раскрывающих одну тему. На поверхностном уровне они выражаются словами, словосочетаниями и предложениями одной семантической области, что обуславливает и определенную цельность и связанность текста, а ключевой концепт представляет собой ядро авторской художественной картины мира.

Большое значение для формирования концептов имеют повторяющиеся в тексте слова, участвующие в формировании темы художественного произведения. Такую тему можно выявить при помощи анализа внутритекстовых семантических связей методом тематической сетки [Арнольд, 1984].

Тематической сеткой текста является набор повторяющихся в нем сем. Наличие общих компонентов в семном составе денотативных значений или в коннотациях разных слов, обнаруживается по лексическим связям слов в тексте. Наличие таких связей проверяется по тезаурусу Роже. Слово можно признать тематическим, если у него обнаруживается наличие лексических связей с несколькими последующими словами [Арнольд, 1984].

Понятие тематической сетки тесно связано с понятием тематического поля, трактуемого как «множество слов, покрывающих определенную область человеческого опыта и, следовательно, связанных по значению» [Арнольд, 1984, с. 3]. Эти связи устанавливаются с помощью компонентного анализа, позволяющего выявить интегрирующий компонент, по которому слова объединяются в поле.

Обладая рядом общих характеристик, поле и сетка отличаются по сути: тематическое поле является понятием уровня языка, тематическая сетка — явление текста.

Концепт “Art” в семантическом пространстве языка связан со знаниями об эстетических свершениях и имеет колоссальное значение для общечеловеческой культуры. Лексема “Art” в словарной статье характеризуется с двух позиций: искусство как высшая духовная сфера, эстетико-интеллектуальная форма деятельности и искусство как ремесло, род занятий. Кроме того, важно отметить, что art является продуктом деятельности человека и непосредственно противопоставляется природе: *‘human skill as opposed to nature’* [COD].

Обращает на себя внимание тот факт, что словарная дефиниция лексемы “Art” в словаре MacMillan содержит сему “beautiful”: *‘created to be beautiful’*; *‘something that has value because it is beautiful’* [MM]. Таким образом, очевидно, что эти понятия связаны в системе языка и входят в одно семантическое поле.

Собственно словоформа art в тексте сказки встречается только один раз в составе производного *artists*. Поэтому в сферу исследования были включены лексические единицы, связанные с этим понятием средствами семантической производности: антонимы, синонимы, однокоренные слова.

К тематической сетке Art были отнесены лексемы *garden, theatre, show, play, arena, stage, act, ceremony, entertainment*.

В сказке с самого начала вводится противопоставление *natural — artificial*. Для Уайлда искусство прямо противопоставлено природе. Сад Инфанты в сказке воплощает искусственность. Сад, хотя и создается из природных элементов, однако они отобраны и специально организованы таким образом, чтобы удовлетворять эстетическим потребностям человека. В саду растут розы, тюльпаны, магнолии, лимоны и гранаты. Все эти растения искусственно культивируются садовниками для того, чтобы приносить наслаждение. Красота магнолии описывается через сравнение со слоновой костью — природным материалом, искусственно обработанным и служащим для изготовления украшений: *globe-like blossoms of folded ivory* [BI, p. 109]; а на крыльях бабочек — золотая пыльца *gold dust on their wings* [BI, p. 109].

Исследователи не раз отмечали, что в описаниях Уайлда природа подражает искусству. В дворцовом саду искусственно создан мир, превосходящий мир естественной природы и отделенный от общества. Природа отвергается в пользу творения человеческих рук.

Дворцовый сад противопоставляется лесу, как естественное природное противопоставлено искусственному. Лес представлен читателю через эмоциональное восприятие Карлика, который сам является частью Природы. Это его дом, и он чувствует себя там лег-

ко и свободно, наслаждаясь общением с лесными обитателями и радуясь смене времен года. Принцесса же предпочитает играть в прятки среди холодных каменных ваз и старых замшелых статуй, а не кормить ручных голубей и кроликов среди зеленых деревьев и высоких папоротников. И ее платье украшено жемчугами, а не красными ягодами брионии.

Тема “Art” находит дальнейшее развитие в сценах описания праздника, устроенного в честь Инфанты. Все, что происходит на арене, подпадает под словарную дефиницию ‘*human skill as opposed to nature*’; ‘*skilful execution*’. Тематическую сетку образуют слова и словосочетания, относящиеся к сфере исполнительского искусства и мастерства. Компонентный анализ позволяет установить интегрирующий компонент, по которому слова объединяются в поле. Так, например, интегрирующим признаком поля, в которое входят слова *theatre, show, play, arena, stage, act, ceremony, entertainment* является значение *performing*, что позволяет отнести их к лексико-семантическому полю “*performance*”.

Праздник, устроенный в честь Инфанты, — это манифестация различных видов исполнительского искусства, в соответствии с философией Уайлда, во многом превосходящего реальную жизнь и природу. Однако, именно в этой сфере парадоксы Уайлда, со всей очевидностью опровергают его утверждение об аморальности искусства и направлены против праздных представителей правящих сословий, которым вымышленные беды раскрашенных марионеток кажутся очень реалистичными и трогают до слез, а реальные страдания живого человека представляются неестественными и вызывают насмешки и безразличие.

И таким же образом как этическое и эстетическое неразрывно связаны в реальной действительности, также естественна их взаимосвязь в художественном произведении, отражающем эту действительность. И у Уайлда тема соотношения прекрасного и нравственного находится в центре внимания, а конфликт внешней и внутренней красоты и уродства составляет основную коллизию сказки «День рождения Инфанты».

Большое количество тематических слов, содержащих семы со значениями “*beautiful*” и “*ugly*”, подчеркивает центральность темы Beauty. В тексте сказки к лексико-семантическому полю “*beauty*” могут быть отнесены следующие лексемы: *beautiful, pretty, charming, fair, fine, nice, lovely, handsome, dainty, splendid, magnificence, graceful, wonderful, marvelous*, которые образуют тематическую сетку.

Определения, встречающиеся в тексте, чаще всего характеризуют внешность персонажей и предметы дворцового интерьера. При этом на семантическом уровне четко прослеживаются связи концептов “beauty” и “Art”, “beauty” и “ugliness”. В тексте сказки наблюдаем многочисленные слова, образующие тематическую сетку «ugliness»: *ugly, grotesque, monster, hideous, foul, plain, horrible, loathsome, clumsy, ridiculous*

Инфанта — творение искусства — верх совершенства. Карлик — создание природы — уродливое существо *a little misshapen thing that Nature (...), had fashioned for others to mock at* [BI, p. 118]

Конфликт красоты и уродства, искусства и природы достигает своей кульминации во Дворце, где Карлик впервые видит свое отражение в зеркале.

В тексте сказки в описании дворцовых интерьеров концепты “Art” и “Beauty” объективируется в виде артефактных образов: картин, скульптур, мебели и аксессуаров, украшений и драгоценных камней.

Тематическую сетку «искусство как ремесло, род занятий» составляют лексико-семантические группы скульптурного, живописного и ювелирного искусства, драгоценных металлов и минералов. Они служат контрастным фоном, на котором разворачивается трагедия маленького Карлика. Столкнувшись с прекрасным, он не выдерживает и погибает от осознания своего уродства и невозможности осуществить свою мечту. Красота Инфанта отняла жизнь у Карлика.

Понятие “beauty” включает признаки внешнего и внутреннего свойства. Внешность красивого человека ассоциируется, осознанно или неосознанно, с представлением о его внутренней красоте, тем самым вызывая положительную эмоциональную реакцию. Однако внешняя красота Инфанта никак не связана с ее внутренними душевными качествами. Смерть Карлика от разбитого сердца оставляет ее равнодушной.

И хотя, казалось бы, в сказке «День рождения Инфанта» Уайлд неотступно следует принципам и постулатам эстетизма, ее финал парадоксальным образом наполнен сильным морально-нравственным смыслом.

Исследование внутритекстовых лексико-семантических связей подтверждает, что основными темами сказки Оскара Уайлда «День рождения Инфанта» являются взаимоотношение искусства и реальности, прекрасного и безобразного. Анализ и описание языковых репрезентаций концептов “Art” и “Beauty” методом тематической

сетки позволяет сделать вывод о большем влиянии индивидуально-авторской картины мира и его философской позиции на выбор языковых средств художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд, 1984 — *Арнольд И. В.* Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л., Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. С. 3–11
- COD — The Concise Oxford Dictionary.
- MM — MacMillan Online Dictionary.
- RT — Roget's Thesaurus of English Words and Phrases.
- VI — *Wilde O.* The Birthday of the Infanta // *Wilde O.* Fairy Tales. M., Progress Publishers, 1977. С. 133–177.

Шаньгина Полина Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

seriousprawn@gmail.com

Научный руководитель – А.Х.Абдильманова, канд. филол. наук

ИМПЛИЦИТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ ПЬЕС НАЧАЛА XXI ВЕКА)

Ключевые слова: имплицитные высказывания, драматургический дискурс, импликатура, принцип кооперации, принцип вежливости, коммуникативная стратегия.

Статья посвящена исследованию имплицитных высказываний в английском драматургическом дискурсе, анализу способов создания импликатур, в частности, различных тропов и фигур речи, хеджей, намеков, под- и интертекста и риторических вопросов, а также описанию коммуникативных тактик и стратегий, реализуемых с их помощью. В качестве материала исследования использованы оригинальные тексты произведений П.Марбера, Л.Уэйд, П.Тил, Дж.Фитч, М.Эдсон и других современных британских драматургов, творивших в начале XXI века.

Shangina Polina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

IMPLICIT UTTERANCES IN ENGLISH DRAMATIC DISCOURSE (BASED ON BRITISH PLAYS FROM THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY)

Keywords: implicit utterances, dramatic discourse, implicature, cooperative principle, politeness principle, communicative strategy.

This article is devoted to the analysis of implicit utterances within English dramatical discourse. The body of the research includes an analysis of an array of implicature coding devices, such as various tropes and figures of speech, hedges, hints, sub- and intertext, and rhetorical questions. The paper also describes various communicative tactics and strategies that are accomplished through the devices mentioned. The plays used throughout the research have been written by such modern British playwrights as P.Marber, L.Wade, G.Fitch, M.Edson and others.

Драматургический дискурс — понятие уже далеко не новое, однако как самостоятельное дискурсивное образование он стал изучаться сравнительно недавно, когда современное языкознание вы-

шло на междисциплинарный уровень. Основных направлений, в которых драматургический дискурс фигурировал тем или иным образом, три — литературоведческое, прикладное и лингвистическое; каждое из этих направлений неоднократно являлось объектом для исследований многих ученых, как российских, так и зарубежных. В рамках данной статьи основное внимание будет уделено лингвистическому аспекту изучения драматургического дискурса.

Рабочее определение драматургического дискурса, использовавшееся в рамках данного исследования, принадлежит Д. Каримовой. Согласно ему, драматургический дискурс — это «сложное коммуникативное явление, вбирающее в себя не только текст, представленный в субдискурсе прямой речи персонажей драмы (т. е. лингвистические знаки), но и разного рода паралингвистические факторы, необходимые для понимания текста, которые заложены в субдискурсе авторских ремарок (экстралингвистические знаки)» [Каримова, 2012, с. 48]. Таким образом, из этого определения можно выделить основных участников драматургического дискурса — собственно, персонажей драмы, как участников коммуникативных ситуаций, воссозданных в драматургическом тексте, автора, присутствующего в дискурсе в форме ремарок, а также слушателя/читателя, на которого и направлен текст драмы. Данное определение рассматривает драматургический дискурс как явление коммуникативно-лингвистическое и позволяет анализировать именно акты коммуникации между персонажами, а не, к примеру, механизмы работы сознания автора, действующих лиц и зрителей, которые рассматриваются в рамках когнитивного аспекта изучения драматургического дискурса.

При анализе драматургического дискурса и речевой деятельности в его рамках в основном принято придерживаться эклектичного подхода, то есть используются разрозненные фрагменты различных лингвопрагматических теорий, поскольку, по сути, каждая из них имеет дело с идеализированными, вакуумными условиями, предусматривающими максимальный коммуникативный успех [Herman, 2003, с. 135].

Перейдем к понятию имплицатуры. Согласно И. П. Сусову, имплицатуры представляют собой смыслы (или дискурсные единицы), буквально не выражаемые в речевых актах предложениями, словами и словосочетаниями, а выводимые с помощью определенных процедур интерпретации. Автор теории имплицатур английский философ Г. П. Грайс, научно обосновал, что говорящий и слушатель могут понимать друг друга потому, что и тот, и другой могут

улавливать общие цели разговора и способы достижения этих целей в силу того, что любой словесный обмен ограничен набором доступных участникам языковых средств [Сусов, 2006, с. 110].

Согласно теории Грайса, существует набор пересекающихся условий, которые регулируют речевой обмен; эти условия выводятся из здравого смысла. Эти правила называются максимами; все вместе они формируют принцип кооперации; его нарушения позволяют вывести импликатуру на основе тех компонентов смысла, существование которых предполагается, исходя из презумпции его соблюдения.

Принцип кооперации состоит из:

- максимы количества (полноты) информации;
- максимы качества информации;
- максимы отношения (релевантности);
- максима способа выражения (манеры). [Grice, 1975, p. 24].

Большое количество разговорных импликатур кодируется говорящими в их речи в силу соблюдения ими так называемого принципа вежливости. В рамках данного исследования будет иметь смысл рассматривать принцип вежливости как комплекс разговорных максим, отчасти вытекающих из принципа коммуникации Г.П. Грайса, поскольку его теория более ориентирована на лингвистическую реализацию вежливости, которая использует лексико-грамматические ресурсы языка. Теория вежливости с точки зрения лингвистики активно разрабатывалась такими учеными, как П. Браун и С. Левинсон, Р. Лакофф, Дж. Лич и др.

Итак, для выполнения качественного анализа имплицитной информации в тексте необходимо в первую очередь иметь представление о том, какие языковые средства могут использоваться автором пьесы для ее выражения.

В ходе анализа 209 отобранных микродиалогов были выявлены следующие способы создания разговорных импликатур в англоязычном драматургическом дискурсе:

- хеджирование, или так называемое языковое дефокусирование, включая выражения и слова диффузной семантики (60 примеров, 28,5%);
- различные тропы и фигуры речи (метафоры, гиперболы, ирония, тавтология и т.д.) (41 пример, 19,6%);
- формирование подтекста, интертекстуальные включения (33 примера, 16%);

- намеки (56 примеров, 26,7%);
- риторические вопросы (19 примеров, 8,9%).

Рассмотрим несколько примеров.

SALLY. <...> I've done a marvellous thing, look — <...> I squeezed out some oranges, put the turkey in the juice to soak, then dried the oranges out in the airing cupboard and strung them up with cinnamon and draped them round the crib. <...>

VALERIE looks. *It's a bit weird.*

VALERIE. **Gosh, that's... stunning. Really lovely, Sally.**

SALLY. *Well, there's no reason why it shouldn't be lovely.*

VALERIE. *No.* [Heiney, 2014, p. 23]

Диалог происходит между хозяйкой дома Салли и ее гостьей Валери. Валери, находящаяся в неудобной ситуации — украшение выглядит странно, но ей не хочется обидеть Салли — реализует стратегию уклонения: в ответ на манипулятивную по своей природе реплику Салли (*I've done a marvellous thing, look* — она напрашивается на комплимент) она дает Салли уклончивый, вежливый ответ, скрыв от нее свое истинное мнение и не нарушив хода коммуникации. В рамках избранной ею стратегии Валери делает Салли комплимент, несмотря на то, что то, что она видит, ей откровенно не нравится (это видно из авторских ремарок). Она использует дефокусирующие элементы — паузу в речи, эпитеты (*stunning, lovely*). Салли не распознает лжи в ее ответе и ход коммуникации продолжается — речевая тактика Салли оказалась успешной.

ED: *I know you've got a rep to repair. <...> And I know you didn't want to be my sponsor, but I'm going to be distressingly awesome tonight. Team Tubes.*

TOBY: *Mate, fuck, look, tonight's a write off — **they're going to tear me a new one.** <...> But I don't need you cocking about in my eyeline, making it worse, OK? **I'm on thin ice here.***

ED: *Toby, I'm your skates.*

TOBY: *What? <...>*

ED: *Skates, like ice skates —*

TOBY: *Just stay out my way.* [Wade, 2010, p. 114]

Разговор происходит между двумя членами британского элитного клуба — спонсором Тоби и его подчиненным Эдом. Тоби не-

доволен ситуацией, в которой находится — он использует прецедентные идиоматические выражения (*to tear someone a new one, to be on thin ice*) с целью показать, что он находится в сравнительной опасности; он также просит Эда не вмешиваться в ситуацию. Эд же продолжает проводить аналогию с помощью разговорной имплицатуры, косвенно поясняя, что он будет его опорой — коньками на тонком льду. Однако, Тоби не понимает метафоры Эда, что приводит к коммуникативной неудаче — он задает ему уточняющий вопрос. Эд начинает объяснять, что он имел в виду, однако Тоби, так и не поняв, к чему клонит Эд, который, по сути, нарушил правила эффективной коммуникации, применяет тактику категоричного отсыла, требуя Эда оставить его в покое.

ELVIRA. We got back from our honeymoon yesterday. We've been married a fortnight. You made a vow before God.

DJ. Not known at this address. [Marber, 2007, p. 52]

Жена ДиДжея Эльвира выражает упрек в адрес мужа, пытаясь воззвать к его страху перед Богом, в надежде, что тот почувствует свою вину и одумается. Однако ДиДжей косвенно дает ей понять, что не верит в Бога (*God is not known at this address*) с использованием тактики неприятия темы разговора в рамках стратегии уклонения (тема разговора ему неинтересна и и он не желает продолжать коммуникацию) и, следовательно, пересматривать свое поведение и меняться к лучшему не собирается.

LAURA. No, sorry. Men age like red wine. Women age like milk.

AMY. Did you actually just — you can't say things like that any more, this isn't 1950. [Placey, 2014, p. 36]

Эми высказывает Лоре упрек за ее шовинистскую реплику в виде прецедентного высказывания (мужчины с возрастом становятся только лучше, как красное вино, в то время как женщина в возрасте не может понравиться мужчине), поясняя, что подобные мысли были допустимы только в первой половине 20 века, когда общество было гораздо более консервативно настроено по отношению к женщинам.

TOM. Uh, I work in digital analysis.

EMILY. Oh wow. So what, like —

TOM. Uh, it's criminal... stuff, basically.

EMILY. Ah cool, okay.

ТОМ. *Although I mean it's not nearly as, you know, as...24 as it sounds.*
[Owen, 2011, p. 24]

Действие происходит во время свидания вслепую. Том (он смущен, отсюда и обширное использование хеджирующей лексики: маркер хезитации *uh*, лексема с диффузной семантикой *stuff*, выражение *you know*) упоминает британский телеканал 24, на котором часто показывают криминальную хронику, косвенно поясняя, что работа с данными о преступлениях не так увлекательна, как ее изображают по телевизору — он знает, что его собеседница Эмили с ним знакома и поймет его отсылку. Том реализует стратегию уклонения; он не хочет рассказывать, чем именно он занимается, поэтому на косвенные вопросы Эмили от отвечает уклончиво, давая ей меньше информации, чем от него требует коммуникативная ситуация.

В результате анализа было выяснено, что наибольшая доля из рассмотренных 209 микродиалогов пришлось на х е д ж и р о - в а н и е, что может свидетельствовать о том, что стратегия уклонения — одна из самых часто используемых в английском драматургическом дискурсе. Причиной этому может послужить тот факт, что стратегия уклонения основана на демонстративной вежливости, которая является неотъемлемой чертой коммуникативного поведения англичан. На втором месте по количеству проанализированных микродиалогов находятся н а м е к и, что также является демонстрацией принципа вежливости, по сути, целиком основанного на имплицитной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Каримова, 2012 — *Каримова Д. Х.* Драматургический текст и драматургический дискурс: о соотношении понятий // Известия ВГПУ. 2012. № 6.
- Сусов, 2006 — *Сусов И. П.* Лингвистическая прагматика. М.: Восток-Запад, 2006. 200 с.
- Herman, 2003 — *Herman V.* Dramatic Discourse. Dialogue and Interaction in Plays. London, New York: Routledge, 2003. 331 p.
- Grice, 1975 — *Grice H. P.* (1975). Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol.3 / eds P.Cole and J.Morgan. Academic Press. Reprinted as ch.2 of Grice 1989. P.22–40.
- Heiney, 2014 — *Heiney R.* Elephants. Nick Hern Books, 2014. 106 p.
- Marber, 2007 — *Marber P.* Don Juan In Soho. Faber & Faber, 2007. 83 p.
- Owen, 2011 — *Owen L.* Unscorched. Nick Hern Books, 2011. 96 p.
- Placey, 2014 — *Placey E.* Pronoun. Nick Hern Books, Limited, 2014. 70 p.
- Wade, 2010 — *Wade L.* Posh. Oberon Books, 2010. 200 p.

Холманская Екатерина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

e_a_kholmanskaya@mail.ru

Научный руководитель – А. В. Ачкасов, д-р филол. наук

ТЕРМИНЫ-ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ОБЛАСТИ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Ключевые слова: термин-фразеологизм, терминологическое словосочетание, семантическая слитность, интернет-реклама.

В статье проанализированы основные типы терминов-фразеологизмов англоязычной интернет-рекламы, предложена их классификация по критерию семантической слитности и сделаны выводы о преобладающих типах фразеологической номинации в исследуемой области.

Kholmanskaya Ekaterina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

PHRASEOLOGICAL TERMS IN THE FIELD OF INTERNET ADVERTISING

Keywords: phraseological term, terminological phrase, semantic composability, Internet advertising.

The article analyses basic types of phraseological terms in the Internet advertising terminology, provides a classification of the phraseological terms according to the degree of their semantic composability and concludes with the most common types of phraseological nomination in the area under study.

Интернет-реклама как специализированный вид рекламы возникла сравнительно недавно, в 90-е гг. XX в., находится на пересечении традиционных видов рекламы, маркетинга и различных областей интернет-технологий и на сегодняшний день является одной из наиболее перспективных и динамично развивающихся видов рекламы. Разные аспекты функционирования интернет-рекламы неоднократно становились предметом внимания в отраслевых исследованиях, научных статьях и профессиональных блогах. Тем не менее, до сих пор не существует исследований, обобщающих практику интернет-рекламы, которая меняется и совершенствуется вме-

сте с развитием сети Интернет. Терминология интернет-рекламы представлена в многочисленных отраслевых глоссариях, которые включают, в том числе, термины интернет-технологий и маркетинга. Собственный терминологический фонд интернет-рекламы состоит из терминов, именующих специфические для этой области понятия, практики и объекты, включая (1) объекты, размещаемые на веб-сайтах, (2) технологии размещения таких объектов и (3) формы пользовательского поведения, связанные с такими объектами.

Значительный процент «собственных» терминологических единиц области интернет-рекламы составляют термины-фразеологизмы (ТФ), которые можно определить как терминологические сочетания, значение которых не является суммой значений их компонентов. Следует отметить, что в терминоведении ТФ также принято называть двухкомпонентными (многокомпонентными), составными или полилексемными — в зависимости от подхода, которого придерживается исследователь.

С точки зрения семантики все термины можно подразделить на две группы: разложимые и неразложимые. Разложимые терминологические сочетания характеризуются формальной разложимостью компонентов, тогда как признаком неразложимых терминов является их смысловая неделимость, семантическая целостность. Семантическая целостность составных терминов рассматривается по аналогии с фразеологическими единицами на основе классификаций, предложенных В.В.Виноградовым и Н.М.Шанским. Отдельная классификация ТФ предложена В.М.Лейчиком [Лейчик, 2002, с. 33] и представляет собой обобщение традиционных лингвистических классификаций.

В.М.Лейчик выделяет четыре основные группы ТФ по степени их семантической слитности:

1. «Термины-фразеологические единства — единицы, целостное значение которых возникает из слияния значений компонентов».
2. «Термины-фразеологические сращения (идиомы), в которых значение не может быть выведено из суммы значений компонентов. Компонентами фразеологических сращений являются общелитературные слова».
3. «Термины-фразеологические сочетания, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение, проявляющееся только в связи с определенным кругом понятий. Один из компонентов является термином, другой — общелитературным словом».

4. «Термины-фразеологические выражения, в которых каждый компонент обладает номинативным значением, но их сочетание является закрепленным и воспроизводимым целиком».

Анализ корпуса примеров, насчитывающего 310 терминологических единиц области интернет-рекламы, показывает, что на долю группы терминов-фразеологических единств приходится 98 единиц (32 %), фразеологические сращения представлены 27 терминами (9 %), группа терминов-фразеологических сочетаний насчитывает 106 единиц (34 %), 79 терминов (25 %) относятся к группе терминов-фразеологических выражений.

Примером термина-фразеологического единства является ТФ *rich media*, означающий разновидность баннерной рекламы, отличительной особенностью которой является наличие у рекламных носителей интерактивного и мультимедийного содержимого. Общее значение термина не равно сумме значений его составляющих, но его значение в целом мотивировано семантикой компонентов. Значение прилагательного *rich* (*highly varied, developed, or complex*), указывающее на наличие у объекта многообразия свойств, было переосмыслено, а термин, полученный в сочетании компонента *rich* с компонентом *media* (*the means of communication that reach large numbers of people*), который, в свою очередь, также подвергся переосмыслению, стал обозначать ряд рекламных носителей, активно взаимодействующих с пользователем в Интернете.

Термин *age gate*, также относящийся к рассматриваемой группе терминов-фразеологических единств, имеет значение «веб-страница, которая ограничивает доступ к сайту и требует подтверждения совершеннолетия пользователя». Значение компонента *age* (*a period of human life, measured by years from birth, usually marked by a certain stage or degree of mental or physical development and involving legal responsibility and capacity*) и подвергшееся переосмыслению значение компонента *gate* (*a door, valve, or other device for controlling the passage*) позволяют предположить, что целостное значение образованного ими ТФ будет связано с возрастными ограничениями.

Реже в терминологии интернет-рекламы встречаются термины-фразеологические сращения (идиомы), значение которых нельзя вывести из суммы значений составляющих их компонентов. Иными словами, в данной группе наблюдается полное переосмысление компонентов составных терминов. Переосмысление компонентов — самая распространенная форма семантического преобразования компонентов не только фразеологизмов, но и ТФ [Юрьева, 2014,

с. 90]. Переосмысление устойчивых словосочетаний может быть метафорическим или метонимическим. Примером фразеологического сращения в терминологии интернет-рекламы служит термин *bread crumbs* (a graphical control element used as a navigational aid in user interfaces), который именуется элементы веб-навигации, отображающие путь, проделанный пользователем на сайте, тем самым облегчая работу с интерфейсом. Приведенный пример является образной метафорой, представляющей собой аллюзию на сказку братьев Гримм «Гензель и Гретель», в которой герои бросают на землю хлебные крошки в надежде попасть домой. Следует отметить, что процесс переосмысления словосочетания произошел еще до появления термина, обозначающего навигационную цепочку. *Bread crumbs* (a series of connected pieces of information or evidence) употребляется в общелитературном языке в значении «намеки», «улики».

В основе термина *long tail* со значением «совокупность веб-сайтов с низким уровнем популярности, которые в сумме дают высокий процент трафика» также лежит метафорическое переосмысление. Метафорический перенос «длинный хвост» обусловлен внешним сходством кривой графика, тянущейся параллельно оси абсцисс и отображающей посещаемость непопулярных сайтов, с длинным хвостом.

В терминологии интернет-рекламы наибольшее количество ТФ относится к группе терминов-фразеологических сочетаний, однако, численность единиц данной группы незначительно превышает численность терминов-фразеологических единств, что позволяет считать оба способа терминологической номинации наиболее продуктивными для исследуемой терминологии. Опорным элементом целого ряда фразеологических сочетаний терминологии интернет-рекламы является термин *banner* (rectangular graphic display that stretches across the top or bottom of a website or down the right or left sidebar). В сочетании с другими терминологическими единицами, он образует терминологическое гнездо: *trick banner*, *live banner*, *full banner*, *half banner*, *vertical banner*, *banner blindness* и т. д. В подобных примерах один из компонентов является термином, другой — общепотребительным словом (реже — термином), значение которого переосмыляется. Следует отметить, что сам термин *banner* также подвергся переосмыслению, поскольку изначально слово *banner* означало «транспарант», «знамя» (a long piece of cloth with words written on it, sometimes stretched between two poles and carried by people taking part in a march). В данном случае можно говорить о переносе на основании сходства формы, а также о функциональном переносе,

в основе которого лежит схожесть функций, выполняемых денотатами. По мнению В. В. Елисеевой, функциональный перенос следует рассматривать как дополнение к метафорическому и метонимическому переносам [Елисеева, 2015, с. 102].

ТФ *organic traffic* означает количество реальных посетителей сайта, которые перешли на него самостоятельно в результате естественного поиска или посредством набора адреса сайта в браузере. В данном примере общеупотребительное слово *organic* переосмысливается, а компонент *traffic* используется в основном терминологическом значении. Семантика слова *organic* (produced or involving production without the use of chemical fertilizers, pesticides, or other artificial chemicals) предполагает отсутствие какого-либо воздействия извне. В случае с терминологией интернет-рекламы речь идет об отсутствии учета пользователей, попадающих на сайт по оплаченным владельцем веб-сайта ссылкам на странице результатов поиска. Слово *traffic* также подверглось переосмыслению при переходе в терминологию сети Интернет (терминологизации).

В то же время в анализируемой терминологии представлено значительное количество терминов-фразеологических выражений, в которых все компоненты обладают полным номинативным значением, а их сочетание является закрепленным, воспроизводимым целиком. Само наименование исследуемой нами области представлено рядом синонимичных фразеологических выражений: *Internet advertising, online advertising, online marketing, Internet marketing, web advertising и т. д.* Каждый из компонентов данных терминов обладает номинативным значением и с высокой долей вероятности может быть использован при номинации новых понятий в исследуемой области.

Рассмотренные модели номинации различаются по степени семантической слитности. При рассмотрении семантической слитности терминов-фразеологизмов области интернет-рекламы за основу была взята классификация Лейчика, состоящая из четырех общепринятых групп: фразеологических единств, фразеологических сращений, фразеологических сочетаний, фразеологических выражений. Анализ сформированного на основе отраслевых глоссариев корпуса примеров позволяет сделать вывод о том, что наибольшее количество ТФ относится к группам «термины-фразеологические единства» и «термины-фразеологические сочетания». В терминах-фразеологических единствах целостное значение формируется вследствие слияния значений компонентов, в то время как в терминах-фразеологических сочетаниях один компонент имеет полное, номинативное значение, второй — переносное, чаще всего метафо-

рическое значение, а конструкция в целом обладает устойчивостью в рамках соответствующей совокупности терминов.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, 1977 — *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Елисеева, 2015 — *Елисеева В. В.* Лексикология английского языка: учебное пособие. СПб., 2015.
- Лейчик, 2002 — *Лейчик В. М.* Термины-фразеологизмы в ряду номинативных словосочетаний терминологического характера. М., 2002.
- Юрьева, 2015 — *Юрьева Е. А.* Терминологические единицы фразеологического происхождения в сфере профессиональной коммуникации (на материале LSP страхования в английском языке): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Иванова Анна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

ann.ivanova97@mail.ru

Научный руководитель – Л. Ф. Бирр-Цуркан, канд. филол. наук

СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис, интернет-язык, интернет-текст, социальные сети.

Статья посвящена выявлению наиболее частотных средств экспрессивного синтаксиса (традиционных и используемых в интернет-пространстве) в русско- и немецкоязычных юмористических интернет-текстах, разделенных на «тексты» и «иллюстрации», а также вопросу о соответствии статистических данных мнению интернет-пользователей.

Ivanova Anna

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

THE MEANS OF EXPRESSIVE SYNTAX IN RUSSIAN AND GERMAN COMIC ONLINE TEXT

Keywords: expressive syntax, Internet language, online text, social network.

The present article is dedicated to the identification of the most frequent means of expressive syntax (both traditional and used on the Internet) in Russian and German humorous online text, which is divided into «texts» and «illustrations». The paper also considers the correspondence of statistical data and the opinion of internet users.

Новейшие тенденции в сферах науки и культуры отражаются в первую очередь в контексте интернет-пространства. Интернет также позволяет зафиксировать новейшие средства оформления информации (иллюстрации, gif-анимации), нестандартное использование традиционных синтаксических, пунктуационных и других средств. На материале контента социальных сетей становится возможным проследить тенденции в развитии интернет-языка, выявить его лексические и грамматические особенности, в частности, особенности экспрессивного синтаксиса.

Понятие экспрессивности традиционно включает в себя совокупность всех признаков единицы языка или речи, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте в качестве средства субъективного выражения отношения автора к содержанию или адресату сообщения [Ярцева, 1990, с. 591].

Изучению явлений и проблем экспрессивного синтаксиса в художественных, рекламных текстах, а также в текстах СМИ посвящен ряд научных исследований как на русском (Н. Д. Арутюнова, Ю. М. Малинович, О. А. Александрова), так и на немецком (У. Энгель, Х.-В. Эромс) языках. Особый интерес представляют юмористические интернет-тексты — неотъемлемая часть большинства социальных сетей и интернет-страниц в принципе.

При создании данного типа текстов могут быть использованы сопутствующие изображения, в результате чего юмористические интернет-записи можно разделить по степени влияния сопутствующего изображения на передачу основной идеи записи и авторского отношения на «тексты» (главную смысловую нагрузку берет на себя текст) и «иллюстрации» (смысловая нагрузка относительно равномерно распределена между текстом и картинкой).

Первый тип может быть представлен в форме анекдота, имеющего сюжет, или короткого высказывания. Ввиду нарративного характера анекдотов, мы встречаем сложные предложения, часто с прямой речью, позволяющей читателю с большей наглядностью представить ситуацию, или с вопросно-ответными конструкциями (*Как вы думаете, зачем при жарке шашлыка машут опахалом над углями? Чтобы соседи слюной давились!* [URL2, 2017]). В рамках данного типа интернет-записи мы также имеем дело с простыми предложениями, иногда оформленными в виде устойчивых конструкций, часто представляющих собой аллюзии на рекламные слоганы или различные лозунги, в результате чего происходит нарушение ожидаемости, и возникает экспрессивный эффект (*Ты — не ты, когда никогда* [URL3, 2017]).

Во втором типе текст представлен в виде подписи к иллюстрации (*Тот самый момент, когда закрыл сессию; Если бы еноты были людьми* [URL3, 2017]), а также в виде реплики, ответом на которую служит иллюстрация (в качестве ответа на реплику *Ты можешь быть серьезнее?* использована фотография девушки, надевающей кепку голубую [URL3, 2017]).

Несмотря на деление, среди данных видов оформления текстов наблюдается практически универсальная тенденция: большинство

русско- и немецкоязычных юмористических интернет-текстов отличает наличие средств экспрессивного синтаксиса.

В ходе исследования удалось проанализировать 300 интернет-записей на русском и немецком языках, представленных в социальных сетях ВКонтакте, Facebook, Pinterest. В результате были обнаружены следующие тенденции. При создании юмористических интернет-записей в разной степени используются такие средства как восклицательные предложения (*Пять дней до Нового года, Карл!* [URL4, 2017]; *Ich habe mal wieder Lust, dich wieder zu treffen! Mit einem Stein oder so...* [URL1, 2017]), парцелляция (*Когда я захожу в маршрутку, законы гравитации просто. Перестают. Действовать.* [URL4, 2017]; *Übrigens, die Frauen können es hören, wenn du. An deinem Handy. Mit den Augen rollst* [URL1, 2017]), эллипсис (*— Ты сможешь мне или да? — Или* [URL3, 2017]; *— Was für eine Sorte Schokolade ist das? — Meine* [URL1, 2017]), парантетические внесения (*Поехал мой друг учиться за границу (там кофе стоит как три стипендии), и начал вести блог <...>* [URL2, 2017]), вопросно-ответные конструкции (*— Почему Вы опоздали на работу? — А почему Вы зарплату задерживаете? — Зарплату Вы в конечном итоге получаете. — Ну и я в конечном итоге пришёл* [URL4, 2017]; *Suchmaschine mit 4 Buchstaben? Мата* [URL1, 2017]), параллелизм (*Добро или зло? Кетчуп или майонез?* [URL4, 2017]), риторический вопрос (*Почему, когда жаворонки спят, совы стараются не шуметь, а когда спят совы, жаворонки устраивают генеральную уборку с пылесосом в главной роли?* [URL2, 2017]; *Was für ein Spruch überhaupt: „Steh auf, die Sonne scheint!“? Was soll ich denn machen? Photosynthese?* [URL1, 2017]), повтор (*Этот вечер пятницы. Этот невучий звук сирены под окном. Эти песни за стеной* [URL4, 2017]; *Du guckst auf die Uhr und verstehst nicht, wie spät es ist. Du guckst fünf Minuten lang in den Kühlschrank und weißt nicht, was zu essen. Kennst du das?* [URL5, 2017]), инверсия (*Столько денег накопил, терпел, а потом сорвался и все 400 рублей потратил* [URL2, 2017], *Im Dunkeln Möbel zu finden helfen mir meine Zehen* [URL1, 2017]).

Кроме того, наряду с традиционными средствами экспрессивного синтаксиса при создании данного вида текстов используются и новые средства, такие как предложения с эмоджонами, с использованием средств интернет-пунктуации, а также предложения, оформленные с использованием особых параметров компьютерного шрифта (изменение размера/стиля/цвета шрифта).

Стоит обратить особое внимание на так называемую интернет-пунктуацию. Характер написания текстов интернет-записей, в частности, в социальных сетях, имеет много общих черт с напи-

санием интернет-сообщений. Мы можем видеть, что вспомогательную функцию разделения/выделения смысловых отрезков текста в рамках социальных сетей выполняют не только традиционные знаки препинания, но и иные графические неалфавитные средства. Анализ использования традиционных знаков препинания позволяет проследить тенденцию к употреблению одного и того же знака несколько раз подряд (текст сообщения: *ты так думаешь??* — текст интернет-записи: *зачем моему соседу сверлить в пять утра??* [URL2, 2017]). Эта тенденция распространяется на вопросительные, восклицательные знаки, а также их сочетание (текст сообщения: *в каком смысле?!?!*, текст интернет записи: *У пингвина есть колени?!?!* [URL4, 2017]). Параллельно наблюдается обратная тенденция, представляющая собой сокращение употребления некоторых знаков препинания, например, точки, которую необязательно ставить в конце предложения как в интернет-сообщениях, так и в интернет-записях. Многоточие подвергается обеим тенденциям и может использоваться как в виде: *Просто невероятно..*, так и в виде: *Да уж.....*. Некоторые знаки препинания могут передаваться другими средствами, например, запятая и точка с запятой могут заменяться командой Enter. Тем не менее, употребление некоторых пунктуационных знаков остается неизменным. К таким знакам относятся двоеточие, тире, дефис, скобки.

Особый интерес представляют данные, полученные в результате анализа частотности использования данных средств экспрессивного синтаксиса и сопоставления их с мнением интернет-пользователей. Анализ частотности средств экспрессивного синтаксиса на материале русско- и немецкоязычных интернет-записей дает следующие результаты: в русском и немецком языках наибольшей частотностью обладают парцелляция (рус. 21%, нем. 17%), восклицательные предложения (рус. 15%, нем. 22%) и эллипсис (рус. 13%, нем. 14%), затем следуют парантетические внесения (рус. 5%, нем. 10%). Далее наблюдаются более существенные расхождения показателей: в русском за парантетическими внесениями следуют параллелизм (5%), риторический вопрос (5%), повтор (3%), вопросно-ответные конструкции (3%), инверсия (2%), в то время как в немецком вначале идут вопросно-ответные конструкции (4%), параллелизм (3%), риторический вопрос (2%), затем повтор (2%) и инверсия (1%). Относительно нестандартных средств, статистические показатели частотности в обоих языках совпадают: на первом месте стоит особенный шрифт (рус. 4%, нем. 12%), на втором — использование интернет-пунктуации (рус. 4%, нем. 11%), на третьем — предложения с эмоджиконами (рус.

2%, нем. 7%). Несмотря на некоторые различия, показатели частотности употребления выбранных синтаксических средств достаточно схожи в обоих языках, что говорит об общих закономерностях в процессе создания интернет-записей в России и Германии.

Статистические данные о мнении интернет-пользователей относительно частотности употребления перечисленных средств экспрессивного синтаксиса были составлены на основе проведенного анкетирования среди русскоязычных (55 респондентов) и немецкоязычных (53 респондента) пользователей. В результате сравнения данных лингвистического анализа с ожиданиями интернет-пользователей выяснилось, что рейтинги частотности употребления средств экспрессивного синтаксиса практически не совпадают с мнением опрошенных. К наиболее частотным средствам большинство интернет-пользователей отнесли эллипсис (34%), риторический вопрос (20%) и парцелляцию (10%), далее следуют повтор (9%), восклицательные предложения (7%) и вопросно-ответные конструкции (6%), к наименее частотным респонденты отнесли параллелизм (5%), парантетические внесения (5%) и инверсию (4%). Данные показатели позволяют сделать вывод, что, несмотря на меньшую частотность употребления некоторых средств экспрессивного синтаксиса, они воспринимаются интернет-пользователем как более яркие и более запоминающиеся, следовательно, возникает иллюзия их большей частотности.

Исследование показывает, что в контексте интернет-пространства средства экспрессивного синтаксиса, как традиционные, так и новые, активно используются, в частности, при создании как русско-, так и немецкоязычных юмористических интернет-записей, которые, в свою очередь, в зависимости от степени смысловой нагрузки сопровождающего изображения, можно разделить на «тексты» и «иллюстрации». При этом, наиболее частотные средства не воспринимаются интернет-пользователями как наиболее экспрессивные, из чего можно заключить, что данные конструкции, ввиду слишком частого употребления, частично теряют свою экспрессивность.

ЛИТЕРАТУРА

- Ярцева, 1990 — Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- URL1 — Немецкоязычные интернет-записи // Социальный интернет-сервис Pinterest. URL: <https://www.pinterest.de/> (дата обращения 18.03.2017).

- URL2 — Сообщество «Добродушные шутники» // Социальная сеть ВКонтакте.
URL: <https://vk.com/good.pranksters> (дата обращения 15.03.2017).
- URL3 — Сообщество «ПОЗИТИВ» // Социальная сеть ВКонтакте. URL: <https://vk.com/pozitiv> (дата обращения 16.03.2017).
- URL4 — Сообщество «Улетные приколы» // Социальная сеть ВКонтакте. URL: <https://vk.com/humour.page> (дата обращения 16.03.2017).
- URL5 — Сообщество «Die besten Memes» // Социальная сеть Facebook URL: <https://www.facebook.com/DieBestenMemes/> (дата обращения 17.03.2017).

Ильин Михаил Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

michaelilian93@gmail.com

Научный руководитель – Е. И. Варгина, д-р филол. наук

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ В БЛОГЕ: ФЕНОМЕН ЦВЕТА

Ключевые слова: цвет, креолизованный текст, блог, воздействие.

Отсутствие такого понятия как «чистый цвет» вызывает закономерные вопросы о том, как изображения и их вербальное представление могут соотноситься, как автор текста может использовать это соотношение. В работе феномен цвета исследуется в рамках анализа постов в английских блогах. Посты рассматриваются как креолизованные тексты, оказывающие определенное воздействие на читателей.

Ilin Mikhail

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

VERBAL AND NON-VERBAL COMPONENTS OF INFLUENCE IN A BLOG: THE PHENOMENON OF COLOR

Keywords: color, creolized text, blog, influence.

As there is no concept of a «pure color», there are questions regarding the correlation between images and their verbal representation and regarding the use of this correlation by the text's author. In the article, the phenomenon of color is studied in the frame of the analysis of posts in English blogs. The posts are studied as creolized texts that exert a certain influence on readers.

Говоря о коммуникации как акте общения, Е. И. Горшкова указывает, что в ходе данного процесса говорящий или пишущий «вовлекает другого (человека) в сферу своих взаимодействий с миром с целью оказать на этого другого ориентирующее воздействие» [Горшкова, 2013, с. 7]. При этом передачу информации можно рассматривать как часть механизма воздействия [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 182], текст — как некую «последовательность знаков, которая сама является знаком» [Варгина, 2004, с. 20], а воздействие — как «любое изменение состояния объекта» [Варгина, 2004, с. 39].

Исследуя взаимосвязь изображенного и словесно представленного в письменных текстах, в данной статье мы обращаемся к такому аспекту графики как цвет, а целью нашего исследования стало выявление и классификация способов воздействия автора на читателя в постах англоязычных блогов с помощью использования цвета в его связи с вербальным компонентом письменных креолизованных текстов, состоящих из словесного кода и статичных изображений. «Креолизованные тексты (КТ) — это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990, с.180–181]. Материалом для анализа послужили 36 постов (записей) и 14 соответствующих блогов (онлайновых интернет-дневников) Великобритании, основанных на платформе «Blogger» (сервис «Blogger»). Обращение к такому материалу обусловлено, главным образом, активным развитием интернет-технологий и интернет-коммуникации и малым вниманием исследователей к невербальной составляющей английских блогов. Значимость нашего исследования состоит именно в создании вышеупомянутой классификации, а именно: выделении случаев использования цвета с целью убеждения, с целью внушения и с целью активизации читательского восприятия.

Так как все люди воспринимают цвета немного по-разному, а понятие «чистый цвет» отсутствует (т.е. едва ли возможно представить себе инвариант цвета), изучение этого феномена, на наш взгляд, требует обращения к психологии и культурологии. Е. Е. Анисимова указывает, что, «ученые... отмечают относительно устойчивые эмоциональные реакции людей на определенные цвета» [Анисимова, 2003, с. 60]. Кроме того, цвета являются носителями значений, и А. В. Кудрина в своей работе демонстрирует, что связь цветов со многими значениями является культурно-детерминированной [Кудрина, 2011, с. 15].

Говоря о результатах проведенного исследования, начнем со случаев убеждения. Как отмечает Е. В. Шелестюк, «убеждение — воздействие на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению», в основе данного способа воздействия лежат логические процедуры [Шелестюк, 2014, с. 43]. Однако, хотя данный способ связан с желанием заставить реципиента осознанно принять какую-то точку зрения, его использование означает лишь значительное снижение яркости транслируемых эмоционально-оценочных суждений, но не полный отказ от них. Так, И. А. Стернин указывает, что «в убеждении используется и логика, и обяза-

тельно — эмоция» [Стернин, 2012, с. 49]. Наш анализ показал, что вербальные убеждающие средства в постах чаще встречаются тогда, когда автор желает сообщить читателям факты, например, в околонаучных дискуссиях; вербальные внушающие средства, напротив, используются чаще в постах, где автор стремится выразить свои переживания, ориентируясь больше на свою точку зрения, а не на читательскую, например, в рассказах о повседневной жизни.

На наш взгляд, нетрадиционное использование эмоционально нейтральных серого, серебряного или белого цветов в постах англоязычных блогов в целом можно рассматривать как средство, способствующее убеждению. К примеру, Г. Браэм, очень долго занимавшийся исследованием психологии цвета, указывает, что серый цвет не имеет яркого психологического воздействия, «воплощает абсолютный покой» [Браэм, 2009, с. 125]. Таким образом, есть основания полагать, что использование серого цвета всегда связано с нейтрализацией эмоций, с приданием объекту объективного характера. Например, в посте 1, расположенном по адресу: <http://www.steve-wheeler.co.uk/2016/09/conversation-is-not-dead.html>, автор, в контексте подтверждения обоснованности своих суждений, ссылается как на работы ученых, так и на картинку: «*The images above show that different media have the capability to distract people from the “real world” around them*» («Изображения выше показывают, что различные информационные средства обладают способностью отвлекать людей от «реального мира» вокруг них»). На наш взгляд, изображение выступает здесь в роли некоего объективного знания, факта, на который можно сослаться как на работу ученого, и в этом смысле показательно, что изображение «серое».

Разобравшись с убеждением, поговорим о в н у ш е н и и. Как отмечает Шелестюк, «внушение — воздействие на подсознание, предполагающее подспудное внедрение в психику реципиента различных эмоций, образов, мыслей, установок» [Шелестюк, 2014, с. 112]. Как и в случае с убеждением, тяготение к эмоциональности и выражению оценочных суждений в данном случае не означает отказа от логики. Шелестюк пишет, что «структура аргументации» может «также способствовать внушению» [Шелестюк, 2014, с. 53].

На наш взгляд, нетрадиционное использование любого из цветов, кроме трех упомянутых выше и их оттенков, можно рассматривать как средство, способствующее внушению, так как такие цвета связаны с вполне определенными эмоциональными реакциями. К примеру, розовый цвет излучает мягкость и нежность и создает романтическое настроение [Браэм, 2009, с. 33, 36]. Тем не менее, осо-

бого упоминания, на наш взгляд, здесь заслуживают ситуации использования цветов в качестве эпитетов. Говоря об эпитетах, А. Арнольд отмечает, что «эпитет — экспрессивная оценочная характеристика какого-либо явления, лица или предмета» [Арнольд, 2002, с. 71]. Анализ отобранных нами постов демонстрирует, что любой цвет может выступать в качестве своеобразного эпитета, когда удастся установить связь в тексте между цветовым решением и конкретным описываемым объектом. Для примера обратимся к посту 2: <http://deborahharvey.blogspot.ru/2016/01/hes-not-birthday-dog.html>. Согласно данным Кудриной, синий цвет в англоязычной культуре ассоциируется с печалью [Кудрина, 2011, с. 12]. Исходя из этого, мы полагаем, что во втором графическом файле данного поста синий светофильтр характеризует эмоциональное состояние собаки Тэда («*whimpers Ted*» — ‘хнычет Тэд’), как и эмоционально окрашенный глагол «*whimpers*». Такие случаи, когда значение, которое передает тот или иной цвет в креолизованном тексте, в каких-то коннотативных аспектах значения совпадает с тем, о чем говорится в вербальном компоненте, мы предлагаем называть случаями т а в т о л о г и и, при этом говоря лишь о повторе содержания с целью более сильного эмоционального воздействия. В силу их экспрессивности использование эпитетов мы рассматриваем как средство внушения.

Далее обратимся к средствам-усилителям, а к т и в и з и р у ю щ и м восприятие читателя в целом, но не навязывающим определенное видение ситуации. Такие средства присутствуют в вербальном компоненте текстов, в частности, к ним можно отнести использование объяснения для поддержания познавательной активности, когда «повторно эксплицируют смысл сказанного, раскрывают то или иное понятие» [Варгина, 2010, с. 21, 22, 23]. Таким образом, упомянутые выше случаи тавтологии, на наш взгляд, можно рассматривать как использование средства активизации читательского восприятия, хотя цвет может использоваться в качестве эпитета и при отсутствии указанной тавтологии. И в этом, на наш взгляд, состоит важная особенность использования цвета в креолизованных текстах: одно и то же цветовое решение может выполнять в тексте несколько функций, т. е. использоваться как компонент разных средств воздействия. Отметим при этом, что, на наш взгляд, само нетрадиционное использование в постах разных цветов можно рассматривать как попытку привлечь внимание читателя.

Говоря о плакатах, Е. Е. Анисимова пишет, что контрастное сочетание цветов «позволяет активизировать восприятие плакатного текста» [Анисимова, 2003, с. 59]. Особого упоминания, с нашей точки

зрения, здесь заслуживает ситуация, называемая нами чередованием цветов, когда несколько цветов обретают сходную форму и чередуются в определенном порядке, например, в качестве чередующихся полос. Пример такой ситуации представлен в посте 3: <http://www.sub-scribe.co.uk/2016/02/january-front-pages-stats.html>. Здесь в первом графическом файле строки с именами людей представлены попеременно то в голубом, то в белом цвете, что, на наш взгляд, также позволяет активизировать читательское восприятие. Отметим, однако, что контраст в таких ситуациях выявляется, в первую очередь, благодаря той форме, которую приобретают цвета, и последовательности, в которой эти цвета предлагаются читателю.

В заключении отметим, что приводимая нами классификация, помимо прочего, демонстрирует тесную взаимосвязь между разными цветами и вербально представленными элементами текста, демонстрирующими определенные параллели с выбором той или иной цветовой схемы. Учитывая данный факт, на наш взгляд, следует признать, что категория цвета, не принадлежа системе языка, отлично дополняет вербальный компонент в плане суммарного воздейственного потенциала креолизованных постов англоязычных блогов.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова, 2003 — *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М., 2003.
- Арнольд, 2002 — *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Браэм, 2004 — *Браэм Г.* Психология цвета. М., 2009.
- Варгина, 2004 — *Варгина Е. И.* Научный текст и его воздействие (на материале английского языка). СПб, 2004.
- Горшкова, 2013 — *Горшкова Е. И.* Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. канд. дис. СПб., 2013.
- Кудрина, 2011 — *Кудрина А. В.* Семантика цвета и межкультурная компетенция в психологическом консультировании // Консультативная психология и психотерапия. 2011. № 2. С. 5–19.
- Сорокин, Тарасов, 1990 — *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.
- Стернин, 2012 — *Стернин И. А.* Основы речевого воздействия. 2-е изд., испр. Воронеж, 2012.
- Шелестюк, 2014 — *Шелестюк Е. В.* Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.

Кондратенко Полина Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

polina.i.kondratenko@yandex.com

Научный руководитель – С.Т.Нефёдов, д-р филол. наук

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С МАРКЕРАМИ ОБЩЕИЗВЕСТНОСТИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ИЗ ЖУРНАЛОВ «ZEITSCHRIFT FÜR GERMANISTISCHE LINGUISTIK» И «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»)

Ключевые слова: научный лингвистический дискурс, маркеры общеизвестности в русском языке, маркеры общеизвестности в немецком языке, прагматические функции высказываний.

В статье отражены результаты комплексного сопоставительного исследования маркеров общеизвестности (МО) типа *allgemein* и *известно, что* в немецко- и русскоязычных лингвистических научных текстах. Коммуникативно-прагматический и лингводискурсивный анализ позволил выявить основные дискурсивные и прагматические функции, выполняемые высказываниями с включением данных маркеров в научных статьях. Установлено, что высказывания с МО служат в первую очередь для самопрезентации автора в тексте как компетентного представителя конкретного научного сообщества. Также в статье рассмотрены более частные функции высказываний с МО, в которых последние используются для построения авторской аргументации на основании старого знания, закреплённого в коллективном сознании научного сообщества.

Kondratenko Polina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

UTTERANCES WITH COMMON KNOWLEDGE MARKERS IN SCIENTIFIC LINGUISTIC CONTEXTS (CONSIDERED ON THE ARTICLES PUBLISHED IN «ZEITSCHRIFT FÜR GERMANISTISCHE LINGUISTIK» AND «ISSUES OF LINGUISTICS»)

Keywords: scientific linguistic discourse, professional language of science, common knowledge markers in Russian, common knowledge markers in German, pragmatic functions of utterances including common knowledge markers.

The article represents the results of a multi-faceted research on common knowledge markers and textual utterances with these markers used in scientific linguistic contexts. Communicative pragmatic discourse-based analysis allows us to reveal main discursive and pragmatic functions fulfilled by utterances including common knowledge markers in scientific texts. These utterances

contribute to the author's self-presentation in the text as a professional member of the linguistic science community. Moreover, they are used by the authors to construct their own argumentation based on already existing traditional knowledge. Data for analysis allow us to conclude that common knowledge markers are essential means in the realization of communicative strategies such as acknowledgment or common knowledge review, terms definition and introduction of typical examples.

Процесс научного познания представляет собой спиральное движение от старого знания, закреплённого в коллективном сознании конкретного научного сообщества в виде «эвидентного базиса науки», (термин В.В. Ильина [Ильин, 1989]), к новому знанию о явлениях объективной действительности, выводимому авторами научных текстов на основании уже имеющихся теоретических положений. Построение авторских рассуждений на базе наличного знания отражается в тексте посредством использования т. н. маркеров общеизвестности.

1. Маркеры общеизвестности (МО) до сих пор ещё не получили всестороннего освещения в лингвистических трудах. Единственное упоминание данных текстовых единиц у отечественных авторов обнаружено в статье И.Г. Черненко, исследующей перспективы когнитивного подхода в изучении аргументации И. Канта. В классификации маркеров аргументации автор выделяет маркеры, «не только апеллирующие к presuppositions адресата, но и позволяющие включить доказываемый с помощью такого аргумента тезис в уже разработанную систему» [Черненко, 2013, с.103]. В работах ряда зарубежных учёных распространено понятие «common knowledge markers», упоминаемое в числе стратегий хеджирования, характерных для письменного научного общения и направленных на осторожное выражение нерешительности или возможности в ходе презентации нового знания перед научным сообществом. Дж. Паркинсон рассматривает данные маркеры как средство имплицитного, некатегоричного выражения авторской позиции, а также связывает их употребление с практикой цитирования работ предшественников, принятой в научном сообществе [Parkinson, 2013]. При этом маркеры общеизвестности как таковые не являются непосредственным выражением интертекстуальности, так как отсылают читателя не к конкретным текстам научного дискурса, а к некоему представлению, которое воспринимается научным сообществом как традиционное знание.

2. Так как МО способствуют сохранению смысловой связности между тематически и функционально соотнесёнными текстами на-

учного дискурса, их можно рассматривать и как дискурсивные маркеры. Подробная классификация последних даётся в статье З.И. Резановой и С.В. Когут: маркеры, регулирующие процесс взаимодействия между автором и адресатом научного текста, включаются авторами в отдельную группу. Языковые средства диалогизации общения, актуализирующие контакт автора-исследователя с профессиональным сообществом особенно многообразны в научных лингвистических текстах. На примере императивных и вопросительных структур они рассматриваются, например, в статьях С.Т. Нефёдова [Нефёдов 2015а, 2015б]. Так как МО обладают сходным потенциалом диалогизации, они могут рассматриваться как косвенное обращение автора к адресату и вовлечение адресата автором в оценивание достоверности фактов, сообщаемых в научном тексте.

3. Таким образом, применительно к текстам научного дискурса под МО следует понимать лексические и лексико-грамматические единицы, используемые авторами для введения в текст научного произведения высказываний, отсылающих читателя к некоему традиционному знанию, закрепившемуся в коллективном сознании конкретного научного сообщества в виде «эвидентного базиса науки»; для имплицитной презентации автора и читательской аудитории в тексте как компетентных представителей определённого профессионального коллектива; для апелляции автора к фоновым знаниям читателя и вовлечения его в научную дискуссию.

4. Изучение функционирования высказываний с МО в текстах научного дискурса в сопоставительном аспекте проводилось на материале статей по лингвистике из известных академических журналов на немецком и русском языках. Суммарный объём материала для анализа составил 40 научных статей (973 страницы или 36847 текстовых предикаций). Были собраны два корпуса лингвистических текстов: в немецкоязычный корпус вошли 20 статей из журнала «Zeitschrift für germanistische Linguistik» (период с 2010 по 2016 гг.), русскоязычный корпус составили 20 статей из журнала «Вопросы языкознания» (период с 2010 по 2012 гг.). В результате анализа было выявлено 52 высказывания с МО в немецкоязычном корпусе (доля высказываний с МО относительно общего числа текстовых предикаций составила 0,3%) и 64 высказывания с исследуемыми маркерами в русскоязычном корпусе соответственно (доля высказываний с МО относительно общего числа текстовых предикаций составила 0,4%).

5. Использование высказываний с МО позволяет автору в первую очередь интегрироваться в своё профессиональное сообщество,

определить и репрезентировать себя как учёного-лингвиста и подтвердить тем самым свою профессиональную компетентность. Эту дискурсивно-прагматическую функцию высказываний с исследуемыми маркерами можно считать прототипической, однако анализ языкового материала подтвердил крайне низкую встречаемость высказываний с МО в данной функции. В большинстве реальных контекстов высказывания с МО проявляются как чисто прагматические средства ведения аргументации в профессиональном общении и построения её на основе авторских утверждений с элементами научной новизны в проекции на знание, общеизвестное в пределах лингвистического научного сообщества. Выделяются следующие прагматические функции высказываний с МО:

- 1) апелляция автора к общеизвестному положению с целью его подтверждения;
- 2) апелляция автора к общеизвестному положению с целью его критики;
- 3) введение и описание определения общепринятого понятия или типичного примера.

6. Анализ языкового материала позволил установить, что в большинстве случаев автор научной статьи использует высказывания с МО для опоры на традиционное знание, признанное научным сообществом, с целью подтверждения приводимого общеизвестного положения и построения своей аргументации на его основании. В данной функции используются, в частности, высказывания в контекстах (1) и (2):

- (1) *Der Konjunktiv I und das Modalverb sollen sind sich in vielen Aspekten sehr ähnlich <...> Sie dienen, ganz allgemein gesagt, der indirekten Redewiedergabe. **Bekanntlich** weisen sie aber auch einige nicht zu vernachlässigende Unterschiede im Gebrauch auf, die von ihrer Nicht-Synonymität im Deutschen zeugen.* [Smirnova, Diewald, 2013, p. 450].
- (2) *В русском языке, **как известно**, категория определенности не имеет грамматического выражения, в связи с чем, чтобы узнать, как связан указательный жест с этой категорией, и связан ли вообще, мы рассмотрим некоторые лексические средства, **стандартно** передающие идею (не)определенности* [Гришина, 2012, с. 22].

Помимо подтверждения общеизвестного теоретического положения, автор научной статьи может апеллировать к старому знанию в целях актуализации собственной позиции на фоне её критики: использование высказываний с МО в данной функции формирует

основу для научной дискуссии и вовлекает читателя в оценивание сообщаемых фактов.

- (3) *Typisch für die populäre Sprachkritik ist es, bei solchen sprachlichen Zweifelsfällen jeweils nur eine mögliche Regelformulierung anzusetzen und Alternativen gar nicht erst zu erwähnen.* [Schneider, 2011, p. 71].
- (4) *Главной задачей текстологического исследования произведения письменной культуры традиционно считается установление, во-первых, «эдиционного» текста произведения, то есть текста, подлежащего воспроизведению в научной публикации в качестве основного, и, во-вторых, дополнительных текстов, сопровождающих «эдиционный» в качестве его редакций и вариантов. Однако, как писал Д. С. Лихачев, «для того чтобы изучить историю текста, необходимо его прочесть. <...> Обязательное условие правильного прочтения текста — хорошее знание языка эпохи.* [Перцов, Пильщиков, 2011, с. 4].

7. Изучение МО и высказываний с включением данных маркеров с коммуникативно-прагматических позиций позволило установить, что использование таких высказываний в научном тексте обусловлено необходимостью реализации стратегий и тактик, нацеленных на формирование нового объективного знания о языковых явлениях с опорой на старое знание, ратифицированное представителями лингвистического научного сообщества.

В контекстах научной коммуникации высказывания с МО выполняют ряд дискурсивно-прагматических функций: первичная функция заключается в самопрезентации автора в тексте как компетентного исследователя и представителя лингвистического научного сообщества. Также выделяются более частные функции, которые высказывания с МО реализуют в аргументации: автор может апеллировать к общеизвестному положению с целью его дальнейшего подтверждения или критики и актуализации собственной позиции. Помимо этого, высказывания с МО могут использоваться для введения и описания общепринятых понятий и типичных примеров, иллюстрирующих то или иное авторское утверждение.

ЛИТЕРАТУРА

- Гришина, 2012 — Гришина Е. А. Указания рукой как система // Вопросы языкознания 2012. № 3. С. 3–51.
- Ильин, 1989 — Ильин В. В. Критерии научности знания. М.: Высшая школа, 1989.

- Нефёдов 2015a — *Нефёдов С. Т.* Императивы как инструмент диалогизации научного текста // *Научное мнение* 2015. № 9–1. С. 9–18.
- Нефёдов 2015б — *Нефёдов С. Т.* Функциональный потенциал вопросительных структур в научных лингвистических текстах // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2015. № 4 (28). С. 65–74.
- Перцов, Пильщиков, 2011 — *Перцов Н. В., Пильщиков И. А.* О лингвистических аспектах текстологии // *Вопросы языкознания*. 2011. № 5. С. 3–30.
- Черненко, 2013 — *Черненко И. Г.* Возможности когнитивного подхода в исследовании философской аргументации // *Когнітологія в системі гуманітарних наук: зб. наук. праць*. 2013. С. 100–106.
- Parkinson, 2013 — *Parkinson J.* English for Science and Technology // *The Handbook of English for Specific Purposes*. 2013. P. 155–175.
- Schneider, 2011 — *Schneider J. G.* Hat die gesprochene Sprache eine eigene Grammatik? Grundsätzliche Überlegungen zum Status gesprochensprachlicher Konstruktionen und zur Kategorie ‚gesprochenes Standarddeutsch‘ // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2011. № 39. S. 165–187.
- Smirnova, Diewald, 2013 — *Smirnova E., Diewald G.* Kategorien der Redewiedergabe im Deutschen: Konjunktiv I versus sollen // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2013. № 41(3). S. 443–471.

Рычкова Анастасия Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

gus-nastyu@yandex.ru

Научный руководитель – К.А. Филиппов, д-р филол. наук

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ МЕТАЯЗЫКА «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ» М. В. ЛОМОНОСОВА В СРАВНЕНИИ С ПЕРЕВОДОМ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК («RUSSISCHE GRAMMATIC»)

Ключевые слова: метаязык, научный дискурс, XVIII век, Ломоносов, грамматика.

Изучение метаязыка «Российской грамматики» М.В. Ломоносова (1757) и ее перевода на немецкий язык (1764) связано в первую очередь со становлением научной коммуникации XVIII века. Поэтому основные аспекты рассмотрения метаязыковых особенностей заключаются в построении русского и немецкого текста, а также описании коммуникативных отношений автора и читателя.

Rychkova Anastasiia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

ON SOME METALANGUAGE REGULARITIES OF THE «RUSSIAN GRAMMAR» OF MIKHAIL LOMONOSOV IN COMPARISON WITH THE TRANSLATION INTO GERMAN («RUSSISCHE GRAMMATIC»)

Keywords: metalanguage, scientific discourse, 18th century, Lomonosov, grammar.

The study of the metalanguage of M.V. Lomonosov's Russian grammar (1757) and its translation into German (1764) is primarily connected with the development of scientific communication in the 18th century. Therefore, the main aspects of consideration of the metalinguistic features are the construction of the Russian and German text, as well as the description of the communicative relationship between the author and the reader.

XVIII век как в русской, так и в немецкой академической среде характеризуется как период формирования научного дискурса. Было отмечено, что ученые как в России, так и в Германии сталкивались с похожими проблемами, а именно с формированием русского и немецкого языка науки. Особое влияние в университетской среде име-

ла латынь. Однако особенность русского научного дискурса заключается еще и в том, что языком—конкурентом стал еще и немецкий [Филиппов, 2013, с. 253]. Ярким примером этому может послужить М. В. Ломоносов. Известно, что во время своего пребывания в Германии Ломоносов был учеником Х. Вольфа, под чьим руководством были написаны первые научные труды юного Ломоносова. Это знакомство и совместная деятельность во многом сформировали научное мировоззрение Ломоносова [Бухаркин, 2013, с. 408]. Немецкое влияние мы можем увидеть в одном из его главных трудов — в «Российской грамматике». Хотя русский язык он рассматривал, обращаясь к латинской и церковнославянской традиции, само построение грамматики приближалось к немецким грамматикам того времени [Дюбо, 2013, с. 265]. Рассмотрим данную особенность более подробно на примере представления информации в тексте грамматики.

В структурировании текста Ломоносов следует немецкому образцу, который в свою очередь основывается на латинской грамматической традиции [Филиппов, Волков, 2014, с. 25–27]. «Российская грамматика» Ломоносова состоит из шести наставлений. Первое наставление служит введением и посвящено общим вопросам грамматики, и грамматике русского языка в частности. Последующие наставления представляют собой основные разделы грамматики: графику, орфографию, орфоэпию, морфологию, синтаксис. Широкое рассмотрение понятия грамматики было традиционным для немецких грамматик XVIII века, что отличается от современного узкого восприятия дисциплины грамматики, включающей в себя разделы морфологии и синтаксиса. Так, например, в состав грамматики И. К. Готтшеда «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*» помимо морфологии и синтаксиса включаются также орфография и просодика.

«Российская грамматика» имеет многоярусную структуру. Наибольшая единица этого деления — наставление делится далее на главы и параграфы. В переводе изначальная структура грамматики сохраняется, то есть мы имеем дело с трехчастной системой, но при этом меняются сами обозначения единиц данной системы. Для обозначения наставлений в немецком тексте используется понятие *Abschnitt*, наиболее подходящим соответствием которому в современном русском языке является слово *раздел*. Следует отметить, что при переводе теряется коммуникативная задача данного наименования, которая четко прослеживается во внутренней форме слова «наставление». Наставление, образованное от глагола «наставлять» несет в себе дидактическую направленность, что располагается в русле

идей эпохи Просвещения. Значение данного понятия в словаре русского языка XVIII века определяется через следующий синонимический ряд: «назидание», «нравоучение», «рекомендация», «инструкция» [Словарь русского языка XVIII века, 1984]. Задача немецкого понятия *Abschnitt* ограничивается формальным структурированием текста.

Наименования каждого из разделов грамматики берет начало в латинской грамматической традиции. Названия наставлений и глав имеют одинаковую предложно—падежную форму. Наставление «О имени» включает в себя главы «О родах имени», «О склонениях» и так далее. Подобные названия мы встречаем в трудах римских философов (почти все диалоги Платона имели названия, построенные по подобной схеме, например «Горгий, или о Риторике»). При переводе на немецкий язык схема обозначений сохраняется, так как она являлась частью грамматической традиции в немецком научном дискурсе того времени: «*Von den Nennwörtern*», «*Von den Geschlechtern der Nennwörtern*», «*Von den Abänderungen*».

Если рассматривать структурирование информации на языковом уровне, то одним из таких способов является введение классификации материала, для выражения которой в русском и немецком текстах используются различные приемы. Наиболее частым способом представления материала является создание определенной последовательности элементов классификации посредством числительных. При этом наглядность классификация обеспечивается за счет использования лингвистических средств, а именно нумерации. Для перечисления информации используются, в первую очередь, порядковые числительные, например «*первые отмены*», «*второго рода отмены*». В немецком тексте также используются числительные: «*die ersten Veränderungen*». Примечательно, что в немецком местоимение *anderer* выступает с семантикой числительного «второй» (*die Veränderungen der anderen Art*). Также на примере данных словосочетаний можно отметить архаичность русского текста по отношению к немецкому переводу. Эта архаичность проявляется в использовании понятия *отмены*. В языке XVIII века одно из значений данного понятия было «изменение, перемена, смена» [Словарь русского языка XVIII века, 1984], которое было утрачено в современном языке. В немецком же языке было выбрано слово *Veränderungen*, семантика которого не изменилась в современном языке.

Следующим способом, который маркирует классификацию на лексическом уровне, являются перформативные глаголы с семантикой разделения. Среди глаголов в русском и их соответствий в не-

мецком текстах можно найти некоторые особенности. Для иллюстрации обратимся к третьему наставлению, которое посвящено имени, а именно к описанию системы склонений. В большинстве случаев в тексте грамматики используются характерные для строя русского языка активные конструкции, например «*второе склонение заключает в себе...*», «*третье склонение составляют имена...*», «*четвертое склонение состоит из...*». Интересно, что в переводе используются конструкции, которые совпадают с русскими вариантами как в семантике, так и в грамматической структуре: «*die zweite Declination enthält...*», «*zu der dritten Declination gehören die Nennwörter...*», «*die vierte Declination besteht aus...*». Использование активных форм противоречит традиции использования пассивных форм, что характерно для немецкого языка. Обратимся к следующему примеру:

- (1) *Разделяются* Российские буквы на самогласные, согласные и безгласные [Ломоносов, 1755, с. 43].
- (2) *Die Rußischen Buchstaben teilen sich ein in Selbstlaute, Mitlauter und in Buchstaben ohne Laut* [Lomonossow, 1764, с. 52].

Использованный в русском тексте возвратный глагол передается такой же возвратной формой и в немецком тексте, хотя мог быть заменен более привычной для строя языка формой в пассивном залоге. Стоит отметить средства актуального членения в обоих текстах. Вынесение глагола на первое место в тексте оригинала является сигналом последующей далее классификации. В немецком тексте подобное выделение происходит с помощью того, что вместо отделяемой приставки в конец предложения ставится дополнение, которое выражает компоненты классификации. Таким образом, оно оказывается в позиции ремы. Данный прием мы можем обозначить как смысловое выделение информации.

Нехарактерной для современного языка особенностью является использование глагола-связки «*суть*», которая представляет собой вариант глагола «*быть*» и используется независимо от форм лица или числа [Словарь русского языка XVIII века 1984]. Данный глагол также является одним из способов введения классификации в структуру текста.

- (3) *Имена первого склонения на А и Я суть* рода Мужского и Женского [Ломоносов, 1755, с. 64].
- (4) *Die Nennwörter der ersten Declination auf a und я sind männlichen und weiblichen Geschlechts* [Lomonossow, 1764, с. 88].

Наличие данной связки в немецком обуславливается строем языка, когда как в русском языке мы можем охарактеризовать ее использование скорее как черту архаичности.

Если рассматривать общую характеристику русского текста «Русской грамматики», то с точки зрения его лексического оформления как одну из особенностей можно выделить архаичность текста. Что не скажешь о тексте перевода на немецкий язык. В метаязыковой структуре текста грамматики на немецком языке можно отметить некоторые противоречия. С одной стороны, при выборе обозначений структурных единиц текста (напр., наставление) делается выбор в пользу обозначений, устоявшихся в грамматической традиции XVIII века (ср. Готтшед). С другой же стороны, на примере введения классификации в текст мы наблюдали, что при общенаучном метаязыковом оформлении текста перевод по большей части следует его оригиналу, отступая от устоявшихся в строе языка формул (напр., использование актива и пассива).

ЛИТЕРАТУРА

- Бухаркин, 2013 — *Бухаркин П. Е.* История русской литературы XVIII века (1700 — 1750-е годы): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.
- Дюбо, 2013 — *Дюбо Б. А.* Изменение роли немецкой традиции в грамматическом описании русского языка во второй половине XVIII в. (на примере глагольных грамматических категорий) // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 265–285.
- Ломоносов, 1755 — *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1755.
- Филиппов, 2014 — *Филиппов К. А., Волков С. Св.* М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: В. Г. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед: научный доклад. — СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014.
- Филиппов, 2014 — *Филиппов К. А.* Лейбниц — Вольф — Готтшед — Ломоносов: (к вопросу о грамматических теориях XVIII века): коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 253–264.
- Словарь русского языка XVIII века, 1984 — Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. [Эл. ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 9.12.2017).
- Lomonossow, 1764 — *Lomonossow M.* Rußische Grammatick / aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg: Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1764.

Афанасьев Владимир Алексеевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),

Нижний Новгород, Россия

svintrups@gmail.com

Научный руководитель – В.Г.Зусман, д-р филол. наук

АВТОРСКИЕ И ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ В РОМАНЕ ДЖ.Р.Р.ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ)

Ключевые слова: пословица, пословица в художественном тексте, проблемы перевода, Толкин.

Статья посвящена проблемам, наблюдающимся при переводе авторских и трансформированных пословиц в романе «Властелин Колец» Дж.Р.Р.Толкина. Основные трудности, возникающие при переводе, такие как стилистическая, лексико-семантическая и формальная адекватность оригиналу показаны на примере трёх пословиц в трёх русских переводах романа.

Afanasev Vladimir

National Research University

“Higher School of Economics” (NRU HSE),

Nizhny Novgorod, Russia

THE INVENTED AND TRANSFORMED PROVERBS IN THE NOVEL «THE LORD OF THE RINGS» BY J. R. R. TOLKIEN AS A TRANSLATION PROBLEM (BASED ON THE NOVEL'S RUSSIAN TRANSLATIONS)

Keywords: proverb, proverb in literary text, translation problems, Tolkien.

The article is dedicated to the translation problems connected with the invented and transformed proverbs in the novel «The Lord of the Rings» by J.R.R.Tolkien. The main issues such as stylistic, lexical-semantic and formal adequacy are illustrated on the example of three proverbs in three Russian translations.

Роман «Властелин Колец» Дж.Р.Р.Толкина полон «филологических элементов» [Turner, 2005, с. 14], к которым наряду с ономастикой и поэтическими текстами относятся пословицы, образующие сложную систему. Паремии поддерживают иллюзию реальности ху-

дожественного мира романа и формируют культуру вымышленных народов Средиземья, то есть являются важной частью фольклорно-мифологического импликационала текста.

В тексте романа было обнаружено 108 пословиц, делящихся на три группы: традиционные английские, трансформированные и авторские (то есть полностью изобретённые автором). Наибольший интерес представляют пословицы двух последних категорий, разнообразные с формальной точки зрения и обладающие уникальным образным и дидактическим (иногда) содержанием. Кроме того, все пословицы во «Властелине Колец» неоднородны и в стилистическом отношении, являясь микромоделями идеостилия Толкина и художественного мира «Властелина Колец» в целом.

Интерлингвистический перевод пословицы — отдельная проблема, для решения которой задействуются разные методы. Так, В. С. Виноградов выделяет пять: эквивалент, аналог, калькирование, «псевдопословичное» соответствие и описательный перевод [Виноградов, 2001, с. 190–192].

Традиционные пословицы в целом не представляют серьёзной проблемы, поскольку в большинстве случаев достаточно найти аналог или даже эквивалент на языке прибытия. Однако перевод пословиц двух других типов почти всегда сопряжён с творческим воссозданием. При изобретении «псевдопословичного» соответствия (окказионализма) следует учитывать все значимые характеристики пословицы и весь спектр её контекстных функций.

Проблемы, наблюдающиеся в русских переводах «Властелина Колец», связаны как с верным выбором методологии, так и с её осуществлением, особенно при воспроизведении стиля пословицы, передаче её формальных характеристик и отражении связей между пословицами внутри системы.

На примере трёх пословиц проиллюстрируем, какие проблемы воссоздания паремий остаются актуальными для русских переводов «Властелина Колец» (для рассмотрения выбраны три перевода).

В пятой книге «Властелина Колец» Эовин (в образе неизвестного молодого всадника) подбадривает хоббита Мерри: *Where will wants not, a way opens* [Tolkien, 2012, т. 5, с. 80]. Эта паремия — трансформированная английская пословица «Where there's a will, there's a way», на более старый вариант которой («To him that will, wais are not wanting» [Speake, 2008, с. 541]), вероятно, ориентировался Толкин. И в толкиновской пословице, и в её возможном прототипе глагол «want» использован в устаревшем значении: «быть в недостатке».

Из ближайшего контекста высказывания Эовин очевидно, что оно принадлежит к роханским (провербиальный аффикс «so we say»); культура рохиррим же в Средиземье (вымышленный мир Толкина) почти идентична англосаксонской. Это проявляется и в том, как «преобразовалась» пословица в художественном пространстве «Властелина Колец». Инверсия сообщает возвышенный тон, а двусоставная структура, части которой соединены по правилам аллитерационного стихосложения, делает пословицу почти что стихом из англосаксонской поэмы. Т. Шиппи даже полагает, что на древнеанглийском пословица «Where there's a will, there's a way» звучала бы почти так же, как толкиновская [Shippey, 1987, с. 242].

Все перечисленные особенности следует учитывать при переводе, но их воспроизведение осложняется существованием второй пословицы, связанной с первой. Это выражение *Where there's a whip, there's a will* (вложено в уста орка с хлыстом, обнаружившего перодетых орками же Фродо и Сэма) [Tolkien, 2012, т. 6, с. 341] — искажённая версией английской пословицы и, соответственно, рассмотренной роханской. Однако если в Рохане выражение приобретает поэтическое звучание, то в Мордоре пословица вульгаризируется (показательна ассонансная рифма). Значение пословицы двояко: держащий бич диктует свою волю или желания, но в то же время насилие заставляет жертв повиноваться, то есть желать чего-либо против воли [Stanton, 1996, с. 343].

Так или иначе, контрастная связь этих двух пословиц должна быть отражена в переводе, что можно сделать только при помощи метода окказионализма. Русские переводчики решали обозначенные проблемы, используя преимущественно этот способ. Проанализируем 3 перевода рассматриваемых пословиц попарно.

1. Перевод А. Кистяковского и В. Муравьёва: (1) *Упорному и стена не препона* [Толкин, 2015, с. 867]; (2) *Не можешь так — значит, хошь кнута* [Толкин, 2015, с. 995].

А. Кистяковский и В. Муравьёв существенно изменили роханскую пословицу, привнеся в неё образный план. Характеристика «упорный» с точки зрения эквивалентности актуального значения весьма спорна, хотя в эфоническом отношении такая лексема удачно соотносится с «препоной» (аллитерация на «п»). Вульгарность второй паремии передана при помощи усечённой рифмы и диалектизма «хошь», но такое выражение представляет собой не пословицу, а скорее присказку (отсутствует дидактическое содержание).

2. Перевод К. Каррика и М. Каменкович: (1) *Где властна воля, там путь к победе* [Толкин, 2015, с. 995]; (2) *Где кнут, там и силушка найдется* [Толкин, 2015, с. 1151].

Создатели единственного академического перевода в комментариях к этой пословице утверждают, что она отражает «нордический дух», который уважал Толкин [Толкин, 2015, с. 1623]. Однако неоправданное расширение лексического состава «победой» сужает тематику и сообщает излишний патетизм, не говоря об отрицательных коннотациях. Орочья пословица в этом переводе в целом отражает смысл оригинала, но лексема «силушка», пусть даже употреблённая иронично, является явным русизмом. Более того, была утрачена рифма. Варианты Каррика и Каменкович оказываются лексико-семантически неадекватными оригиналу.

3. Перевод В. Волковского и Д. Афиногенова: (1) *Кто не сдается, тот своего добьётся* [Толкин, 2007, с. 886]; (2) *Где добрый кнут, ноги сами бегут* [Толкин, 2007, с. 993].

Обе пословицы В. Волковский и Д. Афиногенов передали с использованием рифмы; кроме того, их конструкция идентична. Однако между этими паремиями нет существенного стилистического контраста. Слово «добрый» в орочей пословице — также русизм, что вкупе со следующим высказыванием в речи надзирателя («Держитесь!») создаёт иллюзию подбадривания, а не злой насмешки.

Поскольку ни одна из приведённых пословичных пар не отражает существенные характеристики паремий в полной мере, предлагаем такие варианты: (1) *Где недостатка в воле нет, найдётся чайняням ответ*; (2) *Где кнут, там и волю перегнут*.

В роханской пословице присутствует и аллитерация, и инверсия; пословичность и поэтичность дополнительно усилены рифмой. Вторая пословица построена по той же конструкции и связана с первой лексически; вульгарность передана при помощи ритмической несоразмерности двух частей. Недостатком можно считать непохожесть первой пословицы на аллитерационный стих, однако эта особенность остаётся незаметной и в оригинале.

Второй пример — пословица эльфа Леголаса *Oft hope is born, when all is forlorn* [Tolkien, 2012, т. 5, с. 176]. Эта лишённая выраженной образности паремия — авторская и не имеет реальных аналогов. В тексте она позиционируется как традиционная и входит в пословичный фонд Средиземья в качестве возвышенной эльфийской. Пословица архаизирована на лексическом уровне, а на фонетическом наделена ассонансом на «о» и рифмой. Передача этих особенностей

в переводе при сохранении жизнеутверждающего смысла оказалась испытанием для русских переводчиков.

1. Перевод Кистяковского и Муравьёва: *Как будешь к пропасти ка-
титься, надежда заново родится* [Толкин, 2015, с. 943].

Здесь рифма сохранена, а также присутствует ассонанс на «а». Однако переводчики вновь привнесли образный план, немотивированный контекстом. Кроме того, не выражен высокий стиль и имперсональность пословицы.

2. Перевод Каррика и Каменкович: *Нет напасти — нет и надежды* [Толкин, 2015, с. 1087].

В данном случае Каррик и Каменкович не вполне уместно использовали окказионализм на основе антонимического перевода. Такая пословица может быть неверно воспринята читателем как утверждение безнадежности всякого бытия, лишённого «напастей».

3. Перевод В. Волковского и Д. Афиногенова: *Коли гном вконец отча-
ется, тут надежда и рождается* [Толкин, 2007, с. 949].

Волковский и Афиногенов создали рифмованное выражение, производящее впечатление пословицы, но сузили тематику (в ближнем контексте пословица обращена к гному Гимли). Хотя гномы Средиземья действительно бесстрашны, подобное изменение всё же представляется неоправданным. Более того, этот вариант лексически близок скорее «простонародному» стилю.

Рассматриваемую пословицу можно перевести следующим образом: *Надежда возникает там, где подступает тьма к вратам*.

Подобное выражение архаизировано и наделено ассонансом и рифмой. Привнесённый образный план по крайней мере соотносится с контекстом, эксплицитно вскрывая имплицитные смыслы пословицы (во время её произнесения войско Саурона подступает к вратам Минас-Тирита).

На примере трёх рассмотренных пословицы можно констатировать необходимость особого подхода к переводу фразеологии во «Властелине Колец». В существующих на сегодняшний день русских переводах произведения многим пословицам не найдено или не изобретено адекватного оригиналу соответствия, что обуславливает необходимость создания нового перевода, в котором к воссозданию пословичного фонда будет применён системный и вместе с тем творческий подход.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, 2001 — *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
- Толкин, 2015 — *Толкин Дж. Р. Р.* Властелин Колец / пер. с англ. А. Кистяковского, В. Муравьёва. М.: АСТ, 2015.
- Толкин, 2015 — *Толкин Дж. Р. Р.* Властелин Колец / пер. с англ., предисл., коммент. В. Каррика, М. Каменкович. М.: Издательство АСТ, 2015.
- Толкин, 2007 — *Толкин Дж. Р. Р.* Властелин Колец / пер. с англ. В. Волковского, Д. Афиногенова / Полная история Средиземья. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2007. С. 181–1084.
- Shippey, 1987 — *Shippey T. A.* Creation from Philology in The Lord of the Rings. / J. R. R. Tolkien, Scholar and Storyteller: Essays in Memoriam. Ithaca/London: Cornell University Press, 1987. P. 286–316.
- Speake, 2008 — *Speake J.* The Oxford Dictionary of Proverbs. 5th ed. New York: Oxford University Press, 2008.
- Stanton, 1996 — Stanton M. “Advice is a Dangerous Gift”: (Pseudo)Proverbs in The Lord of the Rings // Proverbium. Vermont., 1996. N 13. P. 331–346.
- Tolkien, 2012 — *Tolkien J. R. R.* The Lord of The Rings. Seven-volume edition. L.: HarperCollins, 2012.
- Turner, 2005 — *Turner A.* Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings. Frankfurt am Main: Europaischer Verlang der Wissenschaften, 2005.

Карева Мария Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

maskareva@yandex.ru

Научный руководитель – М.К. Кабакчи, к. пед. наук

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ БЕЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»)

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, Достоевский, транскрипция, транслитерация.

Статья посвящена проблеме передачи безэквивалентной лексики при переводе с русского языка на английский. Особое внимание уделяется понятию безэквивалентной лексики, а также изучению ее функционирования в художественном тексте. В ходе исследования выявляются наиболее частотные способы перевода, которые позволяют сохранить культурно-историческую специфику текста.

Kareva Mariia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

PROBLEMS OF TRANSLATING RUSSIAN NON-EQUIVALENT WORDS INTO ENGLISH (BASED ON FYODOR DOSTOYEVSKY'S NOVEL «POOR PEOPLE» AND ITS ENGLISH TRANSLATION BY HUGH APLIN)

Keywords: non-equivalent words, Dostoyevsky, transcription, transliteration.

The article deals with the problem of translating non-equivalent words from Russian to English. The term non-equivalent word is defined, its characteristics are stated. The article points out the most frequent translation techniques which help convey cultural and historical features of the text.

Понятие безэквивалентной лексики

В последнее время особенно важным в переводоведении является вопрос эквивалентности, русская безэквивалентная лексика довольно часто встречается в художественных произведениях. В данной статье мы намереваемся определить наиболее частотные

способы перевода безэквивалентной лексики при переводе художественного произведения с русского языка на английский.

Полнота восприятия художественного произведения достигается не только знанием прямых значений слов и пониманием смысла предложений, но и верной интерпретацией безэквивалентной лексики, которая несет в себе культурный и исторический контекст, а также отражает особенности мировосприятия нации.

Материалом для данной статьи послужил роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди», поскольку художественный язык писателя очень своеобразен, он смешивает речевые стили, стилистический диапазон лексического строя необычайно широк. Кроме того, нам интересен эпистолярный жанр произведения, в котором фигурирует речь героев от первого лица, благодаря чему достигается глубокий психологизм произведения. Помимо этого, творчество Ф. М. Достоевского пользуется широкой популярностью за рубежом, что влечет за собой необходимость перевода его произведений с наиболее полной и достоверной передачей культурного и исторического контекста.

Среди переводов романа «Бедные люди» был выбран перевод Хью Аплина «Poor people», выполненный в 2011 году, поскольку он является одним из наиболее поздних, а значит, он более актуален с точки зрения развития переводоведения и методов сохранения культурно-исторического контекста.

Обратимся к понятию «безэквивалентная лексика». В настоящее время существуют различные мнения, поскольку границы этого понятия несколько размыты, довольно сложно с точностью определить эквивалентность или безэквивалентность какой-либо единицы.

Мы будем считать, что безэквивалентная лексика — «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б», они «не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин, Костомаров, 1976, с. 42]. Прежде всего, к ним мы отнесем слова, обозначающие специфические предметы и явления в жизни культурно-языкового сообщества — реалии и историзмы, а также топонимы и антропонимы.

Л. С. Бархударов выделяет три лексических пласта, относящихся к безэквивалентной лексике:

- 1) имена собственные, географические названия, названия учреждений, организаций, газет и т. д.; (т. е. топонимы и антропонимы);

- 2) реалии — слова, обозначающие явления, не существующие в культуре ПЯ, например, виды народной одежды;
- 3) случайные лакуны — лексические единицы, которые по каким-либо причинам не имеют соответствий в лексическом составе другого языка [Бархударов, 2008, с. 75].

К основным способам перевода безэквивалентной лексики, как правило, относят следующие:

- 1) транскрипция/транслитерация («передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы (ИЯ), средствами другой алфавитной системы (ПЯ)»);
- 2) калькирование («переводческий прием, заключающийся в том, что составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода»);
- 3) описательный перевод (состоит в раскрытии значения понятия, когда необходимо разъяснить саму сущность явления);
- 4) приближенный (уподобляющий) перевод (вместо иностранной реалии переводчик использует реалию ПЯ, которая имеет что-то общее с реалией ИЯ) [Казакова, 2002, с. 53].

Перевод топонимов

Действие романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» происходит в Петербурге, поэтому здесь мы наблюдаем множество топонимов, связанных с этим городом. Как правило, они передаются путем транслитерации. В «Толковом переводческом словаре» дано следующее определение транслитерации: «передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы, средствами другой алфавитной системы» [Нелюбин, 2003, с. 227]. Обратимся к примерам:

Я знала, что у букинистов в Гостинном дворе можно купить книгу иногда в полцены дешевле, если только поторговаться, часто малоподержанную и почти совершенно новую. — 'I knew that it was sometimes possible to buy a little-used, almost brand-new book from the second-hand booksellers in Gostiny Dvor at half-price, if only you haggled'.

Чтобы как-нибудь освежиться, вышел я походить по Фонтанке. — 'So as to revive myself somewhat, I went out to take a walk along the Fontanka'.

Оба примера переведены транслитерацией, автор перевода поясняет значение понятия Гостинный двор в заметках, помещенных в конце книги (*Gostiny Dvor is the arcaded trading area on Nevsky Ave-*

ние.), что мы находим обоснованным, поскольку иностранный читатель может и не располагать такими фоновыми знаниями о Петербурге.

В следующем примере применено *калькирование* («переводческий прием, заключающийся в том, что составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода» [Нелюбин, 2003, с. 73]): слово «мост» заменено прямым соответствием «bridge»:

*У самого **Воскресенского моста** у меня подошва отстала, так что уж и сам не знаю, на чем я пошел. — ‘Right by the **Voskresensky Bridge** my sole came off, so I just don’t know myself what I walked on then’.*

Наблюдается и полное опущение одного из элементов топонима:

*Мимо **-ской церкви** прошел, перекрестился, во всех грехах покаялся да вспомнил, что недостойно мне с господом богом уговариваться. — ‘I went past the *** **church**, crossed myself, repented of all my sins and remembered that I wasn’t worthy to come to arrangements with the Lord God’.*

Данное опущение обусловлено тем, что русский язык располагает большим количеством флексий, в то время как английский язык является аналитическим.

Перевод антропонимов

Антропонимы, как правило, передаются с помощью транскрипции («переводческий прием, основанный на фонетическом принципе, т. е., например, на передаче русскими буквами звуков иноязычного (иностранного) наименования» [Нелюбин, 200, с. 227]):

*Милостивый государь, **Макар Алексеевич!** — ‘Dear sir, **Makar Alexeyevich!**’*

*Милостивая государыня, **Варвара Алексеевна!** — ‘Madam, **Varvara Alexeyevna!**’*

*Думаю-думаю, авось господь ему на душу положит, **Петру Петровичу** благодетелю, да и даст он мне взаймы. — ‘I keep thinking perhaps the Lord will speak to my benefactor **Pyotr Petrovich’s** heart, and he’ll make me a loan’.*

Стоит отметить, что русское имя Петр имеет английский аналог Peter, но автор перевода выбирает прием транскрипции, которая передает экзотизм звучания русского имени, а также благодаря этому сочетание имени и отчества героя сохраняет цельность.

В данных примерах также демонстрируется замена вежливого обращения, принятого в России времен Ф.М. Достоевского, на английский аналог (Madam — a polite word used to talk to a woman; Sir — used when speaking politely to a man), что является локализацией под культуру языка перевода.

В романе мы наблюдаем перевод имени вымышленного героя русского фольклора Иванушки-дурачка. Здесь также используются калькирование, однако само имя Иванушка передано не транскрипцией, а с помощью английского соответствия Ivan, в результате чего происходит потеря уменьшительно-ласкательного суффикса:

И ведь бывает же так, что счастье-то часто Иванушке-дурачку достаётся. — 'And you know, it often happens that Ivan the Fool is the one that gets happiness'.

Стоит отметить роль Иванушки-дурачка в русской культуре, невозможно найти русского человека, который не был бы знаком с этим фольклорным героем.

Перевод историзмов

Перейдем к историзмам, это слова или устойчивые словосочетания, представляющие собой названия существовавших когда-то, но исчезнувших предметов, явлений человеческой жизни.

Поскольку роман «Бедные люди» был написан в XIX веке (1845 год), мы встречаем здесь представителя такой профессии, как будочник:

Будочники эти все такие нечувствительные, — а что мне будочник? — 'These policemen are all so insensitive — but why worry about a policeman?'

При передаче его на английский язык происходит утрата части значения слова: Будочник — «в дореволюционной России: полицейский, который нес караульную службу в будке» [Глинкина, 2008, с. 54].

В тексте перевода будочник трансформируется в простого полицейского, поскольку переводчик применяет приближенный (уподобляющий) перевод, который заключается в употреблении слов, обозначающих нечто близкое к иноязычной реалии, похожее по функции, но не тождественное ей. Понятие хоть и не совпадает с исходным, но имеет значительное семантическое сходство и помогает передать суть описываемого явления.

Перевод названий произведений

В одном из писем героини романа упоминается широко известное произведение А. С. Пушкина «Повести Белкина», которое, несомненно, много значит для русского человека и является литературной ценностью нации. Здесь переводчик использует калькирование и транслитерацию:

*Федора мне достала книжку — «Повести Белкина», которую вам посылаю, если захотите читать. — Fedora got a book for me — **The Tales of Belkin**, which I'm sending you, in case you want to read it.*

Кроме того, в конце книги мы можем найти сноску с краткой информацией об этом произведении (***The Tales of Belkin: Pushkin's first completed work of prose fiction***).

Выводы

Таким образом, при переводе безэквивалентной лексики, наиболее часто используются такие приемы, как транскрипция, транслитерация и калькирование. Часто автор поясняет значение выражения, делая соответствующую заметку. Помимо этих способов, выявлены также приближенный перевод и опущение элемента словосочетания.

Примеры показали, что некоторая степень искажения текста и утеря значений в некоторых случаях неизбежно сопутствует переводу эквивалентной лексики в художественном произведении. Однако определенная часть культурного компонента, заложенного в тексте, все же сохраняется, что говорит о том, что попытки передать национальный, а также исторический и культурный контекст художественного произведения не беспредельны.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов, 2008 — *Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Верещагин, Костомаров, 1990 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990.
- Глинкина, 2008 — *Глинкина Л. А.* Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка: ок. 7000 единиц; более 500 ил. — М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008.
- Достоевский Ф. М.* Бедные люди. Л.: Художественная литература, 1966.

- Казакова, 2002 — *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. СПб.: Союз, 2002.
- Нелюбин, 2003 — *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.
- Aplin, H.* Poor People. United Kingdom: Oneworld Classics, 2011.

Лифшиц Екатерина Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

kitty-95@mail.ru

Научный руководитель – И.В.Недялков, д-р филол. наук

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА М.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА БУЛЕВОЙ АЛГЕБРЫ

Ключевые слова: перевод, лексические трансформации, адекватность перевода, уровни адекватности, Булева алгебра.

В работе с помощью метода булевой алгебры исследуются лексические трансформации в английских переводах романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита». В качестве теоретической основы выдвигается концепция о трехуровневой структуре их адекватности. На ее базе анализируется большой массив трансформаций, выделяются общие закономерности и делаются конкретные выводы об адекватности переводов.

Lifshits Ekaterina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

LEXICAL TRANSFORMATIONS IN ENGLISH TRANSLATIONS OF M.BULGAKOV'S NOVEL «THE MASTER AND MARGARITA» USING THE BOOLEAN ALGEBRA METHOD

Keywords: translation, lexical transformations, translation adequacy, levels of adequacy, Boolean algebra.

The work is devoted to the lexical transformations in English translations of M.Bulgakov's «The Master and Margarita» using Boolean algebra method. The theory is based on the author's concept of their three-level adequacy structure. On this basis, a number of transformations were analyzed, general patterns were identified, and conclusions were drawn about the adequacy of the translations.

Работа посвящена анализу особенностей лексических переводческих трансформаций (ЛПТ) при помощи метода булевой алгебры. Материалом для анализа послужили популярные за рубежом переводы романа, выполненные М. Гленни [Glenny, 1967] и Р.Пивером

и Л. Волохонской [Pevear, Volokhonsky, 1997], ярко различающиеся по подходу к передаче реалий и языка Булгакова; на их примере наиболее отчетливо видны принципы работы выдвинутого нами метода оценки ЛПТ.

1. К л а с с и ф и к а ц и я. Лексические переводческие трансформации (ЛПТ) изучены достаточно глубоко, существует множество их разнообразных классификаций [Бархударов, 1975, с. 191–231; Комиссаров, Рецкер, 1985, с. 671; Латышев, 1986, с. 67–89], которые были нами проанализированы. Однако, как выяснилось, оригинальный язык и идейное содержание романа Булгакова требуют особой классификации. Исходя из этого, мы выдвинули и обосновали такую классификацию, основанную на взаимосвязи трех ценностных уровней: стилистического, философского и культурологического, в совокупности составляющих общую адекватность перевода.

2. М е т о д о ц е н к и разработан нами с учетом того, что ЛПТ — это «приемы логического мышления» [Рецкер, 1974, с. 38], и их можно лаконично и точно описать с помощью математической логики. В работе для анализа применен метод булевой алгебры и логических врат, с помощью которого трансформации анализируются на каждом из трех вышеописанных уровней.

3. Также, учитывая, что ЛПТ — это логический процесс преобразования исходных единиц текста, основанный на принципах преобразования формы и значения [Бархударов, 1975, с. 1–12, 51–54], адекватность [Комиссаров, 1990, с. 38–94; Латышев, 1981, с. 13–28] перевода на каждом из трех уровней проанализирована с этой точки зрения.

4. Сопоставляя полученные логические величины факторов формы / значения, с одной стороны, и стиля / идеи / реалий, с другой стороны, мы получили сводную таблицу, на основании которой были выведены общие логические закономерности оценки ЛПТ: 1) Величины стиля совпали в таблице со значениями формы: т.е., мы математически показали, что стилиевая составляющая ЛПТ напрямую зависит от формы передачи выражения исходного языка. 2) Величины идеи, или философского уровня, совпали с величинами значения: т.е. выявлена прямая связь философской составляющей ЛПТ с фактором значения выражения исходного языка. 3) У культурологического фактора — более сложная, картина. Его значения напрямую не совпадают с величинами ни формы, ни значения. Однако он может принимать величину 1 даже при нулевых форме и значению, что говорит о его сложной природе и многообразных путях его адекватной передачи.

5. Далее к данным анализа был применен метод компенсации [Рецкер, 2004, с. 56] путем сложения уровней на основе логических врат AND или OR.

6. Примеры анализа. Проиллюстрируем метод, описанный выше, на примерах трансформаций в переводах романа Булгакова [Булгаков, 2006, с. 187–541].

Начнем с ЛПТ культурологического уровня: например, эпизод, где Коровьев и Бегемот приходят в ресторан Дома писателей, у входа в который некая «гражданка» требует от них предъявить «удостоверения» [Булгаков, 2006, с. 503]. Гленни переводит ‘удостоверения’ как ‘*membership cards*’, а ‘гражданку’ — как ‘*woman*’ [Glenny, 1967, с. 183]. У Пивер и Волохонской (ПВ, PV) — ‘*identification cards*’ и ‘*citizenship*’ [Pevear, Volokhonsky, 1997, с. 361]. ‘*Membership cards*’ у Гленни — удачный ход с использованием логической синонимии, такой перевод более или менее отражают суть понятия удостоверения, в то время как у ПВ ‘*identification cards*’ не добавляют оттенка абсурда, так как непонятно, что это такое: может быть, паспорт, и тогда требование гражданки обретает определенный смысл. Однако Гленни игнорирует смысл такого важного термина как ‘гражданка’, заменяя его на ‘*woman*’, что обернулось потерей культурной реалии. Также добавляется чисто английское ‘*please*’, неуместное в данном случае. Кроме того, наречие ‘горячо’ Гленни заменил на ‘*warmly*’, имеющее несколько другой эмоциональный оттенок и означающее, скорее, ‘сердечно’, ‘дружественно’, что здесь явно неуместно. ПВ же в этом месте употребили наречие ‘*hotly*’, имеющее смысловой оттенок страстности и запальчивости, что более приемлемо.

Логический анализ перевода термина ‘гражданка’ дает для Гленни: форма 1 + значение 0 = культурология 0 (уровень не передан). ЛПТ в переводе ПВ получает: форма 1 + значение 1 = культурология 1. Логический анализ ЛПТ термина ‘удостоверение’ получается таким: у Гленни — форма 1 + значение 1 = культурология; у ПВ — форма 1 + значение 0 = культурология 0 (уровень не передан).

С особенностями реалий советского времени связан и следующий пример. Фамилию Бездомный ПВ перевели как ‘*Homeless*’, Гленни предпочел — ‘*Bezdomny*’. Отметим, что Бездомный — это «говорящий» псевдоним, намек на поэта того времени Демьяна Бедного. В то же время такое имя подчеркивает и неприкаянность героя, неосознание своего места в жизни. В переводе Гленни форма сохранена, использован прием транслитерации, но ‘*Bezdomny*’ — лишь набор букв для англоязычного читателя и не отражает идей, вложенных писателем в это имя. Таким образом, оба перевода не отражают сути

имени, но мы считаем, что в данном случае перевод значения фамилии уместнее, чем транслитерация, так как отражает суть проблемы Бездомного — поэт не имеет метафорического дома. В итоге, согласно логическому анализу, ЛПТ Гленни получает: форма 1 + значение 0 = культурология 0 и философия 0, здесь оба уровня взаимосвязаны. ЛПТ, примененное ПВ, оценивается, как форма 1 (калькирование) + значение 1 = культурология 1 и философия 1.

Следующий пример демонстрирует реализацию в переводах адекватности ЛПТ на философском уровне. На «Великом балу у Сатаны» [Булгаков, 2006, с. 430] Воланд излагает очень важную философскую концепцию о понятиях бытия и небытия. Подчеркнем, что не жизни и смерти, а именно бытия. Гленни заменил понятие *'бытие'* на *'life eternal'* [Glenny, 1967, с.142], что является, с нашей точки зрения, фактической ошибкой. Речь шла о загробном существовании в любом его проявлении, которое опровергал Берлиоз, будучи атеистом. Употребленное Гленни тут же *'the void'* также не передает всех смыслов понятия *'небытие'*. ПВ использовали здесь пару *'being/non-being'* [Pevear, Volokhonsky, с.285], что по смыслу ближе к тому, что хотел передать Булгаков. Таким образом, логический анализ дает: у Гленни — форма 0 + значение 0 = идея 0; у ПВ — форма 1 + значение 1 = идея 1.

Теперь разберем перевод, пожалуй, самого знаменитого отрывка из романа: *В белом плаще с кровавым подбоем...* и т. д. [Булгаков, 2006, с. 198]. Этот отрывок часто цитируют, он музыкален, благодаря особому порядку слов, неизменному подлежащему в конце, общей структуре предложения. Перевести это и сохранить стиль — чрезвычайно сложно. Гленни полностью сломал стиль и музыкальность этой фразы [Glenny, 1967, с. 10], приведя ее в соответствие с правилами английской литературной речи. Он нарушил булгаковский порядок слов, переставив их таким образом: обстоятельство времени, подлежащее, дополнение, сказуемое и обстоятельство места. Кроме того, он опустил отдельные слова. В результате в его переводе пропала красота и величие этой знаменитой булгаковской фразы. ПВ, в соответствии с нормами английского языка, заменили фразу *'в крытую колоннаду <...> вышел'* на *'there came out to the covered colonnade'* [Pevear, Volokhonsky, 1997, с. 40]. Это незначительно исказило стиль. Кроме того, в добавлено *'there'* для построения правильной грамматической конструкции английского языка. Эта перестановка почти незаметна, стиль пострадал лишь незначительно. Логический анализ: у Гленни — форма 0 + значение 1 = стиль 0; у ПВ — форма 1 + значение 1 = стиль 1.

7. Всего нами были проанализированы по 38 примеров ЛПТ в переводах Гленни и ПВ, составлены две итоговые таблицы, после чего дана оценка адекватности каждого из переводов.

8. Результаты:

1) Полученные данные подтвердили актуальность теории трехуровневой классификации: при переводе художественного текста ЛПТ должна быть адекватной по форме и значению на культурологическом, стилистическом и философском уровнях.

2) Подтверждена правильность теоретической гипотезы об общих логических закономерностях оценки адекватности ЛПТ. В частности, методом булевой алгебры показано, что стилевая составляющая ЛПТ напрямую зависит от формы передачи; в свою очередь, философская составляющая ЛПТ напрямую связана с фактором значения; наконец, культурологический фактор напрямую не совпадает с величинами формы и значения, что говорит о его сложной природе и многообразных путях его адекватной передачи.

3) Наглядно выявлена важность соблюдения принципа компенсации нулей адекватности на одном или нескольких уровнях. Наш анализ ЛПТ показал, что нули (неадекватность передачи того или иного уровня) при переводе неизбежны, однако они могут быть скомпенсированы, как это часто происходит в переводе ПВ.

4) На большом массиве данных для оценки адекватности ЛПТ апробирован метод булевой алгебры, позволивший сравнить два перевода. В результате оказалось, что перевод Гленни в целом можно считать не вполне адекватным языку Булгакова, так как, согласно таблице, в большинстве случаев уровни ЛПТ принимают у него значение 0 при отсутствии компенсации. В то же время перевод ПВ, опираясь на данные таблицы, можно считать вполне адекватным, несмотря на наличие нолей, которые скомпенсированы.

Описанная в данной работе и апробированная процедура оценки адекватности ЛПТ позволила быстро и эффективно проанализировать большой массив данных, сравнить их между собой по отдельным параметрам и на основе правил математической логики сделать выводы об общей адекватности двух переводов. Следующим шагом в развитии нашей методики мы видим создание полноценной компьютерной методики оценки адекватности ЛПТ.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов, 1975 — *Бархударов Л. С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.
- Булгаков, 2006 — *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. М., 2006.
- Комисаров, Рецкер, Тархов, 1985 — *Комисаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И.* Пособие по переводу с английского языка. М., 1985.
- Латышев, 1981 — *Латышев Л. К.* Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). М., 1981.
- Латышев, 1986 — *Латышев Л. К.* Межъязыковые трансформации как средство достижения переводческой эквивалентности // Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода. М., 1986. С. 82–101.
- Рецкер, 1974 — *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
- Рецкер, 2004 — *Рецкер Я. И.* Что же такое лексические трансформации? // Тетради переводчика. № 17. М., 2004.
- Glenny, 1967 — *Glenny M.* The Master and Margarita. London, 1967.
- Pevear, Volokhonsky, 1997 — *Pevear R., Volokhonsky L.* The Master and Margarita. New York, 1997.

Иванова Анна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

ann.ivanova97@mail.ru

Научный руководитель – Т.В. Пономарева, канд. филол. наук

СПОСОБЫ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: звукоподражания, переводческие стратегии, переводоведение, эквивалентность, фоносемантика.

Исследование посвящено поиску стратегий перевода звукоподражаний немецкого и русского языков в чистом виде и в составе слов, а также выявлению факторов, препятствующих осуществлению перевода с сохранением звукоподражательного элемента. На общеязыковом материале выделены требуемые стратегии, на материале произведений А.С.Пушкина и А.Э.Брема определена частотность их использования.

Ivanova Anna

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

STRATEGIES AND PROBLEMS OF ONOMATOPOEIA TRANSLATION (A CASE STUDY OF GERMAN AND RUSSIAN)

Keywords: onomatopoeia, translation strategies, translation, equivalence, phonosemantics.

The paper is dedicated to strategies of translating onomatopoeia in German and Russian (on its own and as a part of another word) and identification of factors that hinder translation of onomatopoeic elements. The employed strategies are described using common language material. The frequency of the strategies is determined on the basis of works by Alfred Brehm and Alexander Pushkin.

Характер восприятия человеком действительности является объектом исследования контрастивной лингвистики, культурологии, нейролингвистики и других научных дисциплин. Изучение звукоподражаний (далее ЗП) как в теоретическом, так и в переводческом аспектах также вносит вклад в исследование данного вопроса. Знание ЗП-системы того или иного языка может быть использовано в исследовании человеческой речи уже на раннем этапе её формирования: в процессе взросления ребенок может называть предметы и объекты по их звучанию, создавая звуковые образы. Не менее важным является применение результатов исследований о ЗП-системе языка в области биологии при изучении того или иного вида животных, издающих специфические звуки. Изучение ЗП с позиций переводоведения позволяет отразить особенности восприятия одних и тех же звуковых явлений представителями разных культур.

Основным признаком ЗП является звуковой образ. В словаре Х. Глюка и Г. Рёделя «Metzler Lexikon Sprache» ЗП обозначается как *Onomatopoeikon* (auch: *Onomatopöie*) — звукоподражательное, звукосимволическое, ономатопоэтическое слово, передающее звук и подражающее или якобы подражающее звукам природы [Glück, Rödel, 2016, с. 480].

Для определения переводческих стратегий, наиболее релевантных для ЗП, необходимо зафиксировать и другие отличительные особенности данного класса слов. Среди них выделяются звуковая мотивированность лексического значения, звуковая оформленность и относительно постоянный фонемный состав (*klatsch, klaps, kikeriki* (нем.), *хлоп, шлеп, кукареку* (рус.)), редупликация (*tick-tack, klipp-klapp* (нем.), *тик-так, пиф-паф* (рус.)), трипликация (*bla-bla-bla* (нем.), *бла-бла-бла* (рус.)).

ЗП могут быть рифмованными (*holterdiepolder, schwippschwapp* (нем.), *трах-бабах* (рус.)), многозначными (*куковать* — издавать звуки, похожие на «ку-ку»; бесцельно проводить время; бедствовать), а также подвергаться частеречным трансформациям. В данном случае немецкий и русский языки располагают ЗП, вошедшими в литературный язык (*der Kuckuck, der Uhu, кукушка, барабан* (рус.)), а также оставшимися в разговорном языке (*der Summatik = der Wecker* (нем.), *жужжалка = пчела, муха* (рус.)) и в детской речи (*das Tut-tut = das Auto, der Wau-wau = der Hund* (нем.), *бибика = машина, ав-ав/авака = собака* (рус.)). Кроме того, ЗП принимают активное участие в словообразовании и в игре слов (*Eine Kuh macht «muh», viele Kühe machen Mühe*). Для наиболее полной характеристики ЗП также стоит привести их функции в тексте, сформулированные Л. Д. Чесноковой. К ним относятся функция прямой речи (*Так-так, так-так! — торпливо стучали над головой ходики*), способность образовывать самостоятельные высказывания («*Бац-бац!*» — *раздались выстрелы*), а также приобретать номинативное значение, выступать в роли знаменательных слов и выполнять функцию отдельных членов предложения. [Чеснокова, 2008, с. 189]. На данном этапе развития лингвистики мы также имеем подробную классификацию звукоподражательных единиц, составленную Ворониным.

Важно отметить, что в лингвистике достаточно давно существует несколько точек зрения в отношении вопроса о тождественности ЗП и междометий. В данной статье мы поддерживаем мнения Л. В. Щербы, А. И. Германовича, Г. Пауля, А. Н. Тихонова и Н. М. Шанского и полагаем, что ЗП следует относить к самостоятельным частям речи. ЗП, в отличие от междометий, отличаются звуковая моти-

вированность лексического значения, независимого от интонации, мимического и жестового сопровождения. Кроме того, ЗП-слова обладают более узким кругом значений и, будучи подражаниями конкретным естественным звучаниям, не выражают каких-либо чувств или эмоций.

Таким образом, ЗП обладают довольно широким спектром функций и особенностей, и переводчик, в частности, работающий в области устного перевода, может столкнуться с более трудной задачей, чем это казалось на первый взгляд, ведь он не располагает достаточным количеством времени, чтобы ознакомиться со всеми научными трудами по данной теме и выбрать метод перевода определенного звукоподражательного слова с сохранением звукоподражательного элемента.

Кроме того, в некоторых случаях возникает ряд факторов, этому препятствующих. Применительно к паре языков немецкий-русский, такими факторами могут явиться несовпадение артикуляционных баз в русском и немецком языках и, как следствие, различия в фонетических системах, особенности географической среды и культуры народа, говорящего на определенном языке, выбор каждым языком различных составных частей исходного звука как образца для подражания по причине его сложной природы и нередко по причине невозможности точной его имитации средствами определенного языка, а также возможное отсутствие в языке перевода соответствующего звукоподражательного слова, обозначающего данное действие или объект в языке оригинала. Все это создает потребность в заранее сформулированном списке эффективных переводческих методов.

Согласно анализу переводческих стратегий, проведенному на общезыковом материале, мы получаем методы, способные передать ЗП элемент в языке перевода. Для анализа мы берем переводческие стратегии, выделенные Р. К. Миньяр-Белоручевым, а также В. Н. Комиссаровым.

Для ЗП в составе слов нами выявлены шесть переводческих методов (нахождение эквивалента, создание неологизма, описательный и антонимический перевод с подбором ЗП-антонима, метод частеречной трансформации, а также метод компенсации), а для ЗП в чистом виде — лишь четыре (нахождение эквивалента, транскрипция, метод компенсации, описательный перевод), также была рассмотрена возможность заимствования.

Для анализа частотности использования выделенных переводческих стратегий можно обратиться к оригиналу и переводу «Сказки о царе Салтане» («Das Märchen vom Zaren Saltan») А. С. Пушкина,

а также к оригиналу и переводу раздела «Säugetiere» («Млекопитающие») труда А. Брема «Tierleben» («Жизнь животных»).

В результате анализа немецкого и русского текстов произведения Пушкина наиболее частотными методами перевода ЗП в составе слов становятся методы нахождения эквивалента (58%), целостного преобразования (10%), компенсации (10%), описательного перевода (8%).

Специфика поэтического текста позволяет также выделить метод замены образа, по частотности близкий перечисленным стратегиям (14%). Данный метод можно встретить, сопоставив, например, оригинальный текст и перевод следующего отрывка:

*Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря [Пушкин, 1960, 325].*

В переводе он звучит так:

*Hoch im Meer die Wellen schlagen,
brausen, zischen, stürmen, toben,
wälzen **schäumend** sich nach oben
auf den nackten, öden Strand,
überschwemmen rings das Land
Plötzlich, flammend wie Gewitter,
springen dreiunddreißig Ritter [Bodenstedt, 1966, 15].*

В результате сопоставительного анализа мы наблюдаем несоответствие ЗП в оригинале и в переводе как по количеству, так и по семантике. Методом нахождения эквивалента данную стратегию назвать сложно, ведь, помимо эквивалентов, в переводе использованы лексические единицы, дополняющие и нередко изменяющие созданный автором образ.

При анализе оригинала и перевода труда Брема нам удалось выделить главным образом стратегию нахождения эквивалента (*kratzen* [Brehm, 1890, 98] — *царапаться* [Брем, 1992, 342], *scharren* [Brehm, 1890, 96] — *скрести* [Брем, 1992, 329]), а также метод частеречной трансформации (*heulend* [Brehm, 1890, 109] — *с воем* [Брем, 1992, 393]). Кроме того, некоторые части оригинального текста не отражаются в языке перевода, однако если зафиксированная лексема передана в тексте, то в переводе чаще всего наблюдается лексема

с сохраненным ЗП-элементом. При переводе терминов, тем не менее, мы можем получить лексемы, не содержащие ЗП-элемент ввиду того, что перевод терминологии предполагает нахождение устоявшегося однозначного эквивалента в языке перевода, что препятствует применению других теоретически возможных переводческих методов. Так, в языке перевода мы встречаем термин *Brüllaffe* [Brehm, 1890, 92], переведенный как *ревун* [Брем, 1992, 281], а также *Flattertiere* [Brehm, 1890, 8] и *Nachtschwirrer* [Brehm, 1890, 8], переведенные как *рукокрылые* [Брем, 1992, 398] и *летучая мышь* [Брем, 1992, 398].

Наибольшей частотностью обладает метод нахождения эквивалента, который также превалирует при анализе оригинала и перевода текстов Пушкина, а также общезыкового материала. Менее частотное использование метода частеречной трансформации можно объяснить тем, что при использовании метода нахождения эквивалента задействовано меньшее количество этапов для получения переведенной лексики в языке перевода (при частеречной трансформации необходимо работать над внутренней структурой лексики, трансформируя ее в требуемую часть речи).

ЗП в чистом виде, представленные как в оригинале, так и в переводе в крайне малом количестве, переводятся в данных произведениях методом нахождения эквивалента, методом целостного преобразования, либо избегаются вовсе, что позволяет в дальнейшем провести более углубленный анализ ЗП исключительно в чистом виде на другом материале на следующей ступени исследования.

Таким образом, ЗП, обладающие статусом самостоятельной части речи, имеют большое количество особенностей и функций как в русском, так и в немецком языках. Выделенные стратегии перевода ЗП как в чистом виде, так и в составе слов с сохранением ЗП-элемента используются на практике с разной степенью частотности, однако все они позволяют передать тенденцию к созданию звуковых образов как в языке оригинала, так и в языке перевода как в поэтическом, так и в прозаическом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Брем, 1992 — Брем А. Э. Жизнь животных. Т. I. Млекопитающие. М.: Слово, 1992. 408 с.
- Пушкин, 1960 — Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. III. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 539 с.
- Чеснокова, 2008 — Чеснокова Л. Д. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис. М.: Академия, 2008. 620 с.

- Bodenstedt, 1966 — *Bodenstedt, F. von*. Märchen vom Zaren Saltan. Leipzig: Reclam, 1966. 42 c.
- Brehm, 1890 — *Brehm, A.* Tierleben. Band I. Säugetiere. Leipzig und Wien: Bibliographisches Institut, 1890. 856 c.
- Glück, 2016 — *Glück, H.* Metzler Lexikon Sprache / H. Glück, M. Rödel. Stuttgart: J.B.Metzler Verlag GmbH, 2016. 837 c.

Павлова Ангелина Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

angiapavlova@gmail.com

Научный руководитель – В. Н. Корнев, канд. филол. наук

РЕБЕНОК: ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ. О СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕВОДА РАЗЛИЧНЫХ СРЕДСТВ СТИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: стилизация, перевод, утилитарный текст.

На данный момент существует целый ряд классификаций т. н. утилитарных текстов и рекомендаций по их переводу. Но часто к стилизованным текстам нельзя применить общие правила. На материале книги «Младенец. Руководство пользователя» Л. Боргнихта были рассмотрены различные средства стилизации, проведен сопоставительный анализ переводов на русский и немецкий языки и выработаны переводческие стратегии.

Pavlova Angelina

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

THE BABY OWNER'S MANUAL. ABOUT TRANSLATION STRATEGIES OF DIFFERENT TYPES OF STYLIZATION

Keywords: stylization, translation, functional text.

There is a wide array of various classifications of so-called functional texts, as well as recommendations for their translation. However, application of those to styled texts is often next to impossible. Using the book «The Baby Owner's Manual» by L. Borgenicht, we explored different stylization methods, analyzed its translations into both Russian and German and developed translation strategies.

При работе переводчику приходится сталкиваться, в первую очередь, с текстами, а не с отдельными лексическими или грамматическими единицами. Во второй половине двадцатого века этот факт находит отражение в работах по лингвистике и переводоведению, возникают классификации текстов на основе различных принципов и размышления на тему возможностей их передачи средствами других языков.

Однако, ввиду огромного количества существующих текстов, в классификациях зачастую учитываются лишь наиболее характерные представители различных типов, в которых форма и содержание являют собой неразрывное единство. Периферия же при этом остается мало изученной, хотя в настоящее время проблема перевода текстов, соединяющих в себе характерные признаки нескольких типов текста, становится все более актуальной.

В частности, авторы все чаще прибегают к стилизации.

Стилизация — это крайне многоплановое явление, которое не ограничивается только подражанием другим текстам. Ее главной особенностью является то, что автор стилизации как литературного произведения использует подобие «чужого слова», он говорит не «чужими», а «своими» словами для решения собственных творческих задач. [Чернявская, 2009, с. 99]. Имитация «чужого слова» (термин ввел М. М. Бахтин) может происходить посредством использования стилистических, лексических, синтаксических, морфологических, фонетических особенностей языка и архитектоники текстов стилизуемой эпохи, направления [Чернявская, 2009, с. 99], а предметом стилизации могут выступать как конкретные произведения, так и стили целых литературных направлений, национальной культуры [Горшков, 2006, с. 228].

Одной из разновидностей стилизации принято считать пародию. О ней в разное время писали многие отечественные и зарубежные лингвисты, в том числе В. И. Новиков, Э. Штайгер, В. Гаст, Ю. Вермке, А. Бернд и другие. К сожалению, по словам Беаты Мюллер, многие лингвисты до сих пор относятся к пародии как к форме-паразиту, отказывая ей в статусе самостоятельного литературного направления [Müller, 1994, с. 13].

Действительно, пародия относится к вторичным жанрам литературы, она — ответ на уже сформированное высказывание [Freund, 1981, с. 14]. Пародия не может существовать автономно, вне зависимости от других текстов. Жанровая форма пародии практически всегда повторяет жанр оригинала, а содержание отвечает исходной интенции автора.

Пародия как явление охватывает разные сферы деятельности человека и может создаваться не только на основе художественной литературы, но и на основе т.н. тривиальных текстов [Gast, 1975, с. 5] или текстов повседневного общения (по аналогии с немецким термином *Gebrauchstextsorten*), а также специальных текстов, например, научных [Müller, 1994, с. 62].

Подобная многоплановость не позволяет сформулировать общие принципы перевода стилизованных текстов, в той степени, как это возможно для текстов, относящихся к одному конкретному типу. Даже при одинаковом содержании форма различных текстов может настолько отличаться друг от друга, что использование одного набора приемов будет невозможным.

В условиях отсутствия конкретных переводческих стратегий обратимся к общетеоретическим исследованиям.

Многие ученые, рассматривая явление перевода как такого, говорят о первостепенности передачи интенции автора [Dressler, 1972, с. 99]. Другие призывают в погоне за передачей коммуникативной интенции не забывать и о лингвистических характеристиках текста [Schmidt, 1987, с. 63].

Чтобы адекватно переводить, необходимо большое внимание уделять тому, чтобы переводимый текст не противоречил канонам языка перевода. Для этого необходимо в качестве примера рассматривать независимо и спонтанно возникшие в языке перевода тексты похожего типа и обращать внимание на те способы, которыми автор добивался достижения поставленной цели [Snell-Hornby, 1990, с. 11].

В случае со стилизованными текстами выполнение последнего требования может стать проблемой. Зачастую авторы пытаются найти новую, ранее не использовавшуюся форму для передачи желаемого содержания. В таком случае найти в языке перевода спонтанно возникший текст похожего типа будет практически невозможно.

Выходом может быть выявление типа текста, на основе которого была произведена стилизация. Если автор в оригинальном языке заимствовал для выражения собственного содержания форму определенного типа текста, то переводчик может проанализировать особенности спонтанно возникших текстов этого типа в своем языке и использовать собранные сведения в работе над переводом.

Рассмотрим в качестве примера переводы на немецкий и русский язык книги «The Baby Owner's Manual. Operations Instructions, Trouble-Shooting Tips and Advice on First-Year Maintenance», написанной в 2003 году Луи и Джо Боргенихтами. Анализ экстралингвистических и лингвистических особенностей показывает, что она представляет собой пособие по уходу за ребенком, стилизованное под тип текста «инструкция по применению».

Данная форма заимствуется автором для того, чтобы выделить книгу на фоне других и сделать ее более привлекательной для целе-

вой аудитории — молодых родителей, которые в достижениях современной техники разбираются лучше, чем в воспитании детей.

Средства стилизации обнаруживаются на разных уровнях организации текста. Если рассматривать грамматическую сторону, то становится очевидным преобладание конструкций, выражающих директивность. Набор этих конструкций варьируется в зависимости от рассматриваемого языка. Переводчики на немецкий и русский языки использовали приемы, характерные для типа текста «инструкция по применению», обращаясь к аутентичным текстам.

Наиболее явным способом выражения побуждения в русском и немецком языках является использование различных форм императива.

Hängen Sie ein Mobile mit schwarzen und weißen Formen über das Kinderbett.

Повесьте над кроватью мобиль с черными и белыми элементами.

С помощью повелительного наклонения в русском и немецком текстах выражается примерно 80% всех указаний.

Еще одним весьма распространенным способом выражения директивности является использование модальных глаголов в немецком языке, а также модальных слов и выражений в русском.

Aufgetaute Milch muss innerhalb von 24 Stunden verbraucht werden.

После размораживания грудное молоко нужно использовать в течение 24 часов.

Кроме чисто грамматических средств выражения директивности нельзя не упомянуть также и лексические средства. Тогда роль модального глагола или значения императивной конструкции перенимает смысловой глагол. Чаще всего для этого используются глаголы «*empfehlen*» в немецком языке и «*рекомендовать*» в русском. Степень категоричности высказывания может варьироваться также при помощи лексических средств.

***Nachdrücklich** empfiehlt sich die Wahl der Konfigurationsparameter der Kinderstube nach dem Einbau Ihrer Modell.*

*Es wird **nachdrücklich** empfohlen, die Voreinstellungen im Kinderzimmer vor dem Eintreffen Ihres Modells vorzunehmen.*

Кроме того, можно упомянуть инфинитивные обороты и пассивные конструкции в немецком языке и предикативы с семантикой долженствования в русском языке, которые часто используются в тексте для выражения директивности.

Самой яркой лексической особенностью исследуемой книги является то, что вместо терминов и выражений, характерных для типичных пособий по уходу за детьми, авторы на протяжении всего текста используют технические термины, подменяя ими привычные понятия.

Наиболее часто используемый термин в книге (более ста контекстов) — «*модель*»/«*Modell*». В рамках данного пособия его можно назвать синонимом к слову «ребенок».

Выполнив рекомендации, приведенные ниже, вы можете перепрограммировать вашу модель на ночной сон.

Aber mit Beharrlichkeit und den folgenden Richtlinien kann jedes Modell von einem Tag- zum Nachtschläfer umprogrammiert werden.

Такое употребление понятия «*модель*» связано в первую очередь с тем, что ребенок в данной книге рассматривается в качестве некой технической новинки определенной конфигурации. Переводчики следовали одному из основных принципов перевода терминов — унификации, стараясь на протяжении всего текста именовать словом «*модель*»/«*Modell*» лишь одно явление. Подобным же образом в тексте употребляется, например, понятие «*пользователь*»/«*User*», являющееся контекстуальным синонимом для «родителя», и некоторые другие.

Анализ материала позволяет нам утверждать, что использование для перевода стилизованного текста структур и приемов, характерных для того типа текста, на основе которого стилизация была произведена, позволяет наиболее точно реализовать его коммуникативную задачу.

ЛИТЕРАТУРА

- Боргенихт, 2016 — *Боргенихт Л.* Младенец. Руководство пользователя: Инструкция по эксплуатации, рекомендации по устранению неисправностей, советы по первому году технического обслуживания / Л. Боргенихт, Дж. Боргенихт; Пер. с англ. А. Иванова. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 281 с.
- Горшков, 2006 — *Горшков А. И.* Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учебное пособие. М.: АСТ: Астрель, 2006. 367 с.
- Чернявская, 2009 — *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.
- Dressler, 1972 — *Dressler, W.* Textgrammatische Invarianz in Übersetzungen? // Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. Frankfurt a. Main: Athenäum Verlag, 1972. S.98–106.

- Freund, 1981 — *Freund, W.* Die literarische Parodie. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung und Carl Ernst Poeschel Verlag GmbH, 1981. 136 c.
- Gast, 1975 — *Gast, W.* Parodie. Deutsche Literatur- und Gebrauchsparodien mit ihren Vorlagen. Stuttgart: Reclam, 1975. 79 c.
- Müller, 1994 — *Müller, B.* Komische Intertextualität: die literarische Parodie // Horizonte, Band 16. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 1994. 405 c.
- Schmidt, 1987 — *Schmidt, H.* Parameter einer Übersetzungskritik — zur Textsortenadäquatheit in der Translation // Linguistische Arbeitsberichte. 1987. № 64. S. 61–69.
- Snell-Hornby, 1990 — *Snell-Hornby, M.* “Slippery when wet”: Paralleltex-te als Übersetzungshilfe // Der Deutschunterricht. 1990. № 1. S. 10–16.

Тимофеева Инна Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

ivlurvbe@gmail.com

Научный руководитель – Н.Н. Русецкая, канд. филол. наук

ПРИЕМЫ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ И КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ NURSERY RHYMES

Ключевые слова: переводческие трансформации, Nursery Rhymes, генерализация, конкретизация, культурные реалии.

Данная статья посвящена применению таких переводческих трансформаций, как генерализация и конкретизация, при переводе стихотворений жанра Nursery Rhymes. Анализируются причины и выявляются определенные закономерности применения данных трансформаций, а также рассматривается проблема перевода культурных реалий.

Timofeeva Inna

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

GENERALIZATION AND SPECIFICATION IN NURSERY RHYMES TRANSLATION

Keywords: transformations, Nursery Rhymes, generalization, specification, cultural words.

In the article the usage of generalization and specification in Nursery Rhymes translations is analyzed. We look into the reasons for these transformations and their patterns. The problem of cultural words translation is also touched upon.

В докладе мы руководствуемся классификацией и терминологией, предложенной В. Н. Комиссаровым в работе «Теория перевода (лингвистические аспекты)».

Жанр Nursery Rhymes

Nursery Rhymes (далее NR) — это стихотворения и песни для детей, обычно фольклорного происхождения. При переводе NR важно учитывать как особенности жанра, так и особенности поэтического текста в целом.

К особенностям жанра NR относятся целевая аудитория произведений и источники их происхождения. Такие стихотворения предназначены исключительно для детей (в образовательных и развлекательных целях), а их источники могут быть очень разнообразны: баллады, застольные и военные песни, колыбельные, загадки, пословицы и поговорки, стихотворения на религиозную тематику, считалки и так далее. Несмотря на то, что NR принято относить к фольклору, в этот жанр входят и стихотворения, написанные известными авторами [Worthington, 1993, с. 959].

Классификация переводческих трансформаций

Переводческие трансформации — это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле. В данной статье для более систематизированного и четкого разбора примеров мы будем руководствоваться классификацией переводческих трансформаций, разработанных В. Н. Комиссаровым. Исследователь выделяет лексические, грамматические и лексико-грамматические или комплексные трансформации. К основным типам лексических трансформаций Комиссаров относит переводческое транскрибирование, транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены [Комиссаров, 2000]. Рассмотрим подробнее последний тип.

Лексико-семантические замены — это способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований. Основными видами подобных замен являются конкретизация, генерализация и модуляция значения исходной единицы. В нашем докладе мы подробнее рассмотрим два противоположных явления: генерализацию и конкретизацию.

Прием конкретизации

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением.

Наблюдается закономерность замены глагола *to do* в вопросе на более конкретный в зависимости от контекста: *Pussy cat, pussy cat, what did you there? I frightened a little mouse under her chair.* — **Что ты видала при дворе? Видала мышку на ковре!**

В данном примере кошку спрашивают, что она видала (а не делала), потому что она отвечает: «Видала мышку при дворе», а глагол «делать» в данной ситуации звучал бы не столь органично. Необходимо помнить, что переводчик при работе с подобными текстами отталкивается как от необходимости держаться в рамках стихотворного размера, так и от целевой аудитории: важнее заинтересовать читателей (детей), а не сохранить максимальную точность и схожесть с оригиналом при переводе.

Также можно отметить систематическую замену глагола *to say* более конкретным. Один из встретившихся примеров: *The captain said it will never, never do* // Капитан **пробурчал**: «Мы поплыли зря, ...».

Описанные выше замены вполне традиционны при переводе англоязычных (в особенности художественных) текстов на русский язык, однако интересно отметить, что некоторые из систематических замен, встретившихся нам, нехарактерны для перевода в целом. Такими оказались замены слов *tree* и *dishes*. Если в случае с *dishes* эквивалент встречался лишь один (и вполне логичный) — тарелки, то в случае с *tree* вариантов было несколько. Приведем два примера: *There she espied their tails side by side, // All hung on a tree to dry.* — За пощей кленовой на **ветке дубовой** // Висели хвосты и сушились; *Rock-a-bye, baby, // On the tree top...* — Баю-баю, детки // На **еловой ветке**.

Чем руководствовался переводчик при выборе того или иного дерева остается неясным, однако очевидно, что продиктована такая замена необходимостью сохранить стихотворный размер.

Иногда переводы стихотворений данного жанра значительно расходятся с оригиналом. В таких случаях прием конкретизации служит для того, чтобы сделать стихотворение интереснее для читателя (добавить некоторые подробности, развить сюжетную составляющую) или избежать большого количества повторов, характерных для NR из-за фольклорного происхождения стихотворений этого жанра: *I love sixpence, jolly, jolly, sixpence, // I love sixpence as my life. // I spent a penny of it, I spent a penny of it, // I took a penny home to my wife.* — Дали мне шесть пенсов, шесть блестящих пенсов, // Шесть прекрасных пенсов нынче дали мне. // На два пенса в лавке я купил булавки, // А четыре пенса я принес жене.

Прием генерализации

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т. е.

преобразование, обратное конкретизации. Например: *To market, to market, to buy a fat pig, // Home again, home again, jiggety-jig. — В город, в город за свиньей // Я иду пешиком.*

В данном случае генерализация применяется с целью сохранить стихотворный размер и ритм. Очевидно, что рынок находится в городе и так же очевидно, что свинью можно купить только на рынке, поэтому смысл не искажается.

Также стоит обратить внимание на то, что использование генерализации в тексте вполне может соседствовать с конкретизацией: *'Robert Barnes, My fellow fine, // Can you shoe this horse of mine?' — Эй, кузнец, // Молодец, // Захромал мой жеребец.*

Применение генерализации обусловлено тем, что в данном контексте информация нерелевантна для читателя: имя кузнеца не играет никакой роли в стихотворении. В данном случае мы видим, что имя собственное заменяется названием профессии, к которой относится этот человек. Подобного рода имена собственные, появляющиеся в тексте лишь раз и не играющие роли, часто встречаются в NR. Сохранение имени собственного, его опущение или генерализация — решение, применяемое самим переводчиком в зависимости от контекста, особенностей стихотворения (размер, ритм, рифмовка и т. д.) и личных предпочтений.

Наиболее обширную и интересную с точки зрения переводоведения группу примеров этой трансформации составляют культурные реалии. При переводе реалии (в исследованных нами примерах это в основном названия определенных кондитерских изделий, традиционно употребляемых в праздники) не играют для русского читателя (особенно для детей) никакой роли в связи с тем, что читатели редко оказываются знакомы с культурой другой страны. Например: *Hot cross buns! Hot cross buns! — Вот пирожочки! С пылу, с жару! ('hot cross bun — bun marked with a cross and containing dried fruit, traditionally eaten on Good Friday [Oxford Dic.]; булочка с сухофруктами, украшенная крестом, по традиции употребляется в пищу в Великую пятницу)*

У русского читателя отсутствует представление о такой традиции, поэтому автор перевода принял решение применить генерализацию. В этом случае снова играет роль целевая аудитория и стихотворная форма: в более серьезной литературе можно было бы дать сноску (нерелевантно для детей) или применить описательный перевод (не позволяет форма).

Еще один пример не переданной в переводе культурной реалии: *Little Jack Horner // Sat in the corner, // Eating a Christmas pie...* — Джеки-дружок // Сел в уголок, // Сунул в **пирог** свой пальчик.

Несмотря на то, что при дословном переводе (в отличие от предыдущего примера) был бы понятен и вид изделия, и ситуация, в которой его употребляют, в сознании русского читателя отсутствует понятие «рождественского пирога», поэтому автор перевода решил прибегнуть к генерализации.

Заключение

Так как в данной статье представлены лишь некоторые результаты проведенного исследования, представляется целесообразным указать более подробные статистические данные: из 100 отобранных примеров в 29% наблюдались приемы конкретизации, а в 23% — приемы генерализации. В остальных 48% случаев были отмечены иные лексические трансформации.

Также необходимо отметить, что выбор тех или иных лексических трансформаций во многом трактован именно особенностями жанра NR. В качестве наиболее частотных причин применения конкретизации или генерализации были выявлены ориентирование на целевую аудиторию и необходимость соблюдать стихотворный размер.

ЛИТЕРАТУРА

- Комиссаров, 2000 — *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
- Шалтай-Болтай и его друзья. Английские народные стихи для детей в русских переводах. М.: Эгмонт Россия Лтд., 1997.
- Worthington, 1993 — *Worthington M. P.* Nursery Rhymes // *Preminger A., Brogan T. V. F.* The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. New Jersey: Princeton University Press, 1993. С. 959–960.
- Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 25.11.2017).
- The Usborne Book of Nursery Rhymes. L.: Usborne Publishing Ltd., 2004.
- The Big Book of Nursery Rhymes. L.: Blackie and Son Ltd., 1920.

Губина Мария Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

Maria_Cello2112@mail.ru

Научный руководитель – А.В.Ачкасов, д-р филол. наук

АНГЛО-РУССКИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ОБЛАСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЕБ-САЙТОВ

Ключевые слова: локализация веб сайтов, терминополье, терминологическая эквивалентность.

В статье рассматривается проблема терминологической эквивалентности англо-русских соответствий в рамках терминополья «локализация веб-сайтов». На материале дефиниций соответствующих терминологических единиц, входящих в терминополье, выявляются случаи межъязыкового соотношения понятий и выделяются преобладающие степени терминологической эквивалентности.

Gubina Maria

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

ENGLISH AND RUSSIAN TERMINOLOGICAL EQUIVALENTS IN WEBSITE LOCALIZATION

Keywords: website localization, term-field, terminological equivalence.

The article covers the issue of terminological equivalence in the term-field of website localization for English and Russian. The aim of the paper was to make a definitional analysis of a number of English and Russian terminological units in the term-field and to define the predominant equivalency degree of the terms included in it.

Терминополье «Website Localization» неоднородно и пересекается с более широкими и сформированными терминосистемами, такими как «Translation», «Information Technology (IT)» и «Cultural Studies». Неоднородность терминополья отчасти объясняет тот факт, что само понятие «локализация веб-сайтов» не имеет общепринятой дефиниции. В исследовании М.Химене-Креспо локализация веб-сайтов определяется как «когнитивный, текстуальный, коммуникативный и технологический процесс, посредством которого интерактивные веб-тексты преобразуются в целях использования ауди-

торией, находящейся в разных социолингвистических контекстах» [Jimenez-Crespo, 2013, с. 1]. В других случаях локализация веб-сайтов определяется через понятия «перевод» и «культурная адаптация», в дополнение к которому перечисляются технические компоненты локализации, такие как адаптация кода, графического контента, символов валют, формата дат, адресов и номеров телефона и т.д. Собственный терминологический фонд локализации веб-сайтов складывается на пересечении указанных аспектов локализации и не подвергался систематической унификации, стандартизации и кодификации.

Русскоязычная терминология локализации веб-сайтов формировалась преимущественно путем заимствования англоязычной терминологии в ходе заимствования и освоения самой индустриальной практики локализации. С учетом сказанного можно было бы ожидать, что, во-первых, терминология локализации веб-сайтов будет заимствоваться систематически и, во-вторых, дефиниции заимствованных терминов будут по основным признакам совпадать с исходными дефинициями. На практике, однако, этого не происходит. Причины этого явления могут быть объяснены только в ходе анализа индустриальных особенностей локализации веб-сайтов в разных регионах. В рамках данной статьи предложен только сопоставительный анализ англоязычной и русскоязычной терминологии локализации веб-сайтов в аспекте эквивалентности. Эквивалентность в рамках данного исследования понимается в соответствии со стандартом ISO 1087-1: 2000 как отношение между десигнациями в разных языках, называющими одно понятие [ISO, 2000, с. 9]. Такой подход позволяет выделить три общих случая межъязыкового соотношения понятий: полная ТЭ, частичная ТЭ и безэквивалентность (отсутствие понятия и десигнации в целевом языке).

Анализ 22 терминологических единиц (ТЕ), входящих в три разные тематические терминогруппы терминополья «локализация веб-сайтов», показывает, что в каждой из терминогрупп представлены примеры с разной степенью ТЭ. Англоязычные дефиниции отображены методом сплошной выборки по наиболее полным глоссариям терминов в области локализации. Дефиниции русскоязычной терминологии представлены только в Википедия, а также дефинирующими контекстам в отраслевых статьях и логах, которые в данной статье не приводятся.

1. Полная эквивалентность

Полной ТЭ характеризуется 32 процента проанализированных терминов. Примерами полной ТЭ являются:

Internationalization — ‘The process of engineering a product so it can be localized for export to any country’ [Williams, 2004, с. 119].

Интернационализация — ‘Технологические приёмы разработки, упрощающие адаптацию продукта к языковым и культурным особенностям региона, отличного от того, в котором разрабатывался продукт’ [Wiki, Интернационализация].

Обе дефиниции содержат основной признак технологической разработки продукта с целью его последующей адаптации. Дефиниция 2 поясняет региональные особенности адаптации (языковые и культурные), однако эти указания раскрывают понятие «localized», использованное в дефиниции 1, поэтому оба термина можно считать полностью эквивалентными.

Web content — ‘Textual, visual, or aural content that is encountered as part of the user experience on websites. It may include — among other things — text, images, sounds, videos, and animations’ [Wiki, Web content].

Контент — ‘Информационное наполнение ресурса, т.е. графика, текст, аудиоинформация, видеоролики, фотографии, картинки и все, что можно посмотреть, послушать или прочитать’ [Upcheck].

Дефиниции совпадают по основному признаку информационного наполнения сайта, а также по дополнительным признакам, более детально характеризующим наполнение ресурса (аудио и видео файлы, изображения и т. д.). Используемое в дефиниции 1 выражение «user experience» раскрывается в дефиниции 2 словами «все, что можно посмотреть, послушать или прочитать». Такие термины можно считать полностью эквивалентными.

2. Частичная эквивалентность

Большинство ТЕ относится к группе терминов с частичной ТЭ и составляет 45 процентов от проанализированного материала. Примерами могут служить следующие ТЕ:

Locale — ‘The combination of a language and specific geographic region where the difference in culture warrants the use of different terminology and design practices on the website and in other digital content’ [Transifex].

Локаль — ‘Набор параметров, определяющий региональные настройки пользовательского интерфейса, такие как язык, страна, часовой пояс, набор символов и т. п.’ [Wiki, Локаль].

В обеих дефинициях содержится основной признак понятия — различные региональные параметры. При этом дефиниции значительно расходятся в понимании роли языка в процессе локализации. В дефиниции 1 язык наряду с географическим местоположением лежит в основе понятия, которое далее предполагает модификацию особенностей дизайна пользовательского интерфейса. Дефиниция 2 относит язык к настройкам интерфейса наряду с символами, часовым поясом и т. д.

Multilingual SEO — ‘The practice of offering optimized website content in a variety of languages’ [SEL].

Многоязычная поисковая оптимизация — ‘Процесс оптимизации переведенных веб-страниц с целью вывода их в топ-10 Google или других поисковых систем по ключевым словам на языке перевода’ [ГПТ].

Обе дефиниции содержат основной признак применения стратегий для поднятия позиций переведенных сайтов в поисковых системах, при этом дефиниция 2 ограничивает оптимизацию первыми десятью ссылками. Исходя из дефиниций, можно сделать вывод о частичной ТЭ терминов.

Kerning — ‘The space between two text characters’ [Williams, 2004, с. 119].

Кернинг — ‘Избирательное изменение интервала между буквами в зависимости от их формы’ [Wiki, Кернинг].

В обеих дефинициях совпадает основной признак — интервал между буквами. При этом дефиниция 2 содержит дополнительный признак избирательного изменения в зависимости от формы букв. Для приведенных понятий характерна частичная ТЭ.

3. Безэквивалентные термины

Для значительной части терминов АЯ отсутствует эквивалентное понятие и десигнация в РЯ. 23 процента проанализированных ТЕ характеризуется безэквивалентностью. Среди таких ТЕ:

Localizer — ‘A person who localizes’ [Wiki, Localizer].

Несмотря на то, что такая реалия как ‘специалист, занимающийся локализацией’ уже существует в России, англоязычный тер-

мин *localizer* на данный момент не заимствован в РЯ и передается описательно.

SEO translation — ‘*Translation in the context of search engine optimization*’ [Achkasov, 2015, с. 201].

Английская аббревиатура SEO расшифровывается как *Search Engine Optimization*, то есть ‘оптимизация для поисковых машин’. В РЯ не существует эквивалентной аббревиатуры, а SEO чаще всего переводят как «поисковая оптимизация». В РЯ термин не заимствован. В русскоязычных источниках по локализации веб-сайтов не упоминаются стратегии локализации в контексте поисковой оптимизации.

CE fonts — ‘*Specific fonts used for displaying Central and Eastern European languages*’ [Williams, 2004, с. 117].

Для передачи термина ‘*CE fonts*’ на русский язык используется только описательный перевод — ‘*шрифты, применяемые для отображения центрально европейских языков*’, который не удовлетворяет критериям, предъявляемым к терминологической номинации.

FIGS — ‘*Abbreviation for the commonly used language set of French, Italian, German, and Spanish*’ [Williams, 2004, с. 118].

Распространенная в веб-терминологии аббревиатура, служащая для обозначения широко используемых языков — французского, итальянского, немецкого и испанского, не имеет русскоязычного эквивалента.

В процессе анализа было обнаружено три общих случая межъязыкового соотношения понятий — полная ТЭ, частичная ТЭ и безэквивалентность. Преобладающим типом ТЭ анализируемой области является частичная ТЭ, наблюдаемая нами в 45 процентах исследуемого материала. Безэквивалентность была отмечена в 32 процентах случаях, и лишь для 23 процентов случаев характерна полная ТЭ. Результаты исследования позволили нам сделать вывод о том, что терминология индустрии локализации веб-сайтов находится на этапе активного развития и не подвергалась систематической стандартизации и унификации. Терминология локализации веб-сайтов активно, но вместе с тем избирательно заимствуется в РЯ и подвергается модификации с учетом особенностей российского рынка локализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Achkasov, 2015 — *Achkasov A. V.* Words under Pressure: Translation in the Context of Search Engine Optimization // Journal of Siberian Federal University. 2015. С. 200–206.
- ISO, 2000 — Международный стандарт ИСО 1087-1. 2000 (ISO 1087-1. 2000 «Terminology work — Vocabulary. Part 1: Theory and application»). С. 9.
- Jimenez-Crespo, 2013 — *Jimenez-Crespo M. A.* Translation and Web Localization. Abingdon: Routledge, 2013.
- Williams, 2004 — *Williams J.* The Guide to Translation and Localization. Preparing for the Global Marketplace. Portland: Lingo Systems, 2004.
- ГПТ — Глоссарий переводческих терминов // Рейтинг бюро переводов ‘Translation Rating’. URL: <https://translationrating.ru/glossary/poiskovaya-optimizatsiya/> (дата обращения: 23.11.2017).
- SEL — *Lincoln J.* The Ultimate Guide to Multilingual and Multiregional SEO // Search Engine Land. URL: <https://searchengineland.com/the-ultimate-guide-to-multilingual-and-multiregional-seo-157838> (дата обращения: 23.11.2017).
- Transifex — *Glezos D.* Localization Glossary: Terms All Global Companies Need to Know // Localization platform ‘Transifex’. URL: <https://www.transifex.com/blog/2016/localization-glossary-terms/> (дата обращения: 23.11.2017).
- Upcheck — Терминология // Сервис для Интернет маркетинга ‘Upcheck’. URL: https://upcheck.ru/blog/term_ru/ru_k/ (дата обращения: 23.11.2017).
- Wiki, Локаль — Локаль // Википедия — свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Локаль> (дата обращения: 23.11.2017).
- Wiki, Интернационализация — Интернационализация // Википедия — свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернационализация> (дата обращения: 23.11.2017).
- Wiki, Кернинг — Кернинг // Википедия — свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кернинг> (дата обращения: 23.11.2017).
- Wiki, Localizer — Localizer // Wiktionary — the free dictionary. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/localizer> (дата обращения: 23.11.2017).
- Wiki, Web content — Web content // Wikipedia — the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Web_content (дата обращения: 23.11.2017).

Оболдина Евгения Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

Jane6106353@yandex.ru

Научный руководитель – Е. С. Петрова, канд. филол. наук

ПОЛЮСА СТРАТЕГИИ ДОМЕСТИКАЦИИ

Ключевые слова: стратегия перевода, форенизация, доместикация, межкультурная коммуникация, мужская речь.

Статья посвящена изучению стратегии доместикации при переводе мужской речи. Материалом исследования послужили высказывания с доместикацией из произведений современной художественной литературы. В ходе исследования было выявлено, что применение стратегии доместикации имеет градуальный характер и проявляется на нескольких ступенях или стадиях.

Oboldina Evgenia

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

POLES OF THE STRATEGY OF DOMESTICATION

Keywords: translation strategy, foreignization, domestication, intercultural communication, male speech.

The article is devoted to the strategy of domestication in translating male speech. The material of the study is comprised of statements with domestication from a number of works of modern fiction. It was revealed that the application of the strategy of domestication is gradual by nature and consists of several stages.

Введение

Понятие перевода как посредничества при межкультурной коммуникации непосредственным образом связано с проблемой соотношения языка и культуры оригинала и перевода и необходимостью адаптации текста оригинала к чуждой ему языковой и культурной среде.

Существенные культурные и языковые различия ставят перед переводчиком непростую задачу культурной адаптации текста оригинала, которая предполагает выбор стратегии перевода, выбор

между очуждением и культурным освоением, или пользуясь современной терминологией — форенизацией и доместикацией.

В качестве предмета исследования рассматриваются высказывания мужской речи, при переводе которых использовалась стратегия доместикации. Мы предположили, что стратегия доместикации в большей степени проявляется в отношении мужской речи. По стереотипным представлениям мужчины более выражено используют отрицательную оценку, гораздо чаще употребляют сленгизмы, инвективы, стилистически сниженную, бранную лексику, при переводе которой и реализуется стратегия доместикации.

Наше исследование показывает, что применение стратегии доместикации имеет градуальный характер и проявляется на нескольких ступенях или стадиях. Низшая стадия проявления стратегии доместикации встречается, прежде всего, на морфологическом уровне, высшая — на лексическом уровне.

Низшая стадия проявления стратегии доместикации

Особый интерес для нашего исследования представляют словообразовательные морфемы, носящие модификационный характер и в большей степени свойственные русскому языку. Добиваясь эффекта естественного звучания, реализуемого путем использования стратегии доместикации, переводчик видоизменяет слово, добавляя к нему словообразовательные морфемы и придавая дополнительный семантический смысл. В ходе исследования мы выяснили, что в плане перевода члены словообразовательной парадигмы образуют оппозиции разного рода в зависимости от выражения модификационных признаков: увеличительность/уменьшительность, слабая/сильная степень проявления признака, положительной/отрицательной оценочности. Приведем примеры для каждой оппозиции.

Начнем с тех случаев, когда в речи мужского персонажа словообразовательное средство выражено суффиксом со значением «большой/маленький».

1. *One **big** tear in each eye.* [BCPO, 2009] *По огромной слезице в каждом глазу.* [ПОМ]

Переводчик в данном примере сохраняет интенцию исходного текста и передает значение увеличительности, используя аффиксальный способ словообразования с помощью суффикса -иц с основным значением «большой». Также за счет сохранения в переводном тексте прилагательного *big* переводчик создает двойную эмфазу.

Пример 2 иллюстрирует случай использования переводчиком суффикса уменьшительности, менее свойственный мужской речи и чаще всего передающий дополнительные семантические оттенки преимущественно негативного характера.

2. *I wore my **regular clothes**.* [BCPO, 2009] *На службу я ходил в своей одежде.* [ПОМ]

Переводчик заменяет словосочетание *regular clothes* однословной номинацией, добавляя суффикс со значением уменьшительности и дополнительным уменьшительно-пренебрежительным значением. Добавление суффикса позволяет переводчику не только более лаконично выразить мысль оригинального текста, но и придать индивидуальность речи персонажа за счет оценочности.

Следующая оппозиция, выражающая степень проявления признака, в отличие от предыдущей оппозиции не обладает таким выразительным культурным потенциалом, так как аффиксы данной оппозиции почти никогда не приобретают дополнительных эмоционально-оценочных значений. Чаще всего при переводе мужской речи встречаются случаи использования переводчиком суффикса со значением сильного проявления признака, как проиллюстрировано в следующем примере.

3. *I felt **like sh*t** for days after.* [JYAD, 2015] *Несколько дней подряд я чувствовал себя **препаршиво**.* [КСС]

Переводчик заменяет ненормативную лексику в оригинале на разговорное слово «паршивый» с префиксом пре-, синонимичному наречию «очень». Использование в переводе префикса для аффиксального способа словообразования встречается реже, чем использование суффикса.

Следующая оппозиция, положительной/ отрицательной оценочности, сама по себе обладает яркой выразительностью индивидуализации речи персонажа, но в отличие от двух предыдущих оппозиций, по нашему мнению, позволяет выразить более сложные имплицитно выраженные значения, как проиллюстрировано в следующем примере.

4. *"I'm a **WASP**"* [LRBU, 2004] *«Я из тех, кого называют «**стопроцентный америкашка**».* [УБР]

В словаре аббревиатуре WASP дается определение «белый англо-саксонский протестант», однако переводчик, опираясь на специфику разговорной речи, расшифровывает аббревиатуру, создавая

собственное креативное образование «стопроцентный америкашка», и добавляя оттенок пренебрежения благодаря использованию суффикса субъективной оценки -ашк-, свойственного разговорной и экспрессивно окрашенной речи.

Собранный нами материал также показал, что в мужской речи персонажа при переводе преобладает использование суффиксов отрицательной оценочности в то время, как суффиксы положительной оценочности встречаются преимущественно в обращениях, как проиллюстрировано в примере 5.

5. «*Thanks, kid.*» [BCPO, 2009] — *Спасибо, парнишка.* [ПН]

Еще одним выразительным способом передачи стратегии доместикации на морфологическом уровне является словообразование при создании окказионализмов. В нашем исследовании мы рассматриваем стратегию доместикации с точки зрения ее реализации при создании окказионализма посредством словообразования в переводном тексте, в то время как в оригинальном тексте окказионализм отсутствует.

6. «*SIR! SIR! SIR! FORGET THAT 'SIR' STUFF, WILL YOU?* [BCPO, 2009]
— *СЭР! СЭР! СЭР! ХВАТИТ МНЕ СЭРКАТЬ, А?* [ПН]

Значение производного слова базируется на значении производящего, осложненного семантической добавкой. Значение суффикса -к- — производить действие, значение основы сэр- — название производящего действие.

Естественность звучания переводного текста возникает в результате необычного стилистического использования тех или иных морфологических средств, аффиксов, вызывающих положительную или отрицательную эмоциональную оценку и совмещающих в себе несколько коннотативных компонентов. Также в ходе исследования мы выявили, что несмотря на то, что в оригинале мужская речь отличается низкой эмоциональной интенсификацией, в тексте перевода благодаря использованию переводчиком доместикации на морфологическом уровне речь мужского персонажа начинает звучать более экспрессивно, переводчик также, в основном, использует суффиксы с отрицательной оценкой и отдает предпочтение однословной номинации, из-за чего мужская речь в ПТ звучит четко и лаконично.

Высшая стадия проявления стратегии доместикации

Высшая стадия проявления стратегии доместикации встречается на лексическом уровне в переводе нейтральной лексики.

Прежде всего, рассмотрим примеры, в которых автор перевода использует ключевые слова русского языка, отражающие культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Используя данные, слова переводчик не только создает естественность звучания ПТ, но и воплощает основные культурные концепты. В нашем исследовании мы выявили, что особенно важную роль при переводе мужской речи играют такие ключевые русские слова, как душа и дух.

Рассмотрим пример 7, в котором переводчик использует слово «душа».

7. *“I hate it but I understand.”* [LRBU, 2004] Мне оно **ненавистно до глубины души**. [УБР]

В данном примере автор перевода заменяет нейтральное слово *hate* на метафору со словом «душа», придавая предложению большую экспрессивность. Русский человек рассматривает концепт «душа» как духовное, моральное и эмоциональное ядро человека и некий внутренний мир, в котором разворачивается его моральная и эмоциональная жизнь. Используя данное ключевое слово, переводчик тем самым обращается к языковой картине мира реципиента принимающей культуры.

Пример 8 иллюстрирует применение переводчиком другого ключевого понятия русского языка — «дух».

8. *It's true!* [BCH, 2010] И говорю вам **как на духу!** [ГЦ]

Данное слово находится в центре целого фразеологического семейства и обладает большим культурологическим потенциалом, что можно проиллюстрировать следующими примерами.

9. *Ryan took a deep breath.* [СТНРО] Он перевёл **дух** [ОКОП]

10. *...something to keep me going* [BCPO, 2009]... чтоб **поддержать дух**. [ПН]

Понятие «дух» обозначает бессмертную силу, всегда пребывающую в человеке. В русском языке слово дух выступает как аналог слова душа. Мы заметили, что слово «дух» имеет особое значение при переводе мужской речи, так как в русской культуре понятие «дух» относится не только к семантическому полю «религии и православной традиции», но и содержит в себе сему — храбрость, сила, отличительные мужские качества.

Рассмотрим примеры, в которых переводчик использует стратегию доместикации, заменяя нейтральные выражения на вульгаризмы или русские реалии.

11. *“There are **plenty of god-damned** oranges. [BCHR, 2002] — Да этих апельсинов тут **хоть ж*пой жри**. [ПОМ]*

В данном примере переводчик заменяет нейтральное выражение *plenty of* на вульгарное выражение «хоть ж*пой жри». Подобные замены имеют особое значение при переводе мужской речи, которой в целом свойственна некоторая вульгаризация и этическая сниженность высказываний по сравнению с подлинником.

В ходе исследования мы заметили, что все большее развитие при переводе мужской речи получает тенденция намеренного огрубления речи. Нейтральные выражения оригинала заменяются на более экспрессивную, стилистически сниженную и бранную лексику, как можно предположить, свойственную мужской русской речи. Таким образом, стратегия доместикации проявляется не только на лексическом, но и на стилистическом уровне.

Еще одна высшая степень проявления доместикации — перевод с использованием реалии принимающей культуры.

12. *What a job, I thought. **Soft!** [BCPO, 2009] Вот так работенка, подумал я. **Семечки!** [ПН]*

Семечки — реалия традиционного русского быта и культуры. Как и в предыдущих примерах переводчик обращается к языковой картине мира русского человека, для которого не составляет труда узнать в этом слове часть фразеологизма «щелкать как семечки», означающий «легко справляться с чем-либо». Подобные замены обладают особым культурологическим потенциалом и позволяют легко выявить использование переводчиком стратегии доместикации.

Также хочется отметить, что хоть наша работа и носит чисто дескриптивный характер, в ходе исследования мы пришли к выводу, что оправданное применение стратегии доместикации как на низшей, так и на высшей стадии встречается только при переводе произведений о России, в которых уже заложен потенциал для использования стратегии доместикации. Автор оригинального текста реализует стратегию форенизации по отношению к исходному реципиенту и стратегию доместикации по отношению к реципиенту переводного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- КСС — Джеймс П. Клеймо смерти / пер.: С. Самуйлов. URL: <http://knijky.ru/books/kleymo-smerti> (дата обращения: 10.05.2017).
- УБР — Ладлэм Р. Ультиматум Борна / пер.: П. Рубцов. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/32540/Ladlem_3_U1%27timatum_Borna.html (дата обращения: 10.05.2017).
- ОКОП — Клэнси Т. Охота за «Красным Октябрем» / пер.: И. Почиталин. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/75932/Klensi_02_Ohota_za__Krasnum_Oktyabrem_.html (дата обращения: 10.05.2017).
- ГЦ — Буковски Ч. Голливуд / пер.: Н. Цыркун. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/128158/Bukovski_-_Gollivud.html (дата обращения: 10.05.2017).
- ПН — Буковски Ч. Почтамт / пер.: М. Немцов. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/69223/Bukovski_-_Pochtamt.html (дата обращения: 10.05.2017).
- ПОМ — Буковски Ч. Почтовое отделение / пер.: Ю. Медведько. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/8929/Bukovski_-_Pochtovoe_otdelenie.html (дата обращения: 10.05.2017).
- ВСРО, 2009 — *Bukowski Ch. Post Office*. Virgin Books. 2009. 176 p.
- ВСН, 2010 — *Bukowski Ch. Hollywood*. Canongate Books Ltd. 2010. 263 p.
- ВСНР, 2002 — *Bukowski Ch. Ham On Rye*. Harper Collins. 2002. 286 p.
- ЈУАД, 2015 — *Peter J. You Are Dead*. Pan Books. 2015. 1–50 p.
- LRBU, 2004 — *Ludlum R. The Bourne Ultimatum*. Orion. 2004. 736 p.
- СТНРО — *Clancy T. The Hunt for Red October* URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1016709/Clancy_-_the_Hunt_for_Red_October.html (дата обращения: 10.05.2017).

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Чернышева Влада Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург, Россия

chernyshe.va@mail.ru

Научный руководитель — Е. В. Желтова, канд. филол. наук

ЗАЛОГ ИЛИ НАКЛОНЕНИЕ?

Ключевые слова: безличный пассив, латинская грамматика, история языкознания, римские грамматики.

В статье анализируются представления римских грамматиков о таком явлении латинского языка, как безличный, или имперсональный пассив. Не столь распространенное, оно порождало различные интерпретации античных ученых. На материале дошедших до нас грамматических трудов, т. н. *artes grammaticae*, можно проследить развитие представлений о категории безличности.

Chernysheva Vlada

Saint Petersburg State University (SPbSU),

St. Petersburg, Russia

VOICE OR MOOD?

Keywords: impersonal passive, Latin grammar, history of linguistics, Roman grammarians.

This paper is dedicated to the analysis of Roman grammarians' ideas on Latin impersonal passive. Being far from widespread, this grammatical feature was differently interpreted by ancient scholars. On the basis of the remaining grammatical works, so called *artes grammaticae*, the development of the idea of impersonality can be observed.

Безличные, или имперсональные, пассивы — это пассивные формы третьего лица единственного числа от, как правило, непереходных глаголов, например, *itur* 'идут' от *ire* 'идти', *ventum est* 'пришли' от *venire* 'приходить'. Они используются тогда, когда действие оказывается важнее действующего лица. Эти формы довольно редки, но примечательны своей «неправильностью». Римские грамматики же не забывали упомянуть их в своих научных трудах, подробно разбирали весь спектр безличных форм. Нас интересует отношение безличности к категориям залога и наклонения. Латинские

грамматики расположены в хронологической последовательности, насколько это представляется возможным.

Граматики III–IV вв.

Залог

У Сакердота (кон. III в.) безличность вписывается в систему залога и называется последней по счету. Стоит сказать, что безличность ощущается не только нами, но и античными грамматиками, как явление периферийное для латинского языка и всегда будет упоминаться ближе к концу списка, будь то список наклонений или залогов: *genus in uerbis, id est species uel adfectus uel significatio, diuiditur in nouem, actiuum passiuum deponens neutrum commune inchoatiuum defectiuum frequentatiuum impersonale* [GL 6, 429, 27] ('Залог у глаголов, т. е. вид, или состояние, или выражение, делится на девять [типов]: действительный, страдательный, отложительный, средний, общий, начинательный, недостаточный, многократный, безличный'). Кроме того, существуют особые безличные формы, *impersonalia* или *supina*, что сейчас в современной терминологии именуется герундием: *impersonalia siue supina muniendi muniendo muniendum. impersonalia siue supina munitu* [GL 6, 442, 3] ('безличные формы или супины *muniendi muniendo muniendum. безличные формы или супины munitu munitum*').

Залог и наклонение

У грамматика Харизия (IV в.) встречается как *genus impersonale* [Barwick, 1964², 210, 6–7], так и *modus impersonalis*. На первый взгляд, может показаться, что здесь есть какое-то противоречие. За *modus impersonalis* скрываются супины. Описывая формы глагола первого спряжения, Харизий берет за пример глагол *amare*: *passiua impersonalia amatum amatu* [Barwick, 1964², 217, 4] ('пассивные безличные формы *amatum amatu*'). Безличность же форм интересующих нас форм типа *itur* относится к категории залога. Диомед (IV в.) выделяет и *genus impersonale*, и *modus impersonalis*, но в обоих случаях не идет речи о супинах: *impersonalis quoque a quibusdam admittitur 'некоторые причисляют к залогам также безличный'* [GL 1, 336, 24]; *de modis...vario iudicio alii promissivum, quidam impersonalem coniungunt* [GL 1, 338, 5–8] ('о наклонениях... исходя из различных соображений одни добавляют промиссив, другие безличное наклонение').

Наклонение

У автора *Instituta artium*, Проба (IV в.), *modus impersonalis* называется предпоследним среди восьми наклонений, и как раз обозначает безличный пассив [GL, 4, 155, 37–156, 3]. То же самое можно наблюдать у Доната (IV в.): *modi qui sunt? ... impersonalis, ut legitur* [Holtz, 591, 9–11] ('Какие есть наклонения? ... безличное как *legitur*'). У Викторина (IV в.) выделено одиннадцать наклонений, среди которых восьмым по счету названо безличное: *impersonalis ut legitur* [GL 6, 199, 20–23].

Грамматики V–VI вв.

В пользу залога

У Консентия (V в.) приводится рассуждение о том, может ли наклонение изменяться по наклонениям: *impersonali genere uerbi subiungere necessarium est. etenim de istius modi uerbis inter ueteres praeceptores non nulla dissensio est. alii enim hoc genus uerbi modis adplicant, alii generibus potius et significationibus iungunt et aiunt modum esse non posse, quoniam per omnes modos sollemni figuratione decurrat* [GL 5, 70, 24–28] ('Следует добавить и о безличном залоге глагола. Ведь о такого рода глаголах среди предшественников было некоторое разногласие. Ведь одни этот залог присоединяют к наклонениям, другие скорее к залогам и заявляют, что оно не может быть наклонением, поскольку изменяется по всем наклонениям'). У Помпея (V–VI вв.) сначала утверждается, что безличность входит в категорию наклонений: *modi octo isti sunt, indicatiuus imperatiuus promissiuius optatiuus coniunctiuius infinitiuius impersonalis gerundi. ipsi sunt octo; sed quinque sunt qui per omnes artes possunt inueniri, indicatiuus imperatiuus optatiuus coniunctiuius et infinitiuius. illi tres, promissiuius impersonalis et gerundi, habent calumniam* [GL 5, 214, 1–5] ('Наклонений восемь, изъявительное, повелительное, обещательное, желательное, сослагательное, неопределенное, безличное, герундий. Всего их восемь, но пять из них: изъявительное, повелительное, желательное, сослагательное и неопределенное — могут всячески изменяться. Другие три, обещательное, безличное наклонение и герундий — недостаточные формы'). Этот грамматик переходит в пространные размышления о том, что наклонение не может изменяться по наклонениям, как, например, падеж по падежам: *ergo si impersonalis modus non definit personas, infinitiuius non definit personas, idem est? non. nam impersonale genus uerbi est, iungitur pronomibus*

et secernit personas [GL 5, 216, 13–15] (‘Итак, одно ли и то же, если безличное наклонение не различает лица и неопределенное не различает? Нет. Потому что безличным является залог глагола, сопровождается местоимениями и различает лица’); ergo si currit per alios modos, non potest modus uideri. casum enim numquid ideo dicamus, quia currit per alios casus? sic etiam modus non potest dici, si currit per modos. si ergo currit per modos, non est modus, sed uerbum est [GL 5, 216, 36–217, 1] (‘Итак, то, что изменяется по другим наклонениям, не может расцениваться как наклонение. Ведь никогда, пожалуй, не назовем падежом то, что изменяется по падежам? Таким же образом то, что изменяется по наклонениям, не может называться наклонением. Следовательно, то, что изменяется по наклонениям, является не наклонением, а глаголом’).

Наклонение

Грамматик Кледоний (V в.) выделял безличное наклонение: impersonalis modus est, qui de significatione sua personas non facit, sed de pronomibus personas sumit, ut legitur a me, a te, ab illo uel ab eo [GL 5, 16, 19–20] (‘Безличным называется наклонение, которое не имеет форм лица, но приобретает лицо благодаря местоимениям, например, legitur a me, a te, ab illo uel ab eo’). У Аудакса (V–VI вв.), как у Кледония, безличность так же вписывается в категорию наклонения: modi uerborum quot sunt? septem, indicatiuus, imperatiuus, promissiuus, optatiuus, coniunctiuus, infinitus, impersonalis [GL 7, 344, 13–14] (‘Сколько наклонений у глаголов? Семь. Изъявительное, повелительное, обещательное, желательное, сослагательное, неопределенное, безличное’).

Вне категорий залога и наклонения

У Присциана безличность хотя обсуждается в связи с залогом, а не наклонением, нигде не сказано о безличном залоге [GL 2, 413, 26]. В трактате *Ars maior* VI в., который дошел до наших дней под авторством Аспера, безличность неожиданно помещается в категорию *figura* «вид, форма», в категорию словообразования: *figurae sunt septem, simplex, ut lego, composita, ut relego, incohatiuua, ut calesco, frequentatiua, ut lectito, desideratiua, ut dormito, impersonalis, ut piget taedet, et alterius formae, ut statur, paragoga, ut facesso lacesso capesso* [GL 5, 551, 21–24] (‘Форм существует семь, простая, как lego, составная, как relego, начинательная, как calesco, многократная, как lectito, желательная, как dormito, безличная, как piget taedet и дру-

того типа, как *statur*, удлинённая, как *facesso lacesso capesso*). Кроме Аспера, *impersonalis* соседствует с *inchoativa/inchoativa, frequentativa* у Сакердота и Проба, которые помещают подобные формы в категорию *genus*. У Аспера, возможно, произошло неправильное перераспределение категорий. В *frg. Vobiense de verbo* мы встречаем интересный, нигде более не встречающийся термин для безличных форм *geminata declinatio* — ‘двойное спряжение’, активные и дополнительные, безличные, формы: *impersonalis, ut iam superius diximus, non modus habendus est, sed peculiaris apud Latinos uerborum geminata declinatio* [Passalacqua 1984, 42, 4–5] (‘Как мы уже выше сказали, имперсональным стоит считать не наклонение, а особое у носителей латинского языка удвоенное спряжение глаголов’).

Заключение

Римские грамматики Сакердот, Харизий, Диомед, Консентий, Помпей помещают безличность среди категорий залога, причем два последних из них не обходят стороной дискуссию, возникшую в среде грамматиков, к наклонению или же к залогу относить безличность. Из этих грамматиков только у одного Сакердота ничего не говорится о безличном наклонении. Безличное наклонение можно найти опять же у Харизия, Диомеда. Кроме того, мы встречаем его у более ранних грамматиков Проба, Доната, Викторина, а также у более поздних — Кледония и Аудакса, у которых отсутствует полемика по поводу залога и наклонения. Важно отметить, что к VI в., очевидно, появляется тенденция вовсе не выделять безличный залог или безличное наклонение, что мы наблюдаем у Присциана, Аспера и в *frg. Vobiense de verbo*. Таким образом, нам представляется следующее: изначально существовало две теории, т. е. выделялся или залог, или наклонение, затем в грамматических трудах стали приводиться обе эти теории, уже в V в. грамматики отказались от наклонения, еще позже — от залога.

ЛИТЕРАТУРА

- GL — *Grammatici latini, ex recens. H. Keilii, vol. 1–6, 1855–74.*
Barwick, 1964² — Charisius, Flavius Sospater. *Ars grammatica. Libri V/ ed. Barwick, 1964.*
Holtz, 1981 — Holtz L. *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, Étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle) et édition critique, Paris, Éd. du CNRS, 1981.*
Passalacqua, 1984 — Passalacqua M. *Tri testi grammaticali Bobbiesi (GL V 555, 566; 634–654, IV 207–216 Keil), edizione critica con un'appendice Carisiana, 1984.*